МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2017 **№ 4**

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94047

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

Журнал издается при поддержке гранта Правительства РФ № 14.B25.31.0009 «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности»

Учредитель – Томский государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Функ Дмитрий Анатольевич, Московский государственный университет, Россия – главный редактор
Соколовский Сергей Валерьевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия – заместитель главного редактора
Нам Ираида Владимировна, Томский государственный университет, Россия – заместитель главного редактора
Дериглазова Лариса Валериевна, Томский государственный университет, Россия
Хазанов Анатолий Михайлович, университет Висконсин-Мэдисон, США
Швайцер Петер, университет г. Вена, Австрия
Трубина Елена Германовна, Уральский федеральный университет, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Бич Хуберт, университет г. Уппсала, Швеция
Бирталан Агнеш, университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия
де Грааф Тьеерд, университет г. Гронинген, Нидерланды
Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН, Россия
Дятлов Виктор Иннокентьевич, Иркутский государственный университет, Россия
Харусь Ольга Анатольевна, Томский государственный университет, Россия
Крадин Николай Николаевич, Дальневосточный федеральный университет, Россия
Мамонтова Надежда Александровна, Оксфордский университет, Великобритания
Мандельштам Балзер Марджори, Джорджтаунский университет, США
Миськова Елена Вячеславовна, Московский государственный университет, Россия
Зайцева Ольга Викторовна, Томский государственный университет, Россия
Зиновьев Василий Павлович, Томский государственный университет, Россия

Альбина Рассказчикова – секретарь
Елена Карагеоргий – редактор-переводчик

Адрес издателя и редакции:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет.
E-mail: shrjournal@gmail.com

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru

© Томский государственный университет, 2017

Founder – Tomsk State University

EDITORIAL BOARD
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Funk, Dmitri, *Moscow State University, Russia* – Editor-in-Chief
Sokolovsky, Sergei, *Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Russia* – Associate editor
Nam, Iraida, *Tomsk State University, Russia* – Associate editor
Deriglazova, Larisa, *Tomsk State University, Russia*
Hazanov, Anatoliy, *University of Wisconsin-Madison, USA*
Schweitzer, Peter, *University of Vienna, Austria*
Troubina, Elena, *Ural Federal University, Russia*

EDITORIAL ADVISORY BOARD

Beach, Hubert, *Uppsala University, Sweden*
Birtalan, Agnes, *Eötvös Lorand University, Hungary*
de Graaf, Tjeerd, *Groningen University, the Netherlands*
Dybo, Anna, *The Institute of Linguistics, RAS, Russia*
Diatlov, Viktor, *Irkutsk State University, Russia*
Kharus, Olga, *Tomsk State University, Russia*
Kradin, Nikolai, *Far East Federal University, Russia*
Mamontova, Nadezhda, *University of Oxford, Great Britain*
Mandelstam Balzer, Marjorie, *Georgetown University, USA*
Miskova, Elena, *Moscow State University, Russia*
Zaitseva, Olga, *Tomsk State University, Russia*
Zinoviev, Vassili, *Tomsk State University, Russia*

Secretary Albina Rasskazchikova
Translator Elena Karageorgiy

© Tomsk State University, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Редакторская колонка (**Д.А. Функ**) 6

ИНТЕРВЬЮ

«На развалинах прогресса», или Эволюционизм против антропологии. Интервью Е.И. Филипповой с Ж.-Ф. Госьо 12

РИСУНОК, ПИСЬМЕННОСТЬ, ТЕКСТ. МАТЕРИАЛО- И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Зоткина Л.В., Бочарова Е.Н. Результаты технолого-трасологического исследования каменных орудий для выполнения петроглифов в технике пикетажа 26

Есипова В.А. К вопросу об эволюции графики письма сибирских документов XVIII–XX вв. 45

Солодкин Я.Г. К истории создания Томского вида Нарышкинской редакции Сибирского летописного свода 68

АНТРОПОЛОГИЯ НАУКИ

Поправко И.Г., Чалаков И. Следуя за практиками ученых в комплексных экологических исследованиях: осмысление опыта Томских летних школ по антропологии науки 78

Макиенко О.В. От STS к VSTS: проблема методологии визуальных исследований лабораторных практик и потенциал camera ethnography 94

Рахманова Л.Я. Невидимый фронт: проблема жизнеобеспечения научных исследований в полевых условиях 104

Воронков А.В., Соловьева А.А. Практики очищения и медиации в отечественной геоботанике 127

MISCELLANEA

Казьмина О.Е. Служа Богу, помогая ближнему, сотрудничая с государством. Социальная работа христианских организаций США среди беженцев 149

Харитонова В.И., Янева-Балабанска И. Интеграция медицинских систем – желаемое и действительное (российско-болгарские параллели) 179

Иванова А.А., Штаммлер Ф.М. Многообразие управляемости природными ресурсами в Российской Арктике 210

РЕЦЕНЗИИ

Куропятник А.И., Куропятник М.С. Саамы: контексты и интерпретации социальных и культурных изменений 226

Мамонтова Н.А. Снежный ландшафт эвенкийской тайги: традиционные экологические знания vs научный дискурс 230

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 244

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 248

CONTENTS

Editor's note by **Dmitriy A. Funk** 6

INTERVIEW

'The progress ruined', or evolutionism versus anthropology.
Elena I. Filippova's interview with Jean-François Gossiaux 12

DRAWINGS, TEXTS, AND WRITING. MATERIAL AND SOURCE STUDIES

Zotkina L.V., Bocharova E.N. The results of a techno-traceological study of stone tools used for making petroglyphs based on the piquetage technique 26

Esipova V.A. On the evolution of graphic styles of Siberian documents written in the XVIII to the XX centuries 45

Solodkin Ya.G. On the history of the Tomsk variant of the Siberian chronicle's Naryshkin edition 68

THE ANTHROPOLOGY OF SCIENCE

Popravko I.G., Tchalakov I. Following the practices of scientists in integrated ecological research: understanding the experience of the Tomsk summer schools in the anthropology of science 78

Makienko O.V. From STS to VSTS: methodological issues in visual research of laboratory practices and the potential of camera ethnography 94

Rakhmanova L.Ya. The invisible front: supporting scientific research in the field 104

Voronkov A.V., Solovyova A.A. Practices of purification and mediation in Russian geobotany 127

MISCELLANEA

Kazmina O.E. Serving God, helping a neighbour, and cooperating with the state. US Christian organisations' social work among refugees 149

Kharitonova V.I., Yaneva-Balabanska I. Integrating medical systems – the desired and the actual (drawing parallels between Russia and Bulgaria) 179

Ivanova A.A., Stammler F.M. The diversity of natural resource governance in the Russian Arctic 210

REVIEWS

Kuropjatnik A.I., Kuropjatnik M.S. The Saami: contexts and interpretations of social and cultural changes 226

Mamontova N.A. The snow landscape of Evenki taiga: traditional ecological knowledge versus scientific discourse 230

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 244

INFORMATION FOR AUTHORS 248

DOI: 10.17223/2312461X/18/1

РЕДАКТОРСКАЯ КОЛОНКА

Уважаемые читатели!

Пятый год существования журнала был отмечен многими важными событиями. Журнал начал, наконец, индексироваться в отечественной системе Science Index и в международной базе Scopus. В Science Index *Сибирские исторические исследования* (с двухлетним импакт-фактором 0,698) передвинулись с 1 230-го на 566-е место, в профильных рейтингах 2016 г. по тематике «Комплексное изучение отдельных стран и регионов» заняли 3-е, а по тематике «История. Исторические науки» – 11-е место среди всех российских журналов. В базе Scopus с показателем 0,195 журнал оказался в первом квартиле (Q1) по тематике history, Q2 – archeology и Q3 – anthropology, став в итоге одним из семи российских журналов (всего их в базе Scopus – 264), которые хотя бы по одному предметному рейтингу Scopus входят в первый квартиль.

Буквально на днях пришло сообщение из Clarivate Analytics о включении журнала *Сибирские исторические исследования* в список ESCI core collection Web of Science, что тоже можно считать своего рода признанием качества нашего издания.

Хорошая динамика развития журнала была отмечена НП «НЭИКОН». По результатам предварительной экспертизы журнал *Сибирские исторические исследования* был включен в число журналов, приглашенных принять участие в процессе отбора на получение финансовой поддержки для реализации программы дальнейшего развития в рамках государственного контракта «Продолжение конкурсной поддержки программ развития научных журналов с целью их вхождения в международные наукометрические базы данных», заключенного между Минобрнауки России и НП «НЭИКОН». Независимо от итогов конкурса, сам факт включения в список из 500 журналов, отобранных из 2 880 периодических изданий, уже можно считать значимым.

Как и в предыдущие годы, значительную часть объема журнала составили специальные темы номеров: «“Мы – не они. Они немы?”: (ре)конструкция культурных оппозиций в современной Европе» (№ 1, ред. Р.Н. Игнатьев) и «Мигранты и освоение городского пространства» (№ 1, ред. В.И. Дятлов и К.В. Григоричев), «О вечно-временном и незавершенном: страницы истории советской урбанизации» (№ 2, ред. Е.Г. Трубина), «Визуальная антропология: приглашение к диалогу» (№ 3, ред. Е.С. Данилко), «Антропология науки» (№ 4, ред. И.Г. По-

правко и И. Чалаков). Вместе с тем в журнале публиковались и иные статьи, которые редколлегия порой считала возможным объединять по тематическому принципу, и так появлялись рубрики «Новейшие исследования в области археологии и физической антропологии» (в № 3) или «Рисунок, письменность, текст. Материало- и источниковедческие исследования» (в № 4), либо – если это не удавалось – они включались в рубрику Miscellanea.

Была сохранена ставшая традиционной рубрика «Рецензии», название которой в ряде случаев при необходимости мы расширяли до «Рецензии и обзоры». В 2017 г. было опубликовано 10 рецензий и обзоров, ровно половина которых представляет читателям свежие зарубежные издания.

По сравнению с 2016 г. нам удалось существенно увеличить долю зарубежных авторов, самостоятельно или в соавторстве с российскими учеными публикующих свои тексты на страницах *Сибирских исторических исследований*. В этом году она достигла пятой части всех публикаций (или 11 из 53 чел.). Этот показатель свидетельствует о востребованности журнала как площадки для публикации и обсуждения результатов исследований, которые являются интересными не только в России. До рубежа в «более 1/3», отделяющего – по версии базы ERIH PLUS – национальные издания от международных, еще далеко, но вектор движения, как представляется, выбран верный и динамика движения видна достаточно отчетливо.

В России существует значительное число журналов со специализацией в области истории. Есть такие журналы и в Томском государственном университете, на базе которого выходят *Сибирские исторические исследования*. Чтобы быть востребованным, каждому журналу необходимо обрести свой уникальный и узнаваемый профиль. Как мне представляется, нашему журналу это уже вполне удалось. *Сибирские исторические исследования* за последние 4 года сформировали свой профиль и позицию в отборе текстов к публикации. Подавляющее большинство статей и рецензий / обзоров имеет либо непосредственное, либо хотя бы некоторое (в плане методологии и методических подходов) отношение к *антропологии*, понимаемой максимально расширительно, как минимум в соответствии с боасовской тетрадой (социокультурная антропология, биологическая, или физическая, антропология, лингвистическая антропология и археология). Работы, выполненные в рамках исторической этнологии / антропологии как особого направления на стыке антропологии и истории также вполне вписываются в ту междисциплинарную область, на которой специализируется журнал. Думаю, что такое – более четкое – определение специализации будет полезно всем потенциальным авторам нашего журнала.

Аналитика – еще один параметр оценки поступающих в редакционный портфель текстов. Просто полевые или архивные записи или иные

первичные материалы, без их анализа, без исследовательской гипотезы, без четкого изложения методики исследования, без вписывания текста в существующие в мировой литературе дискурсы, как и ранее, вряд ли будут приветствоваться в журнале.

В наступающем году мы будем пытаться приглашать к разговору на актуальные темы развития современной научной мысли мэтров современной антропологии (очень рассчитываю на публикацию перевода одного из самых знаменитых трудов Маршалла Саллинза «Poor Man, Rich Man, Big-Man, Chief: Political Types in Melanesia and Polynesia»), авторов ярких книг и идей, редакторов топ-журналов, но также будем целенаправленно продолжать работу с молодыми авторами, которых мы рады видеть в журнале с их статьями и рецензиями. Как показывает опыт работы с поступающими в редакцию текстами, отсутствие степеней и званий – отнюдь не препятствие для создания качественных текстов.

В 2018 г. в журнале будет сохранено направление на публикацию специальных тем. В ближайших номерах мы рассчитываем представить на суд читателей специальные темы, посвященные, в частности, феномену ресурсного проклятия, анализу современных проблем в развитии антропологии и этнологии в высшей школе, музейной антропологии, новым концепциям и методам исследований технологий и телесности.

Благодарю за активную и плодотворную работу всех членов редколлегии и редсовета, авторов и добровольных рецензентов. Уверен, что с вашей помощью в наступающем году журнал *Сибирские исторические исследования* станет еще более привлекательным как для авторов, так и для читателей!

Д.А. Функ

EDITOR'S NOTE

DOI: 10.17223/2312461X/18/1

Dear Readers!

The fifth year of the journal's existence has been marked by many important events. The journal has finally started to be indexed both in the national system of Science Index and in Scopus. In Science Index, *Siberian Historical Research* (with the impact-factor of 0,698 over a two-year period) has improved its position from 1230 to 566. As for thematic rankings of 2016, the journal took up the 3rd position in the category 'Integrated research into individual countries and regions' and the 11th position among all the Russian journals in the category 'History. Historical Sciences'. In Scopus, having reached the impact-factor of 0.195, the journal was placed in Q1 in the category of history, in Q2 in archeology, and in Q3 in anthropology, having thus become one of the seven Russian journals (in all, there are 264 of them in Scopus) that are present in Q1 in at least one of this database's subject rankings.

Recently, we have been informed by Clarivate Analytics about *Siberian Historical Research* being now included in the ESCI core collection Web of Science – the fact that can also be seen as recognition of the journal's high quality.

The positive trend in the journal's development was also noted by the Noncommercial partnership 'National Electronic and Information Consortium' (NEICON): according to their preliminary analysis, *Siberian Historical Research* was put on the list of the journals invited to participate in the selection process in order to receive finding for the implementation of their development programmes under the State contract, titled 'Continued Competitive Support of Programmes for the Development of Scientific Journals for the Purposes of their Entering International Scientometric Databases' concluded between the Russian Ministry of Education and the 'NEICON'. Regardless of the results of this competition, the very fact of inclusion in the list of 500 journals selected from 2880 periodicals can be considered significant.

As was the case in the previous years, special thematic issues constituted a considerable part of the journal in 2017. These are: ''We are not them. They are not (u)n(s)ilent?': (re)construction of cultural oppositions in contemporary Europe' (Nr. 1 guest editor R.N. Ignatiev), 'Migrants and the exploration of urban space' (Nr. 1 guest editors V.I. Dyatlov and K.V. Grigorichev), 'On the eternally temporary and uncompleted: pages of soviet urbanization history' (Nr. 2 guest editor E.G. Trubina), 'Visual anthropology: invitation to dialogue' (Nr. 3 guest editor E.S. Danilko), and 'The anthropology of science' (Nr. 4 guest editors I.G. Popravko and I.Kh. Tchalakov). Along with these, the journal published other articles

which the Editorial Board considered relevant for being put in one special thematic issue, and thus there appeared such journal sections as 'Latest research in archaeology and physical anthropology' (Nr. 3) or 'Drawings, texts, and writing. Material and source studies' (Nr. 4), otherwise – when it was possible – articles were placed in the section 'Miscellanea'.

The already conventional for the journal section 'Reviews' has been retained, and we extended this title where needed to 'Reviews and overviews'. In 2017, there were 10 reviews and overviews published in the journal, half of which allows the reader to familiarise themselves with the latest international publications.

Compared to 2016, we managed to substantially increase the number of our international authors who, either independently or jointly with their Russian counterparts, publish in *Siberian Historical Research*. This year, the number of such texts equated to one fifth of all the journal's articles (or 11 out of 53 authors). This indicates that the journal is sought-after as a platform for publishing and discussing research results which are equally of interest beyond Russia. There is still a long way to go in order to reach the level of 'over 1/3' that – according to the ERIH PLUS database – separates national publications from international ones, but we have chosen the right vector of our development and the dynamic of moving toward this goal can already be quite clearly seen.

In Russia, there are a significant number of journals specialising in history. Such journals are also published at the Tomsk State University – the university at which *Siberian Historical Research* is based. In order to be in demand, each journal needs to develop its own unique and widely recognisable profile. It seems to me that our journal has been successful in doing so. Over the last four years, *Siberian Historical Research* has established its own image and way of selecting publications. The majority of the articles and reviews/overviews have either a direct or at least some (in terms of methodologies and methods) link to *anthropology* understood maximally broadly here – in accordance with the Boas's tetrad (sociocultural anthropology, biological or physical anthropology, linguistic anthropology, and archaeology). Research in historical ethnology / anthropology as a field at the intersection of anthropology and history is also part of the interdisciplinary terrain that the journal seeks to explore. I think that this will be of use to many of our potential authors.

Analytics is one more parameter of assessing texts received by the journal. Texts which are nothing more than just fieldwork or archival notes or some other primary materials not supported by any analysis or research hypotheses and which do not outline a clear research methodology used or are not incorporated into any of the discources existing in the body of international research literature are, as previously, not likely to be accepted by the journal.

In the year 2018, we will be seeking to involve outstanding authors and editors of top journals in a conversation on topical issues in the current scientific thought developed by leading experts in contemporary anthropology (I do hope to publish the translated text of one of the most well-known works by Marshall Sahlins 'Poor Man, Rich Man, Big-Man, Chief: Political Types in Melanesia and Polynesia'). We will also continue engaging younger people as our authors who are welcome to submit and publish in the journal. From our experience of working with the incoming texts, it has become obvious that the lack of academic degrees and titles is no obstacle for writing high-quality articles.

In 2018, *Siberian Historical Research* will continue publishing special thematic issues. In the journal's next issues, we are planning on presenting to our reader's attention some thematic sections on the phenomenon of 'resource curse', current issues in the development of anthropology and ethnology in higher education, museum anthropology, and new concepts and methods in research on technology and corporality.

I would like to thank all the journal's Editorial Board and Editorial Advisory Board members, authors and peer reviewers for their active and productive work. I am convinced that with your help *Siberian Historical Research* will reach new heights in the coming year and attract many more authors and readers!

Dmitriy A. Funk

ИНТЕРВЬЮ

УДК 316 (070)
DOI: 10.17223/2312461X/18/2

«НА РАЗВАЛИНАХ ПРОГРЕССА», ИЛИ ЭВОЛЮЦИОНИЗМ ПРОТИВ АНТРОПОЛОГИИ

Интервью Е.И. Филипповой[*] с Ж.-Ф. Госьо[**]

Аннотация. Интервью посвящено критическому анализу сохраняющегося наследия эволюционизма и западоцентризма в современной социальной антропологии. Несмотря на видимость эпистемологического поворота: радикальной смены исследовательских парадигм и утверждения методологического релятивизма, многие современные теоретические построения по-прежнему строятся на хронотипологиях, присущих линейному, прогрессистскому пониманию истории. В интервью обсуждаются философские основы антропологии, ее ключевые концепты (община, общество, ethnie, этничность, культура, нация, идентичность, различие и т. п.) и соотношение между ними, а также аналитические категории. Особое внимание уделяется универсальности концепта «политико-религиозного», его применимости к секулярным обществам, где существуют проявления «светской», «гражданской», «общественной», «революционной», «республиканской», «коммунистической» религии. Прослеживается связь между эволюционистской парадигмой и тенденцией к экзотизации Другого и «фольклоризации» собственного народа, до сих пор присущей многим антропологическим исследованиям.

Ключевые слова: эволюционизм, антропология, антипросветительство, И.Г. Гердер, этничность, культура, нация, община, общество, политико-религиозность

Е.Ф. Ваша недавняя книга (Gossiaux 2016) посвящена критическому анализу роли эволюционизма в судьбе антропологии, и мне хотелось бы задать Вам несколько вопросов в развитие тех идей, которые в ней изложены. Но позвольте начать с апологии Гердера, открывающей книгу. Что заставило Вас встать на защиту немецкого мыслителя, вернуться к его наследию и возразить его критикам?

Ж.-Ф.Г. Да, если Вы заметили, заглавие книги обыгрывает скрытую цитату из Гердера[1]. Расскажу сначала о том, с чего все началось, отча-

Интервью подготовлено при поддержке РНФ, проект № 15-18-00099.

[*] **Елена Ивановна Филиппова** – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва); e-mail: elena_filippova89@yahoo.fr

[**] **Жан-Франсуа Госьо** (Jean-François Gossiaux) – профессор Высшей школы социальных исследований (г. Париж); e-mail: gossiaux@msh-paris.fr

сти благодаря случаю. Мне попалась толстенная книга Зеева Штернхеля, озаглавленная «Враги Просвещения» (Sternhell 2006, 2009). В этой книге израильский политолог утверждает, что антипросветительство представляет собой непрерывное и весьма последовательное направление мысли, существующее с XVIII в. и до наших дней, и именно оно является источником почти всех проблем XX и XXI вв. При этом, говоря об антипросветительстве, автор чаще всего упоминает Гердера: если вы посмотрите на именной указатель в конце книги, то там Гердер занимает целую страницу. Он как бы фокусирует в себе все эти противоречия, становится своего рода символом антипросветительства. Обвинения в адрес Гердера показались мне слишком серьезными. Вообще имя Гердера, пожалуй, одно из наиболее часто встречающихся в литературе по социальным наукам, ссылки на него стали почти автоматическими, когда речь идет о биологическом понимании нации, например, при том что, опять же по моему впечатлению, далеко не все те, кто на него ссылаются, читали его книги.

Налицо, таким образом, явное несоответствие между известностью имени Гердера и знакомством с сущностью его воззрений. Если внимательно вчитаться в то, в чем его обычно обвиняют, то можно заметить много отголосков недавних нападок на антропологию как науку со стороны таких авторов, как, например, А. Финкелькрот, который критикует К. Леви-Стросса и некоторых других исследователей за якобы отрицание идеи прогресса, но на самом деле идет еще дальше и подвергает сомнению «классическую» антропологию как таковую. Ж.-Л. Амсель ставит антропологии в упрек ее фундаментальный «популизм». И в этих нападках на дисциплину в ее каноническом понимании мы находим почти слово в слово те же упреки, которые адресуют Гердеру. Он выступает на стороне «народа» – и, следовательно, против «элит». Он противоречит идее эволюции, понимаемой как непрерывный прогресс. Наконец, он отрицает превосходство западной цивилизации и европейских ценностей. Эти упреки, на мой взгляд, отчасти надуманные, вызванные фобией в отношении того, что принято называть «антипросветительством», но в то же время некоторые из этих упреков справедливы и действительно основаны на воззрениях Гердера.

Таким образом, Гердера иногда критикуют безосновательно и ни за что, а иногда – действительно за его позицию в науке. Например, его упрекают в антиевропеизме или, как сказали бы сегодня, в антизападничестве, но если разобраться, то он обвиняет Европу в стремлении вмешиваться в дела других стран, т.е., по сути, его позицию можно охарактеризовать как антиколониализм или, учитывая его эпоху, как протест против рабовладения, а говоря терминами сегодняшнего дня – как антиимпериализм. Это просто удивительно, что во «враги Просве-

щения» записали человека, стоявшего на эпистемологических и философских позициях, свойственных антропологии.

Я привожу в книге три принципиальных постулата Гердера, которые, по сути, лежат в основе антропологии как науки: это, во-первых, единство Человека (мысль, которая в его время отнюдь не была очевидной, поскольку существовали полигенетические теории – кстати, их придерживались многие деятели Просвещения, начиная с Вольтера); во-вторых, что самое для нас существенное, – это многообразие конкретных проявлений данного единства и, в-третьих, исключительная роль разума (положение, которое критики Гердера обычно замалчивают, анализируя его мировоззрение, и которое само по себе, на мой взгляд, достаточно для того, чтобы причислить его к разряду просветителей). Эти постулаты воспроизведены практически дословно в официальном определении антропологии, принятом французским Национальным центром научных исследований: секция антропологии, известная еще как 38-я секция, так и называется: «Единство Человека и многообразие культур». Этим и объясняется то обстоятельство, что я посвятил Гердеру вступительную главу, которая не является его реабилитацией – такую задачу я перед собой не ставил, но которая делает Гердера в какой-то степени символом того, что сегодня служит причиной нападок на антропологию.

Начиная с Ф. Боаса в антропологии, научная программа которой на ранних этапах существования основывалась на идеях эволюционизма и этноцентризме, совершается эпистемологический поворот: время перестает быть ценностной шкалой, приходит осознание невозможности понять культуру Другого исходя из собственной культуры, уходит в прошлое телеологическое представление о стадиальном прогрессе человечества. Важно подчеркнуть, что новая исследовательская парадигма, получившая название методологического релятивизма, является эпистемологической, а не моральной, что отличает ее от постмодернистского понимания относительности добра и зла, истины и ценностей. Ключевым словом тут является именно «методологический». Тогда как применительно к постмодернизму как философии я бы скорее говорил о методологическом нигилизме. С некоторой долей преувеличения можно сказать, что постмодернизм означает, что мы вообще не можем ни о чем говорить, ничего интерпретировать, ничего понимать – единственное, что остается возможным, – это описание, причем возникает еще множество вопросов относительно достоверности или ложности нашего описания.

В то же время этноцентризм (западоцентризм) не сдает своих позиций и продолжает воспроизводить скрытый эволюционизм, проявляющийся в попытках соотнести некоторые универсальные концепты со шкалой времени.

Е.Ф. Среди таких концептов – пары *ethnie* / нация, община / общество. Вы убедительно демонстрируете упрощающий характер эволюционистского понимания соотношения между ними, показывая, в частности, что общины продолжают существовать и играть немаловажную роль в современных обществах, что этничность как отношение может проявлять себя и в современных нациях. С этим трудно не согласиться, но верно ли обратное? Ведь нация – продукт определенной исторической эпохи и определенной стадии развития общества…

Ж.-Ф.Г. То, против чего я возражаю, это привычное для социальных наук противопоставление: наши нации / их *ethnie*, нации современности / *ethnie* прошлого. Я согласен с Геллнером, когда он говорит о том, что интерес представляют не столько нации как таковые, сколько порождающий их национализм, а национализм, действительно, – это современный феномен, возникающий в определенный момент Нового времени. Напротив, ошибочно видеть в *ethnie* нечто архаичное, традиционное или то, что предшествует нации. Нация – это не продолжение *ethnie*. Мы можем наблюдать в сегодняшнем мире процессы этнизации, этот феномен лишь приобретает важность, а не утрачивает ее. В то же время архаичное и традиционное тоже часто представляют собой нечто более сложное, чем этничность в ее классическом понимании. Таким образом, как нация, так и *ethnie* практически одинаково современны, они связаны между собой, но не следуют одна из другой, хотя порой между ними пытаются установить генеалогию и представить нацию как наследницу *ethnie.* Об этом, в частности, свидетельствует заголовок труда Э. Смита «Этническое происхождение наций».

То же самое мы можем сказать и о соотношении между *общиной* и *обществом:* вопреки взглядам Ф. Тенниса, видевшего их в эволюционной перспективе, эти два понятия описывают скорее два диаметрально противоположных типа общественных отношений. *Общество* – универсальный концепт, и именно его универсальная операциональность делает бессмысленным хронотипологическое бинарное противопоставление общества и общины: *община* предполагает довлеющую роль коллектива, согласие, личное знакомство – *общество*, напротив, зиждется на индивидуализме, численности, социальном договоре. Общинный габитус, по сути, выражает потребность в *длительном времени*, идею постоянства социальных связей, выходящих за рамки индивидуального бытия. Но эта потребность не предполагает неподвижности и неизменности, т.е. община не отрицает перемен, она лишь пытается отдалить перспективу бренности. Но потребность в индивидуализме столь же универсальна, хотя не всегда она была такой острой и насущной, как в эпоху модерна. Это – потребность в сиюминутности и присутствии, во времени, свободном от «высших инстанций социального контроля». Отрицая наличие индивидуального измерения в «примитивных» обще-

ствах, эволюционизм тем самым отрицает их способность к изменению и развитию, которые, собственно, и есть эволюция.

Нет ничего удивительного в том, что мы можем констатировать присутствие в наших современных *обществах* множества *общин*, однако важно помнить о том, что общинные связи, чувство принадлежности к общине вовсе не обязательно преобладают над другими формами социальных связей. Это напоминание особенно существенно в свете того, что слово «общины» в сочетании с определениями «религиозные», «языковые» или «этнические» часто используется в значении «меньшинства», а применительно к этим последним речь и подавно может идти лишь о слабых внутренних связях. Мы уже говорили о том, что этничность – это отношение идентичности / различия, но наличие такого отношения не раскрывает нам сущности связи между «подобными». Этнические категории вовсе не обязательно равнозначны «этническим общинам». Так, «цыгане» являются этнической категорией для нецыган, но нет такой общины – «цыгане», в качестве идентификационных маркеров выступают скорее *синти*, *ром*, *мануш*, *кэлдэрар*... В то же время такие далекие от этничности процессы, как, например, формирование элит (в частности, в современной Франции), могут служить ярким проявлением общинной логики.

Е.Ф. Рассуждая о соотношении понятий *этничность* и *культура*, Вы обращаете внимание на то, что эти существительные, и особенно образованные от них прилагательные, зачастую употребляются как синонимы, притом в связке с такими понятиями, как *группа*, *идентичность*, *принадлежность*. Вы пишете также о том, что *культура* и *этничность* представляют собой два культовых объекта антропологии, причем некоторые антропологи основывают свои теоретические воззрения на принципе равенства между этничностью и культурой (*ethnie* определяется ими как *культурная общность,* а осознание этой общности приравнивается к *этническому самосознанию*, которое в результате оказывается присущим не только архаическим, но и современным западным обществам). Ваша позиция сформулирована недвусмысленно: «Этничность – это не культура, этническая группа – это не культурная группа, эти понятия радикально различны». И дальше, аргументируя эту точку зрения, вы утверждаете, что индивид может быть дву- или даже многокультурным, но он не может принадлежать двум или более этническим группам. Я не вполне понимаю это рассуждение: что Вы вкладываете в понятие *ethnie*, если не культуру, на основании каких критериев, помимо культурных, можно отличить «другого» от подобного нам? На основании фенотипа?

Ж.-Ф.Г. Нет-нет, вовсе нет! Я тут скорее продолжаю линию Ф. Барта. Действительно, люди судят друг о друге по культурным признакам, именно поэтому, на мой взгляд, и произошло это смешение

культуры и этничности. Однако культурные критерии, во-первых, не носят универсального характера. Например, язык в некоторых случаях служит отличительным признаком, а в других – нет, даже напротив: он может быть критерием сходства. Я также согласен с Бартом в том отношении, что граница между группами может сохраняться неизменной несмотря на то, что культурное «содержимое», культурные признаки самих групп могут с течением времени существенно меняться. Культура предлагает некоторый набор черт, среди которых люди могут выбирать, могут пользоваться ими или же оставаться к ним невосприимчивыми. В то же время человек не может *принадлежать* той или иной культуре, я думаю, разговоры о «культурной принадлежности» свидетельствуют только о небрежности языка. В этом отношении нам имеет смысл вспомнить гирцевское определение культуры как *текста*: мы можем восхищаться текстом, увлекаться им, быть им полностью поглощены, но мы не *принадлежим* ему.

Е.Ф. Но если человек может черпать свой репертуар из разных культур, то разве не может он иметь разных предков и, тем самым, принадлежать двум этническим группам одновременно?

Ж.-Ф.Г. Я считаю, что нет, и именно это пытаюсь показать с помощью простой математической демонстрации. Если мы понимаем этничность как отношение сходства / различия, как классическую формулу «друзья моих друзей – мои друзья, враги моих друзей – мои враги», то мы вынуждены признать, что такая оппозиция делит совокупность на два четко различимых класса. И я считаю, что данное представление соответствует антропологической реальности. Даже если родители того или иного человека принадлежат к разным этническим группам, процесс этнической классификации носит одномерный характер. Это можно было наблюдать, например, во время войны в Югославии. До того как разразился кризис и начались насильственные столкновения, люди были достаточно безразличны к этнической принадлежности, а этнические отношения не были значимым фактором общественной жизни, даже в населенных пунктах со смешанным населением. Но после того как этническое разделение было навязано обществу в значительной мере извне, люди оказались в ситуации, когда они были вынуждены определиться со своей этнической принадлежностью, занять ту или иную сторону. Невозможно было утверждать, что человек одновременно и серб, и хорват или ни то, ни другое. Свобода самоопределения была ограничена давлением общественного мнения, которое наделяло каждого индивида патрилинейной этничностью. В конечном итоге в критический момент каждый оказывается принадлежащим лишь одной этнической группе, и происходит это потому, что в этнических отношениях фактор различия играет более важную роль, чем фактор сходства, или, возвращаясь к вышеупомянутой формуле, «враги моих дру-

зей – мои враги» является более императивным утверждением, чем «друзья моих друзей – мои друзья». Именно поэтому этническая принадлежность не является результатом свободного выбора, она в основном навязывается человеку другими. Это другие обладают властью сказать тебе, что ты – цыган, или еврей, или темнокожий – что бы ты ни думал о себе сам. Романы Фолкнера, например, убедительно показывают нам, как это работает: человек может считать, что он перешел границу и примкнул к другому сообществу, но его безжалостно возвращают к исходному положению, наказывая за попытку бегства. И сказанное особенно верно в ситуации межобщинной напряженности или конфликта. Таким образом, на мой взгляд, культура и этничность – это концепты разного уровня, отражающие разную реальность, связанные между собой, но не совпадающие.

Е.Ф. Вы также упоминаете о том, что этничность – это такой способ упрощения реальности. Не могли бы Вы остановиться немного подробнее на этой мысли?

Ж.-Ф.Г. Это некоторым образом вытекает из того, о чем мы только что говорили. Коль скоро возможна принадлежность только к одной этнической группе, этническая классификация становится грубой и однозначной, это наиболее примитивная форма представлений о том, как устроен мир. И в силу своей простоты она очень хорошо приспособлена к самым разным практикам, в частности управленческим, она позволяет производить статистические данные, осуществлять категоризации и т.п., за что ее любят всевозможные администрации. Между тем реальность – и в том числе реальные отношения идентичности или отличия – куда более сложная и тонкая материя. Взять хотя бы этнонимы: их может существовать несколько для обозначения одной и той же группы населения в зависимости от того, кто ее называет. Или представления о тех или иных «этнических» характеристиках: человек может в чем-то походить на своего соседа или родственника, а в чем-то другом от него отличаться, нет никакого единообразия. Но такая сложность трудно поддается управлению и контролю – отсюда потребность в упрощении. Например, если мы посмотрим, каким образом под эгидой международного сообщества был урегулирован конфликт в Югославии, то увидим, что разделительные границы прошли по этнотерриториальному принципу – а не по принципу тех или иных политических предпочтений – например, именно из-за кажущейся простоты и очевидности такого разделения.

Е.Ф. Обратимся теперь к соотношению культуры и нации, между которыми тоже нередко ставят знак равенства (известный принцип «одна нация – один язык – одна культура»). На примере Бельгии Вы показываете, что не каждая культура может служить связующим элементом для национального сообщества, особенно если эта культура

уже принадлежит другой нации, в данном случае Франции. Задуманное в момент своего отделения от королевства Нидерланды как унитарное государство, королевство Бельгия имело единственный официальный язык – французский, на котором говорил образованный класс на всей территории страны. Но *франкоязычной* культуре, с самого начала ориентировавшейся на *французскою* культуру, именно это отсутствие автономии не позволило стать основой бельгийской национальной идентичности. Однако и модель нации с двумя равноправными культурами не смогла воплотиться в реальность. Сегодня многие, и Вы в их числе, считают, что если Бельгия и не прекратит свое существование в обозримом будущем, ей все же не миновать превращения в конфедерацию. Означает ли это, по-Вашему, что неудача в конструировании единой национальной культуры предопределяет крах национального государства?

Ж.-Ф.Г. Идея тесной связи нации и культуры не нова, еще Геллнер говорил о том, что создание нации фактически заключается в создании национальной культуры либо на основании местных, локальных культур, либо на экзогенной основе. Во Франции, которую я называю страной-этнофобом, поскольку она категорически отказывается признавать этничность на своей территории, культура в каком-то смысле играет роль *ethnie*, замещает ее, поскольку она действует согласно той же самой логике – коллективной принадлежности, исключения Другого и т.п. Но вернемся к бельгийскому примеру. Здесь была такая ситуация, когда на территории государства сосуществовало несколько локальных языков и культур, но элита была франкоязычной. Можно было бы ожидать, что с помощью системы образования французский язык и культура распространятся на все население, но этого не произошло именно потому, что это были французский язык и французская культура. Сопротивление им во фламандской Бельгии было многократно усилено воспоминанием о французской оккупации, а затем и аннексии части территории. В то же время фламандская культура тоже не могла занять доминирующее положение в стране в целом, она могла стать только культурой вновь создающейся нации, что, собственно, и происходит на наших глазах. В итоге Бельгия, претендовавшая на роль государства-нации, осталась без национальной культуры и сегодня, продолжая де-юре считаться «королевством бельгийцев», де-факто является конфедерацией. Фландрия и Валлония уже иногда выступают как независимые государства на международной арене – пример этого мы наблюдали в связи с торговым договором между ЕС и Канадой, когда именно Валлония, а не Бельгия как государство, воспротивилась его подписанию. Лингвистическая граница между ними, прежде бывшая подвижной и определявшаяся на основе переписей населения, отныне зафиксирована раз и навсегда, и теперь уже она определяет, где будут говорить на фламандском, а где – на валлонском. Не только в сфере образования

или официальном делопроизводстве, где существует достаточно жесткий запрет употребления того или другого языка, но и в повседневном общении все более утверждается моноязычие, так что в определенных обстоятельствах обыденной жизни, если вы говорите на «неправильном» языке, окружающие могут сделать вид, что не понимают. Сегодня Валлония и Фландрия предстают более монокультурными, чем большинство стран.

Е.Ф. Вы видите в перспективе разделение Бельгии на два государства?

Ж.-Ф.Г. Это будет зависеть от того, насколько обе части будут готовы приспосабливаться к существованию в условиях фактически сформировавшейся конфедерации. В принципе такое состояние может продолжаться неограниченно долго.

Е.Ф. В Вашей книге отводится большое место концепту *политико-религиозного*, который Вы определяете как пересечение, взаимопроникновение политики и религии, и задаетесь вопросом об универсальности этого концепта, его применимости к секулярным обществам, где политическое и религиозное поля, политическая и религиозная власти четко разграничены. Вы формулируете два вопроса (или один и тот же вопрос в двух вариантах, более и менее радикальном): «Присутствуют ли в светских обществах политико-религиозные формы власти? » и «Не основаны ли все общества, в том числе светские, на политико-религиозном фундаменте?». При этом вы используете термин «религия» максимально расширительно, говоря о «светской», «гражданской», «общественной», «революционной», «республиканской», «коммунистической» религии. Насколько оправданно такое расширительное толкование, что позволяет трактовать все эти различные идеологии как формы религиозности?

Ж.-Ф.Г. Все зависит от того, что мы понимаем под «религией». В более узком смысле религия – это признание потустороннего, выходящего за рамки человеческого существования. На мой взгляд, это определение слишком ограничивающее. Существуют даже «классические» религии, в которых нет представления о потустороннем. Например, конфуцианство – можно, впрочем, спорить, религия ли это, хотя на мой взгляд – да. Там есть «небо», но небо символизирует власть, там нет ничего сверхъестественного. Мне кажется, что не менее важными составляющими религии являются понятие святости, которое не обязательно предполагает веру в потусторонние силы, и понятие ритуала. Одновременное присутствие святости и ритуала является, на мой взгляд, важнейшим для понимания того, имеем ли мы дело с религией, философией или обычным верованием. И вот это сочетание ритуала и святости можно найти в разнообразных социальных практиках.

Е.Ф. Вы имеете в виду, например, «Святую к Родине любовь»[2]?

Ж.-Ф.Г. Вот-вот. В «религиях без потустороннего», «религиях без Бога» эта функция замещается Временем. Святость воплощается в Вечности. Это «вечная слава нашим героям», «вечная память нашим предкам»…

Е.Ф. Вечный огонь на могиле неизвестного солдата…

Ж.-Ф.Г. Именно так, т.е. отношение к Времени как простирающемуся за пределы человеческой жизни. И в самой идее человека вписать себя в это вечное Время есть нечто выходящее за пределы Человечества. Все так называемые светские религии основаны на этом отношении к Времени, выражающемся через ритуал. Если мы примем такое определение религии – понятно, что не все его принимают, для некоторых необходимым признаком остается наличие потустороннего, или даже единого Бога, – то мы вынуждены будем признать, что политическое и религиозное неразрывно связаны, во всяком случае, политическое неразрывно связано с религиозным, хотя не все в религии имеет прямое отношение к политике. Эту мысль мы находим уже у Э. Дюркгейма, затем ее развил М. Годелье.

Е.Ф. Сегодня на наших глазах в разных странах происходит возвращение к религиозности в самом прямом ее смысле – будь то христианство, буддизм или ислам… Кстати, Вы почти не касаетесь проблемы ислама в вашей книге…

Ж.-Ф.Г. Да, я объясняю это тем, что об этой проблеме и так много говорят, она сделалась почти трюизмом. Мне же хотелось показать, что даже если не брать этот слишком очевидный и яркий пример, взаимосвязь политического и религиозного в современной жизни безусловна и может быть продемонстрирована на других примерах. Действительно, «возвращение религии» в буквальном смысле этого слова наблюдается повсеместно, в том числе во Франции. Но еще более интересно то обстоятельство, что противодействие этой растущей религиозности, исламскому или христианскому интегризму принимает форму сакрализации республиканских принципов, аргументы в данной идеологической борьбе выходят за рамки обычных рациональных рассуждений, но взывают к «вечным ценностям»…

Е.Ф. «Не смейте посягать на священную для Франции секулярность»?

Ж.-Ф.Г. Да, оппоненты находятся на одном поле, говорят на одном языке – на языке веры и святости, хотя и вкладывают в свои слова разное содержание. Это было хорошо заметно после терактов, особенно первых, января 2015 г., когда раздавались призывы защитить «священные ценности Республики». Это был не интеллектуальный ответ, а, скорее, стремление сконструировать чувство физической общности у миллионов людей, вышедших на улицы, объединить их, консолидировать с помощью сакрализации светских принципов. Это была попытка

прямого воздействия на чувства, на эмоции, на то, что не поддается рациональному объяснению. Мои мысли по этому поводу входят в противоречие с тем, что пишет М. Гоше, который считает, что во взаимодействии политики и религии изначально ведущая роль была отведена религии, но по мере развития – тут он следует вполне эволюционистской парадигме – политика начинает занимать все более заметное место вплоть до полного вытеснения религии. Я не думаю, что факты подтверждают эту точку зрения, даже если мы вынесем за скобки «светские» религии. Даже то, что М. Гоше называет христианство «религией отхода от религии», на мой взгляд, неверно. И сегодня во многих европейских странах, считающих себя светскими, видное место на политической сцене занимают партии, в названии которых присутствует упоминание о христианстве. Убедительный пример тесного переплетения политического и религиозного являет собой Югославия, унаследовавшая от Оттоманской империи систему коллективных представлений, основанных на религиозной принадлежности. Даже коммунистический режим Тито (который сам по себе, с его мифами, верованиями и ритуалами, может рассматриваться как секулярная религия) не смог игнорировать устоявшиеся категории и использовал религию (в буквальном смысле слова) в своих институциональных построениях: достаточно вспомнить историю с возведением *мусульман* в ранг народа или создание при поддержке компартии (если не по ее инициативе!) автономной Македонской церкви. Это были чисто политические, прагматические решения.

Что же касается постколониального мира, то создание автономных церквей, в частности протестантских, а также движения профетизма во многих африканских, азиатских и латиноамериканских странах стали неотъемлемой составляющей политической автономизации (наиболее ярким примером этой «зачарованной современности», по выражению Ж.П. Дозона, может служить Кот д'Ивуар), а местные лидеры, провозгласившие независимость, в значительной мере использовали религию для легитимации своей власти.

Е.Ф. Последний сюжет, который мне хотелось бы с Вами обсудить, это проблема так называемой народной культуры и «фольклоризма», или «популизма», в котором упрекают антропологию. Интересоваться «традициями» или «пережитками», по мнению критиков, все равно, что изучать «примитивные» общества: и то и другое проистекает из консерватизма, в то время как развитие и продвижение вперед – функция элиты, просвещенных интеллектуалов. Таким образом, явный антиэлитизм антропологии выглядит в глазах некоторых антиинтеллектуализмом и реакционностью.

Ж.-Ф.Г. Действительно, слово «популизм» по ряду причин приобрело очень негативный смысл. Но еще лет 50 тому назад «популистской» называли литературу, интересовавшуюся жизнью народа – кре-

стьян, рабочих, и в этом не было ничего уничижительного. Я думаю, можно называть антропологию «популистской» именно в этом смысле слова. Наша дисциплина черпает знания из двух источников: это изучение «далеких других», т.е. «экзотических» стран, и «близких других», т.е. народа собственной страны. Оба источника связаны между собой оптикой антропологического взгляда. То, что в немецкой традиции называется *Volkskunde* и *Völkerkunde*, на самом деле – один и тот же подход. В эволюционистской парадигме это был взгляд «сверху вниз», поскольку в обоих случаях речь шла о людях, «не достигших» равного с исследователем уровня развития – отсюда и такие термины, как «пережитки». Изучая «других», антрополог-эволюционист стремится понять прошлое своего собственного общества, найти какие-то дополнительные сведения, которые не зафиксированы письменными источниками – не случайно наша наука долгое время считалась «вспомогательной исторической дисциплиной». Таким образом, антропология неизбежно экзотизировала «далеких других» и «фольклоризировала» свой народ.

Е.Ф. Если антропология хочет стать современной и востребованной наукой и действительно освободиться от эволюционистского наследия, у нее нет иного пути, как только расширить свое поле и изучать все общество, а не только «народ»?

Ж.-Ф.Г. Конечно, нужно изучать и элиты тоже, но это не так просто! Краеугольный камень антропологического подхода – это удивление при столкновении с неизвестным и непонятным. Поэтому нужно уметь установить необходимую дистанцию по отношению к объекту изучения, а это значит, что нельзя замыкаться в том, что изучаешь.

Е.Ф. Не так давно М. Абелес написал книгу «Антрополог в Национальной ассамблее», что может служить примером выхода в относительно новое поле.

Ж.-Ф.Г. Да, это хороший пример. Тут, я думаю, присутствует эффект дистанции, поскольку в повседневной жизни мы нечасто общаемся с депутатами. Среди моих родных и знакомых, например, нет ни одного. Поэтому, если я попаду в их среду, она мне покажется действительно чужой. То есть достаточно небольшого усилия, чтобы антрополог мог работать «у себя». Даже если он решит поехать изучать свою родную деревню и вернется туда через 30 лет после того, как ее покинул и переехал жить в город, он будет там незнакомцем. Точно так же и в изучении элит нет ничего особенно сложного при условии, что наш круг общения не ограничивается элитой, и что мы не рассматриваем ценности элиты как высшие ценности и не подходим к ней с иными мерками по сравнению с другими категориями населения. Но подчеркну еще раз, что сама способность удивляться формируется при встрече с Другим, и именно из этой встречи родилась антропология как наука.

И взгляд антрополога должен оставаться столь же любопытным при изучении любой части общества, как если бы он изучал далекое географически или социально общество.

Е.Ф. И последний вопрос: как бы Вы резюмировали в одной фразе основную мысль Вашей книги, ради чего Вы ее написали?

Ж.-Ф.Г. Это очень сложный вопрос для любого автора! Я не могу ответить, зачем я взялся за эту книгу, но могу сказать, почему я это сделал. Потому что мне кажется, что концепты, которые мы используем, – как в социальных науках, так и в обыденном, повседневном смысле – по-прежнему не освободились от довлеющей эволюционистской парадигмы. Мы не освободились от нее и в аксиологическом смысле, в том, что касается оценочных суждений. Мне показалось важным показать, что дело обстоит именно так, и что это не работает. Что конкретные полевые антропологические исследования противоречат устаревшим схемам, не вписываются в них. Что история – это не линейный процесс, и современность не всегда является синонимом либерализации индивида и общественного прогресса. Мне кажется, что фраза Гердера, которую я цитирую в заглавии книги, очень точно формулирует эту мысль: действительно, почему многие поколения живущих на Земле должны быть принесены в жертву следующим за ними? Этика Гердера основана на том, что все человеческие общества, во все эпохи и на всех континентах, обладают равным достоинством, что смыслом жизни каждого живого существа является его собственная жизнь.

Париж, 2 декабря 2016 г.
Перевод с французского Е.И. Филипповой

Примечания

[1] Речь идет о фразе «И только цепь развития, воспитания превращает развалины в целое, в этом целом пропадают, правда, фигуры людей, но дух человеческий живет, не ведая смерти, и трудится, не ведая усталости» (Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества М.: Наука, 1977: 233). – *Е.Ф.*

[2] «L'amour sacré de la Patrie» – начальная строчка второго куплета «Марсельезы». – *Е.Ф.*

Литература

Gossiaux J.-F. Les débris épars du progrès. Evolutionnisme vs anthropologie [Scattered Remnants of Progress. Evolutionism vs anthropology]. Paris: Editions de la FMSH, 2016.

Sternhell Z. Les anti-lumières. Une tradition du XVIIIe siècle à la guerre froide [The Anti-Enlightenment: A Tradition from the 18th Century to the Cold War]. Paris: Fayard, 2006.

Sternhell Z. The Anti-Enlightenment Tradition. New Haven: Yale University Press, 2009.

Статья поступила в редакцию 24 июля 2017 г.

‘THE PROGRESS RUINED’, OR EVOLUTIONISM VERSUS ANTHROPOLOGY. ELENA I. FILIPPOVA’S INTERVIEW* WITH JEAN-FRANÇOIS GOSSIAUX**

Abstract. The interview discusses the critical analysis of the persisting legacy of evolutionism and Westocentrism in contemporary social anthropology. Despite the seeming epistemological turn – radical change in research paradigms and adoption of methodological relativism – many today’s theoretical constructions still draw on chrono-typologies characteristic of a linear progressive understanding of history. The interview deals with the philosophical foundations of anthropology, its key concepts (community, society, ethnie, ethnicity, culture, nation, identity, difference, etc.) and the relationships among these, as well as with certain analytical categories. Special attention is paid to the universal nature of the concept of ‘the political-and-religious’ and to its applicability to secular societies where there are manifestations of ‘secular’, ‘civil’, ‘public’, ‘revolutionary’, ‘republican’, and ‘communist’ religion. Also, the interview traces the connection between the evolutionist paradigm and the tendency toward exoticisation of the Other and ‘folklorisation’ of one’s own people which is still inherent in many anthropological studies.
Keywords: evolutionism, anthropology, anti-education, J.G. Herder, ethnicity, culture, nation, community, society, political religiosity

DOI: 10.17223/2312461X/18/2

The interview was conducted with support from the Russian Science Foundation (RNF), project № 15-18-00099.
* Elena Ivanovna Filippova – Dr.Sc. (History), Chief Research Fellow at the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow); e-mail: elena_filippova89@yahoo.fr
** Jean-François Gossiaux – Professor at the School for Advanced Studies in the Social Sciences (Paris); e-mail: gossiaux@msh-paris.fr

References

Gossiaux J.-F. Les débris épars du progrès. Evolutionnisme vs anthropologie [Scattered Remnants of Progress. Evolutionism vs anthropology]. Paris: Editions de la FMSH, 2016.
Sternhell Z. Les anti-lumières. Une tradition du XVIIIe siècle à la guerre froide [The Anti-Enlightenment: A Tradition from the 18th Century to the Cold War]. Paris: Fayard, 2006.
Sternhell Z. The Anti-Enlightenment Tradition. New Haven: Yale University Press, 2009.

РИСУНОК, ПИСЬМЕННОСТЬ, ТЕКСТ. МАТЕРИАЛО- И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 903.7.031
DOI: 10.17223/2312461X/18/3

РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕХНОЛОГО-ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ ПЕТРОГЛИФОВ В ТЕХНИКЕ ПИКЕТАЖА

Лидия Викторовна Зоткина,
Екатерина Николаевна Бочарова

Аннотация. Наскальное искусство – довольно сложный для культурно-хронологической атрибуции археологический источник. По специфическому набору сюжетов и образов, по иконографическим данным исследователи чаще всего могут установить принадлежность тех или иных изображений к определенной художественной традиции. Метод аналогий, сопоставление петроглифов с фигуративными элементами различных артефактов, обнаруженных в надежно датированном археологическом контексте, позволяет наиболее точно атрибутировать наскальные изображения. Однако на данный момент в целом довольно слабо разработана проблематика, связанная с технологическим аспектом выполнения петроглифов. Тем временем вопрос о том, как и с помощью каких технических средств были созданы эти образы, не менее важен, чем то, как они выглядят. Сведения о способах и приемах получения выбивки показывают, что в разных иконографических традициях существовали свои технологические нюансы. Тем не менее, если за последнее десятилетие эта проблематика стала достаточно часто освещаться в работах исследователей, то наши знания об орудиях, которыми выполнялись петроглифы, крайне обрывочны, если не сказать ничтожны. Несмотря на то что на территории Минусинской котловины известно огромное количество памятников наскального искусства, которые изучаются исследователями уже более двух столетий, опубликованных сведений об орудиях, найденных в контексте местонахождений с петроглифами, на данный момент нет. В связи с этим в настоящей статье приводятся результаты работы с коллекцией археологических артефактов, обнаруженных в разные годы в ходе сборов на разновременных памятниках наскального искусства, хранящихся в фондах Минусинского краеведческого музея им. М.Н. Мартьянова. В исследовании применен экспериментально-трасологический подход в сочетании с трехмерной реконструкцией, что позволило выявить следы использования серии артефактов в качестве отбойников или посредников для пикетажа по поверхности камня. Контекст этих находок дополнительно указывает на то, что они использовались для выполнения петроглифов.

Ключевые слова: наскальное искусство, петроглифы, пикетаж, трасология, эксперимент, технология, фотограмметрия, Минусинская котловина

Введение

За довольно длительную и богатую историю отечественного петроглифоведения получено не так много сведений об орудиях, которыми выполнялись наскальные изображения в Минусинской котловине. Вопрос о том, каким образом они создавались, интересовал исследователей всегда. С самого начала становления петроглифоведения исследователи обращали внимание не только на технику исполнения, но и на признаки, характеризующие орудия, которыми были выбиты или прорезаны рельефные изображения (Киселев 1930; Окладников 1974: 42; 1980: 53; Окладников, Запорожская 1959: 22).

В последнее десятилетие изучение технологического процесса создания петроглифов выделилось в самостоятельное направление, связанное с экспериментально-трасологическими исследованиями (Гиря, Дэвлет 2010). Эта методика позволяет в некоторых случаях установить характеристики инструментов, которыми были выбиты наскальные изображения (Гиря, Дэвлет 2010, 2012; Гиря и др. 2011; Дэвлет, Гиря 2011).

На некоторых памятниках в культурных слоях непосредственно под плоскостями иногда встречаются каменные артефакты, в том числе грубо оббитые гальки, которые можно интерпретировать как инструменты для выполнения петроглифов. Серии каменных орудий, относящиеся к разновременным комплексам, не раз фиксировались исследователями в ходе раскопок в непосредственной близости от наскальных изображений (например: Окладников 1976: 26). Так, в слое 4 афанасьевской эпохи культового комплекса Куйлю (р. Кучерла, Горный Алтай) был найден каменный отбойник (Молодин, Ефремова 2010: 49, рис. 51), в более поздних культурных горизонтах обнаружены и другие изделия из камня (83, рис. 78).

Тем не менее орудий, происходящих из Минусинской котловины, как и с сопредельных территорий, которые были бы надежно определены как посредники или отбойники для изготовления петроглифов, на данный момент неизвестно. Настоящая статья подготовлена с намерением частично заполнить эту лакуну. В ней представлены результаты целенаправленного поиска каменных артефактов из музейного собрания, которые были обнаружены на территории памятников наскального искусства, в том числе непосредственно под плоскостями с петроглифами. В статье подробно анализируются характеристики следов на этих предметах и выявляются особенности износа, указывающие на те или иные способы их использования. Если ранее выбор каменных орудий для экспериментальных исследований не был подкреплен надежными,

трасологически подтвержденными археологическими свидетельствами, то в настоящей работе приводятся примеры таких свидетельств, что последовательно доказывается.

В ходе работы с коллекцией каменных предметов с разновременных местонахождений в Минусинском краеведческом музее им. М.Н. Мартьянова была сделана выборка на основе данных картотеки (примерно из 600 единиц хранения). Целиком музейное собрание составляет около 33 тыс. археологических артефактов.

Первый этап отбора предметов для анализа осуществлялся на основе следующих критериев: каменные орудия; достаточно массивные; по морфологическим характеристикам подходящие для их использования в технике прямого или опосредованного пикетажа по скальной поверхности.

На втором этапе из этого количества было проанализировано 44 предмета, которые, по описаниям, так или иначе были обнаружены в контексте памятников наскального искусства. Кроме того, для сопоставления проанализирована серия каменных артефактов из различных сборов, не имеющих прямого отношения к местонахождениям с петроглифами (1940-е гг., у оз. Алтын-Куль, Бейский р-н, Республика Хакасия и у д. Аршаново, Алтайский р-н, Республика Хакасия, автор находок Э.Р. Рыгдылон). Предпочтение отдавалось в первую очередь артефактам из камня, преимущественно выполненным на местном галечном сырье. Рассматривались достаточно грубые формы, которые, как показывают экспериментальные данные, наиболее пригодны для обработки поверхности песчаника (Леонтьев 1970; Леонтьев, Капелько, Есин 2006).

По данным экспериментально-технологических серий, реализованных ранее, хрупкое сырье (например, кремень) практически не пригодно для создания петроглифов в технике пикетажа, а трасологический анализ наскальных изображений показывает, что использовалось оно крайне редко. Мелкие заготовки (тонкие отщепы, пластины) также не подходят для этих целей. Оптимальными для этого являются массивные отщепы, рубила, чопперовидные орудия, т.е. формы достаточно архаичного облика.

При учете этого факта в выборку были включены не только предметы, которые имеют подходящие морфологические характеристики и найдены на поздних памятниках, где для хозяйственных целей преобладало использование более изящных форм, но и материалы, которые авторами сборов были отнесены к эпохе мезолита и палеолита. Например, в выборку вошли находки различных периодов, обнаруженные при неустановленном стратиграфическом и планиграфическом контексте, что характерно для сборов подъемных материалов, поэтому нет надежных оснований утверждать, что грубо обработанные гальки датируются именно палеолитическим временем. И если единственным основанием для отнесения этих предметов к древнейшей эпохе является

их архаичный, с точки зрения типологии и технологии, вид, есть вероятность, что пересмотр этой части коллекции с применением экспериментально-трасологического метода может дать качественно новую информацию об их назначении, а возможно, и датировке. В эту категорию проанализированных находок вошли, например, сборы Е.Р. Рыгдылона (1948 г.) на дюнах у д. Ильинки Курагинского района. Следует учитывать, что сборы производились вблизи памятников наскального искусства: д. Ильинка расположена всего в 0,6 км от Шалаболинской писаницы (Пяткин, Мартынов 1985; Заика и др. 2014: 184). Таким образом, тщательный и детальный анализ этой категории находок так же необходим, как и других предметов, ближе расположенных к плоскостям с петроглифами. В эту же категорию вошли некоторые предметы, найденные в ходе сборов в 1980 г. на г. Моисеихе (Миклашевич 2009: 323).

Пожалуй, самой интересной серией проанализированных предметов можно назвать 18 грубо оббитых галек. В описаниях картотеки Минусинского музея содержались данные, позволяющие более уверенно судить о контексте находок. Семнадцать из этих предметов были обнаружены Н.В. Леонтьевым в ходе сборов 1980 г. в основном логу г. Суханихи – довольно крупном местонахождении наскального искусства в Минусинском районе Красноярского края (Дэвлет 1982: 59; Миклашевич 2008: 192–194). Некоторые из этих артефактов были найдены непосредственно под плоскостями с наскальными изображениями тесинского времени тагарской культуры. По устному сообщению Н.В. Леонтьева, нет никаких сомнений в том, что некоторыми из этих орудий были выполнены тесинские петроглифы. Другим примером находки в подобном контексте является оббитая галька, обнаруженная непосредственно под плоскостью с изображениями лосей на г. Фунтиковой[*] – одном из пунктов напротив местонахождения под названием Майдашинские писаницы (Республика Хакасия) (Вадецкая 1986: 165).

Методы и оборудование

Данное исследование основано на экспериментально-трасологической методике. Базой для поиска орудий, которые могли быть использованы для создания петроглифов в технике пикетажа, послужили наблюдения, полученные в ходе проведения экспериментальных серий за последние пять полевых сезонов. Эти данные позволили определить направления поиска как при подготовке выборки материалов, так и при трасологическом изучении предметов из археологических коллекций.

Для трасологических наблюдений применялся компактный полевой микроскоп Nikon 111470NS, имеющий 20-кратное увеличение. Это

[*] По словам Е.А. Миклашевич, эти изображения на данный момент неизвестны.

позволило достаточно тщательно изучить макрорельеф участков с износом и сопоставить их с немодифицированной поверхностью на каждом рассмотренном орудии.

Фиксация общих видов предметов выполнялась при помощи камеры Nikon 750D (матрица 35,9 × 24 мм, разрешение 24,93 млн пикселей) с объективом AF-S Micro NIKKOR 60mm f/2.8G и штатива Manfrotto. При макрофотографии использовалась камера Canon 1000D (матрица 22 × 15 мм) с объективом Canon EF-S 60mm f/2.8 Macro USM, также на штативе. Фиксация осуществлялась через компьютер, что позволяло избежать малейших изменений положения предмета и камеры. Полученные серии макрофотографий с фокусировкой в разных точках были совмещены с помощью специального программного обеспечения Helicon Focus, благодаря чему макроизображения, представленные в данной работе, имеют достаточно большое разрешение и являются резкими на большей части участков.

Кроме того, некоторые признаки, характеризующие следы износа, недостаточно ярко выраженные на фотографиях, хорошо фиксируются и могут быть наилучшим образом продемонстрированы при помощи трехмерной реконструкции. В данной работе использовался метод облачной фотограмметрии (Plisson, Zotkina 2015). Фотофиксация была выполнена при помощи камеры Canon 1000D с объективом Canon EF-S 60mm f/2.8 Macro USM и кольцевой вспышки, а компиляция полученных изображений проводилась в программе Agisoft Photoscan. Трехмерные реконструкции предметов были выполнены лишь частично: только значимые с точки зрения трасологии участки. Общие морфологические характеристики предметов видны на фотографиях (общих видов).

Экспериментальные серии и трасологический анализ полученных эталонов

Проведенные за несколько полевых сезонов (2012–2016 гг.) эксперименты по выполнению выбоин в технике пикетажа каменными орудиями позволили получить информацию о том, как мог выглядеть инструментарий, использовавшийся древними художниками в разные эпохи (Зоткина и др. 2014).

Обработка девонского песчаника, который является основным субстратом местонахождений наскального искусства Минусинской котловины и относительно мягким материалом, отличается некоторой спецификой. Во-первых, использование хрупкого сырья (кремень, кварцит с высоким содержанием кварца) не дало положительных результатов, так как оно быстро крошится, острийная часть меньше чем за минуту приходит в негодность. Хотя надо отметить, что следы, полученные таким образом, отличаются своей спецификой и подобные характеристики вы-

боин иногда все же встречаются на местонахождениях с наскальным искусством Минусинской котловины (Гиря и др. 2011).

И все же преобладают следы пикетажа, выполненные довольно вязким сырьем, о чем свидетельствуют признаки, указывающие на стабильность уплощенной и сглаженной в ходе пикетажа рабочей части орудий (рис. 1, *a, d, h1–2*). При небольшой глубине ширина лунок довольно большая, что свидетельствует о слабой проникающей способности рабочей части инструментов. Полученные в ходе экспериментов такими оббитыми гальками специфические следы находят аналогии среди наскального искусства (рис. 1, *g1–2*). Породы камня с подходящими для выполнения пикетажа параметрами встречаются в большом количестве в виде галек по берегам рек. Эксперименты показали, что характерные следы удается получить при использовании не только приостренных фрагментов такого сырья, но иногда даже выступающих участков необработанных, окатанных галек (Зоткина и др. 2014: 61).

Итак, наиболее оптимальным для создания петроглифов в технике пикетажа является однородное, не слишком зернистое сырье, достаточно вязкое, необязательно очень твердое (средняя твердость по Моосу 5–6). Такие характеристики преимущественно присутствуют у метаморфизованных пород, например песчаника.

Экспериментальные серии также показали, что для создания следов пикетажа наиболее оптимальными являются массивные, обладающие достаточно большим весом орудия. Такие, которые, с одной стороны, удобно держать в руке, нанося удары, с другой – чей вес усиливает импульс во время удара, т.е. не слишком легкие. Для этих целей наилучшим образом подходят достаточно грубо оббитые гальки, имеющие приостренную часть (однако не слишком острую, скорее, немного притупленную).

Кроме того, специфическими являются следы, полученные в ходе экспериментов с использованием оббитых галек. При прямом пикетаже признаки износа фиксируются только на одной, обычно приостренной, части орудия (рис. 1, *b1, e1*). В случае опосредованной выбивки забитость присутствует на противолежащих участках предмета (рис. 1, *b2, e2*). На износ, полученный в процессе пикетажа по камню, указывают такие следы, как уплощенность выступающих элементов рельефа, контактировавших с обрабатываемой поверхностью, в сочетании с характерной истертостью и ячеистостью на макроуровне (рис. 1, *b1–2, e1–2*). Поверхность на них выглядит шероховатой по сравнению с другими участками. Что также немаловажно, эти следы узко локализованы, их границы, как правило, очень четкие.

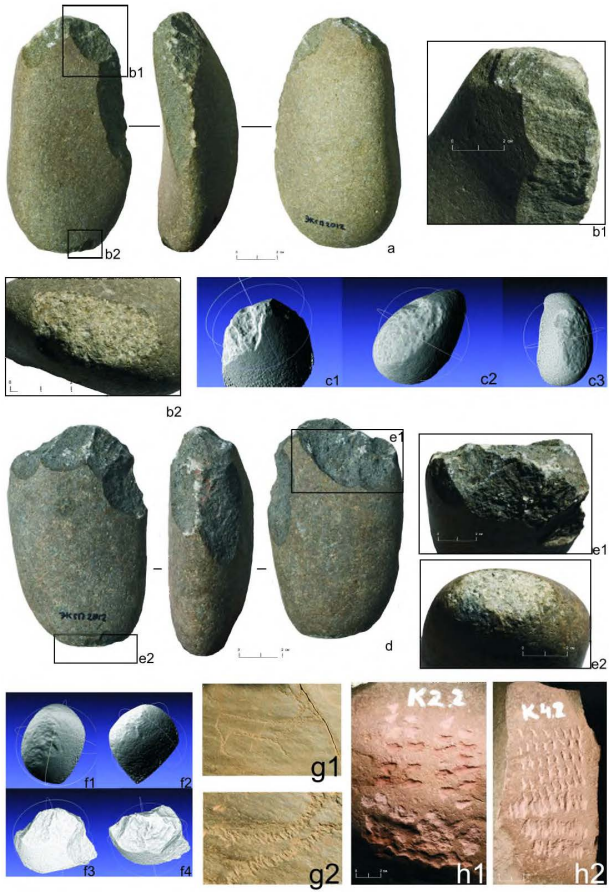


Рис. 1. Экспериментальные каменные орудия из локального сырья со следами использования для прямого и опосредованного пикетажа по поверхности песчаника (р. Туба, близ Шалаболинской писаницы, 2012 г.): *a* – общий вид на орудие № 1 в трех проекциях; *b1* – макрофото приостренного участка, изношенного в ходе использования орудия № 1 как посредника при пикетаже; *b2* – макрофото противолежащей стороны орудия № 1, использовавшегося в качестве посредника при пикетаже; *c1* – трехмерная реконструкция забитого в ходе опосредованного пикетажа участка, соприкасавшегося с обрабатываемой поверхностью; *c2–3* – трехмерные реконструкции забитого в ходе опосредованного пикетажа участка, соприкасавшегося с отбойником; *d* – общий вид на орудие № 2 в трех проекциях; *e1* – макрофото приостренного участка, изношенного в ходе использования орудия № 2 как посредника при пикетаже; *e2* – макрофото противолежащей стороны орудия № 2, использовавшегося в качестве посредника при пикетаже; *f1–2* – трехмерные реконструкции забитого в ходе опосредованного пикетажа участка, соприкасавшегося с отбойником; *f3–4* – трехмерные реконструкции забитого в ходе опосредованного пикетажа участка, соприкасавшегося с обрабатываемой поверхностью; *g1–2* – пример петроглифа Шалаболинской писаницы, имеющего следы, схожие по характеристикам с экспериментальным выбоинами, полученными орудиями из вязкого галечного сырья; *h1* – следы опосредованного пикетажа, полученные орудием № 2; *h2* – следы опосредованного пикетажа, полученные орудием № 1 (фото и 3D-реконструкции авторов)

Следы, характеризующие отбойники, использовавшиеся для опосредованного пикетажа (рис. 1, *b2, e2*), достаточно сложно надежно диагностировать, проводя различие со следами на отбойниках, которые применялись для обработки каменных орудий. В обоих случаях в качестве рабочей части используется закругленный участок. По всем общим морфологическим параметрам они могут быть идентичны. Что касается следов использования, то их сходство также крайне велико: скопления отдельных выбоин либо плотно заполненная следами пикетажа поверхность. Это результаты нанесения разного количества и разной степени интенсивности ударов по камню, что может встречаться в равной степени в обоих случаях и не позволяет четко разграничить отбойники по камню (для создания орудий и для создания петроглифов).

Все эти характеристики позволяют определить примерные направления поиска каменных орудий, связанных с наскальным искусством, среди материалов археологических коллекций.

Результаты анализа выборки предметов из камня (из коллекции Минусинского краеведческого музея им. М.Н. Мартьянова)

В ходе трасологического изучения каменных артефактов из фондов музея имени М.Н. Мартьянова было выделено четыре группы предметов, связанных с разными характеристиками на уровне особенностей их общей морфологии и различными следами износа на определенных участках.

К первой группе относятся предметы, не имеющие никаких признаков их использования для выполнения петроглифов. В основном это разной величины обломки галек, отщепы, иногда оббитые гальки, но без характерных выступающих участков, которые могли использоваться в качестве рабочей части для пикетажа. В эту категорию входит несколько пестов, которые имеют крайне мало следов забитости или не имеют их совсем. Также к этой группе относятся предметы, которые морфологически могли бы подойти для выбивания петроглифов, но на них не зафиксировано никаких признаков характерного износа. Сюда входят артефакты из всех серий сборов, рассмотренных в ходе исследования (сборы в основном логу г. Суханиха: 10080/ 2 СОЛ I; 10080/ 5 СОЛ II; 10080/ 7 СОЛ I-II; 10080/ 8 СОЛ III-19; 10080/ 9 СОЛ-III-IV; 10080/ 11 СОЛ IV, на гриве; сборы у г. Моисеиха: 10079/ 6; 10079/ 7; А 9934/ 36; два предмета под шифром 9937-19 из сборов Э.Р. Рыгдылона у стоянки Алтын-Куль; А 9934/ 37 из сборов Э.Р. Рыгдылона 1948 г. на дюнах у д. Ильинки Курагинского р-на Красноярского края, а также шесть предметов с одним шифром А 9934/ 38 из этих же сборов). Таких предметов в представленной выборке большинство.

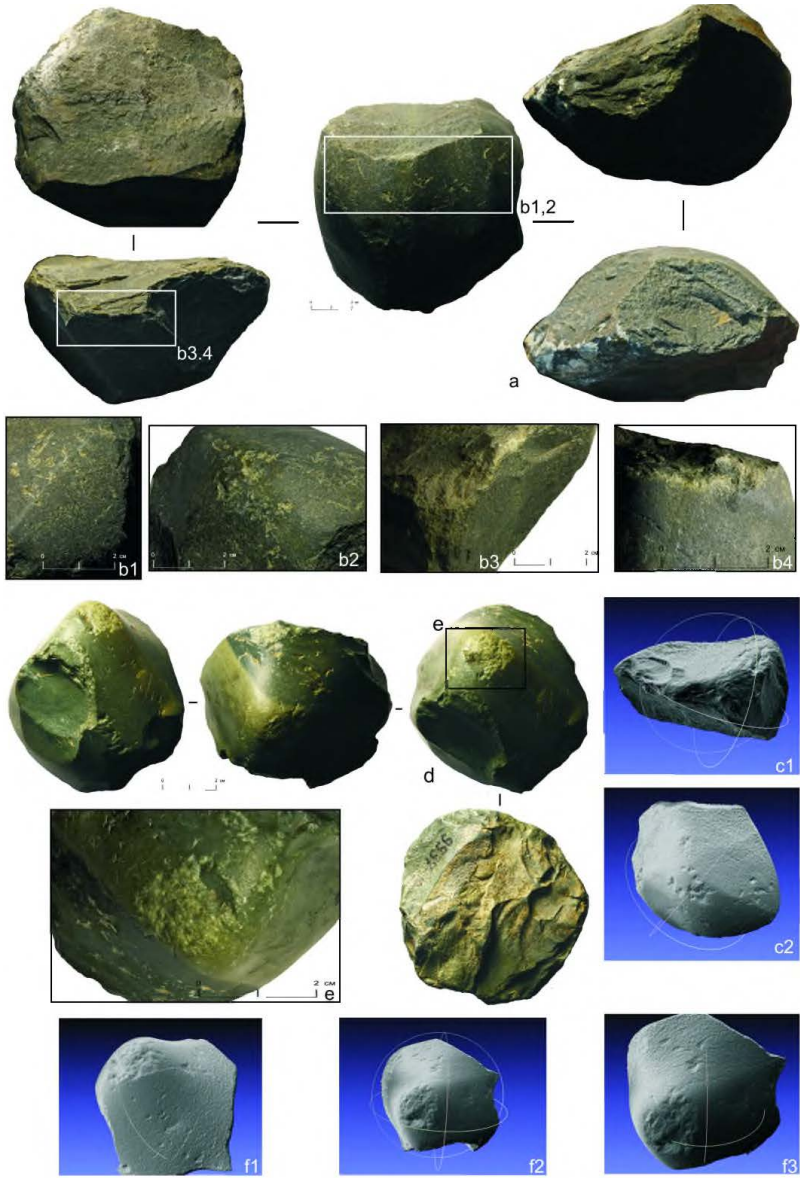


Рис. 2. Вторая группа артефактов (отбойники): *a* – общий вид в четырех проекциях на обломок оббитой гальки (100800/ 17) из сборов в основном логу г. Суханиха (Минусинский район, Красноярский край); *b* – макрофото забитых и изношенных участков оббитой гальки (100800/ 17); *c* – трехмерные реконструкции изношенных участков орудия (100800/ 17); *d* – общий вид в четырех проекциях на обломок оббитой гальки (9937-19) из сборов на оз. Алтын-Куль (Бейский район, Республика Хакасия); *e* – макрофото забитых и изношенных участков оббитой гальки (9937-19); *f* – трехмерные реконструкции изношенных участков орудия (9937-19) (фото и 3D-реконструкции авторов)

Вторая группа включает фрагменты галек, которые могли использоваться как в качестве отбойников при расщеплении камня для получения заготовок, так и как инструменты для пикетажа при создании наскальных изображений. Характер следов износа очень схож в обоих случаях. Кроме того, нельзя исключать возможность сочетания обеих этих функций. Самым ярким примером такого орудия является предмет под шифром 9937-19 (Алтын-Куль) – обломок оббитой гальки (рис. 2, *d, e, f1–3*). Предмет окатан, следы несколько сглажены, несмотря на это, они довольно четко фиксируются на двух участках, особенно на выступающей части. На них отмечаются интенсивная забитость, ярко выраженный ячеистый рельеф, сильно контрастирующий с остальной поверхностью – гладкой естественной галечной коркой (рис. 2, *e, f1–3*). Эти участки выглядят уплощенными (рис. 2, *f1*). Важно, что границы видоизмененного рельефа очень четкие, это концентрация мелких выбоинок, что указывает на довольно ограниченную локализацию площади контакта с обрабатываемой поверхностью (рис. 2, *d, e, f1–3*). Однако на боковой стороне предмета фиксируются также отдельные выбоины, довольно глубокие, свидетельствующие о точечном, непродолжительном, но очень интенсивном воздействии (рис. 2, *f1, f3*). Такие выщерблины встречаются на отбойниках, которые использовались для расщепления камня. Таким образом, как отмечалось выше, этот предмет мог быть бифункциональным. Последняя категория следов указывает на то, что он, безусловно, использовался как отбойник для расщепления камня. Но весьма вероятно и применение этой гальки также для выполнения выбивки на скальной поверхности как отбойника при опосредованном пикетаже (для нанесения ударов по посреднику).

Похожие отдельные выщерблины встречаются на оббитой гальке под шифром 100800/ 17 (г. Суханиха) (рис. 2, *a, b1–4, c1–2*). Однако этот предмет можно отнести и к четвертой группе, так как на нем присутствуют и очень характерные следы истертости, уплощенности на выступающем участке, свидетельствующие о его использовании для выполнения пикетажа на скальной поверхности (рис. 2, *b3, c1*).

Третья группа включает оббитые гальки, которые по морфологическим характеристикам вряд ли подходят для выполнения выбивки, однако на них фиксируются некоторые, чаще всего неярко выраженные, признаки износа, указывающие на непродолжительное их использование. Несмотря на не самую удачную форму, видимо, эти орудия все-таки попробовали применить для выполнения выбивки, на что указывают хоть и не интенсивные, но довольно характерные следы износа. Ярким примером предмета такой категории является оббитая галька с небольшой серией сколов под шифром 10080/ 1 (г. Суханиха) (рис. 3, *d, e1–3, f1–2*). Хотя она и подходит для выбивки по некоторым параметрам: обладает нужным весом, а также довольно удобна для захвата в руке, – на ней нет удачного выступающего участка.

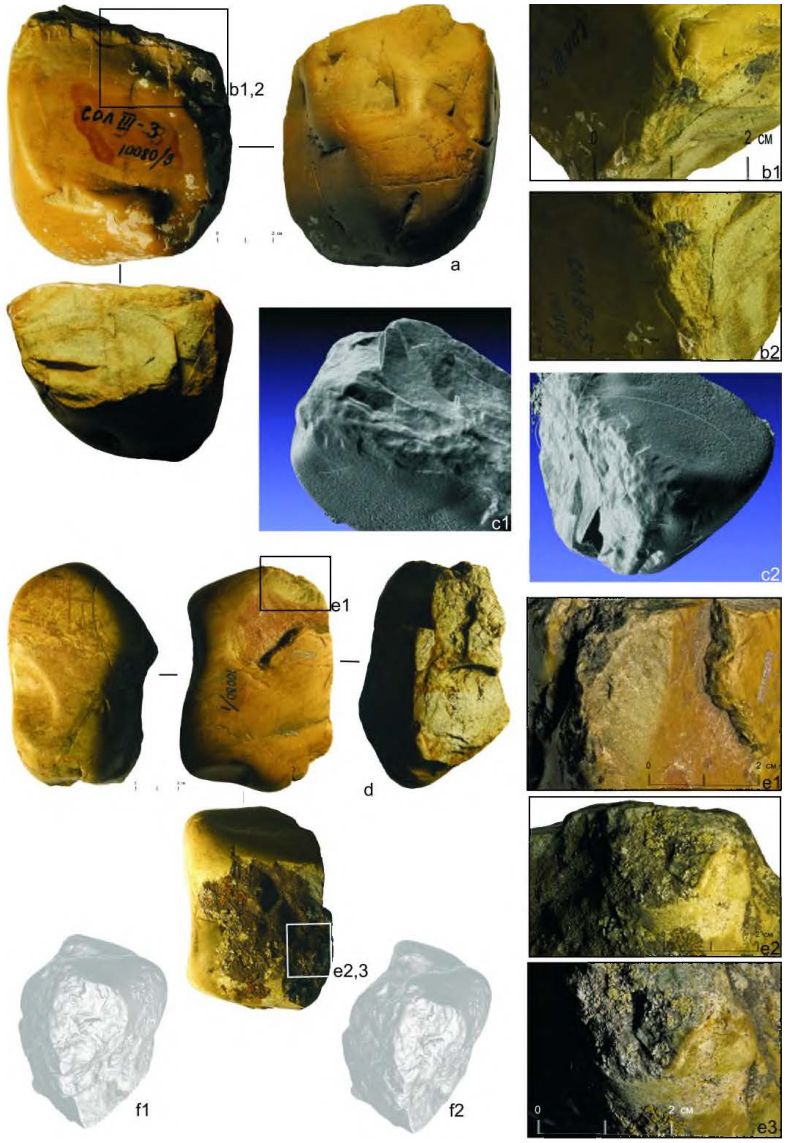


Рис. 3. Примеры артефактов третьей группы (морфологически не очень подходящие, но имеющие некоторые следы использования в технике пикетажа): *a* – общий вид в трех проекциях на оббитую гальку (100800/ 3) из сборов в основном логу г. Суханиха (Минусинский район, Красноярский край); *b1–2* – макрофото забитых и истертых участков оббитой гальки (100800/ 3); *c1–2* – трехмерные реконструкции изношенных участков предмета (100800/ 3); *d* – общий вид в четырех проекциях на оббитую гальку (100800/ 1) из сборов в основном логу г. Суханиха (Минусинский район, Красноярский край); *e1–3* – макрофото сглаженных и уплощенных участков оббитой гальки (10080/ 1); *f1–2* – трехмерные реконструкции изношенных участков предмета (10080/ 1) (фото и 3D-реконструкции авторов)

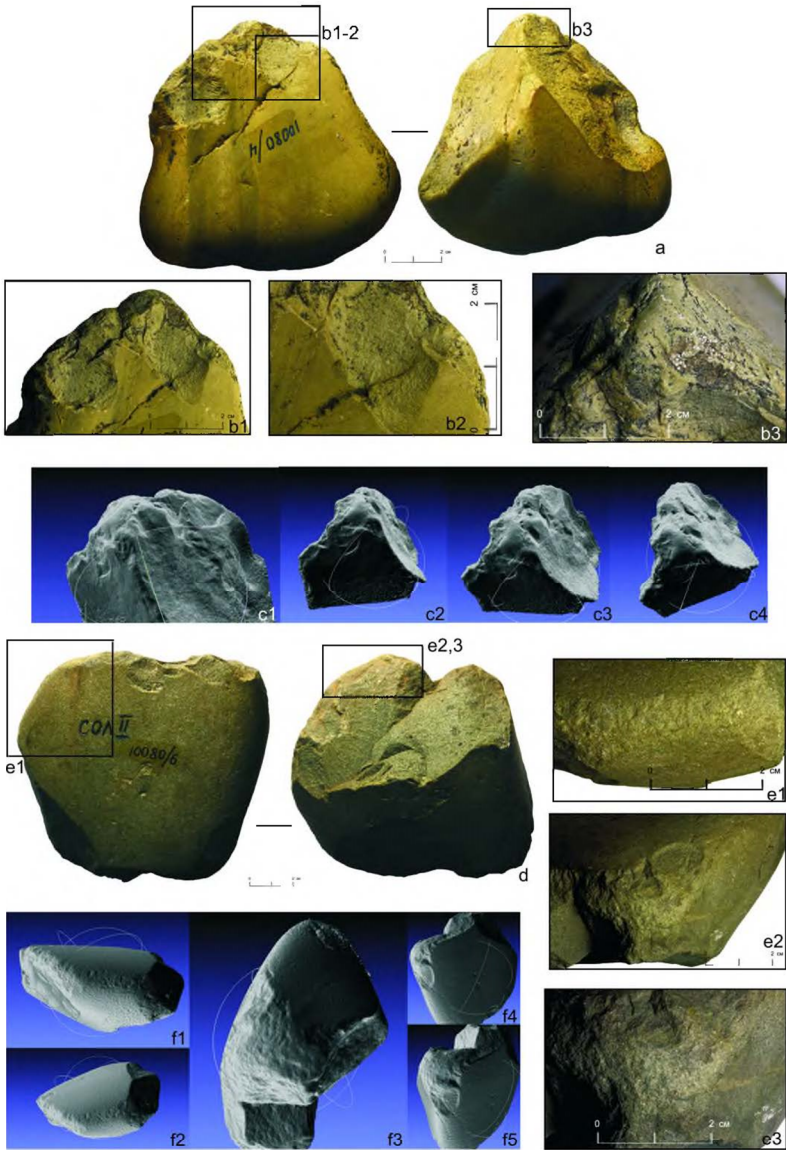


Рис. 4. Примеры артефактов четвертой группы: *a* – общий вид в двух проекциях на оббитую гальку (100800/ 4) из сборов в основном логу г. Суханиха (Минусинский район, Красноярский край); *b1, 3* – макрофото сглаженных и уплощенных участков оббитой гальки (100800/ 4), *b2* – участок без сглаженности; *c1–4* – трехмерные реконструкции изношенных участков предмета (100800/ 4); *d* – общий вид в двух проекциях на оббитую гальку (100800/ 6) из сборов в основном логу г. Суханиха (Минусинский район, Красноярский край); *e1–3* – макрофото забитых и уплощенных участков оббитой гальки (10080/ 6); *f1–5* – трехмерные реконструкции изношенных участков предмета (10080/ 6) (фото и 3D-реконструкции авторов)

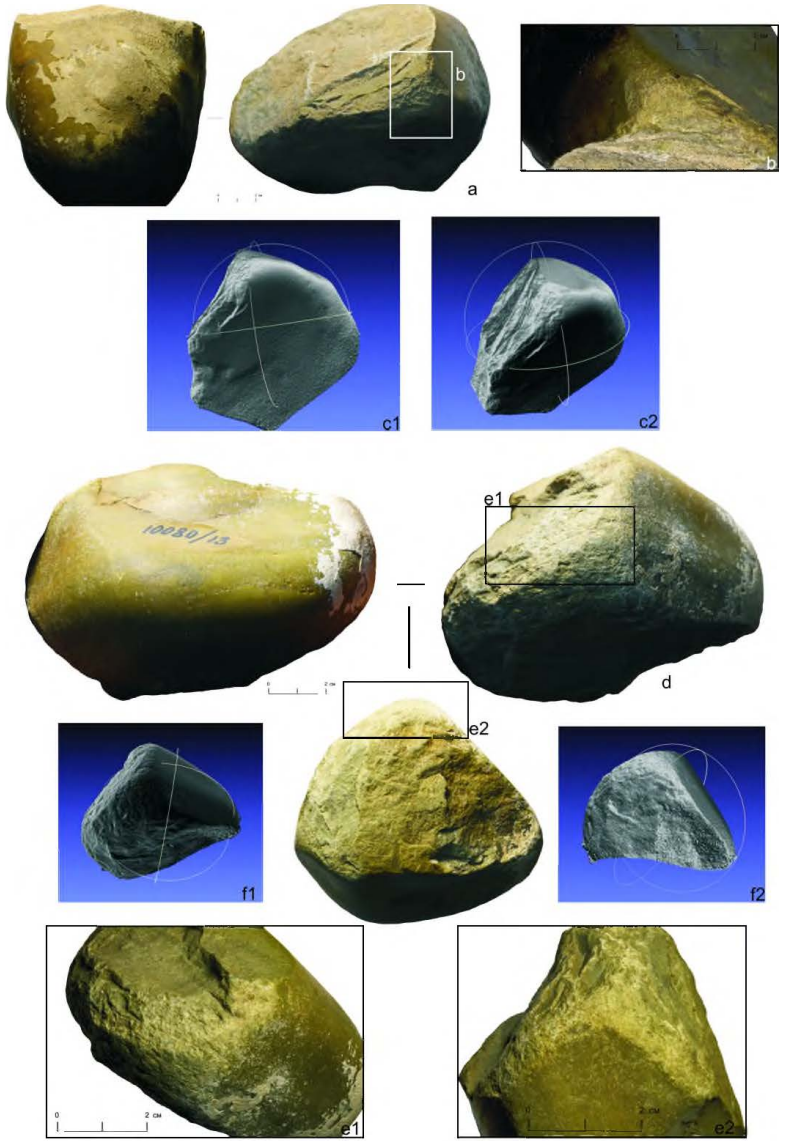


Рис. 5. Примеры артефактов четвертой группы (продолжение): *a* – общий вид в двух проекциях на оббитую гальку (100800/ 12) из сборов в основном логу г. Суханиха (Минусинский район, Красноярский край); *b* – макрофото забитого и истертого участка оббитой гальки (100800/ 12); *c1–2* – трехмерные реконструкции изношенных участков предмета (100800/ 12); *d* – общий вид в трех проекциях на оббитую гальку (100800/ 13) из сборов в основном логу г. Суханиха (Минусинский район, Красноярский край); *e1–2* – макрофото уплощенных и истертых участков оббитой гальки (10080/ 13); *f1–2* – трехмерные реконструкции изношенных участков предмета (10080/ 13) (фото и 3D-реконструкции авторов)

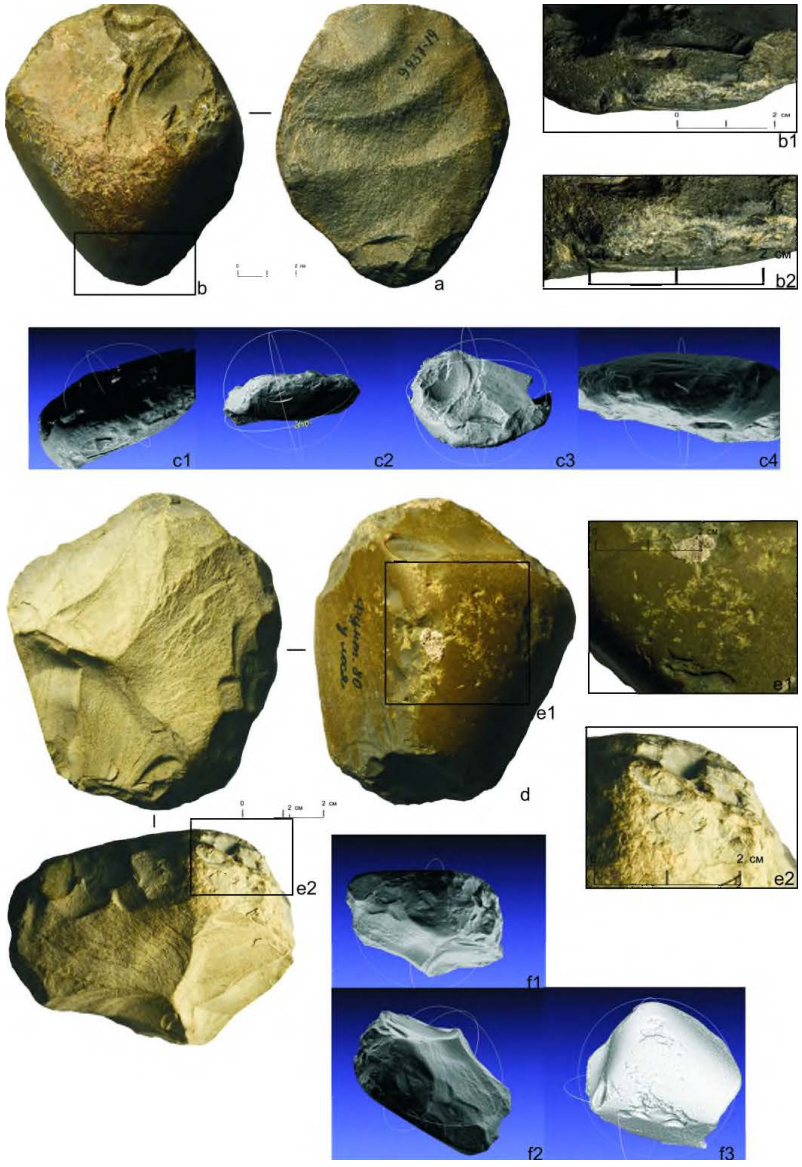


Рис. 6. Примеры артефактов четвертой группы (продолжение): *a* – общий вид в двух проекциях на массивный отщеп (9937-19) из сборов на оз. Алтын-Куль (Бейский район, Республика Хакасия); *b1–2* – макрофото сглаженного и уплощенного участка массивного отщепа (9937-19); *c1–4* – трехмерные реконструкции изношенных участков предмета (9937-19); *d* – общий вид в трех проекциях на оббитую гальку (А10135/ 4) из сборов под плоскостью с петроглифами на г. Фунтиковой (Республика Хакасия); *e1–2* – макрофото уплощенных и истертых участков оббитой гальки (А10135/ 4); *f1–3* – трехмерные реконструкции изношенных участков предмета (А10135/ 4) (фото и 3D-реконструкции авторов)

Однако следы неинтенсивного износа на ней все-таки присутствуют: небольшая уплощенность, некоторая шероховатость небольшого слегка выступающего участка (рис. 3, *e2, e3, f1–2*). На противолежащей стороне отсутствуют следы забитости. Это говорит о том, что, скорее всего, орудие было применено для выполнения небольшой серии выбоин в технике прямого пикетажа. Весьма вероятно, что результат оказался неудовлетворительным, так как морфологические особенности этой оббитой гальки не позволяют получить качественный, достаточно хорошо видимый рельеф на скальной поверхности.

Схожие характеристики обнаруживаются у предмета под шифром 10080/ 3 (г. Суханиха) (рис. 3, *a, b1, b2, c1, c2*). Судя по форме предмета и внутренним трещинам, которые открыли сколы, импульс удара пошел не по выбранному направлению, и удачной заостренной части не получилось. Хотя выступающий участок в данном случае несколько более выражен, чем в предыдущем, следы также не очень интенсивные, присутствуют только небольшая стертость и заломы. Возможно, это орудие также использовалось для пикетажа непродолжительный отрезок времени.

Наконец, наиболее интересная категория предметов составляет последнюю, четвертую, группу. Сюда относятся артефакты, обнаруженные в основном логу г. Суханихи (10080/ 4; 10080/ 6 СОЛ II; 10080/ 12, 13, 14, 15, 16), а также оббитая галька (А10135 /4), найденная под плоскостью с изображениями лосей на г. Фунтиковой и массивный отщеп 9937-19 из сборов Э.Р. Рыгдылона у стоянки Алтын-Куль (рис. 4–6). Всего данная группа состоит из девяти предметов.

Это морфологически подходящие для выбивки петроглифов орудия с характерными следами от пикетажа по поверхности камня (рис. 4–6). Данные признаки износа сосредоточены только на выступающих, иногда на приостренных участках, которые можно рассматривать как подходящие, по морфологическим данным, для выбивки. Следы, указывающие на использование предметов для пикетажа по камню, выглядят как истертость, иногда со специфическим ячеистым рельефом (рис. 4, *b1–3, e1–3*; 5, *b, e1–2*; 6, *b1–2, e1–2*), который не всегда фиксируется невооруженным глазом. На макроуровне эти участки имеют сглаженный или даже уплощенный вид (рис. 4, *c1–4, f1–5*; 5, *c1–2; f1–2*; 8, *c1–4; f1–8*). Другие выступающие фрагменты, например грани негативов сколов, имеют довольно резкие очертания (рис 4, *b2*). Вся остальная поверхность орудий не сглажена, не уплощена, что свидетельствует именно об узкой локализации специфических следов на характерных элементах рельефа орудий. В некоторых случаях встречаются также заломы, как, например, на орудии 10080/ 16 (г. Суханиха), которые, возможно, связаны с особенностями сырья и способами его обработки. Этот аспект требует дополнительного изучения.

Обращает на себя внимание повторяемость одной и той же разновидности сырья (рис. 3, *а*; 4, *а;* 8, *d* и др.). Это слабозернистая, очень однородная, достаточно вязкая порода, видимо, метаморфизованная или окремненная. В ходе экспериментов с орудиями из идентичного сырья удавалось получить ярко выраженный рельеф выбитой поверхности. Интересно, что из девяти предметов третьей и четвертой групп, которые можно связывать с выполнением петроглифов, шесть изготовлены именно из этой породы.

Заключение

Таким образом, подводя итог проведенному исследованию, из четвертой группы (восемь предметов), которая характеризуется наличием морфологических и трасологических особенностей, указывающих на использование этих орудий в качестве отбойников для пикетажа по поверхности камня, семь предметов были обнаружены на памятниках наскального искусства, в непосредственной близости от плоскостей с изображениями (рис. 4–6). Сочетание этих трех аспектов позволяет связывать их с выполнением петроглифов.

Учитывая тот факт, что некоторые из оббитых галек с характерными следами были обнаружены в непосредственной близости от плоскостей с петроглифами тесинского этапа тагарского времени памятника Суханиха, приведенный выше анализ дает основание утверждать, что для изготовления наскальных изображений даже поздних эпох, например железного века, наряду с металлическими инструментами использовались и каменные орудия, причем довольно архаичного облика.

Благодарности

Авторы выражают благодарность за предоставленную информацию об археологических сборах Н.В. Леонтьеву, за возможность работы с коллекциями – директору Минусинского краеведческого музея им. М.Н. Мартьянова С.А. Борисовой и хранителям музея Т.А. Ключникову и В.А. Конохову.

Литература

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.

Гиря Е.Ю., Дроздов Н.И., Дэвлет Е.Г., Макулов В.И. О работах по трасологическому изучению петроглифов Шалаболино // Труды САИПИ. Вып. VIII. Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы: матер. междунар. конф. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. Т. 2. С. 201–207.

Гиря Е.Ю., Дэвлет Е.Г. Некоторые результаты разработки методики изучения техники выполнения петроглифов пикетажем // Уральский исторический вестник. 2010. № 1 (26). С. 107–118.

Гиря Е.Ю., Дэвлет Е.Г. Об исследовании техники выполнения изображений на скалах // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 1 (35). Январь–Февраль–Март. С. 158–178.

Дэвлет Е.Г., Гиря Е.Ю. «Изобразительный пласт» в наскальном искусстве и исследование техники выполнения петроглифов Северной Евразии // Труды САИПИ. Вып. VII. Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. Кемерово, 2011. С. 186–201.

Дэвлет М.А. Бегущие звери на скалах горы Суханиха на Среднем Енисее // Краткие сообщения института археологии. 1982. Вып. 169. С. 53–60.

Заика А.Л., Дорохина А.А., Кочкина Е.И., Пахомова Т.А., Ануфриева Т.И. Шалаболинская писаница (вопросы музеификации) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2014. Вып. 1 (27). С. 184–187.

Зоткина Л.В., Техтереков А.С., Харевич В.М., Плиссон Х. Экспериментальное изучение технологий в наскальном искусстве Минусинской котловины: виды пикетажа и инструментария // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1 (57). С. 55–65.

Киселев С.В. Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц // ТСА РАНИОН. 1930. Т. 5. С. 91–100.

Леонтьев Н.В. Изображения животных и птиц на плитах могильника Черновая VIII // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск: Наука, 1970. С. 265–270.

Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакас. книж. изд-во, 2006. 236 с.

Миклашевич Е.А. Документирование памятников наскального искусства в Хакасии и на юге Красноярского края в 2008 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 190–195.

Миклашевич Е.А. Документирование и мониторинг памятников наскального искусства в Хакасии и на юге Красноярского края в 2009 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. С. 323–328.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. 264 с.

Окладников А.П. Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. 168 с.

Окладников А.П. Петроглифы Горного Алтая. Новосибирск: Наука, 1980. 140 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Ленские писаницы. Наскальные рисунки у деревни Шишкино. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 198 с.

Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы Олёкмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск: Наука, 1976. 200 с.

Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск: Изд-во КГУ, 1985. 192 с.

Plisson H., Zotkina L.V. From 2D to 3D at macro and microscopic scale in rock art studies // Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage. 2015. Vol. 2, is. 2–3. P. 102–119. URL: http://www.sciencedirect.com/science/journal/aip/22120548 (дата обращения: 30.07.2017).

Статья поступила в редакцию 4 июня 2017 г.

Zotkina Lidiya V., Bocharova Ekaterina N.

THE RESULTS OF A TECHNO-TRACEOLOGICAL STUDY OF STONE TOOLS USED FOR MAKING PETROGLYPHS BASED ON THE PIQUETAGE TECHNIQUE

DOI: 10.17223/2312461X/18/3

Abstract. Rock art is a type of archaeological source quite sophisticated for chronological and cultural attribution. Based on iconographic data and specific content of images, researchers are most often likely to identify petroglyphs' belonging to one or another artistic tradition. The analogy method, comparison of petroglyphs with figurative elements of different artifacts found in a well-dated archaeological context, allows us to most accurately attribute rock engravings. However, the technological aspect of making petroglyphs is far from being well-researched. Meanwhile, the question of how and by what means petroglyphs were created is no less important than that of their visual side. The ways and techniques of picking petroglyphs show that different iconographic traditions had their own technological features. Despite the fact that this issue has been covered ever more in research papers in the last decade, our knowledge about the tools used for creating petroglyphs are extremely fragmentary, if not negligible. Although there are a great number of rock art sites in the Minusinsk basin which have been studied for over two centuries now, no data has so far been published with regard to the tools found alongside petroglyphs. Thus, this article provides some results from a study of an archaeological collection of artifacts found in different years and at sites dated to different periods which is kept in the Minusinsk Local History Museum named after N.M. Martyanov. The research combined the experimental-and-traceological approach (use-wear analysis) and three-dimensional reconstruction, and that helped identify some traces of using a series of stone artifacts as bumpers and intermediate tools for working the surface of rocks. In addition, the context of these finds indicates that they were used for making petroglyphs.
Keywords: rock art, petroglyphs, piquetage, traceology, experiment, technology, photogrammetry, Minusinsk basin

References

Vadetskaia E.B. *Arkheologicheskie pamiatniki v stepiakh Srednego Eniseia* [Archaeological sites in the steppes of Middle Yenisei]. Leningrad: Nauka, 1986. 180 p.

Giria E.Iu., Drozdov N.I., Devlet E.G., Makulov V.I. O rabotakh po trasologicheskomu izucheniiu petroglifov Shalabolino [On some work conducted under a traceological study of petroglyphs of Shabalino], *Trudy SAIPI. Vyp. VIII. Naskal'noe iskusstvo v sovremennom obshchestve. K 290-letiiu nauchnogo otkrytiia Tomskoi pisanitsy. Mater. mezhdunar. konf.* [The SAIPI works. Issue VIII. Rock art in modern society. With regard to the 290th anniversary since the day of scientific discovery of Tomskaya Pisanitsa]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, Vol. 2, pp. 201–207.

Giria E.Iu., Devlet E.G. Nekotorye rezul'taty razrabotki metodiki izucheniia tekhniki vypolneniia petroglifov piketazhem [Some results of the development of methods for studying the piquetage technique of creating petroglyphs], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2010, no. 1(26), pp. 107–118.

Giria E.Iu., Devlet E.G. Ob issledovanii tekhniki vypolneniia izobrazhenii na skalakh [On the study of engraving images on rock], *Problemy istorii, filologii, kul'tury, no. 1 (35), Ianvar'-Fevral'-Mart* [Issues of history, philology, and culture, Vol. 1 (35), January – February – March]. Moscow – Magnitogorsk – Novosibirsk, 2012, pp. 158–178.

Devlet E.G., Giria E.Iu. «Izobrazitel'nyi plast» v naskal'nom iskusstve i issledovanie tekhniki vypolneniia petroglifov Severnoi Evrazii [The 'pictorial layer' in rock art and the study of methods of creating petroglyphs in North Eurasia], *Trudy SAIPI. Vyp. VII. Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii. K 70-letiiu D.G. Savinova* [The SAIPI works. Issue VII. Ancient art as reflected by archaeology. With regard to the 70th anniversary of D.G. Savinov]. Kemerovo, 2011, pp. 186–201.

Devlet M.A. Begushchie zveri na skalakh gory Sukhanikha na Srednem Enisee [The running animals depicted on rocks of the mountain Sukhanikha in the Middle Yenisei region], *Kratkie soobshcheniia instituta arkheologii*, 1982, Vol. 169, pp. 53–60.

Zaika A.L., Dorokhina A.A., Kochkina E.I., Pakhomova T.A., Anufrieva T.I. Shalabolinskaia pisanitsa (voprosy muzeifikatsii) [The Pisanitsa of Shalabolino (some questions of musefication)], *Vestnik Krasnoiarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva*, 2014, Vol. 1 (27), pp. 184–187.

Zotkina L.V., Tekhterekov A.S., Kharevich V.M., Plisson Kh. Eksperimental'noe izuchenie tekhnologii v naskal'nom iskusstve Minusinskoi kotloviny: vidy piketazha i instrumentariia [Experimental research on technologies in the Minusinsk basin's rock art: types of piquetage and tools], *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii*, 2014, no. 1(57), pp. 55–65.

Kiselev S.V. Znachenie tekhniki i priemov izobrazheniia nekotorykh eniseiskikh pisanits [The importance of methods and techniques of creating rock images used at some Yenisei rock art sites], *TSA RANION*, 1930, Vol. 5, pp. 91–100.

Leont'ev N.V. Izobrazheniia zhivotnykh i ptits na plitakh mogil'nika Chernovaia VIII [Images of animals and birds on the burial plates at the Chernovaya VIII site], *Sibir' i ee sosedi v drevnosti* [Siberia and its neighbours in ancient times]. Novosibirsk: Nauka, 1970, pp. 265–270.

Leont'ev N.V., Kapel'ko V.F., Esin Iu.N. *Izvaianiia i stely okunevskoi kul'tury* [Statutes and stelas of the Okunevskaya culture]. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2006. 236 p.

Miklashevich E.A. Dokumentirovanie pamiatnikov naskal'nogo iskusstva v Khakasii i na iuge Krasnoiarskogo kraia v 2008 godu [Documenting unique rock art sites in Khakassia and in the south of the Krasnoyarsk region in 2008], *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Issues of the archaeology, ethnography, and anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2008, pp. 190–195.

Miklashevich E.A. Dokumentirovanie i monitoring pamiatnikov naskal'nogo iskusstva v Khakasii i na iuge Krasnoiarskogo kraia v 2009 godu [Documenting and monitoring rock art sites in Khakassia and in the south of the Krasnoyarsk region in 2009], *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Issues of the archaeology, ethnography, and anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2009, pp. 323–328.

Molodin V.I., Efremova N.S. *Grot Kuiliu – kul'tovyi kompleks na reke Kucherle (Gornyi Altai)* [The grotto of Kuylyu as a unique complex on the river Kucherla (Gornyy Altai)]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2010. 264 p.

Okladnikov A.P. *Petroglify Baikala – pamiatniki drevnei kul'tury narodov Sibiri* [The petroglyphs of Baikal as ancient cultural sites of the peoples of Siberia]. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1974. 168 p.

Okladnikov A.P. *Petroglify Gornogo Altaia* [The petroglyphs of Gornyy Altai]. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1980. 140 p.

Okladnikov A.P., Zaporozhskaia V.D. *Lenskie pisanitsy. Naskal'nye risunki u dereni Shishkino* [Lenskie rock art sites. Rock drawings near the village of Shishkino]. Moscow-Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1959. 198 p.

Okladnikov A.P., Mazin A.I. *Pisanitsy Olekmy i Verkhnego Priamur'ia* [The rock art sites of Olyokme and the Upper Amur region]. Novosibirsk: Nauka, 1976. 200 p.

Piatkin B.N., Martynov A.I. *Shalabolinskie petroglify* [The petroglyphs of Shalabolino]. Krasnoiarsk: Izd-vo KGU, 1985. 192 p.

Plisson H., Zotkina L.V. From 2D to 3D at macro and microscopic scale in rock art studies, *Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage*, 2015, Vol. 2, Issues 2-3, pp. 102–119. Available at: http://www.sciencedirect.com/science/journal/aip/22120548 (Accessed 30 July 2017).

УДК 091(571.1)
DOI: 10.17223/2312461X/18/4

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ГРАФИКИ ПИСЬМА СИБИРСКИХ ДОКУМЕНТОВ XVIII–XX вв.*

Валерия Анатольевна Есипова

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопроса об использовании аббревиации как составной части словесной культуры. Рассмотрены такие типы аббревиации, как написание слов под титлами, использование выносных букв. На примере сибирских рукописей XVIII–XX вв. показано, что эти приемы аббревиации использовались независимо от социального положения писца, его образования, языка и типа переписываемого текста. Выдвинуты предположения о причинах данного явления. Во-первых, это может быть результатом домашнего образования и присутствия в круге чтения книг как гражданской печати, так и кириллической традиции. Таким образом, не существовало одномоментного замещения кириллического круга чтения гражданским, это был длительный и не до конца изученный процесс. Во-вторых, ранее уже выдвигалось предположение, что для большинства населения Российской империи в рассматриваемый период церковнославянский язык был более понятен, чем язык русской классической литературы; исследованные документы косвенно это подтверждают. Полученные результаты дают возможность для изучения повседневных практик чтения и письма, для реконструкции круга чтения сибиряков, изучения их словесной культуры.

Ключевые слова: рукописи, палеография, аббревиация, Томская губерния, Сибирь

Постановка проблемы

Одной из составляющих национальной идентичности является словесная культура, понимаемая как часть культуры общества, включающая общие принципы, лежащие в основе организации языка и речи (Романенко 2012: 7). Она существует как в форме устной речи, так и фиксируется в письменных источниках; соответственно, исследование этой проблематики по определению междисциплинарно: изучением словесной культуры занимаются филологи, лингвисты, историки, палеографы, историки культуры. Эволюция словесной культуры отражается, в числе прочего, в изменениях графики письма. Частным случаем

* Статья подготовлена при частичной финансовой поддержке гранта РФФИ и Администрации Томской области № 17-14-70006 а(р), а также программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета (№ 8.1.38.2017).

этих изменений является история аббревиации, понимаемой в широком смысле как сокращенное написание слов.

Известно, что аббревиация (сокращенное написание слов) использовалась еще в период Античности (Волков 2000); особое развитие она получила именно в христианской письменности. Аббревиация в церковнославянском (кириллическом) письме была построена на тех же принципах, что и в греческой письменности: в основном сокращенно (под титлом) писались nomina sacra, принципы их написания изложены в грамматических сочинениях XIV–XVII вв. Встречаются и так называемые буквенные титла, когда вынесенная над строкой буква покрывалась изогнутой чертой; таким образом могли писаться не только nomina sacra, но и часто встречающиеся слова. Для ускорения процесса письма и сокращения длины строки использовались также связное письмо и лигатуры. Количество выносных букв и буквенных титл сильно увеличилось с развитием делопроизводственной скорописи начиная с XV в.; подробно этот вопрос рассмотрен, например, в работе Э.В. Шульгиной (Шульгина 2000). Считается, что процесс развития аббревиации прекратился в XVII в. со становлением отечественного книгопечатания и системы норм церковнославянского языка. Однако часть принятых сокращений существует и в настоящее время; они используются в современном церковнославянском языке, в первую очередь – при публикации священных текстов. Также сохранились они и в старообрядческой письменности.

В данной статье предлагается рассмотреть некоторые примеры аббревиации на материале сибирских по происхождению документов XVIII–XIX вв., отложившихся в хранилищах г. Томска: отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (ОКП НБ ТГУ) и Томском областном краеведческом музее (ТОКМ), и показать, что процесс использования аббревиации продолжался и в более позднее время, а также какого рода конкретно-историческую информацию можно извлечь из исследуемых рукописей.

Краткий обзор историографии вопроса

В качестве предварительного замечания следует отметить, что обозначенная проблема преимущественно рассматривается представителями двух специальностей: лингвистами в рамках истории языка и палеографами – в рамках истории письма и развития почерков как составной части книжной культуры. В подходах этих специалистов есть разница: притом что их интересуют схожие (а порой одни и те же) факты, для лингвиста важно в первую очередь оценить тот или иной факт с точки зрения отражения лингвистических явлений на письме и соответ-

ствия нормам языка изучаемого периода. Палеографа же интересует эволюция графики письма в первую очередь как возможность для датировки, независимо от того, насколько исследуемое явление соответствует современным ему языковым нормам.

История развития графики русского письма и алфавита вызывает большой интерес лингвистов в последнее время (Кириллица 2009; Осипов 2012 и др.). Появились как обобщающие исследования, так и работы, освещающие отдельные аспекты этого сложного и не до конца изученного процесса: устранение омофонии, отмирание надстрочных знаков и т.д. (Каверина 2008; Инютина 2009; Бальжинимаева, Майоров 2015; Розен 2015 и др.). Исследованы также палеографическо-орфографические особенности рукописей, написанных в XIII–XVII вв. на территории Украины (Гнатенко 2016). Хорошо известны работы Б.И. Осипова, посвященные истории русского языка и развитию его графики (Осипов, 2010), и Д.И. Алексеева, освещающие историю аббревиации в русском языке (Алексеев 1970, 1977, 1979).

Так, Д.И. Алексеев предлагает рассматривать следующие этапы в развитии аббревиации в русском языке: 1) этап титлованных сокращений (X–XVII вв.), внутри которого он выделяет два периода: X–XIV вв. – период, когда в основном сокращались nomina sacra, и XV–XVII вв., когда сокращались любые слова, что оформлялось с помощью выносных букв под титлами; 2) этап точечных сокращений (XVIII–XX вв.); 3) этап лексических сокращений (с XX в.) (Алексеев 1977: 6). Соглашаясь с ним в целом, Б.И. Осипов предлагает считать второй этап продолжающимся до сих пор, третий же считает относящимся «не к истории письма, а к истории словообразовательной системы языка» (Осипов 2010: 214–215). Представляется, что точка зрения Б.И. Осипова более фундирована и согласуется с материалами, проанализированными ниже.

Палеографы, рассматривая развитие письма в целом, характеризуют эволюцию почерков обычно по периодам. Именно по хронологическому принципу построены все известные отечественные учебники по палеографии (Черепнин 1956; Щепкин 1967; Карский 1979 и др.). Эволюции выносных букв и буквенных титл был посвящен ряд работ: так, Е.Э. Гранстрем исследовала сокращения в древнейших славянорусских рукописях (Гранстрем 1954), О.В. Творогов рассматривал выносные буквы в рукописях более позднего периода (Творогов 1966).

При этом принято считать, что период, называемый лингвистами этапом титлованных сокращений, завершился в русской рукописной книге к концу XVIII в. В исследованиях по истории графики русского письма XVIII в. всегда отмечается существенная роль петровской реформы. Так, Б.И. Осипов обозначает XVIII в. как век графического дуализма, время двух значительно различающихся орфографий: печатной и рукописной. При этом происходит постепенное осознание в качестве

образца графики и орфографии печатных изданий (Осипов 2010: 183–184). Ученый отмечает, что «степень строгости, последовательности правописания… неодинакова, дольше задерживаются в рукописях и некоторые архаические черты, причем большая свобода и большая архаичность рукописной орфографии воспринимаются, по-видимому, как нечто естественное даже и образованными людьми» (194). С этой точкой зрения согласуется и взгляд Л.В. Черепнина, который отмечает влияние гражданского шрифта на трансформацию письменных начертаний букв (Черепнин 1956: 475). К особенностям графики русского письма XVIII в. он относит развитие скорописи в направлении унификации начертаний отдельных букв, сокращение количества выносных, особенно к концу столетия; письмо при этом приобретает более связный характер (477). Важным фактом исследователи считают появление трудов, посвященных вопросам правописания, например работ В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова (486), в которых, в числе прочего, предлагалось отказаться от слов под титлами и употребления надстрочных знаков.

Очень важным представляется замечание Д.И. Алексеева; позволим себе обширную цитату: «Есть определенные основания говорить о словотитловой аббревиации на последнем этапе ее существования как о некоей орфографической особенности кирилловского письма как такового. Об этом свидетельствует, во-первых, сохранение в XVIII в. словотитловых сокращений во многих книгах и текстах, напечатанных кирилловским шрифтом… и разовое, почти без всякой постепенности, устранение словотитлования из печати гражданского шрифта. Во-вторых, показательно применение титлованных сокращений (правда, в основном тексте только для сакральных слов) в изданиях церковной литературы кирилловского шрифта на старославянском языке в XX в. и отсутствие таких сокращений в параллельных изданиях обычного шрифта на русском языке. Наконец, особенно показательна постепенность отказа от словотитловых сокращений в рукописной практике XVIII в., когда письмо именно эволюционировало от кирилловской скорописи к гражданской каллиграфии (в книгопечатании переход от кирилловского шрифта к гражданскому произошел более резко, без эволюции)» (Алексеев 1979: 37).

По отношению к почеркам XIX в. палеографы подчеркивают их индивидуальный характер и изменчивость во времени для отдельно взятого писца (Черепнин 1956: 543–553). С точки зрения лингвистов, XIX в. является временем унификации в сфере правописания; лубочная и рукописная литература, в которой наследуются некоторые признаки «орфографической автономии» XVIII в., уходит на периферию культурной жизни (Осипов 2010: 195).

Д.И. Алексеев отмечает одно из свойств словотитловой аббревиации: «Специфика словотитловой аббревиации проявилась в том, что

для ее применения не потребовалось особых функциональных условий. Эта аббревиация связана преимущественно с полууставом и скорописью и возможна в любом тексте, в любой строке, исполненной этими почерками. Такой неограниченности применения не знает ни титловая, ни точечная аббревиация. Так, титловые сокращения обусловлены содержанием текста, наличием в нем сакральной лексики. Словотитловые сокращения применяются в текстах любого содержания, они не зависят от тематики написанного. Точечные сокращения ограничены ситуативно-контекстуальными и другими условиями текста. Словотитловые сокращения не зависят от ситуации, не обусловлены контекстом. Более того, они одинаково возможны как в текстовых, так и в околотекстовых и даже внетекстовых условиях» (Алексеев 1979: 36–37).

Характеристика источников и методов исследования

В качестве источников исследования были использованы:

1. XVIII в. Пример рукописи XVIII в., написанной полууставом. В качестве примера рассматривался Сборник старообрядческий смешанного содержания 80-х гг. XVIII в. (ОРКП НБ ТГУ. В-777; рис. 1). Сборник поступил в НБ в составе библиотеки Томской духовной семинарии в 1920-е гг. Он написан тремя почерками; писец № 3 (лл. 110–304 об.) оставил две записи о времени и месте своей работы; на л. 140 об. почерком № 3: «Списано Слово сие Новопавловского завода в доме купца Прокопья Дмитревича со старопечатной книги Минеи четьи лета господня 7296, а от Христа в 1788 году. Ф.П.». На л. 214 об. чернилами, почерком № 3: «Списано в деревне Новой Еловки со Цветника печатнаго 7293 года октября 27 дня». Также на л. 189 об. чернилами, скорописью XVIII в. читается запись о краже 12 января 1792 г. сундука у Якова. В сундуке, среди прочего, была медная чернильница и две книги: Требник и Диоптра. Как видно, рукопись создавалась в традиционно старообрядческих районах Урала: Новопавловский завод и деревня Новая Еловка; последняя находилась на территории современного Еловского района, который с XVIII в. являлся традиционным местом расселения старообрядцев (Черных 2008–2012). Писцом № 3 переписан ряд текстов, в том числе «История о некоей купеческой дочери» (Климова 1999, 2007), «История о славном короле Антиохе», «Книга Изморгафия», «Описание святаго града Иеросалима» и др. Почерк писца № 3 – довольно четкий, но несколько небрежный полуустав с некоторыми элементами скорописи.

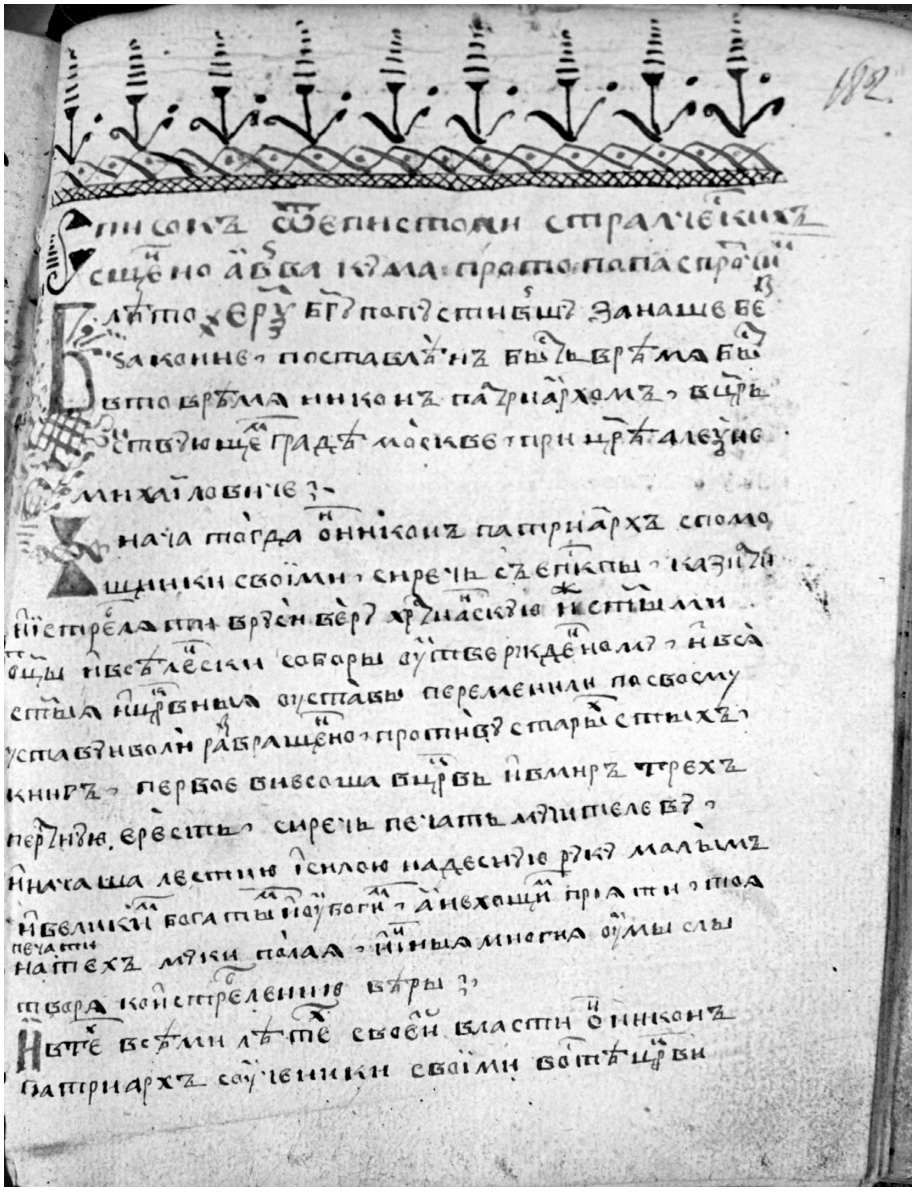


Рис. 1. ОРКП НБ ТГУ. В-777. Сборник старообрядческий смешанного содержания. 80-е гг. XVIII в. Л. 182. Пример рукописи XVIII в., написанной полууставом

Одной из известнейших рукописей, хранящихся в ОРКП НБ ТГУ, является первое этнографическое сочинение о Сибири, написанное Г.И. Новицким, «Краткое описание о народе остяцком» (ОРКП НБ ТГУ. В-751; рис. 2). Рукопись поступила в НБ ТГУ в 1956 г.; до этого она хранилась в Музее истории материальной культуры. Находящийся

на верхней крышке переплета ярлык свидетельствует о ее происхождении из собрания Тобольского церковного древлехранилища, где хранились, в числе прочего, дары высших иерархов Тобольской и Сибирской епархии. В рукописи два почерка; первым написаны лл. 1–92, вторым – окончание текста (лл. 93–98). Первый почерк принадлежит Г.И. Новицкому; это убористая, красивая по начертаниям и явно профессиональная украинская скоропись XVIII в. Отметим, что текст переписывался «набело», предназначался для длительного хранения и распространения, т.е. выполнялся не для себя. Григорий Ильич Новицкий, воспитанник Киево-Могилянской академии, являлся высокообразованным человеком и, очевидно, прекрасно владел нормами письма своего времени. Соответственно, в рукописи, обращенной к читателю и предназначавшейся для длительного хранения, он эти нормы должен был соблюдать.

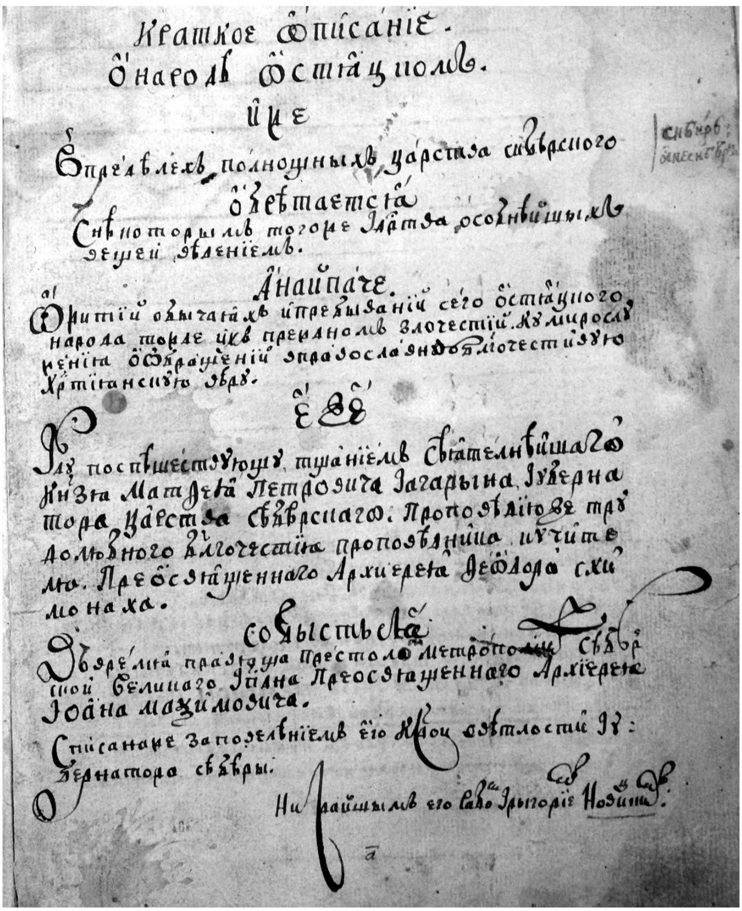


Рис. 2. ОРКП НБ ТГУ. В-751. Новицкий Г.И. Краткое описание о народе остяцком. Тобольск, 1715. Титульный лист

2. XIX в. Пример рукописи, написанной скорописью XIX в. Рукопись томского чиновника Александра Горохова «Залог, или Нравственное зеркало» (ОРКП НБ ТГУ. В-884; рис. 3); этому тексту уже были посвящены специальные исследования (Бойко 2008; Есипова 2017). Автор текста, А.М. Горохов, сибирский чиновник, был также отцом известного томского золотопромышленника Философа Александровича Горохова. Текст «Залога» адресован автором его детям и не предназначался для публикации. Несмотря на относительно хорошо читающийся почерк, в рукописи много дополнений и исправлений, т.е. это не вполне «беловой» экземпляр. Однако поскольку текст писался для родственников, «беловой» вариант мог вообще не предполагаться. В тексте такого рода, с одной стороны, вполне возможна определенная графическая небрежность, но, с другой стороны, автор предполагал, что дети прочитают его творение; следовательно, в целом он должен был придерживаться понятных им норм написания.

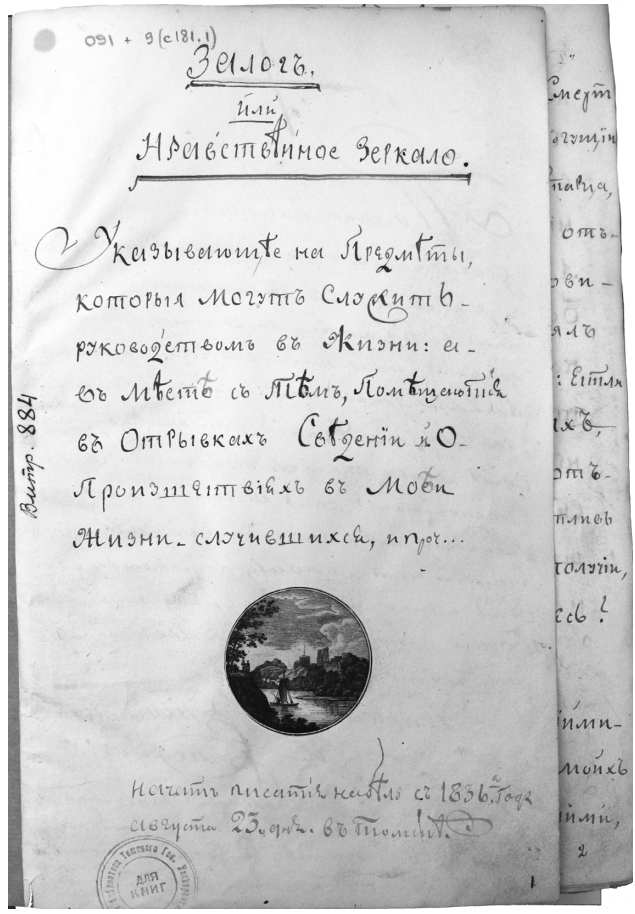


Рис. 3. ОРКП НБ ТГУ. В-884. Горохов А.М. «Залог, или Нравственное зеркало». Томск, 1836–1839. Титульный лист

3. XX в. Примеры полууставных и скорописных рукописей XX в. из «Заимочной» (Тиуновской) коллекции (ТОКМ, НБ ТГУ, Института истории (ИИ) СО РАН). Коллекция сформировалась в старообрядческой общине, проживавшей в 1890–1930-х гг. в бассейне р. Кеть, в основном по ее притокам – рр. Елтыревой, Дунаевой, Жигаловой и др. В состав общины входило несколько семейных кланов: Бочкаревы, Коноваловы, Хохловы, Воробьевы, Тиуновы и др. (Бахтина 1987, 2011; Приль 2002; Есипова, Куклина 2014 и др.). В составе коллекции имеются рукописи, уже привлекавшие внимание исследователей; часть текстов, преимущественно дневникового характера, была опубликована: «Островной летописец» (Приль 1995), «Книга пасхалная» (ИИ СО РАН. 2/92; рис. 4; Мальцев 1998). С точки зрения графико-орфографических особенностей эти рукописи были исследованы Г.Н. Стариковой (Старикова 2011), которая установила наличие двух типов почерков (полуустав и скоропись) одной руки, предположительно принадлежавших Наталье Коноваловой. Записи выполнялись как для себя, так и для коммуникации с членами общины и отдельными лицами, проживавшими «в миру», т.е. они отражают графические нормы, понятные как внутри общины, так и за ее пределами.

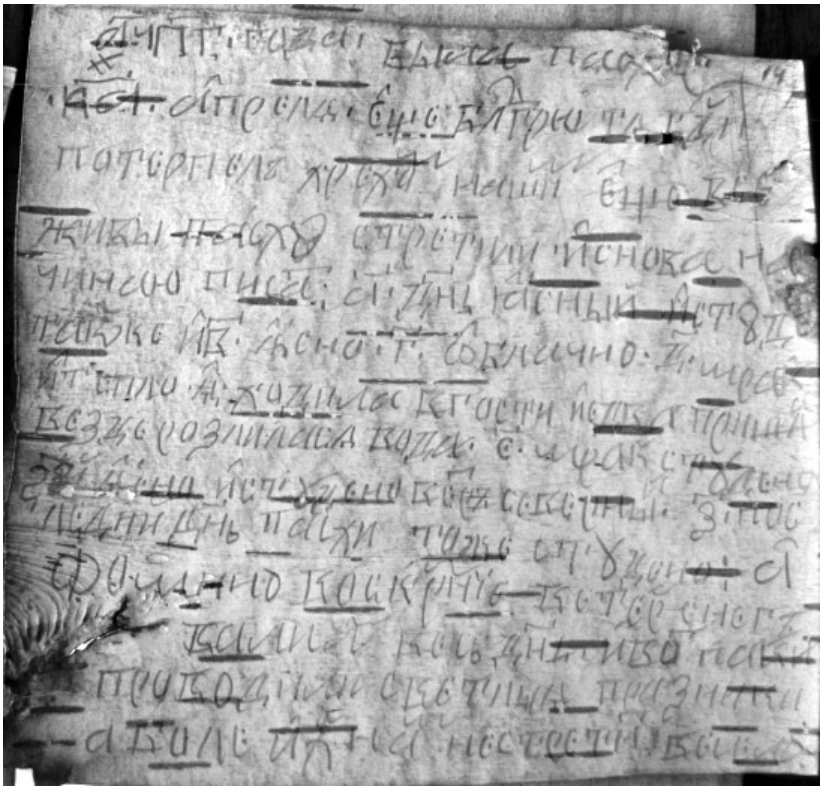
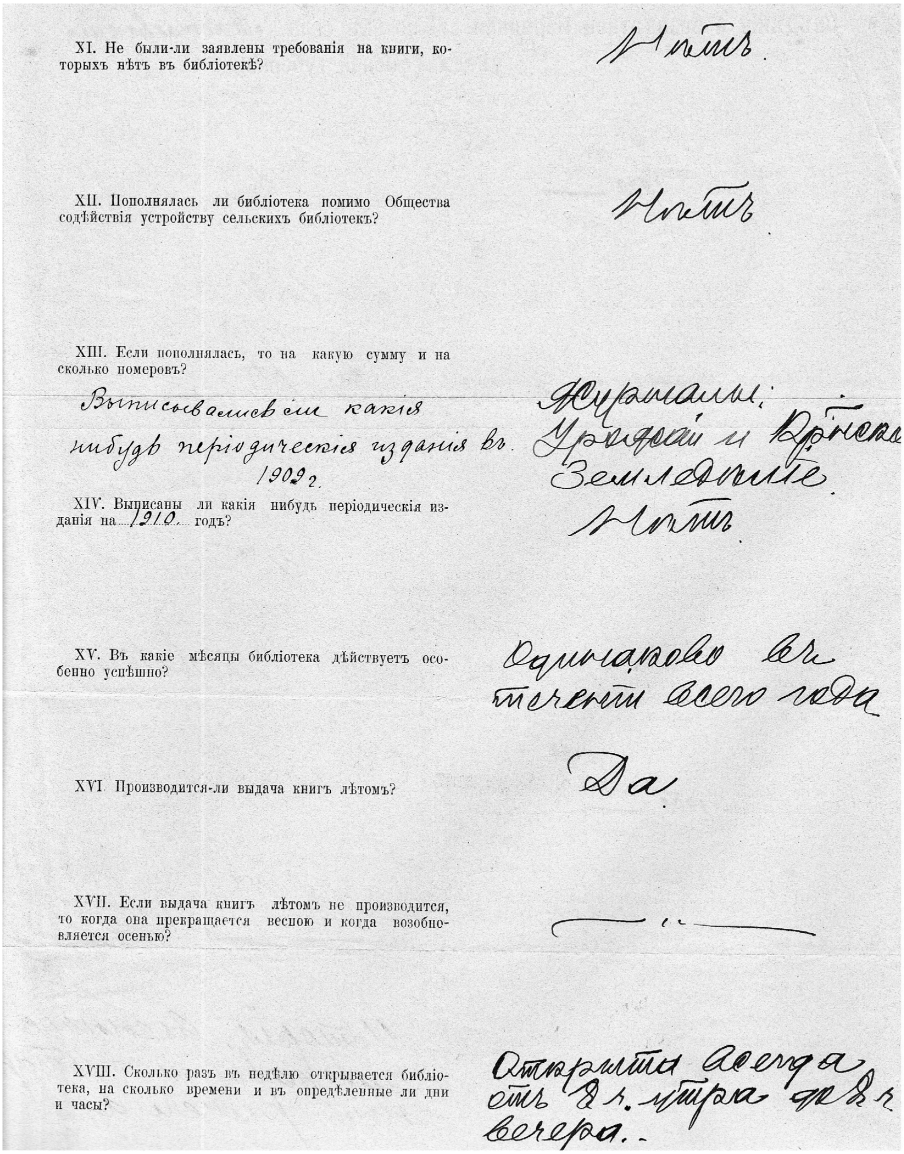


Рис. 4. ИИ СО РАН. 2/92. «Книга пасхалная». Л. 1


XI. Не были-ли заявлены требованія на книги, которыхъ нѣтъ въ библіотекѣ? — Нѣтъ.

XII. Пополнялась ли библіотека помимо Общества содѣйствія устройству сельскихъ библіотекъ? — Нѣтъ.

XIII. Если пополнялась, то на какую сумму и на сколько номеровъ?

Выписывались ли какія нибудь періодическія изданія въ 1909 г. — Журналы: Урожай и Крѣпкое Земледѣліе.

XIV. Выписаны ли какія нибудь періодическія изданія на 1910 годъ? — Нѣтъ.

XV. Въ какіе мѣсяцы библіотека дѣйствуетъ особенно успѣшно? — Одинаково въ теченіи всего года.

XVI. Производится-ли выдача книгъ лѣтомъ? — Да.

XVII. Если выдача книгъ лѣтомъ не производится, то когда она прекращается весною и когда возобновляется осенью? — " —

XVIII. Сколько разъ въ недѣлю открывается библіотека, на сколько времени и въ опредѣленные ли дни и часы? — Открыта всегда отъ 8 ч. утра до 8 ч. вечера.

Рис. 5. ТОКМ 14167/403. Сведения о бесплатной народной библиотеке села Таскаевского Томской губернии за 1909 г. Л. 1 об.

Пример скорописных документов XX в. В ТОКМ хранится архив Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии. Общество было создано П.И. Макушиным в 1901 г.; в период до 1919 г. им было открыто около 600 библиотек на территории Томской губернии. Объем архива составляет 1 696 документов; существенная его часть – отчеты о деятельности

библиотек, часто выполненные в форме анкеты, заполнявшейся заведующим библиотекой. Представлена также переписка заведующих библиотеками с П.И. Макушиным и представителями Общества в Томске (Карташова 2015). Авторами писем являются разные лица, в период 1905–1915 гг. заведовавшие библиотеками при Городенском одноклассном сельском училище Каинского уезда Томской губернии, в с. Таскаевском Таскаевской волости Каинского уезда, в с. Каргатском Каинского уезда, в с. Наумовском Томского уезда и др. (ТОКМ 14167/485–14167/489, 14167/491–14167/492, 14167/403 (см. рис. 5), 14167/422 и др.). Среди авторов – учителя Иван Алмазов, Петр Денисович Новиков и О. Усанова, волостной писарь Зотиков, заведующий библиотекой крестьянин Василий Федорович Рахов, заведующий библиотекой учитель местного училища Павел Григорьевич Соловьев и другие лица. Письма и анкеты являлись частью официального документооборота Общества; применяемые авторами графические нормы должны были быть понятны не только им самим, но и адресатам документов.

Был проведен просмотр перечисленных документов на предмет выявления сокращений и выносных букв, расположения этих сокращений (в середине или в конце слова, в середине или в конце строки). Также принимались во внимание язык (церковнославянский или русский), тип текста (сакральный, научный, делопроизводственный и т.д.). Целью являлось найти какие-либо закономерности, связывающие между собой наличие аббревиаций и остальные указанные признаки. Условные обозначения: выносные буквы обозначены далее курсивом, пропущенные буквы подчеркнуты.

Обсуждение полученных результатов

1. XVIII в. Пример рукописи XVIII в., написанной полууставом. Писцом № 3 рукописи В-777, как указано выше, был переписан ряд текстов; в числе прочего он переписал, вернее, пересказал, одно из писем протопопа Аввакума. Рассмотрим, какие способы аббревиации и выносные буквы он использовал.

Слов, написанных под титлами, в тексте немного:

– nomina sacra и слова, связанные с церковью: «Б*о*г», «Х*рист*во», «ц*ерк*овь», «ц*ерк*овные», «св*ят*ители», «свящ*енн*о» и др. (ОРКП НБ ТГУ. В-777: 182);

– сокращаются слова, связанные с отношениями между людьми, властью и т.д., например «ц*а*рь».

Гораздо чаще писец № 3 использовал выносные буквы и буквенные титла:

– характерной чертой его почерка является практически полное отсутствие выносных на конце строк. Встречаются только отдельные

случаи: «в космах», «умирают» и др. (ОРКП НБ ТГУ. В-777: 182–183) Как видно, выносится последняя согласная;

– выносятся согласные на конце предлогов, местоимений и союзов, а также согласные на конце слов в середине строки: «он», «иж», «богатым», «убогим», «старых», «летех» и др. (ОРКП НБ ТГУ. В-777: 183);

– в случае расположения рядом двух согласных выносится первая из них: «развращенно», «вселенский», «бысть», «душевредный» и др. (ОРКП НБ ТГУ. В-777: 182–184). При выносе согласных знак титла обычно ставится, хотя имеются и выносные без титла.

Писцом № 3 переписаны сакральные тексты и тексты древнерусской традиции. Букв под титлами довольно много, в основном – nomina sacra. Язык рукописи – церковнославянский.

Пример рукописи XVIII в., написанной скорописью. В тексте, переписанном Новицким, встречаются написания под титлами следующих типов:

– nomina sacra и слова, связанные с церковью, например: «Божыя», «благочестие», «благ», «богоугодное», «с небес», «спасение» и др. (ОРКП НБ ТГУ. В-751: 3–4 и др.);

– часто встречающиеся слова: «ныне», «государство», «благополучие» и др. (ОРКП НБ ТГУ. В-751: 4, 10 и др.). Отметим, что особенно часто сокращаются слова с корнем «благо». Как это показано на других материалах, цитированных выше, в первую очередь сокращались гласные, поскольку огласовка в таких словах не представляла трудности.

Использованы в тексте также выносные буквы и буквенные титла:

– в конце строки выносные встречаются, но не очень часто: «желаемых», «вечным» и др. (ОРКП НБ ТГУ. В-751: 3–4 и др.);

– в середине слова выносные буквы присутствуют часто на границе морфем и на конце предлогов и приставок («предувиде» и др.); также присутствуют выносные в случае расположения рядом двух согласных, при этом выносится обычно первая из них: «старостию», «мудрствующих», «сердце», «праотцы» и др. (ОРКП НБ ТГУ. В-751: 3–5, 10 и др.) Представлены как случаи выносной буквы под титлом, так и просто написания выносной буквы над строкой, без знака титла.

Текст Новицкого является научным текстом, под титлами в основном помещаются nomina sacra. Язык рукописи – русский.

2. XIX в. Пример рукописи, написанной скорописью XIX в. В тексте рукописи Горохова почти нет сокращений, под титлом часто пишется слово «месяц», в традиционном варианте сокращения (без огласовки).

Отметим также единичные случаи выносных, например «осеннее» (ОРКП НБ ТГУ. В-884: 20 об.). Слово расположено в середине строки, но правила вынесения сохраняются: выносится первая из двух согласных, идущих подряд. В рукописи Горохова довольно много цитат из Библии, но он приводит их практически без выносных, с полной огла-

совкой; имеются лишь единичные выносные на конце строки: «Евангелие о*т* Матфея» (ОРКП НБ ТГУ. В-884: 127), «в уста*х*» (ОРКП НБ ТГУ. В-884: 144), «зазирающи*м*» (ОРКП НБ ТГУ. В-884: 155). С такой же низкой частотой встречаются и выносные в авторском тексте Горохова: «упра*ж*нение» (ОРКП НБ ТГУ. В-884: 157), «твои*м*» (ОРКП НБ ТГУ. В-884: 169).

Заметим, что Горохов был как минимум неплохо знаком и с традицией кириллического письма; об этом свидетельствует, например, спорадическое использование славянской цифири (ОРКП НБ ТГУ. В-884: 103). Упоминает он о некоей «Библии славянской, называемой Острожской, напечатанной в 1581 году, августа 12, и хранящейся во французской библиотеке» (ОРКП НБ ТГУ. В-884: вклейка XLVII на л. 140). Правда, из высказывания ясно, что он, скорее, читал или слышал об Острожской Библии, чем держал ее в руках.

Текст Горохова представляет собой эго-документ, выносные буквы в нем довольно редки и не соотносятся с сакральным текстом: в цитатах из Библии примерно столько же выносных, как и в авторском тексте, а наиболее часто сокращается слово «м*е*с*я*ц». Язык рукописи – русский.

3. XX в. Примеры полууставных и скорописных рукописей XX в. из «Заимочной» коллекции.

Наибольший интерес представляет «Книга пасхалная» (ИИ СО РАН 2/92), в которой представлены и полуустав, и скоропись одной руки. В случае полууставного почерка замечены следующие закономерности:

– под титлами пишутся часто встречаемые слова (со*л*н*н*це, де*н*ь; ИИ СО РАН. 2/92: 7, 8 и др.). Интересным фактом является наличие отдельных полных написаний слов под титлом (солнце – полное написание с огласовкой под титлом, ИИ СО РАН 2/92: 9);

– выносные без титла обычно пишутся на конце слова (дожи*т*, бы*л*, стои*т*; ИИ СО РАН. 2/92: 7, 7 об., 9 и др.), на конце строки выносные встречаются редко.

В скорописных фрагментах выносные буквы и слова под титлами не встречаются.

Ряд рукописей из этого собрания был проанализирован Г.Н. Стариковой, которая отметила в отношении выносных букв и титлованных слов в рукописях кириллической традиции следующее (Старикова 2011):

– разновариантные написания повторяемых слов;

– в качестве выносных представлены обычно конечные согласные;

– наличие полных вариантов слов, традиционно сокращаемых.

Как раз последний факт Г.Н. Старикова связывает с влиянием на кириллическую графику гражданской скорописи, также используемой Н. Коноваловой: «…влияние церковнославянской графики на гражданскую выразилось в непоследовательном употреблении прописных букв, Ь в середине слов для обозначения мягкости предшествующего соглас-

ного, недописанности слов, пусть редкого, но все же возможного буквенного обозначения чисел. Обратное воздействие можно усмотреть в часто безразличном употреблении дублетных букв, полнобуквенном написании традиционно сокращаемых слов, использовании арабских цифр» (Старикова 2011: 39).

Отметим, что в случае Н. Коноваловой прослеживается однозначная связь между типом текста и графикой письма (сакральные тексты – кириллица, светский текст – гражданская скоропись). Однако такая связь, присутствующая в данном случае, не всегда является однозначной, о чем уже были опубликованы исследования (Esipova 2016). Представляется, что более детальное рассмотрение взаимовлияния кириллицы и гражданской скорописи с учетом типа текста и культурного контекста может дать новую информацию об эволюции словесной культуры региона.

Пример скорописных документов XX в. из архива Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии:

– во многих документах встречается вынесение последних букв при порядковом числительном, обозначенном цифрой: «14го марта», «в 2х верстах» и т.п., причем эти сокращения используют все авторы писем;

– имеются слова, сокращения которых используются индивидуально: так, Иван Алмазов пишет под титлом слова «к*о*м*о*рые» (ТОКМ 14167/488: 1 об. и др.), «к*ак*» (ТОКМ 14167/488: 1 об. и др.) и «м*ес*я*ц*» (ТОКМ 14167/487: 1), а П. Новиков – «кр*ес*т*ья*не» (ТОКМ 14167/491: 1).

Среди документов имеется также письмо О. Усановой, учительницы, которая заведовала Городенской народной библиотекой; в ее письме выносные практически не встречаются, однако имеется написанное под титлом слово «кр*ес*т*ья*не» (ТОКМ 14167/589: 2 об.).

Аналогичное сокращение, причем в названии журнала «Кр*ес*т*ья*нское земледелие», использовал волостной писарь Зотиков, заполняя «Сведения о бесплатной народной библиотеке села Таскаевского Томской губернии за 1909 г. с. Таскаевское, Таскаевская волость, Каинский уезд» (ТОКМ. 14167/403: 1 об.).

Довольно часто встречается также написание слова «товарищество» под титлом: так, крестьянин Рахов сокращает его как «т*овариществ*о» (ТОКМ 14167/311: 1об). Учитель Каргатского училища П.Г. Соловьев пишет под титлом слово «б*иблиотек*а» (ТОКМ 14167/422: 1).

Тексты архива представляют собой делопроизводственные документы, язык – русский. Для всех описанных документов характерны индивидуальные приемы использования выносных букв, однако при этом авторы уверены, что получатель правильно поймет примененные ими способы аббревиации.

Заключение

Таким образом, рассмотрение сибирских документов XVIII–XX вв. показывает, что на письме выносные буквы и слова под титлами, хотя и в разной степени, но сохранялись достаточно длительное время, причем этот факт слабо зависел от социального положения и образования писца, языка переписываемого текста (церковнославянский или русский), типа воспроизводимого текста (священное писание, научная работа, семейный или личный архив, деловая переписка). Представляется важным отметить следующие тенденции:

– старообрядческая традиция не являлась настолько «традиционной», как это обычно принято считать, по крайней мере в плане графики письма. Здесь тоже происходила собственная эволюция, приводившая и к постепенному исчезновению выносных букв, и к вариативности узуса в случае слов, традиционно писавшихся под титлами; вероятно, это было результатом влияния гражданской печати, а также выучки и квалификации конкретных писцов;

– к началу XX в. в светском письме остаются лишь фрагменты традиции выносных и букв под титлами, однако часть из них оказалась довольно устойчивой (например, конечный выносной при порядковом числительном сохранялся еще и в середине XX в.; при дальнейшем исследовании тут можно найти материал для датировки памятников).

Возникает вопрос о возможных причинах длительного сохранения традиции письма с выносными буквами и титлами. В качестве гипотезы можно выдвинуть следующие предположения:

– способ обучения. А.Г. Кравецкий считает в отношении письменной речи, что «русским литературным языком владела ничтожно малая часть населения страны. Для подавляющего большинства грамотного населения России церковнославянский язык был более понятен, чем русский литературный» (Кравецкий 2003). Заметим, что в деревнях, где отсутствовали школы, имело место домашнее обучение – причем наиболее вероятно, что обучались именно на церковнославянском. Так, священник Михайло-Архангельской церкви с. Таскаевского Каинского уезда М. Подлесский в 1905 г. писал в Общество содействия: «В приходе села Таскаевского на расстоянии 30 верст от села расположен поселок Петро-Павловский. Жители этого поселка урожденцы Российских губерний, проживают здесь оседло около девяти лет. Большая часть их грамотных, а так как в поселке школы нет, то дети их обучаются читать и писать у родителей и всетаки грамотность в их деревне до сих пор не заглохла» (ТОКМ. 14167/397: 1). Однако при этом он же отмечал, что «многие из них обращаются ко мне с просьбою прочесть ту или другую книгу или из газет вести с театра войны». То есть, вероятно, чтение текста гражданской печати вызывало затруднения, что и приводило к обращениям к священнику;

– присутствие в круге чтения не только книг гражданской печати, но и кириллицы. Это относилось как к старообрядцам, для которых такой круг чтения был традиционным, так и к светским лицам (выше приведен пример с А.М. Гороховым, его употреблением славянской цифири и ссылками на Острожскую Библию). Процесс взаимопроникновения двух графических систем был сложным и нелинейным, что видно на примере дневников Коноваловой. На все это накладывался тот факт, что имелось не только взаимовлияние графических систем, каждая из них соотносилась с языком (русским и церковнославянским).

Рассмотренный материал и выводы из него могут быть полезны не только палеографам и лингвистам; историк, и особенно историк культуры, также получает здесь целый ряд возможностей:

– возможность исследования результатов системы обучения: как писали, почему традиции выносных и титлованных слов сохранялись достаточно долго;

– возможность изучения репертуара чтения. Еще в первой половине XIX в. виден его смешанный характер даже у светских лиц; это показывает, что не существовало одномоментного замещения кириллического круга чтения гражданским, это был длительный и не до конца изученный процесс.

В целом исследованные документы и полученные выводы дают представление о словесной культуре, предоставляют материал для изучения повседневных практик чтения и письма, для реконструкции круга чтения различных социальных слоев Западной Сибири.

Благодарности

Благодарю старшего научного сотрудника научно-хранительского отдела ТОКМ Т.П. Карташову, которая указала мне на документы архива Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии (ТОКМ). Также благодарю Г.Н. Старикову, доцента кафедры русского языка филологического факультета Томского государственного университета, за содержательное обсуждение ряда аспектов темы, проанализированной в статье.

Литература

Алексеев Д.И. Из истории русской аббревиации (графические сокращения X–XVII вв.) // Вопросы диалектологии и истории русского языка. Ученые записки Куйбышевского педагогического института им. В.В. Куйбышева. Куйбышев, 1970. Вып. 82, ч. II. С. 72–73.

Алексеев Д.И. Аббревиация в русском языке: дис. … д-ра филол. наук. Воронеж, 1977. 442 с.

Алексеев Д.И. Сокращенные слова в русском языке. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979. 328 с.

Бальжинимаева С.Ж., Майоров А.П. Дублетные буквы в деловой письменности Забайкалья XVIII в. // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 2. С. 41–46.

Бахтина О.Н. Сибирская крестьянская библиотека. Новые поступления Томского областного краеведческого музея // Русская книга в дореволюционной Сибири. Государственные и частные библиотеки. Новосибирск, 1987. С. 139–161.

Бахтина О.Н. Некоторые проблемы описания рукописей на бересте XX в. // Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI–XX века): посвящается 45-летию научно-педагогической деятельности Е.И. Дергачевой-Скоп / сост. и отв. ред. О.Н. Фокина, В.Н. Алексеев. Новосибирск, 2011. С. 981–988.

Бойко В.П. Записки А.М. Горохова как источник по истории сибирского чиновничества в первой половине XIX в. (на основе архивных документов) // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 3 (4). С. 47–52.

Волков А.А. Аббревиатуры // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. М.: Православная энциклопедия, 2000. Т. 1. С. 35–57. URL: http://www.pravenc.ru/text/62424.html (дата обращения: 15.05.2017).

Гнатенко Л.А. Палеографічно-орфографічна атрибуція української кириличної рукописної книги: уставні та півуставні кодекси кінця XIII – початку XVII ст. / Відп. ред. Л.А. Дубровіна; НАН України, Національна бібліотека України імені В.І. Вернадського, Інститут рукопису. Київ, 2016. 476 с.

Гранстрем Е.Э. Сокращения в древнейших славяно-русских рукописях // Труды отдела древнерусской литературы. 1954. Т. X. С. 427–434.

Есипова В.А. Читательские практики и рецепция текста: томский чиновник XIX в. А.М. Горохов и его наставление детям // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 45. С. 150–170.

Есипова В.А., Куклина Т.Э. «Заимочная» коллекция: рукописи XX в. на бересте. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 124 с.

Институт истории СО РАН 2/92. «Книга пасхалная». 50–60-е гг. XX в. 15 л.

Инютина Т.С. Явление языкового варьирования в деловом письме Сибири XVII в. (источниковедческий аспект): автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2009. 29 с.

Каверина В.В. Устранение омофонии в истории русского письма // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2008. № 5. С. 40–65.

Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. М.: Наука, 1979. XXI, 494 с.

Карташова Т.П. Русская и зарубежная классика в сибирской деревне (по материалам анкетирования сельских народных библиотек Томской губернии начала XX в.) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2015. № 2 (9). С. 79–88.

Кириллица – латиница – гражданица / Под ред. Т.В. Шмелёвой. Великий Новгород, 2009. 340 с.

Климова М.Н. Малоизученный памятник русской беллетристики переходного периода «История о некоей купеческой дочери…» и его жанровое своеобразие // Проблемы литературных жанров: материалы IX Междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня основания Томского государственного университета. 8–10 декабря 1998 г. Томск, 1999. Ч. I. С. 69–73.

Климова М.Н. О двух беллетристических текстах из старообрядческого сборника XVIII века (НБ ТГУ, В-777) // Памятники отечественной книжности: новые тексты, новые интерпретации. Новосибирск, 2007. С. 80–89.

Кравецкий А.Г. Альтернативные системы в истории русской письменности XVIII–XIX вв. // Славянское языкознание: материалы конференции (Москва, июнь 2002). М., 2003. С. 153–154.

Мальцев А.И. «Книга пасхалная» – берестяной старообрядческий дневник за 1956–1975 гг. // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 263–272.

Отдел рукописей и книжных памятников Научной библиотеки (далее ОРКП НБ) ТГУ. В-777. Сборник старообрядческий смешанного содержания. XVIII в. (80-е гг.). 307 л.

ОРКП НБ ТГУ. В-751. Новицкий Г.И. Краткое описание о народе остяцком. Тобольск, 1715. 98 л.

ОРКП НБ ТГУ. В-884. Горохов А.М. «Залог, или Нравственное зеркало, указывающее на предметы, которые могут служить руководством в жизни, а вместе с тем помещаются в отрывках сведения о происшествиях в моей жизни, случившихся и проч. Начат писаться набело с 1836-го года, августа 23 дня в Томске». Томск, 1836–1839. 274 лл.

Осипов Б.И. Судьбы русского письма: история русской графики, орфографии и пунктуации. Москва: Изд-во ИРЯ РАН; Омск: Омский научный вестник, 2010. 320 с.

Приль Л.Н. «Островной летописец» // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея: сб. ст. / Отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. Т. VIII. С. 183–222.

Приль Л.Н. Старообрядческие общины Прикетья и Причулымья в конце XIX – 80-х гг. XX в. (опыт реконструкции жизнедеятельности): дис. … канд. ист. наук. Томск, 2002. 233 с.

Розен Т. Отмирание надстрочных знаков (на материале дипломатической корреспонденции XVIII века) // Книгамъ бо есть неищетная глубина: Essays in Honour of Irina Lysén / eds. by H.M. Eckhoff, T. Rosén. Uppsala, 2015. С. 184–197.

Романенко А.П. Образ ритора в советской словесной культуре: учеб. пособие. М.: Флинта, 2012. 432 с.

Старикова Г.Н. «Женские записки» старообрядческой коллекции: к проблеме единства содержания и формы текста // Вестник Новосибирского государственного университета. История, филология. 2011. Т. 10, вып. 9. С. 35–39.

Творогов О.В. О выносных буквах в русских рукописях XV–XVII веков // Исследование источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 162–175.

Томский областной краеведческий музей (далее ТОКМ) 14167/311. «Сведения о бесплатной народной библиотеке в селе Наумовском Александровской волости Томского уезда Томской губернии за 1915 г. с. Наумовское, Александровская волость, Томский уезд Томской губернии». 2 л.

ТОКМ 14167/397. Заявление священника Михаило-Архангельской церкви М. Подлесского в совет Общества содействия об открытии народной библиотеки в пос. Петро-Павловском. 1905 г. с. Таскаевское, Таскаевская волость, Каинский уезд. 1 л.

ТОКМ 14167/403. «Сведения о бесплатной народной библиотеке села Таскаевского Томской губернии за 1909 г. с. Таскаевское, Таскаевская волость, Каинский уезд». 2 л.

ТОКМ 14167/422. Письмо от заведующего Каргатской библиотекой в совет Общества содействия о пополнении народной библиотеки. с. Каргат, Каргатская волость, Каинский уезд, Томская губерния. 1914 г. 1 л.

ТОКМ 14167/485. Письмо учителя Городенского сельского училища И. Алмазова Е.П. Макушиной со сведениями о селе и его жителях. с. Городенская, Казаткульская волость, Каинской уезд Томской губернии. 1907 г. 1 л.

ТОКМ 14167/486. Письмо учителя Городенского сельского училища И. Алмазова Е.П. Макушиной об открытии в селе народной библиотеки. с. Городенское, Казаткульская волость, Каинской уезд Томской губернии. 1908 г. 1 л.

ТОКМ 14167/487. «Сведения о бесплатной народной библиотеке с. Городенского Томской губернии за 1908 г.». с. Городенское, Казаткульская волость, Каинский уезд Томской губернии. 2 л.

ТОКМ 14167/488. Письмо заведующего Городенской библиотекой И. Алмазова совету Общества содействия о получении книг от душеприказчиков Павленкова. с. Городенское, Казаткульская волость, Каинской уезд Томской губернии. 1909 г. 1 л.

ТОКМ 14167/491. Письмо от заведующего Городенской народной библиотекой П. Новикова директору народных училищ Томской губернии с просьбой о высылке книг для библиотеки. с. Городенское, Казаткульская волость, Каинский уезд Томской губернии. 1912 г. 1 л.

ТОКМ 14167/492. Письмо заведующего Городенской народной библиотекой П. Новикова совету Общества содействия о получении книг для библиотеки. с. Городенское, Казаткульская волость, Каинский уезд Томской губернии. 1912 г. 1 л.

ТОКМ 14167/589. Письмо от О. Усановой Е.П. Макушиной о необходимости открытия народной библиотеки и общества вспомоществования. с. Борисово, Томская губерния. 8 июня 1905 г. 2 л.

Черепнин Л.В. Русская палеография. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1956. 616 с.

Черных А.В. Русские старообрядцы // Пермский край: энциклопедия. Пермь, 2008–2012. URL: http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803972154 (дата обращения: 16.06.2017).

Шульгина Э.В. Русская книжная скоропись XV в. СПб., 2000. 195 с.

Щепкин В.Н. Русская палеография. М.: Наука, 1967. 224 с.

Esipova V. The use of script by Siberian Old Believers as a cultural marker for texts // Revue Mabillon, 2015. Paris: Brepols, 2016. T. 87. P. 245–264.

Статья поступила в редакцию 22 июня 2017 г.

Esipova Valeriya A.

ON THE EVOLUTION OF GRAPHIC STYLES OF WRITING IN SIBERIAN DOCUMENTS WRITTEN IN THE XVIII TO THE XX CENTURIES*

DOI: 10.17223/2312461X/18/4

Abstract. The article studies the issue of using abbreviation as an integral part of verbal culture. It looks at different types of abbreviation such as writing words under titles and introducing ascenders/descenders in the text. Through the example of Siberian manuscripts of the XVIII to the XX centuries, it is shown that abbreviation was turned to regardless of the scribe's social status, education or language and of the type of texts being rewritten. Some hypotheses are made as to the sources of this phenomenon. First, this could be the case as a result of home education or of the presence, among the books read, of both civil press books and books of the Cyrillic tradition. Thus, there was no momentary substitution of the Cyrillic tradition by civil reading conventions – instead, it was a lengthy process which is in fact under-researched. Second, it has already been hypothesised before that for the majority of the population in the Russian Empire during the period in question, the Church Slavonic language was more understandable than the language of Russian classical literature, and the documents studied by the author indirectly prove this. The research results achieved allow explore everyday reading and writing practices of the Siberians in order to reconstruct their reading habits and to study their verbal culture.

Keywords: manuscripts, paleography, abbreviation, Tomsk province, Siberia

* The article is written with partial financial support from the Russian Foundation for Fundamental Research (RFFI) and the Tomsk Regional Administration # 17-14-70006 a(p), as well as from the program to improve the competitiveness of Tomsk State University (grant № 8.1.38.2017).

References

Alekseev D.I. Iz istorii russkoi abbreviatsii (graficheskie sokrashcheniia X-XVII vv.) [From the history of Russian abbreviation (graphic acronyms of the X to the XVII centuries)], *Voprosy dialektologii i istorii russkogo iazyka. Uchenye zapiski Kuibyshevskogo peda-*

gogicheskogo instituta im. V.V. Kuibysheva [Some issues in the dialectology and history of the Russian language. Scholarly notes of the Kuybyshev Pedagogical Institute n.a. V.V. Kuybyshev]. Kuibyshev, 1970. Vol. 82, part II, pp. 72–73.

Alekseev D.I. *Abbreviatsiia v russkom iazyke: diss. ... d-ra filol. nauk* [Abbreviation in the Russian language: a dissertation for the degree of 'Doctor of Sciences (Philology)']. Voronezh, 1977. 442 p.

Alekseev D.I. *Sokrashchennye slova v russkom iazyke* [Abbreviated words in the Russian language]. Saratov: Izd-vo Saratov. un-ta, 1979. 328 p.

Bal'zhinimaeva S.Zh., Maiorov A.P. Dubletnye bukvy v delovoi pis'mennosti Zabaikal'ia XVIII v. [Different letters for the same sounds in business writing in Zabaikalie in the XVII century], *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, Vol. 2, pp. 41–46.

Bakhtina O.N. Sibirskaia krest'ianskaia biblioteka. Novye postupleniia Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia [The Siberian peasant library. New items arriving in the Tomsk Regional Museum of Local History], *Russkaia kniga v dorevoliutsionnoi Sibiri. Gosudarstvennye i chastnye biblioteki* [Russian books in Siberia before the Revolution. State and private libraries]. Novosibirsk, 1987, pp. 139–161.

Bakhtina O.N. Nekotorye problemy opisaniia rukopisei na bereste XX v. [Some problems of describing manuscripts on birch bark in the XX century], *Kniga i literatura v kul'turnom prostranstve epokh (XI–XX veka): Posviashchaetsia 45-letiiu nauchno-pedagogicheskoi deiatel'nosti E.I. Dergachevoi-Skop*. Sost. i otv. red. O.N. Fokina, V.N. Alekseev [The book and literature in the cultural space of epochs (XI-XX centuries): dedicated to the 45th anniversary of E.I. Dergachyova-Skop.'s research and teaching. Compiled and edited by O.N. Fokina and V.N. Alekseev]. Novosibirsk, 2011, pp. 981–988.

Boiko V.P. Zapiski A.M. Gorokhova kak istochnik po istorii sibirskogo chinovnichestva v pervoi polovine XIX v. (na osnove arkhivnykh dokumentov) [Notes by A.M. Gorokhov as a source on the history of Siberian state officials in the first half of the XIX century (based on archival materials)], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 2008, no. 3(4), pp. 47–52.

Volkov A.A. Abbreviatury [Abbreviations], *Pravoslavnaia entsiklopediia. Pod red. Patriarkha Moskovskogo i Vseia Rusi Kirilla. T. 1* [Orthodox Encyclopedia. Edited by the Patriarch of Moscow and All Russia Kirill. Vol. 1]. Moscow: izd-vo Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaia Entsiklopediia», 2000, pp. 35–57. Available at: http://www.pravenc.ru/text/62424.html (Accessed 15 May 2017).

Gnatenko L.A. *Paleografichno-orfografichna atributsiia ukraïns'koï kirilichnoï rukopisnoï knigi: ustavni ta pivustavni kodeksi kintsia XIII – pochatku XVII st.: monografiia* [Paleographic-and-orthographic attribution of the Ukrainian Cyrillic handwritten book: statutory and semi-statutory codes of the late XIII to the early XVII centuries: a monograph]. Vidp. red. L.A. Dubrovina; NAN Ukraïni, Natsional'na biblioteka Ukraïni imeni V.I. Vernads'kogo, Institut rukopisu. Kiev, 2016. 476 p.

Granstrem E.E. Sokrashcheniia v drevneishikh slaviano-russkikh rukopisiakh [Abbreviations in ancient Slavic and Russian manuscripts], *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [The works of Department of Ancient Russian Literature], 1954, Vol. X, pp. 427–434.

Esipova V.A. Chitatel'skie praktiki i retseptsiia teksta: tomskii chinovnik XIX v. A.M. Gorokhov i ego nastavlenie detiam [Reader practice and reception of text: Tomsk official of the 19th century Aleksandr M. Gorokhov and his edification to children], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiia*, 2017, no. 45, pp. 150–170.

Esipova V.A., Kuklina T.E. *«Zaimochnaia» kollektsiia: rukopisi XX v. na bereste* [The 'Zaimochnaya' collection: manuscripts of the XX century written on birch bark]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2014. 124 p.

Institut istorii SO RAN (Institute of History of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences) 2/92. «Kniga paskhalnaia». 50-60-e gg. XX v. ['The Easter Book'. The 1950s to the 1960s]. 15 ll.

Iniutina T.S. *Iavlenie iazykovogo var'irovaniia v delovom pis'me Sibiri XVIIv. (istochnikovedcheskii aspekt). Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [The phenomenon of linguistic variation in business writing of Siberia in the XVII century]. Tomsk, 2009. 29 s.

Kaverina V.V. Ustranenie omofonii v istorii russkogo pis'ma [The elimination of homophony in the history of Russian writing], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiia*, 2008, no. 5, pp. 40–65.

Karskii E.F. *Slavianskaia kirillovskaia paleografiia* [Slavic Cyrillic Paleography]. Moscow: Nauka, 1979. XXI, 494 p.

Kartashova T.P. Russkaia i zarubezhnaia klassika v sibirskoi derevne (po materialam anketirovaniia sel'skikh narodnykh bibliotek Tomskoi gubernii nachala XX v.) [Russian and international classic literature in the Siberian village (according to the questionnaire-based survey of people's rural libraries in the Tomsk province in the early XX century], *Tekst. Kniga. Knigoizdanie*, 2015, no. 2 (9), pp. 79–88.

Kirillitsa – latinitsa – grazhdanitsa. Pod red. T.V. Shmelevoi [The Cyrillic – the Latin – the Civil: a collective monograph edited by T.V. Shmeleva]. Velikii Novgorod, 2009. 340 p.

Klimova M.N. Maloizuchennyi pamiatnik russkoi belletristiki perekhodnogo perioda «Istoriia o nekoei kupecheskoi docheri…» i ego zhanrovoe svoeobrazie [An under-studied piece of Russian fiction in the transition period, titled 'A story about a merchant's daughter..' and its genre's distinctive features], *Problemy literaturnykh zhanrov: Materialy IX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 120-letiiu so dnia osnovaniia Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 8-10 dekabria 1998 g. Ch. I* [The issue of literary genres: Proceedings of the IX International research conference dedicated to the 120th anniversary since the foundation of Tomsk State University, 8-10 December, 1998. Part I]. Tomsk, 1999, pp. 69–73.

Klimova M.N. O dvukh belletristicheskikh tekstakh iz staroobriadcheskogo sbornika XVIII veka (NB TGU, V-777) [On two texts of fiction from an Old Believers' collection of the XVIII century (Research Library of Tomsk State University, V-777], *Pamiatniki otechestvennoi knizhnosti: novye teksty, novye interpretatsii* [Rare Russian books: new texts and new interpretations]. Novosibirsk, 2007, pp. 80–89.

Kravetskii A.G. Al'ternativnye sistemy v istorii russkoi pis'mennosti XVIII–XIX vv. [Alternative systems in the history of Russian writing in the XVIII to the XIX centuries], *Slavianskoe iazykoznanie. Materialy konferentsii (Moskva, iiun' 2002)* [Slavic linguistics. Conference proceedings (Moscow, June, 2002]. Moscow, 2003, pp. 153–154.

Mal'tsev A.I. «Kniga paskhalnaia» – berestianoi staroobriadcheskii dnevnik za 1956-1975 gg. ['The Easter Book' – an Old Believers' birch-bark diary for the years from 1956 to 1975], *Istoriia russkoi dukhovnoi kul'tury v rukopisnom nasledii XVI-XX vv.* [The history of Russian spiritual culture in the manuscript heritage of the XVI to the XX centuries]. Novosibirsk, 1998, pp. 263–272.

Otdel rukopisei i knizhnykh pamiatnikov Nauchnoi biblioteki (ORKP NB) TGU [Department of Manuscripts and Rare Books at the Research Library of Tomsk State University]. V-777. Sbornik staroobriadcheskii smeshannogo soderzhaniia. XVIII v. (80-e gg.) [An Old Believers' collection with mixed content. The 1780s]. 307 l.

ORKP NB TGU. V-751. Novitskii G.I. Kratkoe opisanie o narode ostiatskom. Tobol'sk, 1715 [Novitskiy G.I. A brief description of the Ostyaks. Tobolsk, 1715]. 98 l.

ORKP NB TGU. V-884. Gorokhov A.M. «Zalog ili Nravstvennoe zerkalo, ukazyvaiushchee na predmety, kotorye mogut sluzhit' rukovodstvom v zhizni, a vmeste s tem pomeshchaiutsia v otryvkakh svedeniia o proizshestviiakh v moei zhizni, sluchivshikhsia i proch. Nachat pisat'sia nabelo s 1836-go goda, avgusta 23 dnia v Tomske». Tomsk, 1836-1839 [Gorokhov A.M. 'A guarantee or an ethics mirror reflecting things that can guide one in their life whereas along with that, there are fragmented pieces of information about my life's events that have taken place and so forth. Started to be written from afresh since 1836, 23 August, Tomsk'. Tomsk, 1836-1839]. 274 ll.

Osipov B.I. *Sud'by russkogo pis'ma: Istoriia russkoi grafiki, orfografii i punktuatsii: Monografiia* [The fate of Russian writing: the history of the Russian graphic style, orthography, and punctuation: a monograph]. Moscow: Izd-vo IRIa RAN; Omsk: ITs «Omskii nauchnyi vestnik», 2010. 320 p.

Pril' L.N. «Ostrovnoi letopisets» [‘Island chronicler’], *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo ob"edinennogo istoriko-arkhitekturnogo muzeia: Sb. statei. Otv. red. N.M. Dmitrienko* [The works of Tomsk State United Historical and Architectural Museum: a collection of articles edited by N.M. Dmitrienko]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1995. Vol. VIII, pp. 183–222.

Pril' L.N. *Staroobriadcheskie obshchiny Priket'ia i Prichulym'ia v kontse XIX – 80-kh gg. XX v. (opyt rekonstruktsii zhiznedeiatel'nosti). Diss. ... kand. ist. nauk* [Communities of Old Believers in the Ket and Chulym regions in the late XIX century to the 1980s (a reconstruction of life). A dissertation for the degree ‘Candidate of Sciences (History)’]. Tomsk, 2002. 233 p.

Rozen T. Otmiranie nadstrochnykh znakov (na materiale diplomaticheskoi korrespondentsii XVIII veka) [The disappearance of superscripts (based on diplomatic correspondence of the XVIII century)], In: H.M. Eckhoff, T. Rosén (eds.): *Knigam "bo est' neishchetnaia glubina: Essays in Honour of Irina Lysén*. Uppsala. 2015, pp. 184–197.

Romanenko A.P. *Obraz ritora v sovetskoi slovesnoi kul'ture. Uchebnoe posobie* [The rhetorician in Soviet verbal culture. A textbook]. Moscow: Flinta, 2012. 432 p.

Starikova G.N. «Zhenskie zapiski» staroobriadcheskoi kollektsii: k probleme edinstva soderzhaniia i formy teksta [‘Women’s notes’ from an Old Believers’ collection: toward the issue of unity of text form and content], *Vestn. Novosib. gos. un-ta. Istoriia, filologiia*, 2011, Vol. 10, issue 9, pp. 35–39.

Tvorogov O.V. O vynosnykh bukvakh v russkikh rukopisiakh XV-XVII vekov [On ascenders/descenders in Russian manuscripts of the XV to the XVII centuries], *Issledovanie istochnikov po istorii russkogo iazyka i pis'mennosti* [A study of sources on the history of the Russian language and writing]. Moscow, 1966, pp. 162–175.

Tomskii oblastnoi kraevedcheskii muzei (TOKM) [Tomsk Regional Museum of Local History (TOKM)]. 14167/311. «Svedeniia o besplatnoi narodnoi biblioteke v sele Naumovskom Aleksandrovskoi volosti Tomskogo uezda Tomskoi gubernii za 1915 g. s. Naumovskoe, Aleksandrovskaia volost', Tomskii uezd Tomskoi gubernii» [‘Information on the free public library in the village of Naumovskoe (Alexandrovskaya volost, Tomsk area and province) for the year 1915’. Naumovskoe, Alexandrovskaya volost, Tomsk area and province]. 2 l.

TOKM 14167/397. Zaiavlenie sviashchennika Mikhailo-Arkhangel'skoi tserkvi M. Podlesskogo v sovet Obshchestva sodeistviia ob otkrytii narodnoi biblioteki v pos. Petro-Pavlovskom. 1905 g. S. Taskaevskoe, Taskaevskaia volost', Kainskii uezd [An application written by M. Podlesskiy, a priest of the Archangel Michael Church to the Council of Society of Assistance with regard to the opening of a public library in the village of Petro-Pavlovskoe. 1905. The village of Taskaevskoe, Taskaevskaya volost, Kainskiy area]. 1 sheet.

TOKM 14167/403. «Svedeniia o besplatnoi narodnoi biblioteke sela Taskaevskogo Tomskoi gubernii za 1909 g. s. Taskaevskoe, Taskaevskaia volost', Kainskii uezd» [‘Information on the free public library in the village of Taskaevskoe of the Tomsk province for the year 1909. The village of Taskaevskoe, Taskaevskaya volost, Kainskiy area’]. 2 sheets.

TOKM 14167/422. Pis'mo ot zaveduiushchego Kargatskoi bibliotekoi v sovet Obshchestva sodeistviia o popolnenii narodnoi biblioteki. S. Kargat, Kargatskaia volost', Kainskii uezd, Tomskaia guberniia. 1914 g. [A letter by the head of the Kargatskaya library to the Council of Society of Assistance with regard to expanding the library’s collection]. 1 sheet.

TOKM 14167/485. Pis'mo uchitelia Gorodenskogo sel'skogo uchilishcha I. Almazova E.P. Makushinoi so svedeniiami o sele i ego zhiteliakh. s. Gorodenskaia, Kazatkul'skaia volost', Kainskoi uezd Tomskoi gubernii. 1907 g. [A letter by I. Almazov, a teacher from

the Gorodenskoe village's school, to E.P. Makushina containing the information about the village and its residents. The village of Gorodenskoe, Kazatkulskaya volost, Kainskiy area, Tomsk province. 1907]. 1 sheet.

TOKM 14167/486. Pis'mo uchitelia Gorodenskogo sel'skogo uchilishcha I. Almazova E.P. Makushinoi ob otkrytii v sele narodnoi biblioteki. s. Gorodenskoe, Kazatkul'skaia volost', Kainskoi uezd Tomskoi gubernii. 1908 g. [A letter by I. Almazov, a teacher from the Gorodenskoe village's school, to E.P. Makushina with regard to the opening of a public library in the village of Gorodenskoe, Kazatkulskaya volost, Kainskiy area, Tomsk province. 1908]. 1 sheet.

TOKM 14167/487. «Svedeniia o besplatnoi narodnoi biblioteke s. Gorodenskogo Tomskoi gubernii za 1908 g.». s. Gorodenskoe, Kazatkul'skaia volost', Kainskii uezd Tomskoi gubernii ['Information on the free public library in the village of Gorodenskoe, Tomsk province, for the year 1908'. The village of Gorodenskoe, Kazatkulskaya volost, Kainskiy area, Tomsk province]. 2 sheets.

TOKM 14167/488. Pis'mo zaveduiushchego Gorodenskoi bibliotekoi I. Almazova sovetu Obshchestva sodeistviia o poluchenii knig ot dusheprikazchikov Pavlenkova. s. Gorodenskoe, Kazatkul'skaia volost', Kainskoi uezd Tomskoi gubernii. 1909 g. [A letter by I. Almazov, the head of the Gorodenskaya library, to the Council of Society of Assistance with regard to receiving books from Pavlenkov's administrators. The village of Gorodenskoe, Kazatkulskaya volost, Kainskiy area, Tomsk province. 1909]. 1 sheet.

TOKM 14167/491. Pis'mo ot zaveduiushchego Gorodenskoi narodnoi bibliotekoi P. Novikova direktoru narodnykh uchilishch Tomskoi gubernii s pros'boi o vysylke knig dlia biblioteki. s. Gorodenskoe, Kazatkul'skaia volost', Kainskii uezd Tomskoi gubernii. 1912 g. [A letter by P. Novikov, the head of the Gorodenskaya public library, to the director of Tomsk province's public schools with a request to send some books to the library. The village of Gorodenskoe, Kazatkulskaya volost, Kainskiy area, Tomsk province. 1912]. 1 sheet.

TOKM 14167/492. Pis'mo zaveduiushchego Gorodenskoi narodnoi bibliotekoi P. Novikova sovetu Obshchestva sodeistviia o poluchenii knig dlia biblioteki. s. Gorodenskoe, Kazatkul'skaia volost', Kainskii uezd Tomskoi gubernii. 1912 g. [A letter by P. Novikov, the head of the Gorodenskaya public library, to the Council of Society of Assistance with regard to receiving some books for the library. The village of Gorodenskoe, Kazatkulskaya volost, Kainskiy area, Tomsk province. 1912]. 1 sheet.

TOKM 14167/589. Pis'mo ot O. Usanovoi E.P. Makushinoi o neobkhodimosti otkrytiia narodnoi biblioteki i obshchestva vspomoshchestvovaniia. S. Borisovo, Tomskaia guberniia. 8 iiunia 1905 g. [A letter by O. Usanova to E.P. Makushina with regard to the need to open a public library and a welfare society. The village of Borisovo, Tomsk province, 8 June, 1905]. 2 l.

Cherepnin L.V. *Russkaia paleografiia* [Russian paleography]. Moscow: Gos. izd-vo polit. litry, 1956. 616 p.

Chernykh A.V. Russkie staroobriadtsy [Russian Old Believers], *Permskii krai : entsiklopediia* [The Perm region: encyclopedia]. Elektron. dan. Perm', 2008-2012. Available at: http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803972154 (Accessed 16 June 2017).

Shul'gina E.V. *Russkaia knizhnaia skoropis' XV v.* [Russian book cursive of the XV century]. St. Petersburg, 2000. 195 p.

Shchepkin V.N. *Russkaia paleografiia* [Russian paleography]. Moscow: Nauka, 1967. 224 p.

Esipova V. The use of script by Siberian Old Believers as a cultural marker for texts, *Revue Mabillon*, 2015, Vol. 87. Paris: Brepols, 2016, pp. 245–264.

УДК 908
DOI: 10.17223/2312461X/18/5

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ТОМСКОГО ВИДА НАРЫШКИНСКОЙ РЕДАКЦИИ СИБИРСКОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА

Янкель Гутманович Солодкин

Аннотация. Статья посвящена выявлению протографа Томского вида (ТВ) самой популярной в рукописной традиции редакции Сибирского летописного свода (СЛС) – Нарышкинской. В историографии, начиная с работ Н.А. Дворецкой, установившей наличие этого вида памятника (позднее ее выводы были лишь повторены), данная проблема не ставилась, ученые следовали только спискам ТВ, не замечая различий между двумя их группами (одну составляют Погодинский и Ивановский списки, другую – Забелинский и Карамзинский списки). Источниками по теме служат тексты Основного вида (ОВ) и ТВ Нарышкинской редакции (НР) свода (первый из этих видов ранее не выделялся летописеведами), методом исследования – параллельное сопоставление заключительных статей ТВ и продолжения ОВ произведения (за рубеж XVII–XVIII вв.). Обращение к Академическому и Викторовскому спискам ОВ НР СЛС, содержащим те же обнаруживающие интерес к истории Томска известия ТВ за 1699–1707 гг. (о сменах подьячих с приписью при воеводах Г.М. и Л.Г. Петрово-Соловово, введении новых оброков на земельные угодья и рыбные ловли, походах против киргизов, основании Абаканского острога), показывает, что ТВ и ОВ (по названным рукописям) восходят к одному летописному источнику, который мог сложиться в начале XVIII в., точнее, не позднее 1709 г. Скорее всего, этот источник возник в томской приказной избе, ибо анонимный книжник пользовался, вероятно, воеводской отпиской о количестве убитых и взятых в плен киргизов, определил хронологию службы томских подьячих с приписью и численность ратных людей, участвовавших в возведении острога в устье Абакана. ТВ НР свода, следовательно, является не самостоятельным произведением, а подобно продолжению ОВ по двум спискам зависит от более раннего летописного сочинения, очевидно, томского происхождения. Тем самым существенно конкретизируются бытующие в историографии представления о путях развития провинциального сибирского летописания петровской эпохи.

Ключевые слова: Сибирский летописный свод, Нарышкинская редакция Сибирского летописного свода, Основной вид и Томский вид Сибирского летописного свода, летописные известия по истории Томска XVII – начала XVIII в., место и время возникновения протографа Томского вида Сибирского летописного свода

Введение

Крупнейшим памятником сибирского летописания второй трети XVII – первой половины XVIII в. является обширный свод, известный

во многих редакциях и видах. Так, Н.А. Дворецкой давно была выявлена сложившаяся в Томске разновидность этого свода (Дворецкая 1957: 468, 474), как со временем определила исследовательница, его Нарышкинская редакция. По заключению Н.А. Дворецкой (воспринятому Н.Н. Покровским и Е.К. Ромодановской), Томский вид, который на первых порах признавался редакцией Сибирского летописного свода, возник в период «сидения» в Томске (1699–1707 гг.) стольников Г.М. и Л.Г. Петрово-Солововo (отца и сына), видимо, при их участии, и отличается от Основного вида той же редакции свода особым вниманием к деятельности томских воевод наряду с сокращением ряда «тобольских» известий, переработкой окончания и стилистической правкой (Дворецкая 1969: 239–241; 1975: 171–172; 1984: 94–99; Очерки 1982: 107–108; Покровский, Ромодановская 1987: 27; Ромодановская 1993: 422, и др.).

Основной и Томский виды Сибирского летописного свода

Заметим, что сведения об администраторах Томска в обоих видах НР СЛС совпадают (Полное собрание русских летописей (ПСРЛ) 1987: 259–279, 281, 284, 286, 288, 315–336, 338, 340–341), в ТВ сравнительно с ОВ лишь вдобавок сказано о начале «сидения» стольника В.А. Ржевского в 202 г. (288, 341, ср. 294, 344). Кроме того, в списке ТВ из Погодинского сборника – «семейной рукописи» Петрово-Солововo[1] – однажды находим ремарку «в Томском в присудствии», а в Погодинском (П) и Ивановском (И) списках в отличие от двух других – Забелинского (З) и Карамзинского (К) списков – и ОВ читаем «Томскаго присуду воеводы», а не «Томского розряду в городех воеводы» (272, 328, ср. 162, 206, 207).

В ТВ после указания (имеющегося только в П) «Да по городам воеводы з 707 году» (в Академическом (А) списке НР в данной связи назван 207 г., как и в ТВ относительно воевод Верхотурья, Тюмени, Красноярска, Илима и Якутска) говорится о «начальстве» в Томске стольников отца и сына Петрово-Солововo, при которых состоял подьячий с приписью «томчанин» С. Великосельский[2]. (Известно, что последний входил в число томских приказных еще в 1676 г. (Демидова 1987: 73).) В конце «росписи томских воевод», сопровождающей большинство рукописей ТВ, Великосельский тоже значится «товарищем» Г.М. и Л.Г. Петрово-Солововo, приехавших в Томск, оказывается, 2 августа 207 г., о чем мы читаем и в А (ПСРЛ 1987: 295, 345). В 1702 г., – читаем следом, – Великопольского сменил подьячий Посольского приказа А. Симонов, через два года переведенный в подьячие с приписью «на Верхотурье» (о верхотурской службе А.А. Симонова сохранились и документальные свидетельства[3]). В 1704 г. С. Великосельский вновь стал подьячим с приписью в Томске; три года спустя

эту должность занял подьячий Сибирского приказа И. Лобков[4]. Следом в ТВ сообщается о «присылке» царской грамоты и наказа Л.Г. Петрово-Солововo о новом обложении «оброками денежными и хлебными» пашенных заимок, земельных угодий и рыбных ловель «всякого чина людей» и «учинении» «по тому… указу» переписных книг (отправленных в Москву) «с немалою… казне прибылью»[5]. Как далее свидетельствует летописец, в пору воеводства Петрово-Солововo служилые люди посылались «на киргиз войною разными посылками на конях и пеши, на лыжах» (о чем известно по многим документам[6]), «и в тех посылках побито киргиз и в полон взято», включая жен и детей, 864 человека, «а досталные киргизы из своей земли» переведены к правившему ими контайше, под властью которого находятся калмыки и другие иноземцы, жившие в «сибирской степи». (Приведенная цифра могла попасть в ТВ из воеводской отписки.) Наконец, как повествует анонимный книжник, в 1707 г. согласно царскому «указу и грамоте» томский сын боярский И. Цыцурин со служилыми людьми (их насчитывалось 400 томских, 100 кузнецких, 200 енисейских) «поставил» острог в Красноярском уезде – на Енисее, в устье Абакана, «с приналежащими крепостми». В З и К мы встречаем иные сведения: в строительстве этого острога должны были участвовать 200 кузнецких служилых и еще 300 красноярских (ПСРЛ 1987: 342)[7].

Те же «томские» статьи мы находим в продолжении ОВ НР по А и Викторовскому (В) спискам[8], только начало воеводства отца и сына Петрово-Солововo в Томске приурочено к 707 г., Великосельский считается «томлянином», о нем однажды говорится как «Селе», не Силе, сказано об указе, а не наказе 1702 г. о переписи земельных угодий и рыбных ловель, умалчивается про участие кузнецких и енисейских служилых людей в возведении Абаканского острога, а руководивший его «поставлением» сын боярский неточно именуется Цыцуриным (ПСРЛ 1987: 296–297). Поэтому можно думать, что сообщения о Томске конца XVII – первых лет XVIII в. из ТВ и продолжения ОВ НР восходят к одному протографу. Сопоставление ряда последующих известий данных разновидностей СЛС приводит к такому же выводу. Согласно ТВ, в 1704 г. «на Верхотурье» К.П. Козлова сменили Б. Глебов (накануне воеводствовавший в Енисейске) и подьячий с приписью И. Борисов. В продолжении же ОВ утверждается, что Б. Глебов и И. Борисов в 1706 г. стали управлять Верхотурьем вместо «сидевших» там в течение двух лет стольника А.И. Калитина и подьячего с припиcью А. Симонова. (В ОВ НР «перемены» в этом городе относятся то к 1702, то к 1706, то к 1707 г., причем о А. Симонове умалчивается, а сослуживцем стольника Б.Д. Глебова назван И. Матвеев или Ипатьев (ПСРЛ 1987: 290, 291)). Из ТВ мы узнаем о пребывании Б. Глебова с «вологженином» И. Борисовым в Енисейске, где их предшественником

был С.В. Коробин, с 206 г. Ранее же преемниками Коробина (точнее, Коробьина) названы стольники воевода М.И. Корсаков-Римский и Х. Кафтырев (341, 343). В продолжении же ОВ по А в одной записи объединены сведения о смене в Енисейске в 206 г. С.В. Коробьина М.И. Корсаковым-Римским («Сиденья ево в Енисейску был на воеводстве», – заметил летописец, явно допустив ошибку) и Х. Кафтыревым, а их в том же году – Б. Глебовым и И.Б. Воложениным (т.е. прозвище последнего принято за фамилию) (297, ср. 294)[9]. «Перемены» воевод в Красноярске, Березове, Таре, Мангазее и Иркутске в ТВ и продолжении ОВ отнесены то к 703, 705 и 706, то к 203, 206 и 207 гг.[10] И.М. Черкасов сделался «седоком» в Нарыме вместо Л.А. Синявина, если следовать ТВ, в 208 г., а по продолжению ОВ – в предыдущем, причем Синявин именуется то Акимовым, то Якимовым сыном. (В ОВ НР сообщается о пребывании И.М. Черкасова в Нарыме и Кетске с 204 г.) Как читаем в ТВ, Л.А. Синявин, приехав в 208 г. из Нарыма на воеводство в Кузнецк, в 1704 г. был заменен братом Борисом, последний же, согласно А, стал кузнецким воеводой годом прежде. В ОВ и ТВ сказано о том, что Л. и Б. Синявины в 1704 г. начали ведать Иркутском; в А же утверждается, будто это случилось через два года (291, 297, 343). «Властодержательство» в Тобольске, Илимске и Якутске соответственно ближнего боярина князя М.Я. Черкасского, Ф.Р. Качанова и Д.А. Траурнихта в ТВ и продолжении ОВ приурочено к 207 и 206 гг., возвращение Траурнихта в Москву – к 1706 и 1704 гг. (последняя дата имеется в ОВ НР). Отъезд митрополита Игнатия из Тобольска «на Тюмень, в Туринск, на Верхотурье… для исправления духовных дохматов (в ТВ ошибочно сказано «домовых». – *Я.С.*) и во обличение церковных расколщиков и мятежников» в А отнесен к 27 ноября 203 г. (о чем есть и другие свидетельства[11]), в ТВ – к следующему году (290. Примеч. 6; 295, 341). Учтем также, что во всех списках ТВ пропущены слова «столнику Семену Прокопьеву сыну Карпову (воеводе Тары с 1707 г. – *Я.С.*)», имеющиеся в продолжении ОВ НР по А (297, 342. Примеч. д – д). Это обстоятельство наряду с расхождениями данных текстов в известиях об администраторах Верхотурья и Енисейска конца XVII в. может свидетельствовать о вторичности ТВ сравнительно с сохраненным А видом того же памятника.

Одно из первых известий А отведено отъезду в Москву в 1700 г. митрополита Игнатия и его смерти в Спасском Симоновом монастыре в 1701 г. после восьмилетнего пребывания «на архиерейском престоле». ТВ же завершается соответствующей статьей, которая несколько подробнее (сказано не «оное блаженство», а «оное непрестанное веселие и гражданство, восприятии трудам своими почесть от подвигоположника Христа Бога», подчеркнуто, что Игнатий скончался «не неизгнанием», а «на ево место посвящен ис Киева-Печерского монастыря

иеромонах Филофей») (ПСРЛ 1987: 295, 343). В ОВ НР и сложившихся вслед за ним отмечено, что вначале в Сибирь назначили Димитрия, а когда его возвели в ростовские митрополиты, тобольскую кафедру занял Филофей Лещинский (292, 296, 354, 377). О том, что Игнатий Римский-Корсаков не был низложен, среди сибирских летописцев упомянул лишь создатель ТВ.

Кстати, в продолжении ОВ (о чем в ТВ умалчивается) говорится о смерти Игнатия в 1701 г. и поставлении новым тобольским владыкой Филофея в 1700 г. (в апреле того же года он якобы прибыл в «царствующий град» Сибири). ОВ НР и зависимые от него летописи содержат указания на приезд Филофея в Тобольск 4 апреля 1702 г., вскоре после хиротонисания (в том же году) (106, 292, 377, ср. 354–355).

В ТВ и В сообщается о «посылке» в Сибирь царских указов об обязательном («кроме духовного чина») бритье усов и бород и введении «немецкого платья»[12]; не желая его носить, «расколники многие погорели», т.е. решились на самосожжение. Благодаря ТВ известно, что это случилось в Тобольске, Томске и Тюмени (296. Примеч. 11–12; 342)[13].

Обратим внимание и на расхождения между ТВ, с одной стороны, и ОВ НР – с другой. В последнем преемник воеводы Тюмени О.Я. Тухачевского Д.С. Копьев назван тобольским дворянином, а не сыном боярским, и вдобавок сказано (об этом имеются и документальные данные[14]) о служившем там подьячем с приписью К.Ф. Бекишеве (290). В ОВ (текст которого доведен до прекращения «отпусков» к Ямышевскому озеру в 1707 г., хотя упоминается о «сидении» князя М.Я. Черкасского в Тобольске до 4 апреля 1710 г.[15]) подобно его продолжению по А говорится о воеводстве ближнего боярина М.Я. Черкасского и его сына Петра в «начальнейшем граде» Сибири с февраля 206 г. (в А сказано про 7 февраля), но сообщается о смерти князя П.М. Черкасского в сентябре 1700 г. (а не 1704, как в ТВ) и назначении младшим тобольским воеводой А.М. Черкасского, в 1704 г. отозванного в Москву. (Об этом мы читаем и в Академической редакции СЛС (290, 377)[16].) В ТВ и А ОВ есть запись о «посылке» в Тобольск в 1704 г. дьяка Поместного приказа А. Ратманова, набравшего «для швецкия службы» 12 тысяч солдат. В ОВ по П и Бахрушинскому спискам о миссии А.Г. Ратманова (начавшейся, оказывается, в 1703 г.) сказано значительно подробнее. Так, говорится о наборе солдат из слобод и ямов, а также в Кунгуре, отправке половины новобранцев на «Русь» в 1704, а половины – в следующем году, и бегстве многих рекрутов (106, 293, 341–342)[17].

Примечательно и то, что в А (текст которого заканчивается известием о начале воеводства А.В. Беклемишева «на Верхотурье» в 1723 г.) сообщается о том, что Якутском вслед за отъездом Д.А. Траурнихта в Москву стали ведать воеводы Ю.Ф. и М.Ю. Шишкины, а не местные

дети боярские, о чем идет речь в ОВ (по большинству списков) и ТВ (ПСРЛ 1987: 291, 297, 343).

Заключение

Таким образом, Академический список, содержащий десятки известий (за 1700 и последующие годы, главным образом о сибирских светских и церковных властях, строительстве в Тобольске, походе из Анадырского острога к «иноземцам»), отсутствующих в Томском виде и продолжении Основного вида Сибирского летописного свода, наряду с Викторовским списком можно возвести к тексту, ставшему протографом и для Томского вида. Мнение, будто последний – это единственный вид Сибирского летописного свода (помимо нескольких редакций, включая Нарышкинскую) (Покровский, Ромодановская 1987: 3, 19; Ромодановская 1993: 421; 2006: 313 и др.), стало быть, следует отклонить. Усматривать в Томском виде явные следы томского городового летописания (Резун 1982: 69 и др.), думается, не стоит, ведь в рассмотренных известиях реалии жизни томичей, к примеру их быта и культуры, не получили отражения. Нарышкинская редакция, как мы видели, сохранилась в Основном и Томском видах; второй из них, возникший в течение 1699–1709 гг., есть основания разделить на три подвида: представленные Погодинским и Ивановским, Забелинским и Карамзинским списками (сохранившими и особые варианты открывающей Сибирский летописный свод Распространенной редакции Есиповской летописи) и тем, который мы находим в Академическом и Викторовском списках.

Примечания

[1] Г.М. и Л.Г. Петрово-Солово являлись томскими «градодержателями» на протяжении 1699–1709 гг. (Вершинин 1998: 177; ПСРЛ 1987: 291), а не до 1707 г., как полагала Н.А. Дворецкая, почему ТВ можно датировать не 1699–1707 гг. (Александров, Покровский 1991: 126; Очерки 1982: 107–108; Ромодановская 1993: 422 и др.) (таковы лишь хронологические рамки «томских» известий свода интересующей нас разновидности), а временем до отъезда названных воевод из города на Томи. Поскольку записей за 1705–1706 гг. в ТВ нет, возможно, тогда работа над ним прервалась, возобновившись вслед за основанием Абаканского острога.

[2] «Томчанином» в ТВ и продолжении ОВ назван и О.Р. Качанов (ставший в 1706 г. «до указу» воеводой в Кузнецке), который в ОВ НР представлен томским дворянином (ПСРЛ 1987: 291, 297, 343).

[3] См.: Памятники сибирской истории XVIII в. (далее ПСИ) 1882: 279–280, 285. Ср.: ПСРЛ 1987: 292–293, 295, 297.

[4] Утверждение, будто С.И. Великосельский являлся «товарищем» Г.М. и Л.Г. Петрово-Солово в течение целого десятилетия, начиная с 1699 г. (Вершинин 1998: 177), стало быть, неверно.

[5] До нас дошла составленная в 1703 г. Л.Г. Петрово-Солово дозорная книга Томского уезда. См.: Обозрение столбцов и книг Сибирского прихода 1895: 55.

[6] См.: ПСИ 1882: 5–6, 18–19, 52–54, 107–109, 136–142, 237–239.

[7] О такой же численности красноярцев сообщается, кстати, в подтверждающем летописный рассказ наказе И. Цыцурину. См.: ПСИ 1882: 314–315, ср. 243.
[8] См. о них, напр.: Покровский, Ромодановская 1987: 24, 25.
[9] О енисейском подьячем И. Борисове упомянуто в ряде документов. См.: ПСИ 1882: 239, 271, 278, 308.
[10] Аналогичные ошибки, кстати, есть у С.У. Ремезова. См.: Дергачева-Скоп, Алексеев 2008: 503. Примеч. 83; 534.
[11] См.: Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века 2001: 377–378.
[12] Эти указы давно опубликованы. См.: ПСИ 1882: 271–276.
[13] Считать, что ТВ содержит ряд уникальных известий (Пузанов 2010: 64), однако, не приходится.
[14] См.: ПСИ 1882: 276.
[15] См.: ПСРЛ 1987: 290, 293.
[16] В концовке одного из списков ОВ НР сказано о воеводстве Черкасских в «столном граде» Сибири с 28 февраля 206 г. и смерти князя Петра Михайловича 14 сентября 1701 г. (ПСРЛ 1987: 293, ср. 105, 231).
[17] Ср.: ПСИ 1882: 211–213.

Литература

Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука, 1991.

Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Развивающее обучение, 1998.

Дворецкая Н.А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. XIII. С. 467–482.

Дворецкая Н.А. Из истории позднего сибирского летописания // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1969. Т. XXIV. С. 239–241.

Дворецкая Н.А. Послание митрополита Игнатия в Красноярск // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск: Наука, 1975. С. 167–176.

Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск: Наука, 1984.

Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987.

Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. «Служебная чертежная книга» С.У. Ремезова: Археографический комментарий. Материалы // II Ремезовские чтения 2005: Провинция в русской культуре / сост. и отв. ред. Е.И. Дергачева-Скоп, В.Н. Алексеев. Новосибирск: РИО ГПНТБ СО РАН, 2008. С. 477–546.

Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / изд. подг. Е.К. Ромодановская, О.Д. Журавель. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. (История Сибири: Первоисточники. Вып. X).

Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / сост. Н.Н. Оглоблин. М.: Университетская типография, 1895. Ч. 1.

Очерки русской литературы Сибири: в 2 т. Новосибирск: Наука, 1982. Т. 1.

Памятники сибирской истории XVIII в. СПб., 1882. Кн. I: 1700–1713.

Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. Предисловие // Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1987. Т. 36. С. 3–31.

Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1987. Т. 36.

Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири: конец XVI–XVII вв. СПб.: Алетейя, 2010.

Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII века. Новосибирск: Наука, 1982.

Ромодановская Е.К. «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Вып. 3, ч. 2. С. 420–423.

Ромодановская Е.К. Тобольская летопись и Сибирский архив // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. LVII. С. 312–320.

Список сокращений

А – Академический список
В – Викторовский список
З – Забелинский список
И – Ивановский список
К – Карамзинский список
НР – Нарышкинская редакция
ОВ – Основной вид
П – Погодинский список
ПСИ – Памятники сибирской истории XVIII в.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
СЛС – Сибирский летописный свод
СО – Сибирское отделение
ТВ – Томский вид

Статья поступила в редакцию 18 декабря 2016 г.

Solodkin Yankel G.

ON THE HISTORY OF THE TOMSK VARIANT OF THE SIBERIAN CHRONICLE'S NARYSHKIN EDITION

DOI: 10.17223/2312461X/18/5

Abstract. The paper endeavours to establish the protograph of the Tomsk variant of the Naryshkin edition of the Siberian Chronicle, with the Naryshkin edition being the most popular in the manuscript tradition. The issue has never been raised in historiography, where, starting with the works of N.A. Dvoretskaya, who established this type of the source and whose conclusions were only repeated later, historians merely proceeded from the manuscripts of the Tomsk variant without noticing the differences between the two groups of these, with the first one represented by the Pogodin and Ivanov manuscripts, and the second – by the Zabelin and Karamzin manuscripts. The sources of the current research are the Major variant and the Tomsk variant of the Naryshkin edition of the Siberian Chronicle (the first of these variants has never been seen as separate by chroniclers before). The research methodology is based on the parallel comparison of the closing entries of the Tomsk variant and the subsequent entries of the Major variant (at the turn of the XVII to the XVIII centuries). Referring to the Academic and Viktorov manuscripts of the Major variant of the Siberian Chronicle's Naryshkin edition which contain descriptions of the same events revealing interest in the history of Tomsk as in the Tomsk variant for the years 1699–1707 (e.g., on the rotation of low-rank officials under voivodes G.M. and L.G. Petrovo-Solovovo, introduction of new taxation on land allocation and fishing, military campaigns against the Kirghiz, and foundation of the Abakan settlement (ostrog)), proves that the Tomsk variant and the Major variant in the above-cited manuscripts are derived from the same chronicle source that may have been created in the early XVIII century, no later than in 1709. This source must have originated in the Tomsk

administration department, as the anonymous chronicler obviously used a voivode report on the number of the Kirghiz killed or taken hostage and established the chronology of Tomsk low-rank officials' service as well as the number of military people employed to build the Abakan settlement. Consequently, the Tomsk variant of the Siberian Chronicle's Naryshkin edition should not be regarded as an independent and standalone piece of work, for similarly to the continued Major variant drawing on the two above-mentioned manuscripts, it is based on an earlier chronicle being evidently of Tomsk origin. These findings help significantly specify the currently existing historiographic views on how writing Siberian chronicles evolved under Peter I.

Keywords: Siberian Chronicle Code, Naryshkin edition of the Siberian Chronicle Code, Major and Tomsk variants of the Siberian Chronicle Code, chronicle news on the history of Tomsk in XVII – early XVIII cc., the place and time of the appearance of the proto-graph of the Tomsk variant of the Siberian Chronicle Code

References

Aleksandrov V.A., Pokrovskii N.N. *Vlast' i obshchestvo: Sibir' v XVII v.* [The authorities and the society: Siberia in the XVII century]. Novosibirsk: «Nauka», Siberian branch, 1991.

Vershinin E.V. *Voevodskoe upravlenie v Sibiri (XVII vek)* [The voivode's administration in Siberia (the XVII century)]. Ekaterinburg: Munitsipal'nyi uchebno-metodicheskii tsentr «Razvivaiushchee obuchenie», 1998.

Dvoretskaia N.A. Arkheograficheskii obzor spiskov povestei o pokhode Ermaka [An archeographic overview of lists of tales about the Yermak campaign], *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [The works of Department of Ancient Russian Literature]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1957. Vol. XIII, pp. 467–482.

Dvoretskaia N.A. Iz istorii pozdnego sibirskogo letopisaniia [From the history of the late Siberian chronicles writing],*Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [The works of Department of Ancient Russian Literature]. Leningrad: Nauka, 1969. Vol. XXIV, pp. 239–241.

Dvoretskaia N.A. Poslanie mitropolita Ignatiia v Krasnoiarsk [A letter by the Metropolitan Ignatiy to Krasnoyarsk], *Arkheografiia i istochnikovedenie Sibiri*. Novosibirsk: «Nauka», Siberian branch, 1975, pp. 167–176.

Dvoretskaia N.A. *Sibirskii letopisnyi svod (vtoraia polovina XVII v.)* [The code of Siberian chronicles (the second half of the XVII century)]. Novosibirsk: Nauka, SO, 1984.

Demidova N.F. *Sluzhilaia biurokratiia v Rossii XVII v. i ee rol' v formirovanii absoliutizma* [State officials in Russia in the XVII century and their role in the formation of absolutism]. Moscow: Nauka, 1987.

Dergacheva-Skop E.I., Alekseev V.N. «Sluzhebnaia chertezhnaia kniga» S.U. Remezova: Arkheograficheskii kommentarii. Materialy [The 'drawing workbook' of S.U. Remezov: an archeographic commentary], In: *Dergacheva-Skop E.I. i Alekseev V.N. (sost. i otv. red.) II Remezovskie chteniia 2005: Provintsiia v russkoi kul'ture* [Dergacheva-Skop E.I. and Alekseev V.N. (eds.) The II Remezov Readings of 2005: provinces in Russian culture]. Novosibirsk: RIO GPNTB SO RAN, 2008, pp. 477–546.

Literaturnye pamiatniki Tobol'skogo arkhiereiskogo doma XVII veka [Rare literary works at the Tobolsk bishop's house in the XVII century. The volume is prepared by E.K. Romodanovskaya and O.D. Zhuravel]. Izd. podg. E.K. Romodanovskaia i O.D. Zhuravel'. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2001. (Istoriia Sibiri: Pervoistochniki. Vyp. X).

Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592–1768 gg.) [A review of columns and books of the Siberian state administrative body (prikaz) (1592–1768)]. Compiled by N.N. Ogloblin. Moscow: Universitetskaia tipografiia, 1895. Part 1.

Ocherki russkoi literatury Sibiri: V 2-kh t. [Essays on the Russian literature of Siberia: in 2 volumes]. Novosibirsk: «Nauka», Siberian branch, 1982, Vol. 1.

Pamiatniki sibirskoi istorii XVIII v. [Rare books of Siberian history of the XVIII century] St. Petersburg, 1882. Book I: 1700–1713.

/Pokrovskii N.N., Romodanovskaia E.K./ Predislovie [A foreword], *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [A complete collection of Russian chronicles]. Moscow: «Nauka», 1987, Vol. 36, pp. 3–31.

Polnoe sobranie russkikh letopisei [A complete collection of Russian chronicles]. Moscow: «Nauka», 1987. Vol. 36.

Puzanov V.D. *Voennye faktory russkoi kolonizatsii Zapadnoi Sibiri: Konets XVI–XVII vv.* [Military factors of the Russian colonisation of Western Siberia: the late XVI to the XVII centuries]. St. Petersburg: Aleteiia, 2010.

Rezun D.Ia. *Ocherki istorii izucheniia sibirskogo goroda kontsa XVI – pervoi poloviny XVIII veka* [Essays on the history of studying the Siberian city in the late XVI to the first half of the XVIII centuries]. Novosibirsk: «Nauka», Siberian branch, 1982.

Romodanovskaia E.K. «Opisanie o postavlenii gorodov i ostrogov v Sibiri po vziatii ee» ['An account of building towns and fortresses in Siberia upon its conquest'], *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi* [A glossary of ancient Russia's scribes and books]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1993, Vol. 3, part 2, pp. 420–423.

Romodanovskaia E.K. Tobol'skaia letopis' i Sibirskii arkhiv [The Tobolsk chronicle and the Siberian archive],*Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [The works of Department of Ancient Russian Literature]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2006. Vol. LVII, pp. 312–320.

АНТРОПОЛОГИЯ НАУКИ

УДК 316.74:001
DOI: 10.17223/2312461X/18/6

СЛЕДУЯ ЗА ПРАКТИКАМИ УЧЕНЫХ В КОМПЛЕКСНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ОСМЫСЛЕНИЕ ОПЫТА ТОМСКИХ ЛЕТНИХ ШКОЛ ПО АНТРОПОЛОГИИ НАУКИ*

Ирина Геннадьевна Поправко,
Иван Чалаков

Аннотация. В статье представлены идея организации международных летных STS школ в Томске и описание первой из них, прошедшей в 2016 г. Школа является уникальным научным мероприятием, объединяющим работу социальных ученых (антропологов) и представителей естественных наук (биологов, почвоведов, экологов, ботаников). Ее цель – детальное этнографическое исследование научных практик в полевых условиях. Теоретическая рамка школы представляет собой сочетание акторно-сетевой теории (ANT) и принципов современной антропологии в изучении модерных обществ. В этой связке этнографический подход Карин Кнорр Цетиной (K. Knorr Cetina) и ее учеников, а также идеи социологии вкуса и привязанности Антуана Аньона (A. Hennion) позволяют рассматривать научные и инженерные практики не только в качестве агонистического поля «пробы сил» между людьми и нечеловеческими деятелями, но и как очаг феноменов страсти, привязанности и стойкости. Опыт школы авторы предлагают рассмотреть в более широком теоретико-методологическом контексте развития лабораторных исследований за последние 40 лет. Их основной вывод заключается в том, что наука вообще и лабораторная практика в частности второго десятилетия XXI в. – не те же самые, что были 40 лет назад, когда были сделаны основные открытия в области лабораторных исследований, а значит, требуют новых теоретических рамок осмысления и детального этнографического исследования.

Ключевые слова: лабораторная жизнь, акторно-сетевая теория, STS, антропология науки

> «Можно описать акторно-сетевую теорию абстрактно… <…> и это часто делается в учебниках. Но <…> мы можем понять этот подход только в том случае, если сами погружены в эмпирические исследования и то, как она работает на практике».
> (*Law 2009: 143*)

Приведенное в качестве эпиграфа высказывание Джона Ло, одного из основателей акторно-сетевой теории, как нельзя лучше описывает

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства РФ П 220 № 14 В25.31.0009 (рук. Д.А. Функ).

главную идею прошедшей в Томске 11–19 июля 2016 г. летней школы «Наука как форма жизни: гетерогенные сообщества в полевом биологическом исследовании». Это первая STS-школа в России, посвященная этнографии лабораторной практики, включающая *эмпирический этап*: студенты-участники обучались не только теоретическим подходам к исследованию лабораторной жизни, но и вели включенное наблюдение за работой ученых в условиях научно-исследовательского стационара Кайбасово в пойме реки Обь.

История летних школ по антропологии науки (STS) в Томске

Организаторами школы выступили Лаборатория социально-антропологических исследований (ЛСАИ), Центр социально-политических исследований технологий (PAST-Центр), Центр превосходства Bio-Clim-Land и Научно-исследовательский институт биологии и биофизики Томского государственного университета (ТГУ). Эта уникальная коллаборация была создана по нашей инициативе, а сама школа стала продолжением опыта социальных исследований научной и инженерной практик в Пловдивском университете в Болгарии, которые ведутся на протяжении вот уже 15 лет. Социальные исследования науки и технологий (STS) являются ядром образовательных программ бакалавриата и магистратуры кафедры прикладной и институциональной социологии Пловдивского университета с 2001 г. и включают в себя классические исследования научной и инженерной практик (этнографические исследования научных лабораторий, инженерных сообществ и больших технических систем), социологию инноваций, исследования отношений между академией и промышленностью, научно-техническую политику, а также роль науки в глобальном контексте социальных изменений. Студенты постепенно продвигаются от классической социологии знания (Карл Мангейм), через социологию науки в ее классическом представлении Роберта Мертона и его последователей, к ядру образовательной программы – социологии лабораторной жизни, где вводятся ключевые подходы STS: социология научного знания (SSK), этнографические (или антропологические) исследования лабораторной практики (Карин Кнорр Цетина) и акторно-сетевой теории (Бруно Латур, Мишель Калон, Джон Ло и др.). Научное и образовательное значение этого подхода состоит в том, чтобы «открыть» для публики и будущих управленцев мир экспериментальной науки и больших технических систем как одну из самых важных областей жизни современных обществ. Именно этот опыт коллег из Пловдивского университета и лег в основу летних STS школ ТГУ.

Летняя школа 2016 г. – уже вторая. Первая прошла в Болгарии в Национальной астрономической обсерватории Рожен, где томские ре-

бята-антропологи и пловдивские социологи совместно собирали материал, касающийся повседневной жизни обсерватории, взаимодействия астрономов с объектами их исследований (Солнцем, скоплениями звезд) и инструментами, при помощи которых эти исследования осуществляются (телескопами, системами обработки данных). Школа 2016 г. в Томске объединила российских социальных ученых (антропологов, социологов и политологов) и представителей естественных наук (почвоведов, геоботаников, микробиологов и экологов): в течение 10 дней участники из Москвы, Санкт-Петербурга и Томска пытались понять, каким образом «делается наука» в лабораторных и полевых условиях. Школа очень выгодно выделяется на фоне имеющегося российского STS-дискурса, сфокусированного в основном на теоретическом переосмыслении и транслировании на российскую почву различных подходов в исследованиях науки и технологий. Публикации отечественных авторов редко представляют результаты этнографических исследований лабораторной и научной жизни, и поэтому томскую летнюю школу с ее полевым этапом исследования науки можно считать уникальной в российской практике.

Символичным явился тот факт, что томская школа 2016 г. соединила научные коллективы, тесно связанные в прошлом с известной в Томске семьей Львовых: Юрий Алексеевич Львов (1932–1994) – выдающийся ученый в области геоботаники и экологии природных ресурсов, основатель школы болотоведения в ТГУ, а его супруга – Элеонора Львовна Львова (1940–2014) – долгие годы была идеологом и душой томской социальной антропологии.

Теоретической рамкой школы стали одновременно акторно-сетевая теория (ANT) как одна из ключевых традиций в социальных исследованиях науки и технологий (STS), а также принципы современной антропологии в изучении модерных обществ. В этом сочетании этнографический подход Карин Кнорр Цетины и ее учеников, а также идеи социологии вкуса и привязанности Антуана Аньона играют особую роль. Они позволяют рассматривать научные и инженерные практики не только в качестве агонистического поля «пробы сил» между людьми и нечеловеческими деятелями, но и как очаг феноменов страсти, привязанности и стойкости. Проявляя себя деликатным и чаще всего безмолвным образом, вместе с поддерживающими их тонкими асимметриями, они долгое время оставались в стороне от мейнстрима социальных наук, в том числе из-за отсутствия подходящей исследовательской методологии.

Полевой этап школы представлял собой следующее: четыре дня участники вели наблюдение за работой ученых в пойме реки Оби на научно-исследовательском стационаре Кайбасово в 150 км от Томска. Разделившись на пять групп (от одного до трех человек), они вместе с почвоведами, геоботаниками, экологами и микробиологами вели работы по прокладыванию профиля поймы, фиксируя рельеф, растительный

и почвенный состав, определяя количество микроорганизмов в единице воды и т.д. Как и классическим антропологам, нашим участникам пришлось освоить соответствующий каждому из «племен ученых» язык, а также участвовать в их рутинных практиках. Рассматривая научное сообщество в Кайбасово как гетерогенное, населенное разного рода деятелями – природными, техническими, человеческими и не-человеческими и разного рода гибридами – они увидели, как делается наука в поле, как происходит трансформация «дикой» поймы в контролируемые «следы», готовые для дальнейшего лабораторного анализа и превращения в графики и таблицы, а потом в тексты и описания для научных публикаций.

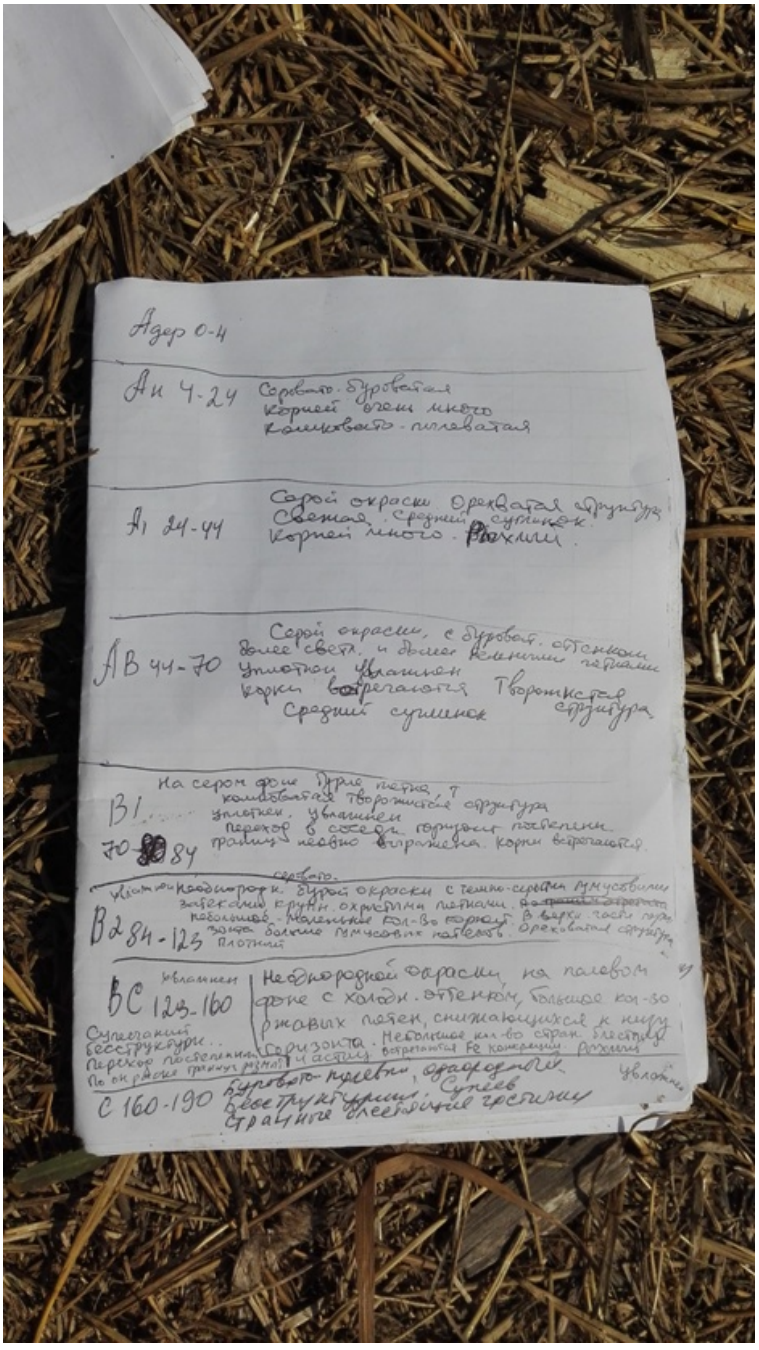


Фото 1–4. Почвовед Лариса Колесниченко фиксирует слои почвы в разрезе.
Фото И. Поправко (Кайбасово, 15 июля 2016 г.)

Вернувшись из поля с немалым количеством данных, участники продолжили осмыслять их в рамках аналитического этапа школы, рассматривая научное знание как инструмент политики и экономики в более широком социальном контексте. Специально приглашенные на школу ведущие эксперты в области социальных исследований науки (одним из их был профессор STS Стивен Хилгартнер из Корнельского университета, США) показали, какие существуют режимы контроля знания в естественных науках, как наука может быть инструментом национальной политики и каким образом лабораторное знание транслируется во внешний мир.

Завершилась работа школы представлением проектов участников, которые они разрабатывали на основе собранного полевого материала. Несколько проектов оказались особенно хороши, с нашей точки зрения, и в итоге смогли пройти длинный путь от представления на школе, через обсуждение в рамках симпозиума «Гетерогенные сообщества современного мира» на Первом Томском антропологическом форуме в сентябре того же года (Функ, Нам 2016), и в итоге предстать в виде статей предлагаемой читателям журнала «Сибирские исторические исследования» специальной темы «Антропология науки».

Прежде чем приступить к обзору этих текстов, мы хотели бы совершить краткий аналитический экскурс в лабораторные исследования, история которых с момента выхода книги Бруно Латура и Стива Вулгара «Лабораторная жизнь» и до настоящего времени насчитывает более 40 лет. Думается, это позволит яснее представить и понять значение и роль нашей летней школы.

Лабораторная жизнь 40 лет спустя: заметки на полях в ходе полевых исследований гетерогенных общностей томских биологов

STS возникли в конце 1970-х гг. как попытка переосмысления базисных допущений философии и эпистемологии науки на основе нового понимания деятельности ученых и ее эмпирического исследования. Фактически корни того, что в традиции STS было названо прагматическим поворотом в научных исследованиях, можно найти в трудах философов науки (Khun 1970; Lakatos 1976; Feyerabend 1975), а также их учеников в социологии, которые создали дисциплину «социология научных знаний» (SSK) (Bloor 1976). Однако настоящий прорыв был сделан в конце 1970-х гг., перевернувших, по словам Карин Кнорр Цетины, представления о научных лабораториях, которые начали восприниматься как особая форма жизни, где научные объекты не просто технически создаются, но также конструируются символически и политически, тем самым меняя глубинные структуры социального мира (Knorr Cetina 1981, 1995). Серии исследований, проведенных в 1980–1990-х гг.

в рамках социологии научного знания (H. Collins, D. Bloor, Mulkay), антропологии науки (Sh. Traweek) и особенно акторно-сетевой теории (B. Latour, M. Callon, J. Law), выявили ряд до тех пор неизвестных механизмов идентификации, закрепления и воспроизводства знания – языковые и риторические практики утверждения истинных и ложных научных суждений, странные сплетения когнитивных и социальных (в узком смысле слова) практик и особенно процедуры «трансляции» и конструирования социотехнических сетей из человеческих, не-человеческих и гибридных агентов и их стабилизацию через «испытания сил» (trials of strength) и добавление новых «союзников» (allies) и т.д.

За последние 40 лет результаты этих исследований, ставших классическими, были многократно тестированы, подтверждены и развиты в различных направлениях – в социальных исследованиях медицины, информационных и коммуникационных технологий, города, в психологии, научной и инновационной политике и многих иных. В то же время шел интенсивных рост переводов корпуса классических STS текстов на практически все европейские и азиатские языки, а также рост теоретических и методологических анализов этого корпуса. Однако при наблюдении за развитием STS складывается впечатление, что после «бума» 1980-х и начала 1990-х гг. все меньше проводится исследований самой лабораторной практики. Россия является хорошим примером, где ознакомление и активный перевод этих работ начались более 15 лет назад, однако до сих пор есть только одна диссертация в области лабораторных исследований (Артюшина 2014) и несколько их применений в достаточно далеких от науки областях, таких как социология политики (включая научную и технологическую), исследования городского транспорта и некоторые другие. Очень мало подобных исследований в странах Южной и Восточной Европы (Stoilova 2013; Mitev 2014).

Как ни странно, через 40 лет после описанного эмпирического и прагматического поворота в исследованиях наук к самим STS справедливо предъявить претензии, которые 25 лет назад сформулировал голландский социолог Жерар де Фриз относительно старой философии науки: «…до сих пор философы очень мало могли сказать о технологиях, умениях и практиках. Все эти темы выпали из самого способа разделять проблемы в отношениях между субъектом и объектом, языком и миром и т.д. Чтобы понять эти новые области, нам нужно избавиться от традиционных схем формулирования вопросов – их грубой формы эпистемологии XVIII века или более рафинированных форм современных “правил скептицизма”» (de Vries 1992).

Нам кажется, что есть опасность превращения STS в форму академической схоластики, где, подобно аналитическим философам 1980-х гг., студенты и преподаватели ограничиваются только разбором классических текстов, устраняя из STS самую их суть – симбиоз теоретической и ме-

тодологической работы с полевыми исследованиями научных и инженерных практик. Следующая цитата из работы Джона Ло, использованная уже в качестве эпиграфа, указывает нам на это: «<...> Можно описать акторно-сетевую теорию абстрактно… <…> и это часто делается в учебниках. Но это не попадает в точку, потому что это не абстрактно, а основывается на эмпирических кейс стади. Мы можем понять этот подход только в том случае, если мы сами погружены в эмпирические исследования и то, как она работает на практике» (Law 2009: 143).

Критикуя релятивизм социологии научного знания, Бруно Латур говорит о «квантовом» отношении текста и реальности (языка и мира) (Latour 1988): когда мы анализируем и комментируем тексты о лабораторных практиках, «реальностью» являются уже не сами лабораторные практики, а тексты о них. Иными словами, отходя от непосредственного наблюдения практики ученых и инженеров и обучая студентов только на основе прежних текстов об этих практиках, мы безвозвратно теряем что-то. Одно дело – занимательно описывать на основе текстов Б. Латура или М. Калона сеть трансляций какого-то природного существа до его появления в форме таблиц и диаграмм, и совсем другое – погружаться в хрупкую и нестабильную актор-сеть научного исследования: участвовать вместе с микробиологами в жару по пояс в воде в заборе проб, отслеживать их бережное хранение, ведение записей, протоколов наблюдений и т.д. Студентам необходимо самим погружаться в поле и наблюдать за действиями ученых и инженеров через призму накопленных теорий, тем самым проверяя и «фальсифицируя» (К. Поппер) их. Именно в этом и состоит реальная проба сил на адекватность наших STS концептов перед лицом практик ученых.

Если вернуться к Джону Ло, можно сказать, что нет единой акторно-сетевой теории. Она, подобно диаспоре, по-разному «живет» в каждой новой области научной практики, и каждая область применения рассказывает свои истории о том, «как» складываются или не складываются отношения, поэтому необходимо время от времени возвращаться в научную лабораторию, чтобы видеть, что и как там происходит, поскольку у этого поля – собственная жизнь. И поскольку сами классики STS тоже давно не занимаются этнографией лабораторной практики, а новые исследования ограничены и мало знакомы, то оказывается, что сегодня (в 2016 г. – *И.П., И.Ч.*) мы строим наши представления о науке и лабораториях на данных, собранных в 1980-х и начале 1990-х гг. Где гарантии, что мир лабораторий остался тем же самым?

Мир научных лабораторий действительно очень изменился. Так, в своей заметке «Science in the digital age» Нед Стаффорд приводит воспоминания британского физика Смитиса (Smithies), который пишет, что в начале его научной карьеры в Оксфордском университете в Великобритании самым современным инструментом в лаборатории была

ультрацентрифуга, огромная мазутная техника, которая занимала две комнаты. Сегодня же последние модели для лабораторных исследований представляют собой компактные настольные устройства (Stafford 2010). Как показывает одно из немногих современных исследований в этой области (Rosental 2007), за эти 25 лет в лаборатории вошло несколько генераций «умных» исследовательских приборов и инструментов, которые сами, без участия ученых, делают большие куски «цепи трансляций» по заданным алгоритмам. Массово используется GPS вместо старых ручных техник локализации места нахождения, а компьютерные симуляции и эвристические методы прогнозирования ожидаемых результатов на основе ограниченного количества данных резко ускорили процесс исследования.

Другой пример, говорящий об изменениях в самой научной практике, – исследование М. Калона, П. Ласкума и Я. Барта, в котором авторы вводят разграничение между «изолированным исследованием» (secluded research) и исследованием «на пленэре» (recherche de plein air) (Callon, Lascoumes, Barthe 2001 (англ. изд-е 2009)). Они определяют «изолированные исследования» как основную форму модерной науки, осуществляемой в научных лабораториях специализированными исследовательскими коллективами, где разграничение между учеными-экспертами и дилетантами является фундаментальным. Авторы показывают, что в последние десятилетия XX в. эта классическая форма организации науки наталкивается на собственные ограничения, и как реакция на эту ситуацию – поворот в сторону «пленэрных» исследований. В «recherche de plein air» позитивный научный результат все более зависит от способности исследовательских коллективов открыться к внешнему миру и допустить тех, кого ранее определяли как «дилетантов», в «святая святых» науки, а именно к участию в процессе формулировки научных проблем, в ход самого научного исследования, а также в процесс обратного внедрения результатов во «внешний мир» (Callon, Lascoumes, Barthe 2009: 75–94). Отсюда вывод: наука вообще и лабораторная практика в частности второго десятилетия XXI в. – не те же самые, что были 40 лет назад, когда были сделаны основные открытия в области лабораторных исследований.

* * *

Представленные ниже статьи участников летних STS-школ «Наука как форма жизни: гетерогенные сообщества в полевом биологическом исследовании» (2016 г.) и «Антропология науки и современных форм жизни: Camera Ethnography подход в изучении лабораторной практики» (2017 г.)[1] являются результатом анализа данных полевой работы среди ученых разных специальностей, объединить которые можно термином

«environmental studies» – это геоботаники, гидрологи, микробиологи, экологи, которые работают в рамках одного глобального проекта, направленного на изучение биохимических процессов (динамики кислородно-углеродного цикла и выделения метана) в водосборном бассейне Оби. «Лабораторией» здесь выступает научно-исследовательский стационар Кайбасово, расположенный в пойме реки Оби.

Автор первой статьи – Ольга Макиенко, студентка третьего курса истфака ТГУ, специализирующаяся по направлению «социальная антропология» и увлекающаяся визуальными методами исследования в антропологии. Представленный здесь текст представляет собой теоретический очерк движения от STS к VSTS, а именно очерк того, как в социальные исследования науки и технологий проникали и интегрировались визуальные методы и подходы. Новым для российского читателя будет представление в статье О. Макиенко подхода camera ethnography – оригинального визуального метода (и подхода), разрабатываемого немецким исследователем доктором Биной Элизабет Мон (Bina Mohn) (Центр camera ethnography, Берлин; Университет Зигена, Германия), в центре которого стоят *рефлексивность* и особая роль *рекурсии* (постоянного циклического движения от видеозаписи в поле к видеоредакции в кабинете и обратно). Таким образом, процесс обработки материала интегрирован в исследование и является аналитическим инструментом, подготавливающим следующий выход в поле.

Проблема жизнеобеспечения научного исследования в полевых условиях рассматривается в статье Лидии Рахмановой, социолога Сектора социологических исследований Государственного Эрмитажа и ассоциированного научного сотрудника Социологического института РАН в Санкт-Петербурге с классических социально-антропологических позиций, нежели чем в духе «классики лабораторных исследований». Автор в самом начале ставит перед собой сверхзадачу упорядочивания всего того, что происходит в условиях полевого научного исследования. На основании собственных критериев она выделяет семь типов акторов и три стратегии, характерные для каждого из них в отношении окружающей среды и жизненного мира человека, предлагая кейсы, в которых они проявляются. Используя язык прагматической социологии Люка Болтански и Лорана Тевено, который близок акторно-сетевой теории, Лидия Рахманова рассматривает научно-исследовательский стационар Кайбасово как гетерогенное сообщество, в котором акторы разной природы взаимодействуют друг с другом, выделяет типы данного взаимодействия и раскрывает особенности станции как сети, функционирующей в социальном пространстве научно-исследовательской базы и прилегающих к ней территориях. Она выявляет также столкновение различных логик в рамках вза-

имодействия этих акторов. Ее статья, насколько нам видится, вполне может быть рассмотрена в контексте социальных исследований науки и отнесена к ряду новейших публикаций, посвященных научным полевым станциям, появившихся в журнале *Social Studies of Science* в декабре 2016 г.[2]

В завершающей нашу подборку статей работе Алексея Воронкова и Анны Соловьевой (на момент проведения школы – бакалавр социологии факультета социальных наук НИУ «Высшая школа экономики» (Москва) и магистрантка программы «Этнология» МГУ имени М.В. Ломоносова соответственно) рассматривается решение одной из фундаментальных проблем геоботаники – вопроса о природе растительного покрова – с позиций акторно-сетевой теории. На наш взгляд, эта статья представляет собой пример работы в жанре антропологии науки (STS), где детально анализируется процесс «трансляции» этого покрова от реально существующих и меняющихся растительных сообществ в статистические и графические «данные», которые потом входят в разного рода тексты и (теоретические) модели. Авторы не только использовали собственные этнографические материалы, собранные в ходе совместной работы с геоботаниками в Кайбасово, но и расширили их, проведя интервью с геоботаниками МГУ. Таким образом они сумели сделать свои выводы на основе не только детального анализа *полевой* работы геоботаников в пойме Оби в Кривошеинском районе Томской области, но и за счет описания *лабораторного* этапа работы – на примере изучения растительности берегов полуострова Рыбачий в Мурманской области. Алексей и Анна предлагают распространить один из принципов сильной программы социологии знания (SPSK Дэвида Блура) – симметричное объяснение истинного и ложного знания, на континуальность как естественное свойство растительного покрова. Они интерпретируют спор между сторонниками дискретности и континуальности растительности в геоботанике как работу по очищению естественной науки от следов социальных наук, привнесших в нее свой концептуальный аппарат при помощи социальных метафор, сформировавших объекты геоботаники, актуализируя тем самым вопрос о работе по медиации, которая делает возможной естественность растительных сообществ.

Обобщая результаты Летней школы по антропологии науки 2016 г., особенно важно сделать акцент на том, что наш подход к полевым исследованиям рассматривает их не только как процесс «текстуализации», но включает также описание тела, страсти и «привязанности» ученых к исследуемым ими природным существам, молчаливое присутствие приборов и большое количество других деятелей, включая самого наблюдателя. Школа 2016 г. сделала первый шаг в этом направлении, накопив помимо интервью и описаний немалое количество ви-

део- и фотоматериалов. Ведь именно визуальные методы вместе с адекватными теоретическими моделями их осмысления позволяют выявить и представить материальный и «интертелесный» уровень лабораторной и инженерной жизни, что уже просматривается в статьях Л. Рахмановой и А. Воронкова – А. Соловьевой. Это уже стало фокусом Летней школы 2017 г., рассказ о которой, как сказано выше, станет задачей одной из наших последующих публикаций.

Примечания

[1] Ко времени завершения статьи мы только что вернулись с Третьей Международной летней STS-школы «Антропология науки и современных форм жизни: Camera Ethnography подход в изучении лабораторной практики», которая вновь проводилась на базе научно-исследовательского стационара Кайбасово в пойме реки Оби. Участников школы было в два раза больше, чем в предыдущем году, – 13 человек: бакалавры и магистранты факультетов социальных наук из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Новосибирска, антропологи из Томска. Среди них были и два аспиранта: из Высшей школы экономики (Москва) и Университета Гонконга (гражданин Новой Зеландии). Третья школа была посвящена обучению студентов взгляду на лабораторную жизнь научно-исследовательского стационара Кайбасово под новым углом – методом camera ethnography, одним из самых оригинальных визуальных методов в антропологии. Camera ethnography – подход, разработанный доктором Бины Моне (Университет Зигена и Центр Камера этнографии в Берлине) вместе с Клаусом Аманом, который является особенно подходящей визуальной методологией, где изображения (фото и видео) становятся инструментом рефлексии и анализа процесса наблюдения. Специфические «КАК-вопросы» (how questions) этого подхода, направляющие процесс съемки (где каждый новый выход в поле обогащен анализом предыдущего цикла съемок), позволяют не просто регистрировать, но и анализировать деликатные и безмолвные интертелесные практики науки, технологии и других сфер современной жизни. Под руководством Бины Мон практически все участники научились ставить специфические для этого метода «КАК-вопросы» и искать ответы на них путем плотного видеонаблюдения исследовательских практик. Это была прекрасная возможность работать с Биной лично в поле и разделить с ней опыт визуальных исследований в Кайбасово. Мы надеемся представить результаты работы Третьей Международной летней STS-школы в одном из следующих номеров журнала. Впрочем, читатель сможет хотя бы отчасти понять потенциал метода camera ethnography, ознакомившись со статьей О. Макиенко, представленной в этом номере журнала.

[2] В названном номере журнала удаленные исследовательские станции (например, в Африке) рассматриваются как часть колониальной системы, где производство знания тесно переплетено с отношениями власти, иерархиями и ценностями в постколониальном мире (Lachenal 2016), как инструмент геополитики, например норвежская арктическая станция Свалбард (Roberts, Pagliapp 2016). Но самая близкая к нам оптика – рассмотрение таких полевых станций (в Альпах и Антарктике) как равноправных лабораторий (Heggie 2016). В отличие от понимания полевой работы в акторно-сетевой теории как начала процесса трансляции, где ученые впервые проводят операции над объектами, трансформируя природные сущности в «скрипты», такое понимание станций значительно обогащает наши представления о лабораторных практиках в естественных науках.

Литература

Артюшина А.В. Сетевые взаимодействия в условиях конкуренции за ресурсы на примере молекулярно-биологических лабораторий в России и США: дис. … канд. социол. наук. М.: ГУ ВШЭ, 2014.

Функ Д.А., Нам И.В. (отв. ред.) Антропология в поисках нового языка описания: тез. межд. науч. конф. Первый Томский антропологический форум. Томск: ТГУ, 2016. 172 с.

Bloor D. Knowledge and social imagery. Routledge & Kegan Paul. London, Boston, Henley, 1976.

Callon M., Lascoumes P., Barthe Y. Agir dans un monde incertain. Essai sur la démocratie technique. Éditions du Seuil, Paris, 2001 (English translation: Callon M., Lascoumb P., Barthe Y. Acting in an Uncertain World. MIT Press, 2009).

de Vries G. Wittgenstein and The Sociology of Scientific Knowledge: Consequences to a Farewell to Epistemology. Library CSI, Ecole des Mines. Paris, 1992.

Feyerabend P. Against Method. New Left Books, 1975.

Heggie V. Higher and colder: The success and failure of boundaries in high altitude and Antarctic research stations // Social Studies of Science. 2016. Vol. 46 (6). P. 809–832.

Knorr Cetina K. Manufacturing of knowledge: an essay on the constructionist and contextual nature of science. Oxford: Pergamon, 1981.

Knorr Cetina K. Laboratory Studies: the Cultural Approach to the Study of Science // Handbook of science and technology studies / ed. by S. Jasanoff. Los Angeles, 1995.

Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1970.

Lakatos I. Proofs and Refutations: the Logic of Mathematical Discovery. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

Lachenal G. At home in the postcolony: Ecology, empire and domesticity at the Lamto field station, Ivory Coast // Social Studies of Science. 2016. Vol. 46 (6). P. 877–893.

Latour B. The Politics of Explanation: an Alternative // Knowledge and Reflexivity, New Frontiers in the Sociology of Knowledge / ed. by S. Woolgar. London: Sage, 1988. P. 155–177.

Law J. Actor Network Theory and Material Semiotics // The New Blackwell Companion to Social Theory / ed. by B.S. Turner. Blackwell Publishing Ltd., 2009.

Mitev T. About Water and Men. Plovdiv University Paisii Hilendarski press, 2014.

Roberts P., Pagliapp E. Science as national belonging: the construction of Svalbard as a Norwegian space // Social Studies of Science. 2016. Vol. 46 (6). P. 894–911.

Rosental Cl. Les capitalistes de la science. Enquête sur les démonstrateurs de la Silicon Valley et de la NASA. CNRS Éditions, coll. «Société», 2007.

Stafford N. Science in the digital age // Nature. 2010. № 467. S19–S21. URL: https://www.nature.com/articles/467S19a (дата обращения: 01.08.2017).

Stoilova E. From Home-Made Product to Industrial One: Manufacturing Bulgarian Sour Milk // Agrarian History. 2013. Vol. 87, № 1. P. 73–92.

Статья поступила в редакцию журнала 11 августа 2017 г.

Popravko Irina G., Tchalakov I.

FOLLOWING THE PRACTICES OF SCIENTISTS IN INTEGRATED ECOLOGICAL RESEARCH: UNDERSTANDING THE EXPERIENCE OF THE TOMSK SUMMER SCHOOLS IN THE ANTHROPOLOGY OF SCIENCE*

DOI: 10.17223/2312461X/18/6

Abstract. The article discusses the organisation of STS summer schools in the city of Tomsk and more specifically deals with the first one of them held in 2016. These schools are a series

of unique research events which bring together social scholars (anthropologists) and natural sciences experts (biologists, pedologists, ecologists, and botanists). The schools aim to allow for in-depth research into scientific practices of fieldwork. The schools' theoretical framework is a combination of actor-network theory (ANT) and principles of contemporary anthropology applied in studying modern societies. Coupled with the ethnographic approach used by K. Knorr Cetina and her followers as well as with some of the ideas from the sociology of taste and attachment by A. Hennion, this framework leads us to consider scientific and engineering practices not only as an agonistic field for 'testing of one''s strengths' among human and non-human actors but also as the point of intersection of the phenomena of passion, attachment, and endurance. The authors suggest the experience of these schools be considered in a broader theoretical and methodological context in the development of laboratory studies over the last 40 years. Their main conclusion consists in that science in general and laboratory practice in particular of the second decade of the XXI century are not the same as they were 40 years ago when major scientific discoveries were made in the field of laboratory studies, and that means they need to be understood through new theoretical thinking and detailed ethnographic research.
Keywords: laboratory life, actor-network theory, STS, anthropology of science

* The research is conducted under the project 'Man in a Changing World. Identity and Social Adaptation: Past and Present', principal investigator – Dmitriy Funk (grant #14 B25.31.0009 issued by the Russian Government).

References

Artiushina A.V. *Setevye vzaimodeistviia v usloviiakh konkurentsii za resursy na primere molekuliarno-biologicheskikh laboratorii v Rossii i SShA: diss. ... kand. sotsiol. nauk* [Network interactions in the context of competition for resources: the case of molecular biology laboratories in Russia and the USA: a dissertation for the degree of 'Candidate of Sciences (Sociology)']. Moscow: GU VShE, 2014.

Funk D.A., Nam I.V. (eds.) *Antropologiia v poiskakh novogo iazyka opisaniia: Tezisy mezhd. nauchn. konf. Pervyi Tomskii antropologicheskii forum* [Anthropology in search of a new language of description: Abstracts from the international research conference 'I Tomsk Anthropological Forum']. Tomsk: TGU, 2016. 172 p.

Bloor D. *Knowledge and social imagery*. Routledge & Kegan Paul. L., Boston, Henley. 1976.

Callon M. Les statuts économiques des activités de recherche et développement (Eléments pour une analyse dynamique des réseaux techniques et économiques). In: *Representer, Hybrider, Coordiner*. CSI, Paris, 1996.

de Vries, G. "*Wittgenstein and The Sociology of Scientific Knowledge: Consequences to a Farewell to Epistemology*", mimeo – library CSI, Ecole des Mines, Paris, 1992.

Feyerabend P. *Against Method*. New Left Books, 1975.

Heggie V. Higher and colder: The success and failure of boundaries in high altitude and Antarctic research stations, *Social Studies of Science*, 2016, Vol. 46(6), pp. 809–832.

Knorr-Cetina, K. *Manufacturing of knowledge: An essay on the constructionist and contextual nature of science*. Oxford: Pergamon, 1981.

Knorr-Cetina K. Laboratory Studies: The Cultural Approach to the Study of Science. In: *Handbook of science and technology studies*. Jasanoff S (Ed.). Los Angeles, 1995.

Kuhn T. *The Structure of Scientific Revolutions*. University of Chicago Press, Chicago, 1970.

Lakatos I. *Proofs and Refutations: The Logic of Mathematical Discovery*. Cambridge University Press, Cambridge, 1976.

Lachenal G. At home in the postcolony: Ecology, empire and domesticity at the Lamto field station, Ivory Coast, *Social Studies of Science*, 2016, Vol. 46 (6), pp. 877–893.

Latour B. The Politics of Explanation: an Alternative. In: Steve Woolgar (editor) *Knowledge and Reflexivity, New Frontiers in the Sociology of Knowledge*. Sage, London, 1988, pp. 155–177.

Law J. Actor Network Theory and Material Semiotics. In: *The New Blackwell Companion to Social Theory*. Edited by Bryan S. Turner. Blackwell Publishing Ltd., 2009.

Mitev T. *About Water and Men*. Plovdiv University Paisii Hilendarski press, 2014.

Roberts P., Pagliapp E. Science as national belonging: The construction of Svalbard as a Norwegian space, *Social Studies of Science*, 2016, Vol. 46 (6), pp. 894–911.

Rosental Cl. *Les capitalistes de la science. Enquête sur les démonstrateurs de la Silicon Valley et de la NASA*. CNRS Éditions, coll. «Société», 2007.

Stafford N. Science in the digital age, *Nature.* no. 467, S19–S21 (14 October 2010).

Stoilova E. From Home-Made Product to Industrial One: Manufacturing Bulgarian Sour Milk, *Agrarian History,* 2013, Vol. 87, no. 1, pp. 73–92.

УДК 316.7
DOI: 10.17223/2312461X/18/7

ОТ STS К VSTS: ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИИ ВИЗУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛАБОРАТОРНЫХ ПРАКТИК И ПОТЕНЦИАЛ CAMERA ETHNOGRAPHY*

Ольга Вадимовна Макиенко

Аннотация. Представлено направление VSTS (слияние двух направлений – исследований науки и техники и визуальных исследований). Особо указано на его возможности для исследователей дополнить уже собранный материал визуальными данными. Дана характеристика особенностей сбора этнографического материала и различных подходов к съемке и анализу визуальных материалов в рамках исследований науки и техники, а именно видеоанализ, анализ интеракций и этнометодология. Целью статьи являются демонстрация несовершенства существующих подходов и попытка предложить использование видеоэтнографии как эффективного инструмента для визуальных исследований лабораторных практик. Также представлен camera ethnography подход, предложенный Б. Мон, как один из возможных вариантов решения методологических проблем, связанных с отсутствием теоретической базы для видеоэтнографии науки и техники. Ставится вопрос об отсутствии полноценной методологии не только для VSTS, но и для визуальных исследований в целом, что, по мнению автора, указывает на разрозненность теоретических подходов.

Ключевые слова: исследования науки и техники, видеоэтнография, видеоанализ, этнометодология, визуальные исследования

От STS к VSTS

Исследования науки и техники (science and technology studies, STS) сейчас переживают небывалый подъем, привлекая внимание ученых самых разных областей, начиная от социологов и антропологов и заканчивая представителями естественнонаучных направлений и медицинскими сотрудниками. Междисциплинарность и привлечение множества исследователей позволяют смотреть на STS с разных сторон и использовать для изучения различных аспектов направления различные методы, которые раскрывают как их отдельные особенности, так и особенности исследований науки и техники в целом. В данной статье я не буду акценти-

* Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности», рук. Д.А. Функ (грант Правительства РФ П 220 № 14 В25.31.0009).

ровать внимание на методах, которые характерны для нелабораторных практик, а сделаю бóльший акцент на лабораториях и научных сообществах, с чего и начинало «первое поколение» (Latour, Woolgar 1979; Knorr Cetina 1983; Lynch 1985) исследователей STS.

Это поколение отличает этнографический подход в изучении социального конструирования знания, когда исследователи находились непосредственно в лабораториях, наблюдая за учеными, их техникой и всем тем, что влияет на данное место, в какие сети взаимодействий оно включено, а далее – что влияет на это знание, как оно трансформируется, наслаивая на себя целый спектр социальных и культурных факторов. По сути, этнографический подход в лаборатории, а именно включенное наблюдение и все то, что применялось в исследованиях Б. Малиновского, может работать и в рамках STS, однако Д.Дж. Хесс выделяет несколько особенностей, которые могут сделать этнографию в рамках исследования науки и техники лучше.

Во-первых, он пишет о том, что поле STS – это не глухая деревня, отдаленная от технологичного мира, куда приезжает одинокий антрополог практически без подготовки, наоборот, лаборатория – это и есть технологичный мир, связанный и с другими лабораториями. При вхождении в поле антрополог должен четко понимать, что он здесь не ученик (Fisher 1998), который наивными глазами смотрит на происходящее вокруг, а учится вместе со своими информантами, что и является второй этнографической особенностью STS-поля. Нередко бывает так, что, прочитав научную литературу, связанную с изучаемым объектом, антрополог может разобраться в определенном аспекте предмета даже лучше, чем, например, ученые, за которыми наблюдают этнографы. В целом и антрополог, и информант «мучаются в попытках понять, что же происходит». В-третьих, этнограф науки и технологии всегда стоит перед необходимостью создать что-то свое на фоне уже существующей (социологической, исторической и др.) литературы об изучаемой им науке (Хесс 2011: 46–47). Для того чтобы понять, «что происходит», социальные ученые, как правило, используют фотографии или видеоматериалы, записанные в поле. Это делается для того, чтобы не упустить ни одного шага в работе с прибором, пробами или какой-либо техникой: «...фотография поставляет все те “детали”, которые являются сырьем этнологических знаний» (Barthes 1967: 27).

Первое поколение использовало фотографию как наглядный материал в своих работах, иллюстрировавший процессы, происходящие в исследуемой лаборатории. Например, в книге «Laboratory Life: the Construction of Scientific Facts» (Latour, Woolgar 1979) исследователи поместили несколько фотоснимков, отображающих происходящее в лаборатории – расположение стеллажей с пробами, обсуждение работы исследователями, рабочие места и т.д. Визуальный материал помогает

не только читателю зрительно зафиксировать и дополнить то, что написано в книге, но он, прежде всего, необходим самому антропологу.

Еще 40 лет назад для проведения исследования в области STS было вполне достаточно диктофона и фотоаппарата. Видеосъемка тоже была, но не являлась основным инструментом в работе, учитывая громоздкость аппарата, его дороговизну и отсутствие специальных навыков для его настройки. Сейчас же с помощью видеосъемки можно «запомнить» практически всех акторов в поле, что делает исследование максимально полным, а понимание того, «что происходит», более ясным: техника стала доступной для всех, видеозапись можно делать на телефон или небольшую камеру, которая помещается в ладонь, не требуются и специальные курсы по работе с ней.

Визуальные исследования в STS, анализ научных изображений и использование фильмов и медиа для изучения научных практик переросли в новое направление исследований науки и техники в слиянии с визуальной антропологией – VSTS (visual science and technology studies). Оно и неудивительно: междисциплинарность STS и вовлечение туда специалистов различных сфер влекут за собой создание новых или использование уже проверенных методов, подходов и комплекса дисциплин внутри направления.

Питер Галлисон, рассказывая про это направление, приводит в пример фильм «Leviathan» – работу двух режиссеров – Люсьен Кастен-Тэйлор (Lucien Castaing-Taylor) и Венеры Паравел (Venera Paravel), про рыболовство в Новой Зеландии как иллюстрацию того, как в цифровой век камера уже не ограничивается исключительно глазом снимающего, а способна заснять даже то, что не было замечено (рис. 1). Он поражается тем, насколько много удалось показать с помощью определенных позиций камеры, пролетающей над водной гладью, снимающей чаек, рыбаков, из чего и получается знание:

> *«Где мы эпистемологически? Не так много в мире актантов Латура-Каллона – здесь гребешки, как люди, сети и птицы, стираются больше в потоке, нежели чем сетевыми узлами. Эта точка зрения камеры – точка зрения, которая была всего лишь несколько лет назад технически невозможной; но теперь это больше, чем электронное изменение. Здесь, в висцеральной, внечеловеческой перспективе - это смещение от характера и широкого объяснительного контекста к тщательно сконструированному, чувственному, ужасающему, головокружительному движущемуся изображению. Это знание? Безусловно. Подчинено ли оно концептуальному разделу, экономическому или акторно-сетевому объяснению экономики, биографии или нормативной структуры раболовства в начале XXI века? Конечно, нет»* (Gallison 2014: 210; здесь и далее перевод мой. – *О.М.*).

Рис. 1. Кадр из фильма «Левиафан» (2012),
реж. Люсьен Кастен-Тэйлор и Венера Паравел

Развитие направления, включающего в себя визуальную антропологию, визуальные и цифровые исследования, позволяет по-новому взглянуть не только на научное и техническое знание, но и на фильмопроизводство и фотографию. Это можно использовать и как эмпирический материал, и как обучающее средство для демонстрации того, как конструируется знание, из чего оно состоит и насколько широка сеть акторов. Однако, несмотря на то что визуальное в STS изучается все чаще, основной акцент в видео, снятых в условиях лаборатории и научных сообществ, делается на его анализе, но не на видеоэтнографии, т.е. мы имеем представление о том, как и что анализировать, но не знаем, как и что снимать.

Видеоанализ, этнометодология и анализ интеракций

Отсутствие четкой методологии в применении камеры в условиях лабораторных исследований понятно – сюда наслаивается слишком много теоретических проблем, вопросов, на которые нельзя дать четкий ответ, однако я постараюсь сделать на этом акцент в следующей части статьи. Здесь же стоит посмотреть на то, что уже есть и применятся в STS, насколько это полно описывает происходящее в лаборатории и позволяет понять, «что происходит».

Этнометодологический вклад в STS описывается Ф. Сормани как «детальное изучение локальных выполнений практических действий, начиная от обычной беседы и телесных взаимодействий и заканчивая технической деятельностью в естественных науках и за ее пределами» (Sormani et al. 2017: 114). Начиная говорить о нем, он упоминает и анализ разговоров (conversation analysis), который перерос из анализа те-

лефонных разговоров в аудиовизуальный анализ, включающий в себя жесты, мимику и прочие телесные практики. Исследователи, использующие при анализе интеракций (АИ) видео, указывают на несколько важных особенностей, которые оно может зафиксировать:

> *«Выборочно используемый видеоанализ является особенно ценным аналитическим инструментом для изучения учебных занятий и рабочих практик в сложных условиях реального мира по ряду причин. Одна из них заключается в том, что, приближая непосредственное наблюдение, видео предоставляет общий ресурс для преодоления пробелов между тем, что люди говорят, что они делают, и тем, что они делают на самом деле. Видео предоставляет оптимальные данные, когда нас интересует то, что произошло "на самом деле", а не в рассказах о том, что произошло»* (Jordan, Henderson 1995: 50).

Хотя основной акцент в АИ делается на анализе видео, вхождение в поле и подготовка к нему составляют важную часть исследования. Например, при изучении врачей и медицинских учреждений необходимо понимать врачебный жаргон, знать, какими техническими средствами пользуются врачи, понимать, какое место занимает тот или иной предмет в повседневной врачебной практике и т.д. Для записи видео необходимо выбрать правильный угол съемки, чтобы зафиксировать момент интеракции, например общение врача с пациентом, но и не забывать расположить камеру так, чтобы были видны окружающие предметы, важные для данной интеракции (Heath, Hindmarsh 2002). Однако такие предметы или, если говорить языком акторно-сетевой теории (АСТ) – не-человеческие акторы (non-human actors) – не являются равными участниками взаимодействия. АИ не ставит в один ряд человеческие и не-человеческие акторы, которые образуют сеть (Callon, Latour 1981), таким образом не показывая их взаимодействие и влияние друг на друга. Все зависит от специфики исследования и проблемы, которую ставит исследователь. И если мы говорим об изучении научных практик, то технические особенности, человеческие взаимодействия и взаимодействие людей с не-человеками стоит ставить в один ряд.

В отличие от АИ, этнометодологический подход завязан не на анализе порядка действий, а на концептуальных вопросах «первого поколения», теоретически расширяя STS-поле, куда включает исследование материальности, связь между разумом и телом, онтологическую политику и т.д. Ф. Сормани считает, что из видеоанализа и этнометодологии STS может взять (и берет) эмпирические демонстрации того, как научные практики и технические активности опираются на «воплощенные практики» (embodied interactions), переглядывание друг с другом и другие обыденные ресурсы (Sormani et al. 2017: 120). Л. Мондада, описы-

вая практики обучения будущих хирургов с помощью записей с операций, увидела в анализе телесности, разговоров, хирургических предметов «расширение сети», что, по ее мнению, не способна сделать АСТ (Mondada 2007: 51).

Видеоэтнография и how-question

Как было сказано выше, мы имеем представление, как работать с уже отснятым видео, и развиваем область видеоанализа, но не работаем над развитием видеоэтнографии, не имеем методологических установок и не прорабатываем теоретические подходы к работе в STS-поле. Возникает множество вопросов о проведении видеосъемки в рамках лаборатории: как показать актантность; как уследить за всем происходящим там; как определить всех акторов; как правильно поставить камеру, чтобы зафиксировать это; какова роль исследователя, снимающего научные практики; должен ли он взаимодействовать с лабораторией, задавая вопросы сотрудникам; какие этические проблемы могут возникнуть при фиксации научных достижений или провалов; как правильно отображать интеракции между учеными и техникой и т.д. На эти вопросы нет четких ответов, учитывая большое количество подходов внутри STS, и как учесть каждый и оформить в метод для видеоэтнографии – непонятно. Пока что антропологи и визуальные исследователи не готовы к такому вызову, однако существуют методы работы в поле, которые, судя по всему, должны помочь сделать видеоэтнографию STS качественной.

Немецкий исследователь Бина Мон, разработчик подхода camera ethnography, предлагает входить в поле с вопросом «как?» (how-question), который поможет держать точку фокусировки, чтобы даже при смене ракурса камеры исследователем открывать новые грани заданного вопроса. В последующие «заходы» в поле на вопросы «как?» могут нанизываться и вопросы, начинающиеся с вопросительного слова «что?» (what-questions). Мон выделяет несколько фаз этнографического исследования с помощью камеры (camera ethnography), благодаря которому можно собрать качественные визуальные данные:

1. Полевые фазы: *смотреть, снимать, указывать* (looking, filming, pointing) – поиск перспектив для дальнейшего исследования. При вхождении в поле с вопросом «как?» возрастает интерес к исследованию, и оно приобретает визуальную форму, обрисовывая черты ответа на этот самый вопрос.

2. Лабораторные фазы: *ставить эксперименты, спрашивать* (experimenting, asking) – комбинация изображений, кадров, которые открывают новые перспективы, из чего возникают новые вопросы. После этой фазы нужно вернуться в поле.

3. Фазы публикации: *видеть, «плотно» показывать* (термин сконструирован по аналогии с термином «насыщенное / плотное описание») (seeing, thick showing) – акцент смещается со «смотреть» на «видеть», с «указывать» на «показывать», новые знания замещают фигуру исследователя, раскладывая отснятый материал с эстетической, драматургической и других точек зрения для публикации или / и выставки.

4. Фазы реакции: *вычленять из реакций* (learning from reception) – восприятие различных точек зрения на отснятый материал с помощью его показа и диалога.

5. Рефлексивные фазы: *рефлексия медиа и методологий* (reflecting on media and methodologies) – исследователь рефлексирует над собственным исследованием, над тем, что показано, а что нет, беря во внимание различные подходы к решению поставленной проблемы в медиа и методологиях.

6. Фазы применения: *использование результатов, продолжение исследования* (applying results, continuing to research) – как можно использовать материал? как исследования могут формировать практики? (Mohn 2017)

Как мы видим, Мон предлагает рефлексивно подходить к материалу, каждый раз его перерабатывая, получая фидбэк и переосмысливая свои действия в поле. Поскольку в этнометодологии фигура исследователя никак не выделяется, позволяя практикам случаться без его вмешательства, то методология camera ethnography (how-question) – один из вариантов для исследования лаборатории, когда, фиксируя работу ученых и держа в голове вопрос «как?», можно каждый раз по-новому смотреть на свою работу, на поле, на происходящее внутри. Учитывая, что работа над пониманием того, «что происходит», проводится с обеих сторон, «фаза реакций» откроет новые варианты понимания того, чем наполнена лаборатория и какие акторы имеют большую актантность благодаря взгляду на видеоматериал информанта.

Работы Мон – один из немногих примеров того, как этнография может работать в лаборатории, учитывая непопулярность видеоэтнографии и отсутствие теоретической базы конкретно для STS. Проблема здесь не только в этнографии, но и в целом в отсутствии визуального метода так такового. Л. Пауэлс, указывая на это, сетует, что «визуальный метод» изобретался много раз, но теоретические знания и практическое применение – разные вещи, так как значительное количество подходов не оформляется в общую базу, а разрозненно появляется в различных журналах. «Интегрированная система в визуальных социологических исследованиях» – попытка предложить интегрированный обзор широкого разнообразия связанных между собой вариантов и возможностей, которыми располагают исследователи при рассмотрении и использовании выпущенной визуальной продукции в процессе изуче-

ния общества и культуры (Pauwels 2010). Эта «система» дает довольно полный обзор того, чем можно наполнить STS-исследования, как правильно работать в поле, где применять визуальное, а где его ограничить. В совокупности методов можно открыть новые пути для рассмотрения визуальности в STS, для работы в лаборатории и грамотного поиска ответа на вопрос «как?».

Заключение

Рассмотрение различных подходов в STS с помощью визуальных материалов и визуальной этнографии позволяет сделать вывод, что несмотря на то, что VSTS только в начале своего развития, а методы и теоретическая основа для STS-поля и визуального лоскутками разорваны по разным направлениям, есть предпосылки и большие перспективы для развития видеоэтнографии и дальнейшего использования видеоанализа в исследованиях. И Галлисон, и Сормани в своих работах выражают надежду на то, что социологи и антропологи привнесут больший интерес к развитию визуального исследования науки и техники, так как для этого есть не только уже готовая методология, но и еще много работы, чтобы привлечь внимание остальных к данному направлению.

Примечания

[1] Толчком к этой работе стало мое участие в летних STS-школах в 2016 и 2017 гг. в Томском государственном университете: «Наука как форма жизни: гетерогенные сообщества в полевом биологическом исследовании» и «Антропология науки и современных форм жизни: Camera Ethnography подход в изучении лабораторной практики».

Литература

Barthes R. Elements of Semiology. New York: Hill and Wang, 1967.

Callon M., Latour B. Unscrewing the Big Leviathan: How Actors Macrostructure Reality and How Sociologists Help Them to Do So // Advances in Social Theory and Methodology: Toward an Integration of Micro- and Macro-Sociologies / ed. by K. Knorr Cetina, A.V. Cicourel. Boston: Routledge and Kegan Paul, 1981. P. 277–303.

Fischer M. Seminar on STS // Delivered at Rensselaer Polytechnic Institute. 1998. Nov.

Gallison P. Visual STS // Visualization in the Age of Computerization / ed. by A. Carusi, A.S. Hoel, T. Webmoor, S. Woolgar. London: Routledge, 2014. P. 197–225.

Heath C., Hindmarsh J. Analysis Interaction: Video, ethnography and situated conduct // Qualitative Research in Practice / ed. by May T. London: Sage, 2002. P. 99–121.

Jordan B., Henderson A. Interaction Analysis: Foundations and Practice // The Journal of the learning sciences. 1995. № 4 (1). P. 39–103.

Knorr Cetina K. The ethnographic study of scientific work // Science Observed / eds. K. Knorr Cetina, M. Mulkay. London: Sage, 1983. P. 115–140.

Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: the Social Construction of Scientific Facts. London: Sage, 1979.

Lynch M. Art and Artifact in the Laboratory. London: Routledge, 1985.

Mohn B. 2017 – По материалам лекции, прочитанной Биной Мон в Томске на Летней STS-школе «Антропология науки и современных форм жизни: Camera Ethnography подход в изучении лабораторной практики» 01.07.2017 г.

Mondada L. Operating Together through Videoconference: Members' Procedures for Accomplishing a Common Space of Action // Orders of Ordinary Action: Respecifying Sociological Knowledge / ed. by S. Hester, D. Francis. Aldershot: Ashgate, 2007. P. 51–68.

Pauwels L. Visual Sociology Reframed: an Analytical Synthesis and Discussion of Visual Methods in Social and Cultural Research // Sociological Methods & Research. 2010. № 38 (4). P. 545–581.

Sormani P., Alač M., Bovet A., Greiffenhagen C. Ethnomethodology, Video Analysis, and STS // Handbook of Science and Technology Studies Fourth Edition / ed. by U. Felt, R. Fouché, C.A. Miller, L. Smith-Doerr. MIT Press, 2017. P. 113–137.

Хесс Д. Дж. Этнография и развитие исследований науки и технологий // Этнографическое обозрение. 2011. № 5. С. 40–58.

Статья поступила в редакцию 14 сентября 2017 г.

Makienko Olga V.

FROM STS TO VSTS: METHODOLOGICAL ISSUES IN VISUAL RESEARCH OF LABORATORY PRACTICES AND THE POTENTIAL OF CAMERA ETHNOGRAPHY

DOI: 10.17223/2312461X/18/7

Abstract. The article discusses the field of VSTS, that is, STS and visual research merged together, with a particular emphasis on its potential for complementing already collected materials with visual data. It describes specific features of gathering ethnographic material as well as different approaches to filming and analysing visual material in STS, namely, video-analysis, analysis of interactions, and ethnomethodology. The article aims to demonstrate the imperfection of existing approaches and attempts to suggest using video-ethnography as an effective tool for visual research into laboratory practices. It presents camera ethnography, an approach proposed by Bina Mohn, as one of the possible ways of solving methodological issues associated with the lack of theoretical foundations in the video-ethnography of science and technology. It also raises the question of absence of a full-fledged methodology not only in the case of VSTS but also in visual research on the whole – the fact that, according to the author, points to the fragmented nature of current theoretical approaches.

Keywords: STS, video-ethnography, video-analysis, ethnomethodology, visual research

* The article is written under the project 'Man in a Changing World. Identity and Social Adaptation: Past and Present', principal investigator – Dmitriy Funk (grant #14 B25.31.0009 issued by the Russian Government).

References

Barthes R. *Elements of Semiology*. New York: Hill and Wang, 1967.

Callon M., Latour B. Unscrewing the Big Leviathan: How Actors Macrostructure Reality and How Sociologists Help Them to Do So. In: *Advances in Social Theory and Methodology: Toward an Integration of Micro- and Macro-Sociologies*. Ed. by Knorr Cetina K. and Cicourel A.V. Boston: Routledge and Kegan Paul, 1981, pp. 277–303.

Fischer M. *Seminar on STS* / Delivered at Rensselaer Polytechnic Institute, Nov., 1998.

Gallison P. Visual STS. In: *Visualization in the Age of Computerization*. Ed. by Carusi A., Hoel A.S., Webmoor T. and Woolgar S. London: Routledge, 2014, pp. 197–225.

Heath C., Hindmarsh J. Analysis Interaction: Video, ethnography and situated conduct. In: *Qualitative Research in Practice*. Ed. by May T. London: Sage, 2002, pp. 99–121.

Jordan B., Henderson A. Interaction Analysis: Foundations and Practice, *The Journal of the learning sciences*, 1995, no. 4(1), pp. 39–103.

Knorr Cetina K. The ethnographic study of scientific work. In: *Science Observed*. Eds. Knorr Cetina K., Mulkay M. London: Sage, 1983, pp. 115–140.

Latour B., Woolgar S. *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts*. London: Sage, 1979.

Lynch M. *Art and Artifact in the Laboratory*. London: Routledge, 1985.

Mohn B. 2017 - *Po materialam lektsii, prochitannoi Binoi Mon v Tomske na Letnei STS-shkole «Antropologiia nauki i sovremennykh form zhizni: Camera Ethnography podkhod v izuchenii laboratornoi praktiki» 01.07.2017 g.* [Based on the notes from the lectures delivered by Bina Mohn in the city of Tomsk during the STS summer school, titled 'The Anthropology of Science and Modern Forms of Life: Camera Ethnography in Studying Laboratory Practices'. 01.07.2017].

Mondada L. Operating Together through Videoconference: Members' Procedures for Accomplishing a Common Space of Action. In: *Orders of Ordinary Action: Respecifying Sociological Knowledge*. Ed by Hester S. and Francis D. Aldershot: Ashgate, 2007, pp. 51–68.

Pauwels L. Visual Sociology Reframed: An Analytical Synthesis and Discussion of Visual Methods in Social and Cultural Research, *Sociological Methods & Research*, 2010, no. 38(4), pp. 545–581.

Sormani P., Alač M., Bovet A., Greiffenhagen C. Ethnomethodology, Video Analysis, and STS. In: *Handbook of Science and Technology Studies. Fourth Edition*. Ed. by Felt U., Fouché R., Miller C.A., and Smith-Doerr L. MIT Press, 2017, pp. 113–137.

Hess D.J. Etnografiia i razvitie issledovanii nauki i tekhnologii [Ethnography and the Development of Science and Technology Studies], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2011, no. 5, pp. 40–58.

УДК 316.454.54
DOI: 10.17223/2312461X/18/8

НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ: ПРОБЛЕМА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПОЛЕВЫХ УСЛОВИЯХ*

Лидия Яковлевна Рахманова

Аннотация. Статья сфокусирована на интерпретации материалов эмпирического исследования акторов различного типа, действующих на одном из научных стационаров в Томской области. В ходе изучения данного кейса были проведены включенное наблюдение и полуструктурированные интервью с представителями гетерогенного сообщества, состоящего из междисциплинарной команды ученых, местных жителей и людей, отвечающих за жизнеобеспечение на полевом этапе работы и находящихся на границе между сообществом ученых и наблюдателями, «не интересующихся тем, что происходит внутри стен лаборатории» (Латур 2002: 3). Автором было выделено семь типов акторов изучаемой сети, среди которых наиболее значительную и самую непредсказуемую роль играют пограничные акторы, или акторы-посредники. Однако действия акторов и их поведение описываются не только набором функций и свойств самих акторов: наиболее полная картина складывается при соотнесении различных практик в определенной сфере деятельности с определенной стратегией. Три выделенные в данной статье стратегии и их возможные сочетания и комбинации представляют собой своего рода аналитическую матрицу для дальнейшего более глубокого объяснения и изучения связей внутри сложного гетерогенного сообщества.

Ключевые слова: антропология науки, полевое исследование, система жизнеобеспечения, не-человеческие акторы, режимы вовлеченности, стратегии акторов сети, жизненный мир

Смысл может потеряться,
если потеряется связь между самими людьми.

Почему мне с детства нравилась наука?
Если ты понимаешь малое,
то большое к тебе со временем приходит.

Ни одна база не окупает себя.
Но она несет колоссальную имиджевую функцию.

Введение. Основания и эмпирическая база исследования

Данная статья основана на эмпирических материалах, полученных в ходе пилотажного исследования, проведенного в июле 2016 г. в рамках

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ «Социальные основания неформальной экономики: природопользование на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке» (№ 17-33-01057, 2017–2018 годы).

Летней STS школы «Наука как форма жизни» в Томском государственном университете (далее Школа).

Полевой этап исследования занял семь дней, пять из которых были проведены на исследовательской базе в Томской области, находящейся на берегу Оби, а два дня были посвящены знакомству с деятельностью различных лабораторий Научно-исследовательского института биологии и биофизики ТГУ. Были применены методы участвующего наблюдения, фотофиксации, видеофиксации, биографического интервью и полуструктурированного лейтмотивного интервью. Времени на погружения в среду было очень немного. На исследовательской базе находились или же прибыли одновременно с антропологами 11 исследователей. Из них семеро – молодые специалисты (от бакалавров до аспирантов) и четыре человека – руководители лаборатории или подразделений и кураторы молодежи, приехавшей на практику, а также сотрудники НИИ. Команда исследователей антропологов состояла из восьми человек и двух руководителей проекта. Таким образом, соотношение исследователей и исследуемых было примерно равным. Этот необычный момент, нехарактерный для традиционной стратегии исследования сообществ, когда число членов сообщества в разы превосходит количество антропологов, а также пространственная близость двух баз, размещавшихся на соседних земельных участках, определила характер и особенности исследовательской деятельности участников Школы.

Стоит отметить сразу, что легкость вхождения в «поле» была обусловлена четырьмя основными причинами:

– наличие предварительной договоренности с руководителем лаборатории и со-организаторами полевой практики студентов лаборатории BioClimLand, а также их согласия на непосредственное участие в исследовании;

– особый тип профессиональной культуры информантов, которые сами в большинстве своем были учеными либо студентами и потому проявляли взаимный интерес к исследованиям антропологов и были открыты для любых вопросов;

– проведение исследования методом участвующего наблюдения, что позволяло ассистировать ученым в их работе в поле и полевой лаборатории;

– организация совместных вечеров у костра, общение в неформальной атмосфере, обмен «экспедиционным фольклором» между этнографами, антропологами и ботаниками, экологами, геологами.

Синтез языков описания: обоснование логики

В данной работе я ставлю перед собой задачу рассмотреть и систематизировать особенности взаимодействия участников исследователь-

ского процесса как акторов различного типа, учитывая при этом контекст повседневности и связанной с ней системы жизнеобеспечения. Интерпретативная рамка, которая была выбрана нами для данной статьи, позволяет анализировать и помещать в один исследовательский универсум явления и процессы совершенно различного типа, которые, как правило, являются объектом отдельных исследований. Я предлагаю синтезировать несколько подходов, исходя из следующих положений.

Во-первых, дизайн эмпирического исследования, намеченный до начала полевого этапа лишь пунктиром (разработка гайда, краткие данные о ключевых информантах как представителях определенной организации), безусловно, следует доминирующей «логике поля», что помещает весь проект в систему координат социальной антропологии.

Во-вторых, анализ лаборатории как организации, функционирующей в специально обустроенном замкнутом пространстве института, в городской среде, требует существенных корректировок в случае «переноса» деятельности лаборатории в сложные полевые условия. Если для городской лаборатории «внешние» акторы изучаемой сети являются институционально и пространственно внеположными, то в поле «внешние» акторы могут находиться с тобой в одном вездеходе, в одной лодке, за стеной комнаты, но при этом действовать согласно интересам и задачам, диктуемым совершенно иными сетями, которые выходят далеко за пределы анализируемой исследователем области.

Таким образом, традиция феноменологического описания каждого анализируемого кейса предлагает наиболее адекватный язык для того, чтобы показать, как происходит материализация и, наоборот – виртуализация границ сетей, когда в исследовании становится значимым пространственное измерение всех связей и действий акторов.

В-третьих, граница в антропологической традиции border studies является особым инструментом для выявления сбоев и нарушений, для высвечивания неочевидных правил и логик действия участников. Именно это понятие способно в контексте акторно-сетевой теории показать, что типологизация акторов сети возможна благодаря «барьерному принципу», который указывает на резкие или плавные переходы от одной логики к другой, а также на то, проходит ли условно граница между акторами или сам актор является пограничным субъектом. Что значит быть пограничным субъектом? Это означает соединять в себе реалии и требования, правила и идеи нескольких миров и действовать, переключаясь между ними. Идея многомерности субъекта и сосуществования различных миров представлена в работах Л. Тевено и Л. Болтански, а также в рамках социальной феноменологии и традиции изучения жизненного мира. Здесь же актуальной становится тема испытания (trial) как способа очерчивания границ жизненного мира субъекта, «в который вовлечены не только люди с их телесностью, но и

предметы окружающего мира, служащие опорой суждениям» (Boltanski, Thévenot 1983: 165–166).

Таким образом, я предлагаю соединить антропологический анализ сосуществования материального и ментального в структуре повседневности, феноменологический язык описания и тему жизненного мира, а также понятия границ, пограничности, маргинальности и испытания с акторно-сетевой теорией и прагматическим подходом, который позволяет рассмотреть всех включенных в процесс человеческих и нечеловеческих деятелей и типы их связей.

Для реализации этого замысла нам необходимо последовательно рассмотреть несколько ситуаций и мини-кейсов, которые, благодаря насыщенному описанию, позволяют моделировать и типологизировать сценарии взаимодействия, выявлять сбои и нарушения в рамках сетевого взаимодействия, а также способы разрешения внештатных и конфликтных ситуаций за счет привлечения ресурсов разного типа. Я выделила основные сценарии, основываясь на принципе наблюдаемости: весь комплекс действий в данных кейсах виден для исследователя в процессе участвующего наблюдения, и потому дальнейшее обсуждение, интерпретация самими акторами их поступков позволяет произвести комплексный анализ ситуации. Итак, систематически повторяющиеся, нормированные в рамках сети сценарии суть следующие:

– заброска на базу для проведения полевого этапа исследования и отправка людей обратно в город с базы: акторы, риски, условия, конфликты;

– полевые исследования вне базы, во время выезда в окрестности в рамках района;

– работа с собранным материалом в полевой лаборатории;

– организация питания и снабжение продуктами;

– организация досуга;

– основные технические средства, транспортные средства и механизмы, участвующие в исследовательской работе и жизнеобеспечении сообщества;

– правовые аспекты организации исследований и жизни на данной территории.

Необходимо отметить, что совокупность информантов, опрошенных в ходе данного исследования, была неоднородной. Их различали не только возраст и уровень образования, но и опыт непосредственных полевых исследований, а также специальность и сфера научных интересов. Главное различие, значимое для нас, заключалось в их положении в рамках научной сети. В ходе первичного изучения ситуации выяснилось, что можно быть актором в сети, ядром которой является процесс развития и генерирования научного знания, но не принадлежать при этом к данному научному сообществу.

На примере маргинального положения подобных личностей мы можем наблюдать, каким образом и в каких случаях классический социально-антропологический подход, связанный с изучением локальных и профессиональных сообществ, отличается от акторно-сетевого подхода. Человек как субъект, с точки зрения его идентичности, не принадлежит сообществу, но как актор в сети он работает и связан тесными функциональными связями с другими акторами. Как отмечает О.В. Ковенева, исследователь работ Л. Ботански и Л. Тевено, «каждый мир конституируется типичными объектами (приборы, товары, предметы искусства, дом и т.д.) и ***типичными представителями*** (инженер, предприниматель, художник, кинозвезда и т.д.). Все объекты и люди квалифицируются в согласии с соответствующим высшим принципом и выстраиваются иерархически в зависимости от степени обладания значимым качеством. В любом мире всякое оценочное суждение постоянно подвергается испытанию (épreuve), проверке на адекватность ситуации» (Ковенева 2008: 14).

Разработка типологии акторов

Продолжая данную линию рассуждений, я могу выделить ***семь типов человеческих акторов*** научной междисциплинарной сети, образованной исследовательской деятельностью лаборатории BioClimLand и социальным окружением, связанным с местным сообществом, проживающим на данной территории.

Был выделен ряд критериев, которые позволяют сделать деление на несколько типов акторов более обоснованным:

1) критерий институциональной принадлежности: в данном случае играет роль не столько организация-работодатель, но, скорее, социальный институт, который наделяет актора определенным статусом и регулирует его положение в сети;

2) информационный: обладание опытом, знанием территории или же «истории конкретного поля», что важно как для местных жителей, так и для приезжих исследователей;

3) ресурсный: доступ к контролю и распоряжению определенными ресурсами: транспортными, административными, территориальными, правовыми, информационными, технологическими и др.;

4) критерий доступа к авторству текстов: деление на «создателей» текстов, посредников, передающих тексты, и акторов, аккумулирующих и потребляющих их. Текст в данном контексте понимается максимально широко. Это не только такие буквально понимаемые и очевидные типы текстов, как статьи научных сотрудников, таблицы с данными, приказы, путевые листы и договоры. В данном случае данные о пробах, подробный фотоотчет, дающий знание об удаленном объекте

или территории обследования, метеосводка – все они являются продуктом деятельности сети и распределяются исходя из возможностей, статуса и потребностей в этой информации у определенных акторов. Еще один вид текстов, создаваемый не-человеческими акторами и прочитываемый и интерпретируемый человеческими акторами, – это следы медведя, которые несут важную информацию близкой опасности, или же след протектора определенной машины, которая принадлежит другой сети акторов и не должна была проезжать по данной территории без разрешения акторов изучаемой сети;

5) режимный: характерная для каждого актора *стратегия* сочетания нескольких режимов действия и осуществления переходов между ними.

Основываясь на пяти данных критериях, опишем и расшифруем каждый из типов акторов. Первые четыре типа – это представители, сотрудники и практиканты самой лаборатории.

Первый тип – молодые исследователи, первый раз приехавшие на исследовательскую базу. Они не знакомы с территорией, условиями жизни и быта, имеющимся оборудованием. Им приходится постепенно осваивать материальное оснащение базы и находить способы преодоления проблем, связанных с ограниченностью определенных ресурсов (например, лабораторного оборудования или электричества). Данное полевое исследование для них на текущий момент – лишь практика, поле выбрано не самостоятельно, работа проводится под руководством кураторов с определенной долей свободы: *«Да как-то научный руководитель сразу нашелся. Я, в принципе, за ней так и осталась… я больше пишу диплом по микробиологии. Но получается, что мы просто делаем уклон в сторону экологии. Ну вот у меня была курсовая по бактериям с Арктики. А там – эмиссия газов. Но изменение климата – это глобальная проблема! Вот она и актуальность, вот она и экологическая связка»* [ЛА. 07/16][1]. Этап развития информанта в качестве ученого – это лишь поиск собственной специальности в междисциплинарном пространстве естественно-научной области знания: *«...когда в деканате – то ли объявление было, то ли мне говорят “а не хочешь попробовать микробиологию?” …почему бы не попробовать? Все равно я еще не знаю, чем я хочу заниматься. И я попробовала. Первый месяц я просто приходила в лабораторию, смотрела, мне давали сеять. Потом элементарно мыла посуду. А потом уже среды стала делать. И вот так вот… мы попутно сеяли и мне рассказывали, почему вот это, почему вот это. А сам предмет у меня уже только через год»* [ЛА. 07/16].

Второй тип – молодые исследователи, проводящие изыскание на данной территории не впервые, знакомые с условиями жизнеобеспечения на базе. Они определились со своей темой индивидуального научного исследования, которая прочно интегрирована в исследователь-

скую деятельность лаборатории и многолетний исследовательский междисциплинарный проект: *«…так как исследование предполагается комплексное, я думаю, требуется, чтобы были задействованы все среды, то я думаю, что мои результаты тоже будет кто-то использовать для своих каких-то публикаций. Почвоведы могут обратиться к ним»; «Это все взаимосвязано, особенно в пойме, где река разливается каждый год и вода не может не влиять на состояние почвы»* [ЛА. 07/16]. Молодой ученый такого уровня имеет методологические и эмпирические связи и параллели между собираемыми им лично эмпирическими данными и материалом, собираемым представителями других научных дисциплин на данной территории: *«Я работаю, я стремлюсь к тому, чтобы было, чем гордиться, чтобы получить какие-то результаты хорошие, чтобы писать статьи, публиковаться…»* [ЛА. 07/16]. К данному типу мы можем также отнести иностранных аспирантов и лаборантов, участвующих в проектах лаборатории, упоминания о которых присутствуют в нарративах большинства участников экспедиции: *«Он действительно много путешествовал – Австралия, Индонезия, но говорит, что нигде ему не было так тяжело, как здесь. Сейчас-то насекомые пошли на спад, а в июне здесь действительно ад. И на растения у него аллергия здесь. С одной стороны, он действительно много знает, он рассказывает все интересно, он мотивирует на такое же узнавание… а с другой стороны, мы сюда приезжаем и начинается: то ему не нравятся комары, то ему снег в середине мая не нравится…»* [ЛА. 07/16].

Третий тип – ученые, доктора и кандидаты наук, руководящие лабораторией, отделом, сектором и курирующие полевой этап исследования. Они отвечают за безопасность младших коллег на практике, закупки необходимых материалов, инструментов и продуктов перед отправкой в поле, за технологию «заброски» грузов и участников к месту проведения исследования, и главное – определяют или согласовывают план работ, исходя из востребованности того или иного типа данных для последующего анализа. Им знакомы не только условия проживания, лабораторной и полевой работы, снабжения, но и история создания данной базы, ключевые акторы, отвечающие за жизнеобеспечение всей системы. Они формируют и определяют стиль взаимодействия или характер связи между акторами различных типов (в том числе, не-человеческими акторами). Одним из акторов данного типа мы можем считать ученого, бывшего соотечественника, работающего за рубежом, однако поддерживающего связи с российскими исследователями и помогающего восполнять те недостающие статусные, административные, финансовые ресурсы, которые необходимы для развития исследований. К сожалению, в ходе полевого исследования мне не удалось наблюдать его и его работу в коллективе, однако описание плодов деятельности бывшего соотечественника содержатся в нескольких интервью.

Четвертый тип – сотрудники НИИ, обладающие ученой степенью, но не работающие на руководящих должностях. *«Мы для этого сделали магистратуру, потому что в основном столько много этой технически простой, и детей надо к полям приучать»* [АЛШ. 07/16]. Они являются кураторами студентов в ходе проведения полевых работ, оказывая им консультативную поддержку. *«У нас как раз при университете тогда организовался Институт биологии и биофизики. И там – лаборатория. И я в этой лаборатории так и остался… и до сих пор, с 1968 года я работаю в нем, на одном месте. Я хорошо разбираюсь и в гидробиологии, но мне ближе ихтиология. Она имеет прикладное значение – рыбные ресурсы, в плане освоения запасов»; «дополнительная информация – это ежегодные прогнозы вылова рыбы разрабатываются на следующий год. В основном этим занимается система Росрыболовства, они делают замеры в определенных точках, а мы дополняем их данные, чтобы улучшить качество прогноза. Сейчас нас всех в университет перевели, а раньше мы были отдельно, со своим финансированием. Но вот пока сейчас – на перепутье»* [ЛА. 07/16]. Данные специалисты владеют не только детальными знаниями о системе жизнеобеспечения и снабжении самой базы, но и об инфраструктуре района, включающей населенные пункты, дороги, переправы, тип рельефа.

Пятый тип – люди, стоящие на границе миров науки и снабжения приезжих. Это люди с высшим образованием, стремившиеся некогда заниматься научной деятельностью, однако востребованные как специалисты в сфере надзора и государственного контроля:

«И2:…Вообще, на самом деле я всегда мечтал заниматься наукой.

И.: А почему сразу не получилось заниматься наукой по специальности?

И2: А меня как-то сразу после окончания направили по комсомольской линии, пришлось работать в другой сфере. Я тогда еще не понимал, что обратно будет вернуться в науку трудно. Так и проработал я. Я ведь госслужбе отдал 26 лет своей жизни! Все, теперь хочется пожить без этого официоза»;

«Тем более, я уже с 1984 года имею такую огромную статистику по рыбе обской, что как тут не защититься. Я ведь спонсирую и помогаю науке здесь уже много лет. Но всегда прошу ученых, чтобы они все данные, все отчеты также передавали мне. У меня все это хранится»;

«И.: планируете ли Вы защититься?

И2.: А зачем?

И.: Чтобы все описать. У Вас же много данных?

И2.: Зачем? Я здесь все знаю, я могу прогнозировать. Хотя сейчас здесь все резко меняется…» [ЛА. 07/16].

Именно этот уникальный в своем роде тип акторов позволяет исследователю через повседневные практики, совершение выбора, ценности и принципы, способы разрешения конфликтных ситуаций наблюдать «столкновение принципов различных миров и их возможные комбинации в рамках той или иной социальной организации или конкретной ситуации» (Тевено 2004: 286). Они также оказывают неоценимую помощь, служа связующим звеном между различными функциональными очагами сети: *«Только за счет дружбы. Потому что N. с нами работал, он подключился, ему это интересно, ему ничего не надо. …он нас сюда пускает, он нам помогает, и без этого мы бы вообще ничего не сделали. Поэтому эта поговорка "не имей сто рублей, а имей сто друзей", особенно в Сибири, работает железно. Потому что ты вообще ничего не сделаешь и на метр не продвинешься, если у тебя там не будет знакомых… Иначе пожалуйста – заказывайте вертолет, заказывайте что хотите. Таких денег ни у кого нет даже на мегагранте»* [АЛШ. 07/16]; *«Какая подмога? Вот эти ребята иногда за свои деньги ездят, свой бензин тратят… Оплатим мы потом, не оплатим… Это как-то забывается. Потому что все на связях, на дружбе. Система так работает. Вот мы едем по трассе... У нас дорога проторенная. Нас везде ждут, нас везде встречают, мы везде свои люди»* [АЛШ. 07/16].

Рассматривая деятельность акторов данного типа, исследователь может наблюдать, каким образом «за счет присвоения связей со средой расширяется и сохраняется пространство личности, причем это присвоение не имеет никакого отношения к приватизирующему присвоению, которое конституирует частную собственность. По отношению к человеческой агентности сеть привычных связей со средой служит продолжением личности: двойственность отношений с этой сетью [заключается в том, что] человек, который поддерживает целый узелок привычных связей, выполняет принципиально важную посредническую функцию, подобно "колдунам" [wizards], которые необходимы для организации… в силу своих имплицитных знаний» (Тевено 2006: 18).

Шестой тип – люди, работающие в области снабжения и охраны базы, как правило, обладающие средним специальным, а не высшим образованием, не связанные непосредственно с сообществом ученых. Отвечают за прием постояльцев, закупку продуктов, создание комфортных условий проживания, заказ дров, доставку топлива и питьевой воды: *«…мы целый год ездили в И., воду возили на своей машине. И он это не оплачивал. Вот так. Ну, в общем я говорю: "Надо это дело бросать!" …У нас ведь уходит на питание, на бензин, у нас все свое. У нас даже кофе, чашки, ложки – все свое! У нас ничего нет хозяйского в нашем доме»* [ЛА. 07/16].

Их специальность не всегда связана с занимаемой ими позицией, однако длительность пребывания на данной территории, практические

навыки и знания в области снабжения и обеспечения дают им все необходимые компетенции для решения текущих задач: *«...приехали сюда, нас завели вот в этот дом, я встала у порога… сторож сидит какой-то такой… Я говорю: "Мы тут что ли будем жить?". Паутина везде висит. Там столько было грязи! Ой, это кошмар. Ну и все. Мы остались. И сторожа этого тоже увезли. Ну, я думаю, раз приехали, я же не могу спать в такой хате! На второй день засучила рукава, давай все мыть, прибирать. Тут эти домики, столовая – все было закрыто, ни ключей, ничего не было. Потом, когда начал таять снег, мы начали все это убирать. Сколько мы перевозили на тракторе мусора отсюда! Я буквально прямо на коленках ползала и все собирала: железки, гвозди, шурупы, вот это все, какой-то мусор, бумаги. В общем, все убрали. Это, наверное, месяц-два мы были. Приехал М., из кармана ключи мне все отдал, говорит: "Я вижу, что Вы – хозяйка". Ну и все, и вот так вот, и мы начали хозяйничать»* [ЛА. 07/16].

Седьмой тип – жители близлежащих поселков, сел, деревень, имеющие разный тип занятости. Зачастую одним из основных видов их деятельности являются охота, рыбалка или же земледелие. В редких случаях они имеют высшее образование и не являются коренными жителями, большая же часть укоренены на данной территории по рождению, имеют среднее или среднее специальное образование и зарабатывают на жизнь различными методами, в том числе отходными промыслами: *«...я вот еду, могу увидеть косулю, лося, медведя, они просто так болтаются… если мне надо – я их добуду. Если не надо – проеду мимо»* [ЛА. 07/16]. В связи с жесткой конкуренцией внутри местного сообщества, подобные акторы зачастую устанавливают внешние связи с приезжими специалистами и людьми, работающими по контракту или служащими в области снабжения: *«Я, например, в заказнике не охочусь. У меня есть свои угодья за деревней. Вот, например, это охотничьи угодья моего друга, V. Он этим местам всю жизнь посвятил, знает эту территорию как свои пять пальцев. ...Он меня научил... ловить стерлядку в прошлом году. И нынче я ему сам добывал. Я сам ставил фитили, сам добывал, ему рыбу отдавал. Прям хорошую рыбу отдавал. Ну он сейчас дома пока, будет операция»* [ЛА. 07/16]. Этот тип акторов оказывает влияние на поддержание функциональной связи между научной лабораторией и «неприрученной» территорией поймы Оби.

Пограничный тип акторов: особенности, функции, положение в сети

Для продолжения анализа мне потребуется провести условную границу, которая проходит между четвертым и шестым типом акторов: по одну сторону находятся ученые разного положения и возраста (типы I–IV), на границе находится пятый маргинальный тип, а шестой и седь-

мой типы можно отнести к совершенно иной области – области жизнеобеспечения и самообеспечения (рис. 1).

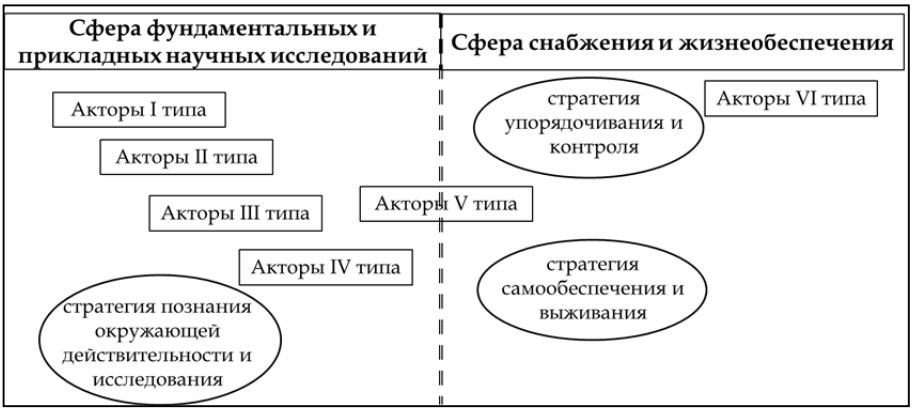


Рис. 1. Типы акторов сети в рамках двух социальных сфер взаимодействия

Подобный подход «позволяет включать в описание ряд общностей, значительно более широкий, чем тот, что предлагается существующими моделями действия и практики. Однако это понятие склонно переоценивать гетерогенность связей в пользу унифицированной картины взаимосвязанных общностей [interconnected entities]» (Тевено 2002: 24). Безусловно, это разграничение надо рассматривать лишь как аналитическое допущение, чтобы избежать заблуждения, о котором пишет историк науки Франсуа Досс: «...четкое разграничение научной и обыденной компетенций, в результате чего компетенции обычных людей и их устремления не воспринимаются социологом всерьез и рассматриваются лишь как заблуждения или иллюзии» (Ковенева 2008: 5–6).

Наиболее показательными для интерпретации данных моего полевого исследования являются моменты сопряжения логик различных «режимов вовлеченности». В ходе наблюдения, неформализованных интервью и бесед мне удалось выявить *три стратегии*, характерные для различного типа акторов в отношении окружающей среды и жизненного мира человека. Описав характерные компоненты каждой из трех стратегий и изначально разграничив их, я затем получаю возможность с большей проницательностью обнаруживать случаи их смешений и пересечений. Таким образом, детализация стратегий позволяет подмечать влияние различных сфер жизнедеятельности и других акторов и объяснять слом привычной логики действий в тех случаях, где простая классификация не обладала бы таким аналитическим потенциалом.

Стратегия № 1: «стратегия познания окружающей действительности и исследования». Основной принцип: взять характерную частицу,

зафиксировать процесс и, перенеся в лабораторию, изучить его структуру, состав, свойства.

Стратегия № 2: «стратегия самообеспечения и выживания»: «взять» (изъять) элементы реальности (природы) в как можно больших объемах, не выделяя характерного, но определяя качество.

Стратегия № 3: «стратегия упорядочивания пространства вокруг себя и других акторов»: попытка за счет последовательных техничных действий, соблюдения технологий и изучения закономерностей функционирования окружающей природной и социальной среды упорядочить и приручить природу, подчинив ее контролю и сделав более предсказуемой.

Ниже я проанализирую два характерных случая, показывающих, каким образом проявляется гибридизация двух или трех стратегий, исходя из интерпретации самого актора и поведения окружающих.

Первый случай. Ихтиолог, принеся свежий улов рыбы, выловленной за три последних часа (согласно правилу мониторинга), берет первую рыбу для анализа. Он измеряет ее длину на специальной линейке для рыбы, вносит показатель в единую таблицу данных, взвешивает ее. Затем вскрывает рыбу, определяет пол, возраст, этап полового созревания, берет на анализ желудок (для дальнейшего изучения в лабораторных условиях). Другие сотрудники и участники экспедиции знают о том, что в данный момент производится «обработка» свежей рыбы. Поскольку они, как правило, являются представителями других специальностей, то сам процесс и даже результат подобного анализа для них не является значимым или полезным. Однако поскольку вскрыть рыбу – это значит выпотрошить рыбу, то окружающих интересует, когда данный объект исследования перейдет в другой статус и станет продуктом питания. Поэтому после проведения научного анализа ученого просят разрезать рыбу на кусочки, чтобы можно было ее подать к столу. Так объект исследования в очищенном виде становится пищей ученых и местных жителей. В данном случае стратегия познания окружающей действительности сопрягается со стратегией самообеспечения.

Второй случай. Местный житель, находящийся в дружеских отношениях с некоторыми учеными и обитателями научно-исследовательской базы, проверяет фитили на реке, которые, насколько я могу судить с его слов, проверяются по согласованию еще несколькими акторами по очереди. Почти все ловушки для рыбы оказываются пустыми. На вопрос, в чем причина неудачного улова, он приводит сначала одно объяснение: за последние годы экология существенно ухудшилась, много предприятий вверх по течению от заповедных мест сливают отходы в реку. Рыба пошла мелкая, и ее стало значительно меньше, особенно за последние 10 лет, на его памяти. Проблема – экология,

плохое состояние воды, заиленное дно, повышенный уровень воды. Через полчаса, проверяя одну из последних сетей, он уверенно сообщает: *«...это все D. виноват. Он все время что-то придумывает. Незачем врать потому что. Всю рыбу своей болтовней распугал»* [ЛА. 07/16]. То есть, по его мнению, есть некий актор в сети, который своим поведением, в буквальном смысле, влияет на состояние ихтиофауны данной зоны. Однако если проанализировать глубже, то это не совсем так. Поскольку сам рыбак недоволен своей неудачей, свою неудачу он обосновывает через поведение Другого. Он также говорит о своей ответственности за состояние популяции животных и рыб, говорит о возможности влияния на их численность в ходе своей собственной деятельности: *«Я просто… я хочу жизнь посвятить всему этому. Я, например… **я регулирую природу**. Численность. На это все есть лицензии, охотишься там по лицензии. У нас есть лицензии осенние и весенние. У меня, например, медведь сейчас посещает приваду. И я жду, когда мне выдадут лицензию, и я смогу его отстрелять»* [ЛА. 07/16]. И в данном кейсе мы видим сочетание двух стратегий: самообеспечения (приватизации природных ресурсов для жизнеобеспечения) и стратегии упорядочивания пространства вокруг себя и других акторов.

Данные примеры, особенно интервью с информантами, которые являются акторами V–VII типов, показывают, как обыденная мотивация поступков оказывается проникнутой особым смыслом, почерпнутым из общения с учеными. Так, например, местный житель, практикующий охоту и рыболовство и занимающийся данными промыслами достаточное количество сезонов, говоря об охоте по лицензии, в соответствии с законом, видит свою миссию в отстреле тех видов животных, которые нарушают баланс и меняют соотношение биологических видов в природе. Повод для отстрела медведя в охотничий сезон обосновывается, в частности, тем, что *«их вообще стало много. Они давят скотину – телят всяких… Их больше развелось, они лосей давят, лосят. Если будет лосиха с маленьким лосенком, он тогуша, маленького, задавит. Не знаю, почему медведей больше стало. Просто никто шибко не добывает их. Нет таких охотников, как были раньше: ходили на лыжах, добывали сами. А сейчас такого не осталось»* [ЛА. 07/16]. Говоря об основных видах жизнедеятельности, каждый информант постоянно опирается на различные логики обоснования собственных и чужих действий. Эта закономерность указала на необходимость постоянного учета «неравномерной глубины поля внутри тех отношений, которые актор поддерживает с миром» (Тевено 2004).

Диалог человеческих и не-человеческих акторов в рамках сети

Выше я описала семь условно выделенных типов акторов. Однако стоит отметить, что видов акторов в данной сети несколько больше,

поскольку мы учитываем и неживых акторов, суждения о которых могут родиться из двух источников – непосредственного длительного наблюдения за взаимодействием человеческих и не-человеческих акторов и высказываний информантов об их опыте общения с неживыми механизмами и объектами, а также с животными.

Обратимся к полевому дневнику: *«На базе находится в пользовании следующая транспортная техника: 2 УАЗа, 1 болотоход ARGO, 2 лодки (большая металлическая и маленькая резиновая). Этот арсенал из 5 основных транспортных средств используется регулярно. Автомобили были приобретены также на грантовые средства для нужд полевых исследований в разных районах. Серебристый УАЗ участвовал в длительной экспедиции на север по р. Лене, проехал более 7 тыс. км. Черный УАЗ совершенно новый, "нулевый". Его пробег на начало полевой работы составлял 3 тыс. км. Однако на этом автомобиле уже есть трещина на стекле от камня, попавшего в ходе продвижения по грейдерной дороге. Кроме того, из-за перевозки тяжелых грузов во время заброски экспедиции на базу по бездорожью была сломана рессора»* [ЛА. 07/16].

О степени автономности различных технических объектов и машин один из информантов очень точно сказал, что «*проблему техники решает иногда сама техника. Вот в чем идея»* [АЛШ. 07/16]. Однако, безусловно, когда техника выходит из строя, ее автономный статус внутри сети подвергается сомнению, и требуется вмешательство человеческого актора: «*К сожалению, любая техника… Сами понимаете, глупо создавать прибор, который никак, никогда не сломается. Если бы я купил такую машину, трейлер, тот же микроскоп, который у меня никогда не сломается, выход у всех этих компаний только один: либо цену на него на Луну запнуть (а по исследовательским меркам цена на Луне должна быть колоссальной для обычного человека, просто колоссальной), либо просто сделать так, чтобы какая-то маленькая деталька, а лучше 2–3, а лучше 15, постоянно ломалась. Они бы стоили так небольшое количество денег, чтобы это было не накладно, но какое-то время тебе приходилось бы это докупать»* [АЛШ. 07/16].

Проблема диалога исследователя и техники в данном случае обретает особый статус. Исследователи отмечают, что «подобные споры не являются только вопросом языка. В споры вовлечены не только люди, но и значительное количество предметов: например, в случае профессионального спора – это компьютер, данные в котором были стерты; в случае спора между наследниками – это дом или земля; или, в случае домашней сцены, посуда, которую нужно вымыть, и т.д. Система анализа должна быть предназначена для того, чтобы рассматривать споры реального мира, т.е. описывать то, каким образом споры связывают друг с другом людей и предметы» (Болтански, Тевено 2000: 67).

Для того чтобы раскрыть особенности сети, функционирующей в социальном пространстве научно-исследовательской базы и прилегающих к ней территорий, я выделила определенные типы социального взаимодействия, которые обусловливают свойства акторов с различным типом актанности. Эта исследовательская стратегия позволяет, согласно Лорану Тевено, «выявить множество способов "вовлеченности" [engagement], каждый из которых подразумевает особый когнитивный формат, связанный со своим понятием реализма, иными словами – особый тип интерпретации окружающей природной среды и артефактов» (Тевено 2002: 24). Принцип выделения типов взаимодействия основывается на выделении классов явлений (сценариев взаимодействия) в соответствии с частотой упоминаний данных сценариев самими информантами. Каждый тип я прокомментирую высказываниями акторов различных типов.

Партнерство: *«Началось с того, что мы у нее просто останавливались, "друзья-друзья"... Постепенно – "давай-давай, поставим к тебе базу…". Она: "не проблема". Вряд ли у нее интерес к научной деятельности возникает. Я думаю, интерес возникает к людям. Люди с людьми могут договариваться, они могут быть комплементарны. И когда мы приезжаем, там есть люди с золотыми руками»* [АЛШ. 07/16].

Дружба: *«Нет, ну, то есть, у нас взаимовыручка! Это вообще, это не отнимешь»* [ЛА. 07/16].

«*Это в нормальном смысле слова знакомые, дружба, потому что никакими деньгами это окупить невозможно»* [АЛШ. 07/16].

«Мы с ним вместе охотимся, добываем лосей. Мы вместе с ним, короче. Он меня знает, что я хороший человек, я его никогда не подставлю. И он знает, что я хороший друг, я его никогда не подставлю и не брошу в беде» [ЛА. 07/16].

«Вот у него случилось такое, что в доме чуть пожар не случился. Мы все туда пошли. Кто мыл, кто скоблил, кто красил» [ЛА. 07/16].

Соседство: *«Это вот только с ними. Поскольку мы – соседи и дружим. ...Вот, например, D. Мы с ним познакомились, и я ему очень благодарна, потому что когда мои дети приезжали и непогода была, то его сын встретил в аэропорту моих с детками, привез на трассу, М. там их забрал. И D. потом лично в аэропорт их увозил. А машина наша была здесь, и не выехать было. Вот почему мы сами не могли справиться. А сейчас, вот уже две весны, мы выгоняем машину в Иштан и ставим у F.»* [ЛА. 07/16].

Снабжение: *«Вот я пришла, они и повара привозили всегда. Повар приготовил, потом они все бросают и уезжают. А я остатки – два, три дня… пашу. Кормлю, развлекаю их тут, вожу на экскурсии. А эти сами организаторы – вот этих всех экскурсий – они уезжают домой»;*

«они не жалуются, потому что им интересно со мной. Я их вожу везде, я им все показываю, а переводчик с ними. Все говорят на английском, даже китайцы»; «когда N. может, он зимой, допустим, на буране возит»; «я им отнес уже много мяса, пусть варят. Я же не могу нянчиться с ними. Вообще, когда я был студентом, мы сами себя кормили» [ЛА. 07/16].

Контроль: *«А вот если этот приезжает… из рыбохраны… Х. есть такой, он их начинает гонять здесь, штрафовать. У них нету ничего, ни разрешения»*; *«У нас есть такой охотовед, он главный охотовед по району. Он должен поймать, изъять, например, оружие, отстрелянного зверя, действовать по закону»* [ЛА. 07/16].

«*Я привожу в столовую, показываю вот это, вот это, вот это. Все. Все, они все сами. Я только им показала, постельное дала, и все»* [ЛА. 07/16].

Обмен, аккумуляция, оптимизация ресурсов: создание «банка разделяемых ресурсов» (транспортных, топливных, ресурсов воды, пищи, электричества, информационных): *«Y, он замечательный мужик, он у меня, когда Р.* (сын. – *Л.Р.*) *хотел съездить к бабушке туда, в N., попроведать, семью показать. Как, на чем ехать? Машина здесь не наша. Если б там была, там бы как-то увезли на тракторе и все. Y. говорит: "Ну а чего машина моя стоит? Бери да едь!". Р. взял, поехал»* [ЛА. 07/16].

Поддержание статуса границы: *«Я их уважаю. Они рыбачат – это их рыбалка. Я рыбачу – это моя рыбалка»; «Я привык так, что я у чужих не лажу на их территорию, я у них ничего не ворую. Я такой человек, что если в лесу что-то лежит, но это не мое. Ты идешь, например, там лодка или мотор валяется – это не твое. Кто-то оставил»; «Дело принципа. Я тебя поймал – я тебе набью морду, чтобы ты больше не лазил. Не надо чужое»* [ЛА. 07/16].

Адаптация сообщества партнеров к освоенной ранее сообществом-донором окружающей среде: *«...когда стали тут жить, он* (владелец базы, работодатель Н. – *Л.Р.*) *сразу наладил газовое отопление. Он сразу начал тут все развивать»* [ЛА. 07/16].

Взаимообеспечение безопасности всех секторов – людей, техники, пространства: «*Они уезжают – мы приглядываем. Я могу одна уехать. Эти остаются. Кто-то – обязательно»* [ЛА. 07/16].

Однако не все типы взаимодействия интерпретируются информантами сходным образом. «В дифференцированном обществе каждый человек ежедневно сталкивается с ситуациями, которые относятся к различным мирам. …Поскольку различные принципы справедливости нельзя совместить прямо и сразу, их присутствие в одном пространстве влечет за собой конфликтное напряжение (tensions), которое должно быть разрешено, с тем, чтобы ход действия мог продолжаться нормаль-

ным образом» (Болтански, Тевено 2013: 332). Различие позиций является зачастую следствием приверженности логикам различных «миров» или же разным режимам вовлеченности в среду.

Столкновение логик: жизнеобеспечение и правовой статус деятельности

Стратегия исследователя и стратегия человека, занятого контролем над безопасностью снабжением на данной территории, сталкиваются в той точке социального пространства, где значимыми оказываются ***правовые аспекты*** организации исследований и самого жизненного уклада. Данный кейс я выбрала для детального анализа еще и потому, что он ярко показывает, что в фокусе исследования зачастую находится «не столько человек или даже человеческий актор, которым занимаются также и другие дисциплины, сколько ухищрения, созданные человеческими существами для оснащения своей совместной жизни» (Тевено 2004). Прислушаемся к комментариям и интерпретациям двух позиций относительно снабжения полевой лаборатории и самой научной базы электричеством.

Первая позиция заключается в том, что наличие электричества существенно влияет на качественную и эффективную работу с только что собранным эмпирическим материалом в полевой лаборатории:

«И2:…что я здесь увидел, это вообще… наука – это что-то непонятное!

И.: Все плохо организовано?

И2.: Конечно.

И.: А в чем кавардак?

И2.: Если мне надо – я беру строю базу. А эти… затащил, помог вагончики. Уже давно нужно было все сделать нормально. В этих вагонах можно жить в сорок градусов мороза.

И.: И в Арктике?

И2.: Так мы же и для Арктики тоже взяли. Помог им выбить приличные деньги. По нашим сибирским меркам – это очень хорошие деньги. Почти под миллиард. Ну и что? Вот привезли мы эти вагончики, они стоят…

И: Электричества нет и ничем нельзя пользоваться…

И2.: Конечно! Ну и смысл все это было начинать?

И.: Ну нужно время или хороший организатор…

И2.: Лаборатория стоит. Там действительно можно делать ***уникальные исследования, особенно – гидрохимию, на уровне мировых стандартов****. Там оборудование на 54 миллиона, представляешь, в этом вагончике? А все это так…* ***валяется****…* ***никчемно****…*

И.: Но это же только первый сезон…

В.: Ну… не мое это» [ЛА. 07/16].

В данном пассаже информант определенно воспроизводит логику научно-технического мира, характерные особенности которого описывают Люк Болтански и Лоран Тевено: «...порядок в научно-техническом мире основан на эффективности людей и вещей, их результативности, производительности, их способности обеспечить нормальное функционирование, приносить пользу, отвечать потребностям» (Болтански, Тевено 2013: 319). «Никчемно» лежащее оборудование, закупленное для проведения сложнейших опытов, – вот взгляд актора, занимающего пограничное положение между миром науки и миром снабжения и жизнеобеспечения.

Мне представляется важным именно в данном разделе, связанном с описанием и интерпретациями проблем правоприменения в ходе организации научно-исследовательской деятельности, отметить, что этот кейс можно отнести к тому типу социальных ситуаций, которые, согласно Болтански и Тевено, зачастую «возводятся в ранг общезначимых, неизбежно выливаются в прямые столкновения принципов различных миров. Иногда столкновения принимают форму взаимной критики миров и разоблачений, иногда же в оценочных суждениях достигаются локальные компромиссы, и тогда в аргументации комбинируются принципы различных миров» (Ковенева 2008: 14).

Вот какой развернутый комментарий дал по вопросу снабжения электроэнергией второй информант: *«…все намного сложнее. Университет приобрел эти вагончики, поставил их на этот участок. Этот участок внесен в список земель лесного фонда. В лесном фонде это очень тяжело… здесь территория лесная. И лесоотвод можно получить только в региональных лесничествах... У N. везде куча знакомых. Вопрос стоит в том, что за землеотвод надо платить. А эти деньги не предусмотрены ни грантами, ни сметами. Там вообще копейки, на самом деле. Но, давайте отменим Школу, зато поставим трансформатор, к примеру. И будет электричество. Нет этих денег. Потому что, казалось бы, у нас на мегагранте денег много, но их нет, катастрофически. Десятки экспедиций в год, сложнейшие. Вот сюда мы выехали, – это просто курорт. Потому что ребята ездили на Лену, 4 человека, с катером, сложнейшие условия, проботбор, там был полный экстрим – 500 тысяч. Неполный месяц. Это потому, что две машины. Одна машина на прицепе довозит катер, там, где он может плыть в верховьях, катер сплавляется. Потом двое садятся, отгоняют машину в Якутск, в Якутске ее оставляют у людей, наших коллег, на базе, по договоренности. Сами летят на самолете в Томск, а эти плывут на катере до Якутска, дальше, потом возвращаются, берут эту машину, цепляют катер, потом возвращаются назад. Это очень сложные дела и очень дорогостоящие»* [АЛШ. 07/16].

В данном комментарии можно увидеть, что в первую очередь в сложившейся ситуации нехватки конкретного ресурса (электричество) логика «оправдания» опирается на признание безусловной ценности социально и общественно значимых проектов (например Школа, направленная, в том числе, на развитие междисциплинарного диалога нескольких исследовательских центров); а также на приоритет затрат на непосредственно научную инфраструктуру (снабжение экспедиций, закупки оборудования, аренду транспорта), нежели на сопровождение юридических и бюрократических процедур, влияющих на смену статуса объектов и территории, участвующих в научно-исследовательском процессе. Далее, указывая на ключевую ценность внедоговорного сотрудничества, информант приводит пример того, как финансовые и бюрократические барьеры в других случаях преодолевались за счет неформальных дружеских отношений различных сторон и акторов: *«Зима, январь, как раз ударили под 50 градусов морозы, вот мужики были на зимнике в это время. Там уже паромы в это время не нужны. И вот N., с ними. Он буквально звонит – каким-то людям, которые перед проездом наших уазиков чистят зимник. Иначе по нему проехать просто невозможно. Грейдером. Просто так. Проскакиваем, едем дальше. Зима, тяжело, техника ломается, не выдерживает, люди работают. Гостиница – не гостиница – это все очень накладно, на самом деле. Понимаете, здесь очень тонкая грань. Это позволяет не то что экономить средства*» [АЛШ. 07/16].

Экономия средств с использованием неформальных связей требует, безусловно, взаимной ответственности и постоянных инвестиций в укрепление данных связей за счет взаимной поддержки и помощи в других сферах жизнеобеспечения: *«С другой стороны, когда у Y. сгорел домик, потому что вагончики подключили, а тут ребята пробы брали… Ну, может быть, из-за этого, может быть – не из-за этого. У него возникли какие-то сомнения, и мы сразу ему… тысяч на ремонт бросили, чтобы не портить отношения с человеком, чтобы сохранить дружбу, спокойствие, потому что это дороже стоит, чем какие-то жалкие деньги, потому что то, что они делают, это никакими деньгами не окупится»* [АЛШ. 07/16].

Законодательство как особый тип актора научно-исследовательской сети

На данном примере я хотела бы показать, как социальное взаимодействие оказывается еще и способом «связывания вместе гетерогенных узлов... превращения сущностей одного типа в другой» (Латур 2006: 350). Однако есть проблемы, которые не разрешаются благодаря сочетанию логики академической среды и логики дружбы в рамках по-

вседневного взаимодействия. Нормативный компонент – это то, что не хочет брать на себя ни одна из сторон, поскольку в данных общностях фактически отсутствует посредник, который мог бы взять на себя функцию связи научного, повседневного и бюрократического миров. Чтобы показать, почему ситуация с подключением базы к электричеству на тот момент зашла в тупик, процитируем высказывание другого информанта, проясняющее положение вещей:

*«И2.: Я привык **все сразу** и все.*

И.: Ну тогда помогли бы им.

И2.: Да я им пытаюсь помочь, но они даже не хотят бумаги делать.

И.: Они сами дезорганизованы, на Ваш взгляд?

И2.: Ну конечно. Вообще. У меня очень хороший друг. Мы вместе учились в свое время. Но как-то жизнь развела… одно время даже вместе работали… И… ну… они просто попросили, чтобы я им помог. Я им землю организовал, помог сюда завезти. Ну и спонсирую их так помаленьку. Но мне это уже непонятно, потому что…

И.: Слишком долго все организуется?

И2.: Это не на мой характер. Ну и потом постоянно я здесь не могу быть» [ЛА. 07/16].

В вышеприведенном фрагменте интервью информант указывает на тот факт, что логика дружеских связей и помощи находится в границах вполне определенных возможностей и уже не работает там, где начинается влияние логики законодательства и юридических норм (*«я им пытаюсь помочь, но они даже не хотят бумаги делать»* [ЛА. 07/16]). Кроме того, он отмечает высокую ценность времени и человеческих ресурсов, отсылая к идее научно-технического мира о том, что «распыление имеющихся человеческих сил – это нанесение серьезного урона достоинству людей» (Болтански, Тевено 2013: 321).

В поисках ответа на вопрос, как разрешить данную ситуацию, я продолжаю анализировать транскрипт вышеприведенного интервью:

*«И2.: Ну вот поставили метеостанцию, логеры поставили, скважины пробурили. Ну вот поставили радиостанцию коротковолновую со всем миром разговаривать. Хотя тоже поставили антенну, на деревяшку вытянули… **Кто бы занимался этим. Пока землю не отведут, к линии государственной не подключат.***

И.: Эта ветка была до базы?

И2.: Давно, уже 30 лет.

И.: А она куда идет?

И2.: Никуда, только сюда.

И.: То есть она под Вас специально проведена?

И2.: Ну да» [ЛА. 07/16].

Исчерпанность ресурсов, доступных, исходя из знакомых, привычных логик повседневного общения, дружбы, научного сотрудничества,

соседства – очевидна в данном случае; и она подводит акторов к границе гражданского мира, определяющего законность в качестве одной из ключевых ценностей. Чтобы пересечь границу, необходим, как было показано выше, проводник или посредник. Однако быть проводником в мир законности – это значит стоять на границе миров и действовать одновременно в логиках различных интересов, которые зачастую противоречат друг другу. Возможно ли снятие данных противоречий и объединение логик гражданского и научно-технического мира? Ответ на этот вопрос я бы хотела оставить открытым, поскольку мы не обладаем эмпирическими данными для анализа модели этой ситуации.

Заключение. Роль пограничных акторов в функционировании гетерогенных сетевых сообществ

Тем не менее я могу утверждать, что обмен элементами стратегий между разными типами акторов способствует частичному погружению в жизненные миры друг друга. Такой обмен и трансляция знаний и опыта становятся возможными благодаря действиям пограничных акторов, создающих вокруг себя уникальную среду для контакта и гармоничного взаимопроникновения стратегий и практик, которые в обычных условиях трудно или почти невозможно совместить. Именно это и составляет, на наш взгляд, проблему жизнеобеспечения сферы комплексных уникальных научных исследований, поскольку «разнообразие режимов вовлеченности от наиболее близкого к актору до публичного приводит нас к созданию намного более полных и динамичных картин тех требований, которые предъявляются совместной жизнью и составляют личности в современном обществе» (Тевено 2004), и, безусловно, социальный исследователь не может игнорировать эти требования «совместной жизни». Однако положительный эффект действия акторов-посредников проявляется, в том числе, в снятии аналитической напряженности, существующей вокруг различия «между “внутренним” и “внешним”», «между “макро” и “микро” уровнями»: столкновение миров дает нам возможность «пересмотреть так называемые “макро” проблемы с большей ясностью, чем раньше, и даже пролить свет на конструкцию самих макроакторов» (Латур 2002: 3).

Кроме того, результатом пограничного взаимодействия является, с одной стороны, всестороннее познание учеными социальных представлений и реалий повседневности местных жителей, что приводит к гуманизации исследовательского запроса и обусловливает ориентацию на состояние социальной инфраструктуры в регионе. С другой стороны, часть местных жителей через акторов-посредников улавливают, пусть и фрагментарно, элементы научного знания, новые интерпретации происходящих в окружающей среде событий и явлений и, таким образом,

постепенно начинают действовать в своей повседневной жизни, исходя из мотивов нового типа, связанных с более бережным отношением к природе и окружающим людям.

Примечания

[1] Здесь и далее приводятся цитаты из личного архива (ЛА) автора статьи, полученные в ходе проведения интервью в июле 2016 г. (07/16). Также приведены цитаты из интервью, проведенных в тот же период коллегами (Соловьев Валентин и Мачкасова Яна), тексты которых входят в единый архив участников Летней школы (АЛШ. 07/16).

Литература

Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности / пер. с англ. К.А. Виноградовой // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3, № 3. С. 66–83.

Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов / пер. с фр. О.В. Ковеневой; науч. ред. перевода Н.Е. Копосов. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Ковенева О.В. Французская прагматическая социология: от модели «градов» к теории «множественных режимов вовлеченности» // СОЦИС. 2008. № 1. С. 5–21.

Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 1–32.

Латур Б. Когда вещи дают отпор // Социология вещей. М.: Территория будущего, 2006.

Тевено Л. Организованная комплексность: нормы координации и структура экономических преобразований // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / под ред. В.В. Радаева. М., 2002. С. 19–46.

Тевено Л. Наука вместе жить в этом мире / пер. с фр. Д. Калугина // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2004. № 3 (35). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2004/35/teve2.html#_ftnref7 (дата обращения: 11.11.2016).

Тевено Л. Прагматика познания. Введение: исследование связи между познанием, коллективностью и практикой / пер. с фр. А.Д. Хлопина // Социологический журнал. 2006. № 3/4. С. 5–24. URL: http://www.isras.ru/files/File/Sociologymagazin/Socmag_03_04_2006/01%20Teveno.pdf (дата обращения: 11.11.2016).

Boltanski L., Thévenot L. Finding one's way in social space: a study based on games // Social Science Information. 1983. Vol. 22, № 4–5.

Статья поступила в редакцию журнала 24 февраля 2017 г.

Rakhmanova Lidiya Ya.

THE INVISIBLE FRONT: SUPPORTING SCIENTIFIC RESEARCH IN THE FIELD*

DOI: 10.17223/2312461X/18/8

Abstract. The article focuses on interpreting empirical research on actors of different types operating at one of the scientific bases in the region of Tomsk. This case study was carried out using the methods of participant observation and semi-structured interviews with representatives of a heterogeneous community which consisted of an interdisciplinary team of scientists, locals, and people responsible for supporting the field phase of the work who are in fact located on the borderline between the community of scientists and observers that are 'not interested in what is happening inside the walls of a laboratory' (Latour 2002: 3). The author has

identified seven types of actors in the studied network among which the 'on the borderline' actors or actors-intermediaries play the most significant and the most unpredictable role. However, actors' behaviour is described not only through a set of their functions and properties: the most complete picture emerges as a result of matching different practices applied in a particular field of activity with certain strategies. The three strategies revealed in the article and possible combinations of these constitute a kind of analytical matrix for further in-depth explanation and study of relationships within a complex heterogeneous community.
Keywords: anthropology of science, field research, support, non-human actors, modes of involvement, strategies of network actors, lifeworld

* The article is written with support from the Russian Foundation for Fundamental Research (grant# 17-33-0157), titled 'Social foundations of informal economy: managing natural resources in the North, Siberia, and the Far East'.

References

Boltanski L., Thévenot L. Sotsiologiia kriticheskoi sposobnosti [The sociology of critical capacity] / Translated from English by K.A. Vinogradova, *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2000, Vol. 3, no. 3, pp. 66–83.

Boltanski, L., Thévenot L. *Kritika i obosnovanie spravedlivosti: Ocherki sotsiologii gradov* [Critique and justification of justice: essays on the sociology of grads]. Translated from French by O.V. Koveneva. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013.

Koveneva O.V. Frantsuzskaia pragmaticheskaia sotsiologiia: ot modeli «gradov» k teorii «mnozhestvennykh rezhimov vovlechennosti» [French pragmatic sociology: from the model of 'grad' to the theory of 'multiple modes of engagement'], *SOTsIS*, 2008, no. 1, pp. 5–21.

Latour B. Kogda veshchi daiut otpor [When things fight back]. In: *Sotsiologiya veschey* [The sociology of things]. Moscow: «Territoriya buduschego», 2006.

Latour B. Daite mne laboratoriiu, i ia perevernu mir [Give me a laboratory and I will move the world], *Logos*, 2002, no. 5-6 (35), pp. 1–32.

Thévenot L. Nauka vmeste zhit v etom mire [The science of living together in this world]. Translated from French by D. Kalugin, *Neprikosnovennyiy zapas: Debatyi o politike i culture*, 2004, no. 3 (35). Available at: http://magazines.russ.ru/nz/2004/35/teve2.html#_ftnref7 (Accessed 11 Novemer 2016).

Thévenot L. Organizovannaia kompleksnost': normy koordinatsii i struktura ekonomicheskikh preobrazovanii [Organized complexity: standards of coordination and structure of economic reforms]. In*: Ekonomicheskaya sotsiologiya: novyie podhodyi k institutsionalnomu i setevomu analizu* [Economic sociology: new approaches to the institutional and network analysis]. Ed. by V.V. Radaev. Moscow, 2002, pp. 19–46.

Thévenot L. Pragmatika poznaniia. Vvedenie: issledovanie sviazi mezhdu poznaniem, kollektivnost'iu i praktikoi [Pragmatics of cognition. Introduction: a study of the relationship between knowledge, collectivity, and practice]. Translated from French by A.D. Hlopin, *Sotsiologicheskiy zhurnal,* 2006, no. 3/4, pp. 5–24. Available at: http://www.isras.ru/files/File/Sociologymagazin/Socmag_03_04_2006/01%20Teveno.pdf (Accessed 11 Novemer 2016).

Boltanski L., Thévenot L. Finding one's way in social space: A study based on games, *Social Science Information*, 1983, Vol. 22, no. 4–5.

УДК 316.454.54
DOI: 10.17223/2312461X/18/9

ПРАКТИКИ ОЧИЩЕНИЯ И МЕДИАЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГЕОБОТАНИКЕ

Алексей Викторович Воронков,
Анна Андреевна Соловьева

Аннотация. С позиций акторно-сетевой теории рассматривается решение одной из фундаментальных проблем науки о растительности (геоботаники) – вопроса о природе растительного покрова. В случае теоретиков геоботаники, среди которых историки данной науки выделяют сторонников дискретности и сторонников континуальности растительности, дискуссия велась об объективных основаниях дисциплины и завершилась победой парадигмы континуализма. С точки зрения акторно-сетевой теории этот спор можно интерпретировать как работу по очищению естественной науки от следов социальных наук, привнесших в нее свой концептуальный аппарат при помощи социальных метафор, сформировавших объекты геоботаники. В этой перспективе актуализируется вопрос о работе по медиации, которая делает возможной естественность растительных сообществ. В ходе этнографического исследования полевых и лабораторных практик на примере исследований растительности поймы Оби и полуострова Восточный соответственно было установлено, что при сборе данных геоботаники руководствуются прагматическими соображениями, которые подразумевают составление описаний ограниченного количества «чистых» растительных сообществ, где можно наблюдать небольшой видовой состав растительности. Попадая в лабораторию, данные повторно очищаются от промежуточных описаний, собранных на пересечении различных «чистых» сообществ. Дальнейший анализ очищенных данных происходит при помощи кластерного анализа для составления классификации растительных сообществ на определенном участке растительности. Визуализация результатов кластерного анализа позволяет исследователям выявить пересечения между различными классами растительных сообществ, что является основанием для континуального понимания растительного покрова. Таким образом, лабораторные устройства подсчета дают возможность геоботаникам конструировать естественную континуальность растительного покрова, очищая ее от прагматики полевой работы. Данная работа позволяет поставить ряд вопросов об отечественной геоботанике как одной из природ-культур: как растительность конструирует исследователей, как происходит дальнейшая социализация растительных сообществ за пределами лабораторий, что происходит при согласовании растительного сообщества как актор-сети с другими объектами.

Ключевые слова: исследования науки и технологий, акторно-сетевая теория, антропология науки, конструирование объектов, медиация, геоботаника

Введение

Комплекс научных знаний о растительности представляет собой довольно обширную область, в которой выделяется множество различных

направлений, подходов и методов изучения растительного покрова Земли. Сама эта область исследований в разные временные периоды и в различных национальных академических традициях носит названия «геоботаника», «экология растительности», «фитоценология», «фитосоциология». За этими названиями кроется множество научных школ, однако значительную их часть объединяет интерес к растительным сообществам, или фитоценозам, которые в целом определяются как «устойчивая система совместно существующих на некотором участке земной поверхности автотрофных и гетеротрофных организмов (биоты) и созданной ими и их предшественниками фитоценотической среды» (Быков 1978: 31).

Отечественная геоботаника (так в дальнейшем мы будем называть науку о растительности) появилась еще во второй половине XIX в. – именно в этот период были предприняты первые экспедиции, целью которых являлся не поиск каких-то новых редких растений, что до сих пор остается основным интересом флористики, а описание закономерностей распространения уже давно всем известных видов. Такие исследования стали основой для новой дисциплины, доказав свою практическую значимость для сельского хозяйства, представителям которого едва ли было интересно флористическое многообразие обрабатываемых ими территорий (Федотова 2010). В дальнейшем исследования растительности институционализировались при Советском Союзе, когда со стороны государства появился спрос на формирование научно обоснованного знания о растительности, которое было необходимо для становления обновленного сельскохозяйственного комплекса. Так, в СССР возникли научные школы в Ленинграде и Москве, а их лидерами стали Владимир Николаевич Сукачёв и Василий Васильевич Алёхин соответственно (Работнов 1995: 34). Помимо удовлетворения практических нужд сельского хозяйства, в этот период была оформлена целостная теория растительности, которую можно обозначить как парадигму организмизма. Именно в рамках этой парадигмы была сформирована последовательная теория растительного покрова, который состоит из четко выделяемых фитоценозов, определяемых как «реальная исторически обусловленная совокупность популяций в пределах однородного местообитания» (Миркин 1985: 14). Как следствие такой концептуализации фитоценозов, растительный покров является дискретным, подобным «лоскутному одеялу» (Ипатов, Кирикова 1985).

Дальнейшее развитие геоботаники привело к актуализации вопроса о правомерности концепции дискретного покрова, ставшей к 1960-м гг. основой нормальной геоботанической науки. Целым рядом исследователей была раскритикована так называемая еловая догма – организмизм был обвинен в том, что рассматривал любое растительное сообщество как еловый лес (Миркин, Наумова 2012: 128). Это было отнюдь не слу-

чайностью, так как, например, одним из основных направлений исследований Сукачёва были именно исследования лесных сообществ. Среди основных проблем дискретной природы растительного покрова выделялись такие, как невозможность или искусственность проведения четких границ между растительными сообществами, наличие «промежуточных» сообществ и общих растительных видов для соседних сообществ – критиками подчеркивался субъективный характер границ растительных сообществ. В качестве альтернативы теоретиками дисциплины было предложено считать растительный покров непрерывным, или континуальным.

Можно сказать, что на данный момент в геоботанике победили сторонники континуальности растительного покрова – это представление легло в основу методологии геоботанических исследований (Миркин, Наумова 2012: 15). С точки зрения самих геоботаников, это можно считать приращением знаний о растительности, которые освободились от чересчур ограниченного видения представителей парадигмы организмизма. Однако в данной работе мы бы хотели предложить в рамках акторно-сетевой теории антропологическую интерпретацию континуальности как естественного свойства растительного покрова. В отличие от представителей естественных наук, социальные исследователи науки и технологий предлагают симметричное объяснение истинному и ложному знанию: это свойство является не предпосылкой, которая не позволяет социальным исследователям проблематизировать статус научной теории, а тем результатом, которому и нужно дать объяснение (Блур 2002).

При этом такая перспектива не противоречит парадигмальной модели, предложенной историками дисциплины, скорее, смотрит на нее под другим углом, акцентируя отсутствие преемственности между различными парадигмами, их языками и, в конечном итоге, их объектами. Наука не следует линейному кумулятивному прогрессу, она меняется путем научных революций, которые ангажируют наблюдения ученых (Ло 2015: 93–97). Однако вслед за акторно-сетевой теорией, мы распространяем принцип симметрии не только в отношении истинности и ложности научных теорий, но и относительно причин той или иной их судьбы. Так, если социальный релятивизм подразумевает неопределенность природы, но не общества, то акторно-сетевая теория предполагает отсутствие не только природных, естественных оснований научного знания, но и таким же образом отказывается от культурного или социального релятивизма (Каллон 2015).

В результате этой серии отказов от стабильных онтологий в пользу соблюдения симметрии акторно-сетевая теория возвращается в «старую антропологическую матрицу» – культура и природа являются не контейнерами, из которых социальный исследователь по очереди вы-

таскивает переменные, призванные что-то объяснить, а, напротив, создаются самими акторами при помощи сетей гетерогенных посредников. Совершая работу по посредничеству или медиации, гетерогенные сети не просто конструируют стабильные сущности, но в случае нововременной науки разводят их по две стороны при помощи работы по очищению: на одном полюсе оказываются культурные субъекты Общества и его артефакты, на другом – естественные объекты Природы и ее факты (Латур 2006).

Таким образом, с позиций симметричной антропологии следует посмотреть, как континуальность становится естественной, какие сети конструируют именно такое отношение между дискретностью и континуальностью. Для этого мы сначала рассмотрим некоторые элементы геоботанического дискурса, который сформировал объект исследования (Фуко 2004: 104), а затем опишем, как происходит упорядочивание растительности в практике эмпирических исследований геоботаников и как континуальность становится естественным свойством растительного покрова.

Практики формирования объекта в дискуссиях о фитоценозе

Как уже было отмечено, геоботаника институционализировалась и оформилась в качестве парадигмы организмизма в послереволюционный период. Хотя в Российской империи были значимые фигуры теоретиков растительности и способов ее изучения, которые повлияли на советскую геоботанику в таких аспектах, как повышенный интерес к классификации и картографированию растительных сообществ (Федотова 2012), именно в СССР произошла нормализация геоботанической дисциплины. С точки зрения историков, на это могла повлиять сталинская установка на единственно верную научную школу в единственной дисциплине, однако нас скорее интересует не влияние идеологического внешнего контекста на внутреннее научное знание, а то, как появилось само это знание и как оно приписало растительности определенные свойства. Одним из наиболее значительных событий жизни геоботаники того периода стало выступление В.Н. Сукачёва в МГУ во время дискуссии о фитоценозе – советские геоботаники решали, что же будет выступать объектом их исследований. На наш взгляд, принципиально важную роль в дискурсивных практиках играет употребление метафор[1], донорской зоной которых являются философские модели дарвинизма и марксизма. Так, центральное место в выступлении Сукачёва занимает метафора борьбы, которая является его нововведением в геоботанической теории и отличает его определение от альтернативных трактовок:

«Недостаток всех до сих пор предложенных определений фитоценозов – это отсутствие указания на то, что является наиболее ха-

рактерным и важным свойством фитоценоза, именно, на борьбу за существование. <…> Я предлагаю следующее определение фитоценоза: фитоценоз есть совокупность на определенной территории растений, организованная борьбой за существование между растениями в соответствии с условиями среды и характеризующаяся определенными взаимоотношениями растений как друг с другом, так и с условиями среды» (Дискуссия… 1934: 10)

Очевидно, Сукачёв заимствует понятие борьбы из дарвинистской концепции эволюции видов, которая была крайне влиятельной и в имперский период (Работнов 1995: 9–17). Однако, как ни странно, дарвинистский язык дополняется марксистской метафорой, которая является онтологическим основанием для существования борьбы, а значит, и фитоценозов:

«На всем протяжении этого развития фитоценозов борьба за существование между растениями является движущей силой его, она является выражением тех внутренних противоречий, которые все время имеются между растениями внутри фитоценоза» (Дискуссия… 1934: 13).

Итак, философские идеи дарвинизма и марксизма оказали принципиальное влияние на геоботанический дискурс интересующего нас периода. Однако это не означает идеологическую ангажированность, которая мешает рациональному познанию растительности геоботаническим сообществом в общем или Сукачёвым в частности. Более того, Сукачёв использует его для критики ботанического социологизма в формах механизма и витализма:

«Однако характерное для указанного времени стремление у многих естественников свести все разнообразие проявлений жизни к физике и химии, а эти последние к механике и отражавшее то философское учение, которое получило название механистического материализма, привело ботаников, усматривавших некоторые внешне общие черты в построении человеческого общества и "растительного сообщества" (взаимодействие организмов, борьба и взаимопомощь между растениями и людьми и т.п.), к мысли о тождестве в основе тех закономерностей, которые определяют строение и развитие человеческого общества и "растительного сообщества", считая, что те и другие могут быть просто сведены к механике. Однако и в лагере виталистов с их идеалистической трактовкой природы эта социологизация растительных группировок встретила сочувствие, так как в этом выражение того общего единого принципа, который свыше вложен во всю природу, которому в равной степени подчинены и растения, и животные, и человек» (Дискуссия… 1934: 7).

С точки зрения Сукачёва, именно диалектическая природа растений и является основанием для противостояния вульгарным антропоцен-

тричным моделям растительных сообществ, поскольку противоречие укоренено не в социальной жизни растений, а в каждом растительном индивидууме в отдельности:

«Итак, основной движущей силой развития растительного покрова являются те внутренние противоречия в фитоценозе, которые вытекают из основных свойств организмов обмениваться со средой веществами и энергией и размножаться, и расширять ареал своего обитания, и которые выражены в идущей все время в фитоценозе борьбе за существование из-за средств жизни. Это развитие подчинено своим особым законам, свойственным только фитоценозам» (Сукачёв 1942: 10).

В то же время такая внутренняя природа противоречий не способна подчинить среду, которая на языке парадигмы организмизма оказывается онтологически необходимой для них самих:

«Но если источник развития фитоценозов таким образом лежит внутри них самих, то это развитие нельзя отрывать от среды, от условий местопроизрастания, так как эти последние, проникая в фитоценозы, влияют на ход борьбы за существование между растениями и тем участвуют также в определении направления и темпа развития фитоценозов» (Сукачёв 1942: 14).

Таким образом, Сукачёв занимает парадоксальную позицию. С одной стороны, можно сказать, что он противостоит антропоцентричным социологизированным версиям исследований растительных сообществ, однако в то же время растения оказываются подвластны метафорам борьбы и диалектики. Почему же этот способ говорить о растительных сообществах в результате был отвергнут геоботаниками?

Если в случае первой парадигмы можно было относительно легко определить место рождения организмизма, то парадигма континуализма возникла в условиях, когда геоботаника получила институциональное оформление, что, по всей видимости, привело к увеличению количества участников исследований и теоретических дискуссий. Поэтому выделить какую-то конкретную фигуру, однозначно сыгравшую важнейшую роль в утверждении парадигмы, не представляется возможным: среди наиболее значительных авторов 1950–1960-х гг. называются Кирикова, Ипатов, Ниценко, Василевич, Александрова и др. (Развитие геоботаники... 2010). Однако, не умаляя значимость каждого из этих теоретиков, в рамках данной работы мы ограничимся анализом работ Александровой, сыгравшей принципиально важную роль в научной революции: «...в целом смена парадигм в советской фитоценологии протекала довольно мирно и без особых противоречий, что во многом было связано с авторитетом В.Д. Александровой» (Миркин 1985: 14). Как же можно объяснить причины столь спокойной смены парадигм?

Общей идеей теории Александровой, как и подобает одному из основоположников парадигмы континуализма, является непрерывность

как естественное свойство растительного покрова. В качестве метафоры в ее языке присутствует натуральная одежда Земли, которой противостоят искусственные антропогенные факторы:

«Растительный покров одевает сушу земного шара в виде сплошного ковра, прерывающегося лишь там, где он уничтожен человеком» (Александрова 1969: 12).

При этом неестественность и искусственность переносятся Александровой с характеристик растительного покрова на теоретический язык геоботаники. Таким образом, в языке этой парадигмы естественной непрерывной растительности противостоит искусственная дискретность:

«Этот взгляд, рассматривающий растительность как явление непрерывное, в котором дискретные единицы могут быть выделены только условно, искусственно и поэтому не должны рассматриваться как естественные единицы» (Александрова 1969: 13).

Однако что же происходит с метафорами, чьей донорской зоной является марксизм? Ведь в 1960-е гг. влияние этой философии остается столь же сильным, что и во времена становления предыдущей парадигмы. Действительно, и в случае континуализма метафора противоречия остается значимой, однако меняется зона-цель. Если Сукачёв видел противоречие внутри растений, то Александрова обнаруживает его в языке философии:

«Проблемой прерывного и непрерывного занимались еще древние. Анаксагор утверждал абсолютную непрерывность мира и абсолютную делимость всего сущего. Демокрит провозгласил абсолютную дискретность: мир состоит из неделимых атомов и пустоты. Апории Зенона «Ахиллес и черепаха» и «стрела» свидетельствовали, что как абсолютизация непрерывности, так и абсолютизация дискретности делают невозможным движение. Проблемой непрерывности и дискретности занимались Лейбниц, Декарт. Гегель нашел путь к ее разрешению, показав, что прерывность и непрерывность – единство противоположностей» (Александрова 1966: 196).

Что же становится онтологическим основанием фитоценозов вместо внутреннего противоречия растений? С точки зрения Александровой, объяснять наличие границ следует через экологические условия. Можно сказать, что она в каком-то смысле развивает мысль Сукачёва о среде как неподчиненном растениям объекте, но без метафоры противоречия она становится важнейшим условием существования фитоценозов:

«Степень крутизны перехода от одного относительно однотипного участка к другому зависит прежде всего от различий в среде: чем резче разница в среде, тем резче переход» (Александрова 1969: 19).

Таким образом, Александрова, с одной стороны, переводит метафору противоречия в область языка науки, а не непосредственно расте-

ний, с другой – находит новые основания для существования фитоценозов. Это позволяет ей установить непрерывность растительного покрова как его естественное свойство, затем перейдя на противоречивый язык науки, чтобы объединить противоположности и дать объяснение наличию границ с новой точки зрения. Итак, описав основные метафоры, использовавшиеся в советском геоботаническом дискурсе, становится возможным задаться объяснительным вопросом: почему именно такие метафоры возникают в геоботаническом языке, почему происходит переход от одной парадигмы к другой? Сравнивая языки двух парадигм, можно сказать, что парадигма организмизма более социальна, поскольку донорской зоной метафор ее языка служит социальная концепция марксизма. В случае же парадигмы континуальности зоной-целью применения метафоры противоречия служат не сами растения, а растительность – противоречие приписывается концептуальным характеристикам растительности, а не внутренним характеристикам всех растений. Место онтологического основания фитоценозов занимает экология, а не диалектика. Более того, можно отметить такую же закономерность и в случае возникновения парадигмы организмизма: Сукачёв критикует витализм и механицизм именно за отождествление человеческих и нечеловеческих сообществ. Таким образом, можно рассмотреть эту динамику как работу по очищению чересчур антропоморфных из-за своей социальности растений от своих человекообразных, а значит, противоестественных и искусственных характеристик.

Конструирование континуальности в эмпирических исследованиях геоботаников

Рассмотрев историю отечественной геоботаники как смену парадигм, суть которых состоит в очищении гетерогенных растительных сообществ от их социального происхождения, можно задаться вопросом о том, как возникают естественные фитоценозы в практике геоботанических исследований. С точки зрения модели науки, предложенной Латуром, работа по очищению, являясь лишь частью работы по медиации, не просто предшествует конструированию объектов естественных наук, но инкорпорирована в саму практику исследователей. Более того, поскольку ученые не могут обойтись ни без медиации (для непосредственного создания объекта), ни без очищения (для утверждения его как факта природы), то чем более естественным представляется растительный покров, тем больше гетерогенных посредников требуется для его создания и тем труднее становится работа по связыванию их в единую актор-сеть (Латур 2006). Какие же посредники позволяют геоботаникам создать естественную континуальность растительности? Как правило, геоботанические исследования в основном происходят в двух

местах: на участке растительности, где исследователи собирают данные, и в лаборатории, где происходит их обработка. В данной работе описание полевой работы геоботаников дано на примере изучения растительности поймы Оби в Кривошеинском районе, а описание лабораторного этапа – на примере изучения растительности берегов полуострова Рыбачий в Мурманской области.

Этап сбора данных для геоботаников состоит в составлении описаний растительных сообществ, или геоботанических описаний. Для этого геоботаники выезжают в экспедиции непосредственно на те географические участки, описание растительности которых их интересует. Сразу стоит сказать, что, как правило, целью исследований геоботаников являются значительные, недоступные для сплошного описания участки растительного покрова, поэтому геоботаники закладывают площадки, на которых происходит описание. Как определяются места для составления описаний? В случае исследования растительности поймы Оби для сужения объема работ геоботаники использовали профиль – прямую линию, которая проходит от берега реки к границе поймы и поэтому репрезентирует все ее пространство и определяется на основе спутниковых снимков участка поймы, на котором проводятся описания. Обоснованием такого метода является структура поймы: разливающаяся каждый год река структурирует среду, в которой выделяются параллельные течению реки участки ландшафта: лесистый прирусловый вал рядом с берегом и речная терраса, на которой чередуются возвышенности и низменности, создаваемые разливающейся рекой.

Сбор описаний происходил начиная с леса на прирусловом вале и далее вдоль по профилю на каждой встречающейся возвышенности или низине. На профиле отмечались точки, которые и служили основой для заложения площадок. После того как исследователи выходят в поле, они визуально определяют, где начинается новое (как правило, лес или луг) сообщество. Далее они стараются пройти в его «центр», поскольку видовой состав сообщества в нем более однороден, чтобы повысить точность его описания. Так, на фото 1 видно, что описание проводится именно внутри леса, а не на его границах. Более того, даже в «центре» сообщества составление описания всего лесного участка является чересчур долгим: «*...тут можно на одной точке стоять год, а можно быстренько написал… собрал, побежал дальше. …Ты сколько угодно будешь переназывать, передумывать, пере-это. У нас-то еще проще, там, десять деревьев ты выбираешь, по ним по сумме считаешь…*».

Первой задачей, которая возникает перед составителями описания, является название описываемого растительного сообщества. Название дается по тем видам растений, которые визуально занимают наибольшую долю растительного сообщества. Такие виды называются доминантами.

Фото 1. Составление геоботанического описания в лесу.
2016 г., Кайбасово. Автор А.В. Воронков

После определения доминирующих видов и присвоения названия фитоценозу геоботаники переходят к описанию остальных видов растений. Составление их описания упорядочено по ярусам: обычно выделяются деревья, кустарники, высокие и низкие травы. При этом на каждом ярусе отдельно определяется доминирующий вид. После определения доминантов геоботаники постепенно переходят к все менее и менее распространенным в сообществе видам. Степень распространенности вида определятся «на глаз», и ему присваивается определенное процентное значение доли от общей совокупности популяций различных видов.

Если вид присутствует, но так мало, что ему трудно присвоить какое-то конкретное процентное значение, то в описании ему соответствует «+». При этом в теории количество таких видов может переходить в некоторых сообществах поймы в несколько сотен, однако геоботаники, в цели которых не входит перепись многообразия растительного мира поймы, игнорируют потенциально значительное количество видов в целях экономии времени, поскольку составление такого описания может занимать непозволительно долгий срок относительно времени всей экспедиции. Например, на фото 2 видно, что количество видов на лугу примерно равно нескольким десяткам, хотя согласно экологическим факторам, определяющим видовое многообразие, их должно быть значительно больше.

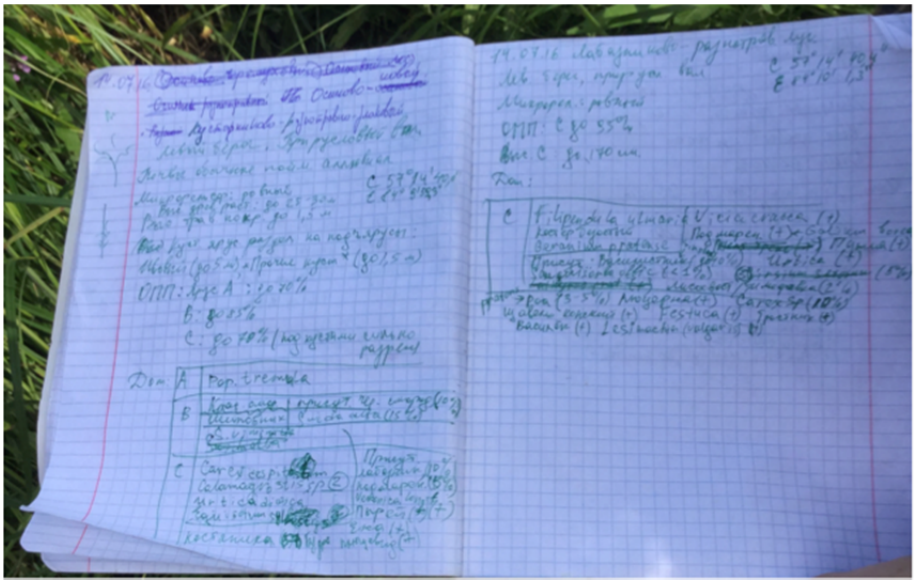


Фото 2. Пример геоботанического описания.
2016 г., Кайбасово. Автор А.В. Воронков

Помимо собственно растительного состава фитоценоза, важной частью геоботанических описаний является описание факторов среды. Так, обязательной частью работы геоботаников является локализация описываемого сообщества, во-первых, во времени, поскольку растительность меняется в зависимости от времени года – для этого записывается дата составления описания. Во-вторых, сообщество определяется в пространстве поймы при помощи отнесения его к определенному ее участку – на примере видно, что в данном случае луг относится к прирусловому валу. Помимо этого, фитоценоз определяется относительно профиля, от которого при перемещении исследователей неизбежны отклонения. Для этого геоботаники указывают координаты GPS-навигатора.

Еще одним обязательным элементом геоботанического описания является установление экологических условий, в которых существует растительное сообщество. Как отмечалось в обзоре геоботанической теории, это является важнейшим элементом для исследования фитоценозов, однако в случае изучения поймы Оби оно носило междисциплинарный характер и за изучение таких важных для растений факторов, как вода и почвы, отвечали соответствующие специалисты. В геоботанических описаниях исследователями, тем не менее, обязательно указывались рельеф, тип почв и то количество солнечного света, которое доходит до каждого из ярусов растительного сообщества.

Фото 3. Переход из одного фитоценоза (луг) в другой (лес).
2016 г., Кайбасово. Автор А.В. Воронков

После составления описания геоботаники перемещаются на следующую точку (фото 3), где заново начинается описанный процесс. Определение релевантной точки происходит исходя из опыта только что прошедшего описания растительного состава фитоценоза: как только исследователи обнаруживают, что те виды, которые они заметили в предыдущем растительном сообществе, перестают попадаться им на глаза, они останавливаются и начинают новую перепись. Этот цикл повторяется из раза в раз в течение рабочего дня в поле, пока не начнет темнеть и станет невозможно визуально определять виды растений и осуществлять их запись. В ходе всего процесса наблюдения за геоботаниками ими было охвачено несколько десятков растительных сообществ, однако, по признанию самих исследователей, это является относительно небольшой долей от необходимых для описания всей поймы данных.

Таким образом, на полевом этапе геоботаники, приходя в пространство растительности, которое предполагается ими самими континуальным, парадоксальным образом «нарезают» растительный покров. Для этого они применяют целый ряд устройств репрезентации: проводят профиль, закладывают площадки описаний и вводят понятия ярусов и доминант. Причина этого довольно прозаична – экономия ресурсов, которыми располагают исследователи в экспедиции. Поэтому такая

исследовательская установка самими геоботаниками называется прагматичной и с теоретической точки зрения заключается в том, что «континуальный растительный покров рассматривается как дискретный» (Миркин 1985: 52). Теперь, помимо того, что искусственную дискретность следует рассматривать как следствие применения социальных метафор к исследованиям растительности, можно сказать, что эта искусственность возникает и в самих эмпирических исследованиях, поскольку прагматика исследования не позволяет учесть всей сложности градиента растительности. С этой точки зрения еще более интересным представляется вопрос о том, каким же образом естественная континуальность растительности не уступает под напором столь сильных искусственностей и находит свой путь как научный объект?

Для ответа на этот вопрос следует переместиться во второе наиболее значительное место геоботаники – лабораторию. С точки зрения акторно-сетевой теории лаборатория в первую очередь является местом, где ученые производят отчеты для убеждения своих читателей (Латур, Вулгар 2012). При этом именно в таких убедительных отчетах содержатся факты природы, которые создаются в пределах лаборатории, а не предшествуют ей – на входе ученые имеют лишь данные, которые только предстоит подвергнуть обработке и испытаниям для получения надежного научного знания. Для этого в лабораторные практики оказывается вовлечено множество материальных посредников и устройств подсчета, которые преобразуют сырой материал во множество текстовых отчетов: графики, таблицы, диаграммы и т.п. В дальнейшем ученые объединяют свои тексты, чтобы достичь убедительности – демодализировать собственные высказывания, очистив их от всего искусственного. В результате этой работы перед читателем открывается не субъективное мнение ученого, а объективный факт природы. Таким образом, для антрополога в лаборатории необходимо отследить сеть устройств, в которые оказываются вовлечены квазиобъекты, превращающиеся в природный факт, в нашем случае – континуальность растительности.

Для этого нами был рассмотрен процесс изучения растительности пляжей и маршей (низменностей возле водоемов) полуостровов Рыбачий и Средний на побережье Баренцева моря в Мурманской области (рис. 1). Целью исследователей было составление классификации растительных сообществ этой территории. Данное исследование не было привязано к такому важному объекту, как река, как в случае растительности поймы Оби, которая оказывала сильнейшее влияние на растительные сообщества. Поэтому для репрезентации растительности использовался площадочный метод – исследователи не шли по заранее проложенному маршруту, а определяли релевантные им точки описания непосредственно в ходе полевого сбора информации по описанно-

му выше прагматическому принципу: *«[Исследователь проводит описания] там, где все выражено ярко, там, где видны все нужные, характерные особенности. И где нет чего-то лишнего, что случайно здесь появилось. <…> Я тоже старалась находить максимально чистые моменты»* (здесь и далее – цитаты из высказываний наших информантов – *А.В., А.С.*).

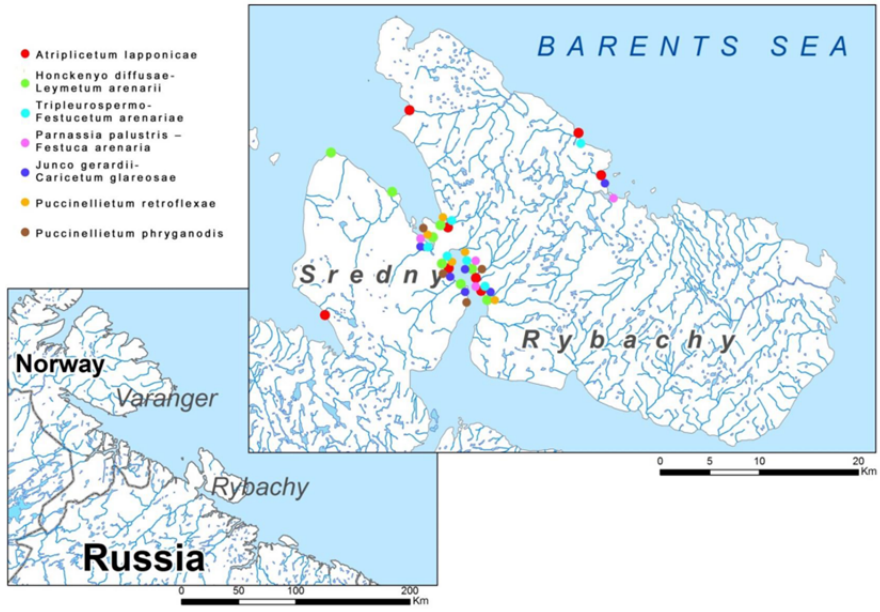


Рис. 1. Площадки описаний растительности
(Попова и др. 2016: 108–110)

Итак, после того как геоботанические описания в виде дневников попадают в лабораторию, первым этапом по работе с ними является формирование базы данных. Фактически перепись из дневников осуществляется без содержательных изменений – происходит прямая оцифровка данных путем переноса числовых значений долей, наименований видов, определения координат из бумажного отчета в электронную таблицу. Однако процентные доли популяций видов растений в сообществах, присвоенные исследователями в поле «на глаз», преобразуются в укрупненную шкалу с целью сгладить искажения, которые могут возникнуть из-за разных визуальных оценок у разных людей (фото 4). С точки зрения геоботаников, такая шкала служит медиатором для нескольких исследователей, который согласует их субъективные визуальные восприятия для получения объективных данных для обработки: *«Когда мы работаем с мелкими процентами, то мы легко от-*

личаем, это один процент, два процента, три процента, пять процентов. То, что он [вид растения] – доминант всегда легко отличить. Но, скажите пожалуйста, Вы сможете отличить один процент от пяти процентов? Один квадратный метр от пяти квадратных метров? А пятьдесят один от пятидесяти пяти? Разница такая же, но в этих масштабах мы не можем видеть разницу. ...Поэтому есть шкала, и особенно удобно, если мы имеем описания, выполненные разными авторами. Потому что то, что я оценю в пятьдесят процентов, моя коллега легко может оценить в шестьдесят процентов. Глазомер по-разному работает. Это же визуально все происходит».

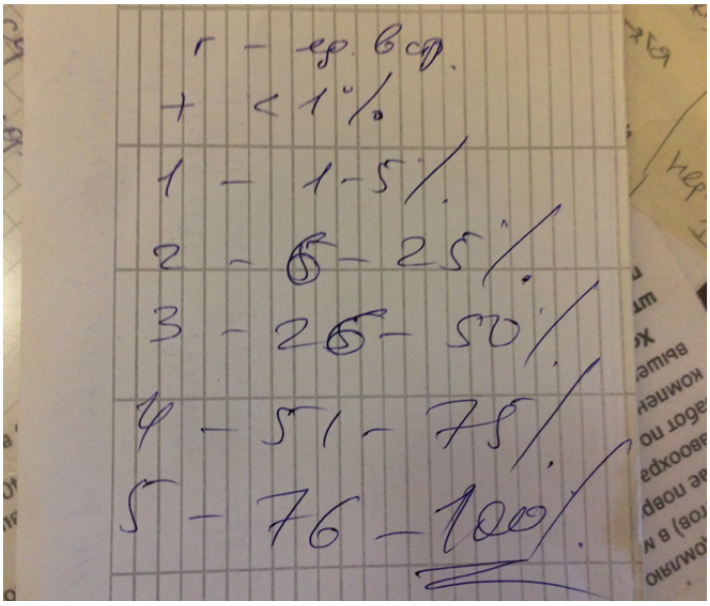


Фото 4. Таблица преобразования шкал.
2016 г., Москва. Автор А.В. Воронков

Целью следующего этапа является очищение данных. База данных автоматически структурируется по двум осям, на которых можно увидеть наблюдения-выбросы (фото 5). В случае рассматриваемого исследования геоботаники сотрудничали с флористами, которых интересовало видовое разнообразие. По этой причине некоторые описания проводились не в центре растительных сообществ, а, наоборот, на экотонах – переходных фитоценозах: *«Видно, что эта точка из всего массива очень сильно вылетает. Вот это тоже никуда не годится, с этим невозможно просто работать. Вот эта точка вылетает, вот эти три точки. Видите, сколько варьирования они на себя забирают? Если мы это отрезали, то все это разошлось бы лучше и у нас была бы бо-*

лее четкая картинка. <…> Это – уникальный экатон, в котором есть очень-очень много видов, которые не встречаются больше нигде. И если мы будем вместе с ним анализировать, то мы будем видеть всегда только отличия этого сообщества от всех остальных. А различий внутри массива мы не увидим. Поэтому из анализа вот это надо удалять».

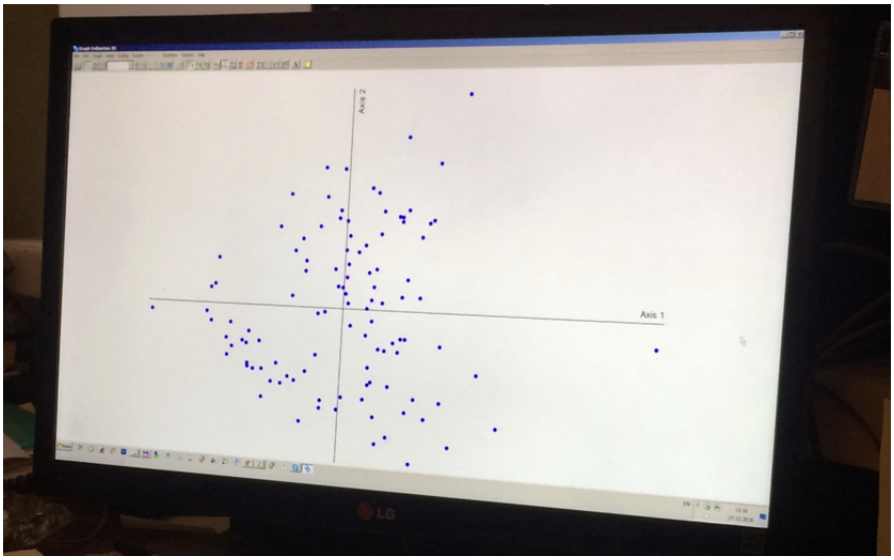


Фото 5. График распределения описаний.
2016 г., Москва. Автор А.В. Воронков

Можно сказать, что даже если исследователь опишет переходные сообщества, которые когда-то послужили свидетельством искусственности деления растительного покрова на дискретные сообщества, то на этапе анализа данных они станут проблемой, которая помешает работе геоботаника. Таким образом, дискретизация растительности продолжается и после поля при помощи лабораторных устройств, визуализирующих растительные сообщества на графике, – вопрос о возможности континуальности кажется все более проблемным для ответа.

Очистив данные от лишних наблюдений, исследователи переходят к их анализу. Поскольку в данном случае исследователи составляли классификацию растительных сообществ, то они использовали кластерный анализ для выделения похожих между собой фитоценозов (рис. 2). Однако лабораторные устройства подсчета не предопределяют исход анализа, а скорее вступают в проблематичный «диалог» с полевым исследователем, который, в отличие от компьютера, обладает знанием геоботанической теории и полевым опытом – итоговая классификация является результатом переговоров между человеком и машиной

по поводу классификации: *«Я посмотрела: какая-то каша выходит. Откуда я знаю, что это – каша? У меня же написано, что это. Есть характеристика местообитания. Грубо говоря, это, например, луг на песчаном пляже или марш. И понятно, что это должны быть разные растительные сообщества. И если мне какая-то автоматическая обработка лепит их в одну кучу, то значит это – неправильно. Так не может быть. Исходя из вот этой вот строчки с характеристикой местообитания я могу понять, что я имела в виду, когда делала это описание, что там в природе происходило, какие виды росли и что машина мне… Потому что машина, к сожалению, ботаники не знает совсем, она только математику знает. <…> В любом случае, на машину нельзя полагаться».*

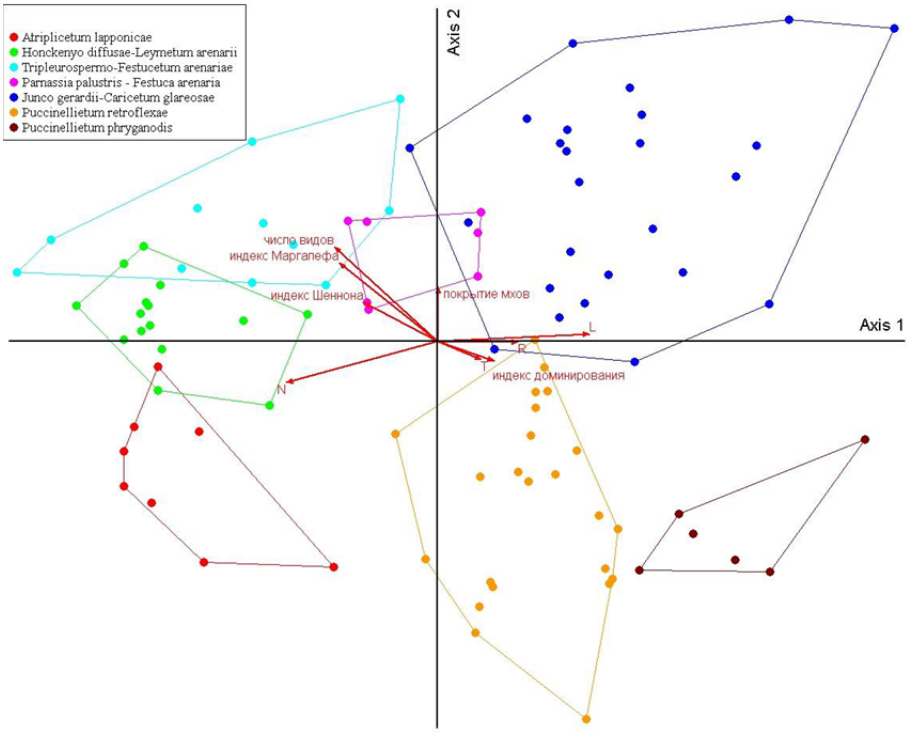


Рис. 2. Кластерная модель растительных сообществ (Попова и др. 2016: 108–110)

Результатом этих столкновений становится определенная классификация, которая удовлетворяет всех. Так, например, итоговая модель стала обладать и математическим, и экологическим смыслами: математические кластеры образовали группы растительных сообществ маршей, пляжей, бедных сообществ неприхотливых злаков. Однако,

что представляется еще более интересным, так это возникновение в лабораторных условиях не только «осмысленных» сообществ, но и континуальности растительного покрова. Более того, это свойство не приписывается ни исследователю, ни компьютеру, оно скорее возникает в противовес устройствам репрезентации, нарезавшим растительность на отдельные площадки, и автоматическому выделению кластеров математическим методом – естественность преодолевает все препятствия на своем пути, которые создаются искусственностью, и возникает на экране не знающего геоботанику компьютера перед глазами прагматичного геогботаника: *«Вроде как эти группы очень хорошо выделялись по видам, мы с Вами видели при автоматическом дешифрировании. И смысл экологический очень хорошо прописывается: эти две группы очень отличаются. То есть у всего этого есть экологический смысл. Но что касается границ. Смотрите, растительный покров у нас континуальный – они все у нас пересекаются. Не пересекается только одна группа по одной простой причине – это очень, крайне, экстремально, бедные сообщества. <…> Растительный покров континуален. Никуда мы не можем от этого деться. Я Вам говорю, это как акварель мокренькая. Все равно будет переход. <…> Интервьюер: Это поэтому, из-за того, что эти описания переходных сообществ попали в базу данных, они пересекаются? Информант: Нет, это потому что растительный покров континуален».*

Заключение

Учитывая вышеизложенные, в первую очередь следует определить ограничения проделанной работы. Нами были рассмотрены только небольшие аспекты сложной и многогранной деятельности геоботаников как в сфере их теоретических изысканий, так и в области проведения эмпирических исследований. В истории этой дисциплины насчитывается не один десяток исследователей, оказавших влияние на дискурс данной науки, не говоря уже о все более интенсивном диалоге отечественных и зарубежных исследователей, которые могут иметь кардинально отличающиеся представления о природе растительного покрова (Федотова 2012). Если же говорить об эмпирических исследованиях растительности, то в геоботанике существует далеко не одна методология сбора данных, куда могут ситуативно примешиваться и другие посредники, и множество исследовательских целей, которые, игнорируя рассмотренный нами вопрос о континуальности растительности, все же каким-то образом согласуются с геоботанической теорией. Иначе говоря, как подсказывает акторно-сетевая теория, не следует рассматривать геоботанику как монолитный дискурс, который способен упорядочивать свои объекты единственным способом (Ло 2006: 31).

Тем не менее мы постарались сделать набросок симметричного объяснения дискурсивных и лабораторных практик геоботаников. Можно сказать, что представители этой науки прошли долгий путь в осуществлении работы по очищению растительности от ее гетерогенного происхождения, которое обрекло растительность быть социальной. Однако, оставаясь верными служителями нововременного проекта науки, геоботаники никогда не прекращали оставаться где-то между полюсами Природы и Общества, поскольку, осуществив предварительное очищение своего теоретического дискурса, они оказались перед нетривиальной задачей: пересборкой непрерывного, контекстуального и противоречивого континуума растительного покрова в стабильный научный объект. И геоботаники справились с ней, вовлекая в свои исследования посредников в виде визуализированных кластеров, цифровые границы которых оказываются неподвластны искусственной дискретности (Latour 1990).

Однако задавшись вопросом о конструировании научных объектов, мы упустили из виду вторую половину симметричного объяснения научных исследований: как растительность создает геоботаников? На наш взгляд, не стоит недооценивать актуальность этого вопроса для описания исследований растительности как гетерогенной природы-культуры. Так, самими информантами подмечался опыт исследователя как принципиально важный аспект полевой работы, прагматика которой подразумевает визуальную интерпретацию растительности, как правило, без вовлечения большого количества посредников, которые бы производили более «объективное» знание. Конструирование исследователя этим не ограничивается: в результате постоянных экспедиций формируется привязанность геоботаников к растительности (Gomart, Hennion 1999), что в дальнейшем побуждает их создавать новые исследования и новые объекты.

Помимо этого, сконцентрировавшись на описании решения теоретической проблемы геоботаники, мы оставили за скобками вопрос о дальнейшей социализации естественных растительных сообществ, которые неизбежно должны покидать стены лабораторий в виде классификаций и карт. Вопросы о том, что происходит при столкновении естественной растительности с многочисленными искусственными (например, государственными) границами, представляются нам важными для исследования, поскольку при столкновении «искусственных» и «естественных» онтологий гетерогенность растительности неизбежно вскрывается вновь (Haraway et al. 2015), поднимая вопросы о способах координации и согласовании различных сетей, конструирующих множественные, а не единичные растительные покровы.

Примечания

[1] Мы определяем метафору как концептуальную, т.е. как понимание некоторой сущности в терминах другой (Лакофф, Джонсон 2004). Соответственно, в метафорическом высказывании присутствуют донорские (источник) и реципиентные (цель) зоны.

Литература

Александрова В.Д. О единстве непрерывности и дискретности в растительном покрове // Философские проблемы современной биологии. Л., 1966. С. 191–204.

Александрова В.Д. Классификация растительности. Л.: Наука, 1969.

Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. Т. 35, № 5–6. С. 1–24.

Быков Б.А. Геоботаника. Алма-Ата: Наука, 1978.

Дискуссия: Что такое фитоценоз? // Советская ботаника. 1934. № 5. С. 3–51.

Ипатов В.С., Кирикова Л.А. К вопросу о континууме и дискретности растительного покрова // Ботанический журнал. 1985. Т. 70, № 7. С. 885–896.

Каллон М. Некоторые элементы социологии перевода: одомашнивание морских гребешков и рыбаков залива Сен-Бриё // Социология власти. 2015. Т. 27, № 1. С. 196–231.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Латур Б., Вулгар С. Лабораторная жизнь. Конструирование научных фактов. Гл. 2. Антрополог посещает лабораторию // Социология власти. 2012. Т. 24, № 6–7. С. 178–234.

Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006.

Ло Дж. Объекты и пространства // Социология вещей: сб. ст. / отв. ред. В.С. Вахштайн. М.: Территория будущего, 2006. С. 223–243.

Ло Дж. После метода: беспорядок в социальных науках. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.

Миркин Б.М. Теоретические основы современной фитоценологии. М.: Наука, 1985.

Миркин Б.М., Наумова Л.Г. Современное состояние основных концепций науки о растительности. Уфа: Гилем, 2012.

Попова К.Б., Чередниченко О.В., Разумовская А.В. Растительность пляжей и маршей полуостровов Рыбачий и Средний (Баренцево моря, Мурманская область) // Тезисы Международной научной конференции «Современные фундаментальные проблемы классификации растительности» (г. Ялта, Республика Крым, 4–9 октября 2016 г.). Ялта, 2016. С. 108–110.

Работнов Т.А. История фитоценологии. М.: Аргус, 1995.

Развитие геоботаники: история и современность / под ред. О.И. Суминой, Д.М. Мирина. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2010.

Сукачёв В.Н. Идея развития в фитоценологии // Советская ботаника. 1942. № 1–3. С. 10.

Федотова А.А. Ботаники в Нижегородской экспедиции В.В. Докучаева: «старые» территории, новые задачи // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2, № 4. С. 66–83.

Федотова А.А. Изучение растительности в России и США: почему формирование дисциплины пошло разными путями? // Историко-биологические исследования. 2012. Т. 4, № 1. С. 41–56.

Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная Академия, 2004.

Gomart E., Hennion A. A sociology of attachment: music amateurs, drug users // Actor-network theory and after / eds. J. Law, J. Hassard. Oxford: Blackwell, 1999. P. 220–247.

Haraway D., Ishikawa N., Gilbert S.F., Olwig K., Tsing A.L., Bubandt N. Anthropologists Are Talking – About the Anthropocene // Ethnos. 2016. Vol. 81, № 3. P. 535–564.

Latour B. Drawing Things Together // Representation in Scientific Practice / eds. M. Lynch, S. Woolgar. Cambridge, MA: MIT Press, 1990. P. 19–68.

Статья поступила в редакцию 7 января 2017 г.

Voronkov Aleksey V., Solovyova Anna A.

PRACTICES OF PURIFICATION AND MEDIATION IN RUSSIAN GEOBOTANY

DOI: 10.17223/2312461X/18/9

Abstract. In this article, the solution to one of the most fundamental issues in the science of vegetation (geobotany) – that of the nature of vegetation cover – is reviewed from the perspective of actor-network theory (ANT). In the case of theoreticians of geobotany, who historians of this science divide into followers of the ideas of either continuity or discreteness vegetation, debates were held as to the objective foundations of the discipline and ended up with a victory of the continuity paradigm. From the ANT perspective, these debates and their outcome can be interpreted as work aimed at purification of natural sciences from the traces of social metaphors that contributed to the formation of objects of research interest in geobotany. This has raised the question of mediation which makes plant communities' naturalness possible. The ethnographic study of fieldwork and laboratory practices – carried out with regard to geobotanic research on the vegetation in the Ob's floodplain and the Vostochny peninsula – has shown that pragmatic considerations underlie geobotany experts' actions during data gathering: they only make a small number of descriptions of 'pure' plant communities where there is limited species composition present. In the laboratory, the collected data is again purified from those descriptions made at the intersection of different 'pure' communities of plants. The purified data then undergoes cluster analysis for the purposes of classifying these plant communities found in a given vegetation area. Visualisation of the results produced allows the researchers see intersections between different classes of the plant communities, and that forms the basis for the vegetation continuity perspective. Thus, laboratory devices help the geobotany experts construct the vegetation's natural continuity, while clearing it from the fieldwork's pragmatic routine. The article raises a number of questions with regard to Russian geobotany as a nature-culture: how does vegetation construct the researchers; how does further socialisation of the plant communities develop beyond the laboratory; and what exactly happens in the matching of a plant community as an actor-network which other objects.

Keywords: science and technology studies, actor-network theory, anthropology of science, construction of objects, mediation, geobotany

References

Aleksandrova V.D. O edinstve nepreryvnosti i diskretnosti v rastitel'nom pokrove [On the unity of continuity and discreteness in the vegetation cover], *Filosofskie problemy sovremennoi biologii* [Philosophical issues in contemporary biology]. Leningrad, 1966, pp. 191–204.

Aleksandrova V.D. *Klassifikatsiia rastitel'nosti* [The classification of vegetation]. Leninhrad: Nauka, 1969.

Blur D. Sil'naia programma v sotsiologii znaniia [The strong programme in the sociology of knowledge], *Logos*, 2002, vol. 35, no. 5–6, pp. 1–24.

Bykov B.A. *Geobotanika* [Geobotany]. Alma-Ata: Nauka, 1978.

Diskussiia: Chto takoe fitotsenoz? [What is phytocenosis: a discussion], *Sovetskaia botanika*, 1934, no. 5, pp. 3–51.

Ipatov V.S., Kirikova L.A. K voprosu o kontinuume i diskretnosti rastitel'nogo pokrova [On the question of continuity and discreteness of the vegetation cover], *Botanicheskii zhurnal*, 1985, vol. 70, no. 7, pp. 885–896.

Callon M. Nekotorye elementy sotsiologii perevoda: odomashnivanie morskikh grebeshkov i rybakov zaliva Sen-Brie [Some elements of a sociology of translation: domestication of the scallops and the fishermen of St Brieuc Bay], *Sotsiologiia vlasti*, 2015, vol. 27, no. 1, pp. 196–231.

Lakoff G., Johnson M. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow: Editorial URSS, 2004.

Latour B., Woolgar S. Laboratornaia zhizn'. Konstruirovanie nauchnykh faktov. Glava 2. Antropolog poseshchaet laboratoriiu [Laboratory life: the construction of scientific facts. Chapter 2. An anthropologist visits the laboratory], *Sotsiologiia vlasti*, 2012, vol. 24, no. 6–7, pp. 178–234.

Latour B. *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii* [We have never been modern. Essays on symmetric anthropology]. St. Petersburg: Izd-vo Evrop. un-ta v S.-Peterburge, 2006.

Law J. Ob"ekty i prostranstva [Objects and spaces], *Sotsiologiia veshchei: Sb. statei. Otv. red. V.S. Vakhshtain* [The sociology of things: a collection of articles edited by V.S. Vakhshtain]. Moscow: Izd. dom. «Territoriia budushchego», 2006, pp. 223–243.

Law J. *Posle metoda: besporiadok v sotsial'nykh naukakh* [After method: mess in social science research]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2015.

Mirkin B.M. *Teoreticheskie osnovy sovremennoi fitotsenologii* [Theoretical foundations of contemporary phytocenology]. Moscow: Nauka, 1985.

Mirkin B.M., Naumova L.G. *Sovremennoe sostoianie osnovnykh kontseptsii nauki o rastitel'nosti* [The contemporary state of fundamental concepts in the science of vegetation]. Ufa: AN RB, Gilem, 2012.

Popova K.B., Cherednichenko O.V., Razumovskaia A.V. Rastitel'nost' pliazhei i marshei poluostrovov Rybachii i Srednii (Barentsevo moria, Murmanskaia oblast') [The vegetation of beaches and marches of the peninsulas of Rybachiy and Sredniy (the Barents Sea, Murmansk region)], *Tezisy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Sovremennye fundamental'nye problemy klassifikatsii rastitel'nosti», g. Ialta, Respublika Krym, 4-9 oktiabria 2016 g.* [Abstracts of the international research conference, titled 'Contemporary fundamental issues in the classification of vegetation', the city of Yalta, Republic of Crimea, 4-9 October, 2016]. Ialta, 2016, pp. 108–110.

Rabotnov T.A. *Istoriia fitotsenologii* [The history of phytocenology]. Moscow: Argus, 1995.

Razvitie geobotaniki: istoriia i sovremennost'. Pod red. Suminoi O.I., Mirina D.M. [The development of geobotany: past and present] St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo Universiteta, 2010.

Sukachev V.N. Ideia razvitiia v fitotsenologii [The idea of development in phytocenology], *Sovetskaia botanika*, 1942, no. 1–3, pp. 10.

Fedotova A.A. Botaniki v Nizhegorodskoi ekspeditsii V.V. Dokuchaeva: «starye» territorii, novye zadachi [Botanists in the Nizhniy Novgorod's expedition of V.V. Dokuchaev: 'old' territories and new tasks], *Istoriko-biologicheskie issledovaniia*, 2012, vol. 2, no. 4, pp. 66–83.

Fedotova A.A. Izuchenie rastitel'nosti v Rossii i SShA: pochemu formirovanie distsipliny poshlo raznymi putiami? [Vegetation studies in Russia and the USA: why did the formation of the discipline take different paths?], *Istoriko-biologicheskie issledovaniia*, 2012, vol. 4, no. 1, pp. 41–56.

Foucault M. *Arkheologiia znaniia* [The archaeology of knowledge]. St. Petersburg: ITs «Gumanitarnaia Akademiia», 2004.

Gomart E., Hennion A. A sociology of attachment: music amateurs, drug users. In: *Actor-network theory and after*. Eds. J. Law, J. Hassard. Oxford: Blackwell, 1999, pp. 220–247.

Haraway D., Ishikawa N., Gilbert S.F., Olwig K., Tsing A.L., Bubandt N. Anthropologists Are Talking – About the Anthropocene, *Ethnos*, 2016, Vol. 81, no. 3, pp. 535–564.

Latour B. Drawing Things Together. In: *Representation in Scientific Practice*. Eds. M. Lynch and S. Woolgar. Cambridge, MA: MIT Press, 1990, pp. 19–68.

MISCELLANEA

УДК 364.044.4
DOI: 10.17223/2312461X/18/10

СЛУЖА БОГУ, ПОМОГАЯ БЛИЖНЕМУ, СОТРУДНИЧАЯ С ГОСУДАРСТВОМ. СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА ХРИСТИАНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США СРЕДИ БЕЖЕНЦЕВ[1*]

Ольга Евгеньевна Казьмина

Аннотация. На основе анализа полевого материала автора, собранного во время поездок в Джорджию в 2011, 2014, 2015, 2016 и 2017 гг., а также государственных актов, документов религиозных негосударственных организаций и научной литературы, на примере США исследуется сотрудничество государства и религиозных организаций в социальных проектах, адресованных беженцам. Предпринята попытка рассмотреть структуру, признанные допустимые формы и параметры такого сотрудничества, понять его эффективность для успешной адаптации и интеграции беженцев в США. Делается вывод, что государство и религиозные организации могут успешно сотрудничать в социальных проектах, не нарушая принципа отделения церкви от государства. Для этого церкви и созданные ими негосударственные организации должны строго разделять свою вероисповедную деятельность и социальное служение, не привнося в него конфессиональную составляющую. Именно этого требует государство, выделяя религиозным организациям гранты на социальную работу, соответственно, выступая определенным гарантом недопущения прозелитизма. В результате такого взаимодействия религиозные организации становятся заинтересованными и деятельными партнерами государства в проектах, направленных на адаптацию и интеграцию беженцев. А государство часто выбирает для сотрудничества именно религиозные организации в расчете на высокую мотивацию, эмоциональную вовлеченность и неравнодушие церковных людей при осуществлении социальных проектов.

Ключевые слова: социальное служение, государство, религиозные НГО, христианские церкви, отделение церкви от государства, миссионерство, беженцы, США

Работая над темой «Роль христианских организаций США в адаптации и интеграции беженцев и иммигрантов» и собирая полевой материал в Атланте и прилегающих к ней малых городах, я обнаружила существование тесного сотрудничества религиозных негосударственных

[*] Статья написана при финансовой поддержке РГНФ. Грант 16-01-50064 а(ф).

организаций (НГО) и местных церквей, что вполне понятно и неудивительно, а также сотрудничество религиозных НГО и государства в работе с беженцами, что на первый взгляд кажется удивительным и несколько парадоксальным, поскольку в США строго следуют принципу отделения церкви от государства. Тем не менее государство делегирует религиозным НГО часть своих обязательств по размещению беженцев, дает им гранты на социальные программы.

Вообще беженцы для Америки – это особая категория. Если по отношению к иммигрантам подход весьма прагматичный: полезны они или нет американскому обществу, то отношение к беженцам включает моральные обязательства, которые американцы чувствуют по отношению к ним (Haines 2008: 44). По выражению Д. Хейнса, беженцы для американцев – это морально значимые переселенцы (41). Даже дебаты недавнего времени об опасении проникновения в страну террористов под видом беженцев и нежелательности беженцев из определенных стран не ставят под сомнение императив помогать беженцам, уже находящимся в США. Американский опыт, касающийся помощи беженцам, отражает, каким образом мораль, рациональность и практическая целесообразность переплетаются во взаимоотношениях между американскими институтами и гражданами (42).

Беженцы в США – это те, кто уже въехал в страну с таким статусом, получив его в лагере беженцев в иной стране через программы ООН, или те, кто, въехав по неиммиграционной визе (обычно туристической), обратился с прошением о предоставлении убежища и получил этот статус уже в США. Иммигранты, легальные и нелегальные, к этой категории не относятся.

Цель данной статьи – взглянуть на структуру, признанные допустимыми формы и параметры сотрудничества государства, религиозных НГО и церквей в социальных проектах, адресованных беженцам, понять эффективность такого сотрудничества для успешности адаптации и интеграции беженцев в США.

Поднятая в статье тема – взаимодействие христианских церквей, религиозных НГО и государства в социальных проектах, адресованных беженцам, – ставит и некоторые более широкие вопросы. Непременно ли религиозные организации привносят конфессиональную специфику в социальное служение? Есть ли миссионерская составляющая в социальной работе религиозных организаций? Не перерастает ли она в недопустимый прозелитизм? Как взаимодействие церквей, религиозных НГО и государства соотносится с принципом отделения церкви от государства?

Статья в значительной степени базируется на моем полевом материале, собранном в Атланте и прилегающих районах (штат Джорджия). Обращение именно к этому региону в связи с данной темой вполне

оправдано и предопределено несколькими объективными обстоятельствами. Во-первых, в непосредственной близости от Атланты находится городок Кларкстон, выбранный федеральными властями США для размещения беженцев, въехавших в страну с этим статусом. Постепенно Кларкстон стал одним из самых крупных пунктов по приему и размещению беженцев и самым пестрым из них по этническому составу. Его стали называть «самая пестрая миля Америки» (подробнее о Кларкстоне и его «старых» и «новых» жителях см.: Казьмина 2015b). Во-вторых, Джорджия расположена в так называемом Библейском поясе, охватывающем южные штаты США: население здесь гораздо более религиозно, чем на севере; для Библейского пояса характерна активная вовлеченность населения в церковную деятельность, как в приходах, так и за их пределами; социальное служение составляет важную часть внеприходской церковной работы.

Для более глубокого понимания ситуации были проанализированы научная литература о формате взаимодействия церкви и государства в делах благотворительности и социального служения в США (Bartkowski, Regis 2003; Bretherton 2010; Ryden 2005; Sacred Places 2004), работы о социальном служении церквей, в том числе служении, адресованном беженцам (Bauman 2016; Religion and Social Justice 2007; Sider 2002; Snyder 2012; Unruh 2005), исследования об адаптации и интеграции в США иммигрантов и беженцев (From Arrival to Incorporation 2008; Immigration and Integration 2008; Incorporating Diversity 2005; Timani 2015). Полезными были и более общие труды о положении религии и деятельности религиозных организаций в США (Lambert 2008; Religion and American Cultures 2003), об особенностях отношений между церковью и государством в США и представлениях о религиозной свободе (Laycock 2010, 2011; Witte 2016).

Государство выбирает сотрудничество с религиозными организациями

Введенная в рамках Нового курса президента США Ф.Д. Рузвельта и достигшая своего максимума в 1960-е гг. система социального обеспечения (welfare), осуществление которой возлагалось на федеральное правительство, в 1980-е гг. стала пересматриваться. Основной тенденцией этого было смещение ответственности из центра в штаты и определенное разгосударствление системы социального обеспечения. Реформирование системы социального обеспечения заключалось еще и в том, что государство постепенно переходило от непосредственного оказания социальной помощи к участию в программах по ее оказанию, т.е. государство стало предоставлять гранты организациям, занимающимся социальной работой. При этом особо подчеркивалась необходи-

мость баланса между правами и ответственностью человека, получающего помощь, что должно было обеспечить эффективность социальных программ. Такая концепция делала церкви и созданные ими благотворительные организации очень подходящими проводниками программ социального обеспечения, поскольку они в своей деятельности по оказанию социальной помощи как раз способны сочетать мотивацию и поддержку личной ответственности получателей помощи с персонифицированной заботой о них и сочувствием к ним со стороны тех, кто помощь оказывает (Bretherton 2010: 33–34).

Использование религиозными организациями государственных денег для программ социального служения особенно упростилось в США с принятием в 1996 г. Акта о согласовании личной ответственности с возможностью трудовой деятельности [1996 Personal Responsibility and Work Opportunity Reconciliation Act] и включением в него положения о «благотворительном выборе» [Charitable Choice provision]. Данное положение означало возможность выбора государством проводников реализации социальных программ с использованием государственных грантов. Этот выбор включал и религиозные организации. До принятия закона 1996 г. у связанных с религией организаций возможностей заключения с государством контрактов для реализации социальных программ было гораздо меньше и требования к таким контрактам были намного более жесткими. Сразу после принятия закона для выбора проводников социальных программ и предоставления им государственных грантов при Белом доме был создан специальный орган – Офис инициатив религиозных организаций и местных сообществ [the White House Office of Faith-Based and Community Initiatives], трансформированный в 2001 г. в Офис партнерства с религиозными и соседскими организациями [the White House Office for Faith-Based and Neighborhood Partnerships] (Bretherton 2010: 36).

Сами названия вновь созданного органа говорили о том, что государство ориентировано на сотрудничество как со светскими, так и с религиозными организациями. В результате предоставление государством грантов организациям, связанным с церквами, на их программы социального служения стало неуклонно увеличиваться (Midgley 2015: 192). По сути, закон 1996 г. стал водоразделом в принципах и подходах к социальному обеспечению уязвимых слоев населения. До него государство и негосударственный сектор (в том числе религиозные организации) шли параллельными непересекающимися путями в деле помощи нуждающимся, после принятия закона они стали партнерами и союзниками (Bartkowski 2003: 1, 3). Отношение к этому закону в частности и вообще к идее предоставления государством денег церквам и связанным с ними благотворительным обществам в США неоднозначно: большинство американцев поддерживают возможность выделения гос-

ударственных грантов на социальные программы организациям, связанным с религией, вместе с тем основная часть населения выражает обеспокоенность тем, чтобы эти социальные программы не включали собственно религиозную деятельность (5–9). Проблема возможного прозелитизма через подобные социальные программы также беспокоит американскую общественность и отражается в американском академическом дискурсе (Unruh 2005: 14–15).

В программах помощи беженцам государство, с одной стороны, тесно сотрудничает с религиозными организациями. Для многих местных церквей и религиозных НГО социальное служение, в том числе помощь беженцам, – неотъемлемая часть их деятельности. С другой стороны, чтобы облегчить и ускорить адаптацию и интеграцию беженцев, государство нуждается в помощи неправительственных организаций, вовлеченных в социальную работу, привлекая к такому сотрудничеству в том числе и религиозные НГО. Те, в свою очередь, осуществляют социальные проекты в тесном взаимодействии с местными церквами. Как такой симбиоз вписывается в модель взаимоотношений церкви и государства в США? В США взаимоотношения церкви и государства определяются двумя основными принципами, заложенными еще Первой поправкой Конституции США (внесена в 1789 г. и ратифицирована в 1791 г.): свободное исповедание религии, с одной стороны, и отделение Церкви от государства – с другой (подробнее об этом см.: Witte 2016). Сотрудничество в социальных проектах не воспринимается нарушением принципа отделения церкви и государства до тех пор, пока такое сотрудничество не относится к собственно вероисповедной сфере, а социальное служение церквей защищено положением о свободном исповедании. Это позволяет религиозным организациям получать государственные гранты, но тратить их они должны только на цели, не связанные с религиозной жизнью беженцев, и государство следит за соблюдением данного условия. Одним из рычагов выполнения установленных правил служит конкуренция между религиозными организациями за получение государственных грантов: если соблюдение условий не очевидно, следующий грант может получить другая организация. Еще одна особенность этого сотрудничества заключается в том, что государственный грант не покрывает всю стоимость социальной программы, и получающая грант организация должна самостоятельно найти недостающую сумму.

Религиозные НГО – посредники между государством и местными церквами

Вопросом предоставления человеку статуса беженца и выдачей ему разрешения на въезд в США занимается специальный государственный

орган. От государства же беженцы получают пособие в течение 90 дней после въезда в страну, включающее чек на аренду жилья на это время, приобретение предметов первой необходимости и небольшую сумму денег на остальные нужды. Непосредственными делами, связанными с размещением и жизнеобеспечением беженцев, занимаются, как правило, неправительственные организации, с которыми государство заключает специальные контракты. Это могут быть как светские, так и религиозные НГО. На их же помощь беженцы могут рассчитывать по истечении первых 90 дней пребывания в США, когда они больше не получают государственной материальной поддержки (фото 1).

Фото 1. Дети из семьи беженцев из Руанды, недавно приехавшей в Кларкстон. 2017 г. Фото автора

Среди организаций, связанных с христианскими церквами, очень активную социальную работу среди беженцев в Кларкстоне ведут «World Relief» и «Friends of Refugees». Начиная с 2014 г. я неоднократно встречалась и беседовала с их представителями и волонтерами (ПМА 2,

5, 6, сотрудники и волонтеры организаций «World Relief Atlanta» и «Friends of Refugees»). Эти организации получают государственные гранты для социальной работы, но государственные деньги составляют лишь часть их бюджетов. Для осуществления социальных программ среди беженцев они также собирают частные пожертвования, бóльшая часть которых поступает через местные церкви. Соотношение государственных и частных денег в разных организациях различается. Так, в «World Relief» 80% денежных средств составляют государственные гранты и 20% – частные пожертвования; при этом с местными церквами «World Relief» ведет большую работу на безденежной основе, когда прихожане непосредственно участвуют в социальной работе, естественно, безвозмездно (ПМА 5, 6, сотрудники «World Relief Atlanta»). В организации «Friends of Refugees» государственные деньги составляют лишь 40%, а 60% – частные пожертвования как от людей, так и от компаний (ПМА 2, 5, сотрудники и волонтеры «Friends of Refugees»).

Организация «World Relief» была создана в 1944 г. для совместных действий евангелических христианских деноминаций США по оказанию срочной гуманитарной помощи европейским городам, наиболее сильно пострадавшим от войны. Тогда организация называлась «War Relief Commission of the National Association of Evangelicals». Свое нынешнее название – «World Relief» – организация получила в 1950 г. Постепенно география и сфера деятельности организации сильно расширялись: продовольственная помощь, патронаж детских домов и приютов, поддержка проектов здравоохранения, содействие развитию сельского хозяйства и фермерства, участие в основании евангелических церквей. Основные потоки помощи направляются в беднейшие страны мира и в регионы, пострадавшие от стихийных бедствий и социальных и политических катаклизмов. Одно из существенных направлений деятельности этой организации – помощь беженцам и перемещенным лицам, как находящимся в лагерях беженцев в разных странах, так и уже приехавшим в США. В 1979 г. «World Relief» получила разрешение и поддержку госдепартамента на обустройство принимаемых Соединенными Штатами беженцев (World Relief 2017). Подобное разрешение имеет всего лишь десяток неправительственных организаций, из которых «World Relief» единственная межденоминационная, связанная с евангелическими протестантскими церквами (Bauman 2016: 20). Отделения организации «World Relief» имеются во многих городах США, в том числе и в Атланте – «World Relief Atlanta» (фото 2). Свою работу организация ведет в тесном контакте с местными евангелическими церквами.

«World Relief Atlanta» играет большую роль в помощи недавним жителям Кларкстона, налаживании их быта и интеграции в американское общество. Свою миссию организация видит в вовлечении местных церквей в служение на благо наименее защищенных групп населения. Организация

имеет небольшой штат постоянных сотрудников и очень разветвленную сеть волонтеров, интернов и временных оплачиваемых работников, получающих очень скромное (иногда символическое) вознаграждение.

Фото 2. В офисе «World Relief Atlanta». 2016 г. Фото автора

Организация также занимается сбором пожертвований (обычно через местные церкви) и поиском спонсоров и партнеров, сотрудничает с местными властями и различными неправительственными организациями. «World Relief Atlanta» через сеть своих волонтеров оказывает помощь в размещении и обустройстве вновь прибывающих беженцев (встреча в аэропорту и трансфер до нового места жительства, подбор и наем жилья, приобретение мебели и хозяйственных предметов первой необходимости, покупка продуктов питания на первое время), оказывает содействие образовательным заведениям, где учатся беженцы (дополнительные уроки английского языка, «подтягивание» по предметам), помогает беженцам разобраться, как получить медицинскую помощь по льготной государственной программе «MedicAid», как заполнить необходимые бумаги на получение льгот и пособий, как ориентироваться в повседневной жизни в новых условиях, культурной специфике, принятых правилах поведения и этикета. Волонтеры оказывают моральную и духовную поддержку беженцам через установление лич-

ных дружеских отношений, помогая таким образом лучше интегрироваться в американскую жизнь. Они ходят со своими подопечными семьями за покупками первое время (таким образом и помогая материально, и обучая ориентироваться в американских магазинах, и знакомя с американскими представлениями о здоровом питании). Они также выступают переводчиками в общении между новыми поселенцами и различными местными службами (нередко волонтеры – это миссионеры, работавшие в прошлом в соответствующих странах и знающие местные языки). «World Relief Atlanta» имеет свою службу занятости. Эта служба сопровождает беженцев в поисках работы (подыскивая вакансии, заполняя различные бланки, выступая посредником и переводчиком на собеседовании), организует краткосрочные курсы и тренинги для приобретения необходимых трудовых навыков, участвует в разрешении различных сложных ситуаций, возникающих у уже работающих. Служба занятости на постоянной основе сотрудничает с потенциальными работодателями. Ежегодно «World Relief Atlanta» трудоустраивает примерно 400 жителей Кларкстона (World Relief Atlanta 2017).

Организация «World Relief» тщательно следит, чтобы волонтеры отработали среди беженцев строго оговоренное количество часов и чтобы не привносили в социальную работу религиозную составляющую – иначе организация может лишиться государственных грантов. Как пояснил мне один из руководящих сотрудников «World Relief Atlanta», волонтеры должны постоянно помнить об отделении церкви от государства и заниматься именно социальной работой. Однако когда церкви действуют самостоятельно, не по программам «World Relief Atlanta», они могут приглашать беженцев на свои церковные службы, вести с ними более откровенные религиозные разговоры. Впрочем, со слов того же сотрудника, волонтеры «World Relief Atlanta» тоже могут заводить беседы на религиозные темы, если видят, что это не вызывает отторжения: например, волонтер и беженец могут рассказать друг другу о своей вере, волонтер может объяснить беженцу, почему для христианина так важно помогать и сочувствовать, что это ему заповедал Иисус Христос (ПМА 5, сотрудник «World Relief Atlanta»). Часто, отработав свои часы как волонтер «World Relief Atlanta», человек продолжает помогать беженцам уже через программы своей церкви. У многих, кто начинал волонтером, затем складываются теплые дружеские длящиеся годами отношения с семьями беженцев, продолжающиеся и после того, как беженцы встали на ноги и больше не нуждаются в социальной помощи (ПМА 5, сотрудник «World Relief Atlanta»). Бывает, впрочем, и по-другому, когда отношения не ладятся, когда беженцы обвиняют волонтеров в навязывании своей веры. Иногда на беженцев, чаще всего мусульман, которые дружат с бывшими волонтерами «World Relief Atlanta», давят их соплеменники, требуя от них поддерживать неформальные контакты только с единоверцами, со-

блюдать традиции и не ходить на организуемые церквами мероприятия (ПМА 4, 5, World of Relief 2017). Чтобы рассеять недоверие, «World Relief Atlanta» вступает в контакты с мусульманскими организациями Кларкстона, волонтеры приходят на празднование Рамадана, приглашают представителей мусульманской общины на христианские праздники (ПМА 5, сотрудник «World Relief Atlanta»).

В отличие от «World Relief», изначально межденоминационной и имеющей давнюю историю работы в разных регионах и странах, организация «Friends of Refugees» возникла при местной церкви Кларкстона под влиянием конкретных обстоятельств. Уроженка Кларкстона Пэт Мэддокс, в 1995 г. вернувшаяся в город, однажды увидела в своей баптистской церкви объявление, приглашавшее волонтеров помочь только что прибывшим семьям из Косово. Женщина откликнулась на призыв. Постепенно она расширяла деятельность по помощи расселенным в Кларкстоне беженцам и привлекала новых волонтеров. В результате в 2005 г. «Friends of Refugees» была официально зарегистрирована как неприбыльная негосударственная организация. Она стала межденоминационной и организационно не связана с церковью, в которой возникла.

Организация тем не менее располагается в здании Кларкстонской международной библейской церкви, в которую была переименована в 2004 г. Кларкстонская баптистская церковь. Кроме того, организация «Friends of Refugees» установила партнерские отношения с рядом других церквей, фондами, общественными и коммерческими организациями, активно привлекает волонтеров. Организация помогает беженцам и иммигрантам в трудоустройстве, обеспечивает нуждающиеся семьи продовольствием, устраивает детские летние лагеря, создает различные образовательные программы (Friends of Refugees). П. Мэддокс сейчас за 80 лет, но она по-прежнему активно вовлечена в дела созданной ею организации и постоянно ходит в церковь, буквально за углом от которой живет (ПМА 5, пастор).

Еще в 2010 г. организация начала «Программу грамотности семей беженцев» [Refugee Family Literacy]. Программа адресована женщинам и детям от младенческого возраста до 5 лет. Для младенцев созданы ясельные группы: там обеспечивается уход за ними и проводятся программы раннего развития. В отдельных детсадовских группах в соответствии с возрастом занимаются и играют дети постарше: их обучают английскому языку и готовят к школе. В это время мамы в специальных группах с профессиональными преподавателями изучают английский язык по программе ESOL [English to Speakers of Other Languages]. Для тех, кто уже в достаточной степени освоил язык, проводятся семинары, призванные адаптировать семьи к жизни в Америке: уроки о правильном и здоровом питании, ведении домашнего хозяйства, принципах системы здравоохранения, детско-родительских отношениях и их

нормах в США, о развивающих играх с детьми (ПМА 2, 5, сотрудники и волонтеры «Friends of Refugees»). Проводятся также совместные занятия для матерей и детей, с тем чтобы женщины затем подобным образом занимались с детьми дома (фото 3, 4).

Фото 3, 4. Программы, предлагаемые организацией «Friends of Refugees». 2016 г. Фото автора

Позже организация «Friends of Refugees» открыла интернет-кафе, где волонтеры помогают беженцам составить резюме и разные заявления, оформить документы на пособие и пр., там же обучают навыкам работы на компьютере и поиска в Интернете. Действует созданное этой же организацией «Швейное общество беженцев» [Refugee Sewing Society], где кларкстонских женщин обучают швейному мастерству, а затем помогают по этому профилю трудоустроиться. Есть отдельная программа для молодежи, летний лагерь для школьников, школа искусств (ПМА 5, пастор; наблюдения в церкви).

Организация «Friends of Refugees», как и другие подобные организации, имеет небольшой штат оплачиваемых работников и большую группу волонтеров: это типично для религиозных НГО. На одном собрании Кларкстонской районной ассоциации церковного служения [Clarkston Area Ministries Association] выступавший подчеркнул, что миссионерство, волонтерство, благотворительность, социальная работа – это Божественное призвание [calling] (ПМА 5, член Кларкстонской районной ассоциации церковного служения). Другой аргумент: если государство дает так мало, церковь должна дать остальное, поскольку в этом и состоит Божественный план, по которому верующие должны помогать беженцам как наименее защищенным (ПМА 6, прихожане церкви городского сообщества). Об идее призвания и Божественного плана я не раз слышала и от непосредственных участников социальных программ. Другая мотивационная составляющая заключается в том, что социальное служение – это служение Богу и любовь к Богу. Так, директор офиса «World Relief Atlanta», выступая на семинаре в пресвитерианской церкви и приглашая прихожан к участию в программах помощи беженцам, привел в пример собственный опыт. Он сказал: «Я служу беженцам не потому, что я люблю беженцев (хотя я люблю беженцев), а потому, что это лучший способ послужить Богу».

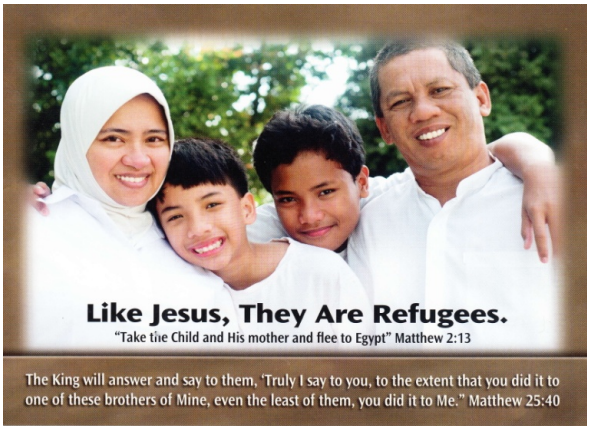


Фото 5. Листовка в церкви. 2017 г. Фото автора

Идея служения Богу через помощь беженцам проводится и в сравнении самих беженцев с Иисусом Христом. В той же церкви мне попалась листовка с изображением семьи беженцев, надписью «Как Иисус, они беженцы» и фразой из Библии «...возьми Младенца и Матерь Его и беги в Египет...» (Мф. 2: 13) (фото 5).

Церкви

Церкви не связаны с государственными деньгами и могут более открыто привносить религиозный компонент в дела благотворительности. В своем социальном служении они отвечают на призыв Бога помогать слабому и незащищенному, а также выполняют заповеданное Христом несение благой вести: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча соблюдать их все, что Я повелел вам» (Мф. 28: 19–20). Есть и элемент нерелигиозной мотивации в их работе с беженцами. Как сказал мне один информант, «мы помогаем беженцам стать американцами, мы принимаем их с распростертыми объятиями, но мы хотим сохранить наш язык, нашу культуру и наши ценности» (ПМА 5, заместитель директора Библейского учебного центра для пасторов).

Церковь, вовлеченная обстоятельствами. Кларкстонская международная библейская церковь [Clarkston International Bible Church]

До появления многочисленных беженцев в Кларкстоне, основанном в 1883 г. и имевшем преимущественно белое население, как и в большинстве других современных городов на юге США, преобладающей конфессией был баптизм. Старейшей религиозной организацией, расположившейся в самом центре города, была Баптистская церковь Кларкстона (фото 6), входящая в Южную баптистскую конвенцию, крупнейшую в США баптистскую церковную организацию, традиционно объединявшую преимущественно белых жителей юга. Когда еще до беженцев в Кларкстоне появилась значительная группа афроамериканцев (тоже в результате государственной социальной программы), они открыли свою, «черную», баптистскую церковь[1]. Когда население Кларкстона стало стремительно изменяться из-за наплыва беженцев из разных стран мира, многие жители Кларкстона уехали. В баптистскую церковь на воскресные службы стало приходить все меньше людей, церковь была вынуждена приспосабливаться к изменяющимся условиям, распахнув двери новым жителям, среди которых были представители разных христианских деноминаций (не обязательно протестантских).

Фото 6. Кларкстонская международная библейская церковь.
2014 г. Фото автора

Основное богослужение в церкви – в воскресенье утром. В настоящее время на него обычно приходят человек 150: примерно 50 составляют старожилы – белые кларкстонцы, половина из которых старики, приблизительно 50 – филиппинцы и еще 50 – беженцы-христиане, в основном из Африки. Примечательно, что сидят не вперемешку, а именно этими группами (ПМА 5, наблюдение в церкви). Воскресное утро – самое сегрегированное время в Америке!

Филиппинская часть конгрегации – не беженцы. Это вполне успешные филиппинские иммигранты; в отличие от большинства своих соотечественников-католиков они протестанты, некоторые перешли в протестантизм уже в Америке. Жили и живут они не в Кларкстоне, а приезжают на воскресную службу из разных районов Атланты и ее пригородов. Когда в Кларкстоне появились беженцы, а многие старожилы стали уезжать, церковь умирала, как сказал пастор (ПМА 5, пастор): каждое воскресенье приходило на службу все меньше и меньше людей, финансовые поступления стремительно сокращались, церкви стало трудно содержать свое здание. Как раз в это время к церкви обратилась филиппинская протестантская община, которая не имела своего помещения для богослужений, и предложила Кларкстонской баптистской церкви объединиться в одну конгрегацию с богослужениями в здании Кларкстонской баптистской церкви и, соответственно, разде-

лить бремя расходов на содержание здания и прочие нужды, включая и социальные программы для беженцев. Единственным условием филиппинцев, связанных с разными протестантскими традициями, было убрать слово «баптистская» из названия церкви. Церковь, едва сводившая концы с концами, согласилась. Было принято новое название, подчеркивавшее, что церковь открыта всем христианским верующим – Кларкстонская международная библейская церковь [Clarkston International Bible Church], а затем придуман и новый логотип: взявшиеся за руки люди опоясывают земной шар, и девиз: «Церковь для всех наций» (фото 7).

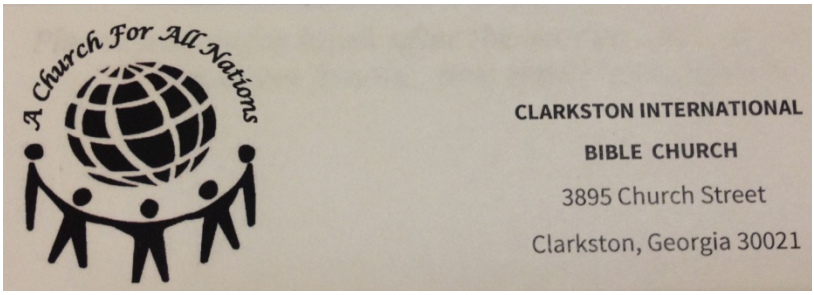


Фото 7. Логотип и девиз Кларкстонской международной библейской церкви. 2016 г. Фото автора

В результате переименование оказалось не только уступкой филиппинцам, но и удачным миссионерским ходом по привлечению в церковь беженцев, впрочем, и само наличие филиппинцев в конгрегации делало ее для беженцев более «своей». При этом церковь сохранила свое членство в Южной баптистской конвенции, хотя стиль ее богослужения стал в некоторой степени междеминационным. Именно в этот период конгрегацию возглавил пастор Фил Китчин, имевший большой опыт миссионерской работы за рубежом. Пастор Фил Китчин, опираясь на фразу в Библии, где Иисус Христос возвещает, что рай – это место для всех народов, часто говорил тем своим прихожанам, которых пугали сильные изменения структуры населения Кларкстона и их прихода: «Если Вам не нравится Кларкстон, Вам не понравится в раю» (St. John 2007). Церковь стала предоставлять свои помещения для самостоятельных богослужений беженцам разных этнических групп, которые проводят службы на принятых в их общинах языках, со своей музыкой и песнопениями и в соответствии с их конфессиональными традициями. Эти изменения понравились не всем старым прихожанам, и часть из них стали посещать богослужения в других, более им привычных церквах Атланты. Другие же расценили произошедшие в церкви изменения как Божий промысел.

С марта 2016 г. в Кларкстонской международной библейской церкви служит пастор Трент Делоач, сменивший на этом посту пастора Фила Китчина, вышедшего на пенсию, но по-прежнему помогающего церкви. В воскресенье утром основная конгрегация проводит службу в главном богослужебном зале, а отдельные этнические общины – в малом богослужебном зале (основная конгрегация использует этот зал в среду вечером для молитвенного собрания), спортивном зале и кафетерии. Другие этнические общины по очереди, в соответствии с расписанием, проводят свои богослужения в главном зале по окончании богослужения основной конгрегации. В воскресный полдень после богослужения основной конгрегации в просторном спортивном зале церкви устраивается общий обед по системе шведского стола для всех общин за символическую плату в 3 доллара на человека, но не больше чем 12 долларов за семью, что особенно выгодно большим семьям беженцев (фото 8).

Фото 8. Воскресный обед в Кларкстонской международной библейской церкви. 2016 г. Фото автора

Тех, кто приходит в церковь впервые (не важно, на богослужение или только на обед), угощают бесплатно. Как сказал мне пастор, Кларкстонская международная библейская церковь сдает помещения этническим общинам на очень льготной основе: за месяц они платят столько, сколько по коммерческим расценкам они платили бы за один день, – еще один жест социального служения и миссионерский шаг. В основном в здании Кларкстонской международной библейской церкви проводят свои богослужения общины, которые еще не встали прочно на ноги. Окрепнув, некоторые из них покупают или снимают отдельное

помещение для своих богослужений. Так, например, сделала община Эфиопской церкви, проводившая раньше свои богослужения в здании Кларкстонской международной библейской церкви (ПМА 5, заместитель директора Библейского учебного центра для пасторов). Конгрегация Кларкстонской международной библейской церкви проводит совместные мероприятия с этническими общинами (ПМА 5, пастор). Церковь также сотрудничает с Библейским учебным центром для пасторов, где учатся лидеры некоторых этнических общин, фактически ставшие их пасторами, но не имеющие религиозного образования (ПМА 5, заместитель директора Библейского учебного центра для пасторов).

Церковь откликается на конкретные нужды семей беженцев, например организует сбор школьных принадлежностей для кларкстонских детей перед началом учебного года. На одном из летних воскресных богослужений 2016 г. пастор представил конгрегации приглашенных церковью студентов-интернов, которые во время летних каникул безвозмездно работали в Кларкстоне с детьми беженцев, стремясь организовать и улучшить их досуг. Среди самих интернов тоже были иностранцы, в частности студентка из Китая, обучающаяся в Атланте. После богослужения я встретила ее на детской площадке, где она играла с девочками из Южного Судана (фото 9).

Фото 9. Китайская студентка-волонтер с девочкой из Южного Судана. 2016 г. Фото автора

Организация «Friends of Refugees», о которой говорилось в предыдущем разделе, располагается в здании Кларкстонской международной библейской церкви. Основательница – прихожанка церкви. Многие члены церкви – одновременно волонтеры организации «Friends of Refugees». Но организация сотрудничает и с другими церквами, равно как и со светскими организациями, а пастор церкви в разговоре со мной об этой организации подчеркивал ее самостоятельный характер, несмотря на то что церковь ей предоставила помещение (ПМА 5, пастор).

На вывесках-расписаниях упомянуты Бирманская (именно Бирманская, а не Мьянманская) церковь, Вертикальная церковь Пакистана, Непальская христианская церковь и другие церкви из нехристианских стран, проводящие свои богослужения в помещениях Кларкстонской международной библейской церкви. Я спросила пастора, кто члены этих общин, обратили ли их в христианство миссионеры в Кларкстоне. Он сказал, что обращений почти не случается. Эти люди уже приехали христианами, они у себя в странах были религиозными и этническими меньшинствами, нередко притеснялись, и многие именно поэтому оказались беженцами (ПМА 5, пастор). При этом я обратила внимание, что большинство беженцев в Кларкстоне не христиане, и как раз им адресована помощь церкви. Пастор согласился, подчеркнув, что это социальное служение, а не религиозное. Но волонтеры ведь не скрывают, что они из христианской церкви, не вызывает ли это каких-то трений, не унималась я. Он признался, что иногда вызывает, но в целом ситуация благожелательная. Впрочем, находясь в Кларкстоне и имея с беженцами непосредственные каждодневные контакты, церковь старается быть очень осторожной в несении Благой вести. Тем не менее в церковь едут и миссионеры. На одном из воскресных богослужений летом 2016 г. пастор и община прощались с миссионером и его семьей, которые жили в Кларкстоне с 2008 г. Приехав тогда, миссионер предложил свою помощь пастору, и пастор Фил Китчин с удовольствием ее принял. На протяжении последующих лет миссионер рассказывал беженцам о Христе, старался привести в церковь новых прихожан, делая это в том числе и через социальные программы. Поскольку он не был связан с государственными грантами и НГО, получающими такие гранты, он мог привносить в социальное служение религиозную проповедь. Между тем говорил он со мной на эту тему весьма неохотно, а от ответов на мои вопросы, не вызывало ли это негативных реакций, уклонился (ПМА 5, прихожанин Кларкстонской международной библейской церкви – миссионер), что лишний раз подтверждает деликатность ситуации, когда социальная работа и миссионерство переплетаются между собой. В Кларкстоне сейчас существуют мечети, буддийский и индуистский молельные дома. По словам пастора, у его церкви в целом хорошие отношения с другими религиозными организациями города, они

знакомятся друг с другом, иногда вместе участвуют в городских мероприятиях, но не обсуждают религиозных сюжетов.

Церковь миссионерская. Церковь городского сообщества [Intown Community Church]

Церковь городского сообщества [Intown Community Church] (фото 10) – одна из конгрегаций Пресвитерианской церкви в Америке, находится в благополучном и престижном районе Атланты недалеко от Университета Эмори. Беженцы здесь не живут. Часть прихожан церкви, среди которых есть преподаватели и сотрудники Университета Эмори, живут поблизости от церкви, другие же приезжают из более отдаленных районов города, их привлекают теологические и социальные позиции церкви.

Фото 10. Церковь городского сообщества. 2015 г. Фото автора

Несмотря на свою принадлежность к пресвитерианству, церковь имеет некоторые межденоминационные элементы, привлекая и выходцев из других христианских конфессий. Старший пастор церкви, доктор теологии Джимми Эган определяет ее как «христианскую церковь с пресвитерианским руководством» (Intown 2017). Церковь также позиционирует себя как миссионерскую: об этом, в частности, пастор Джимми Эган говорил на одном из богослужений в августе 2017 г. (ПМА 6, старший пастор). Многие прихожане церкви в прошлом годами миссионерствовали в разных странах мира. Часто на воскресных

богослужениях или на собраниях малых групп выступают члены церкви – миссионеры, приехавшие на каникулы домой из своих миссионерских странствий. Церковь активно вовлечена в социальное служение, адресованное разным группам населения Атланты. Неудивительно, что прихожане церкви очень активны и в работе с беженцами, расселенными в Кларкстоне. В работе с беженцами реализуется и миссионерский потенциал церкви. Членам церкви в этом случае не надо ехать в дальние страны: «миссионерское поле» оказалось рядом с домом. Поскольку церковь не связана с государственными деньгами и не находится в районе расселения беженцев, она может быть более свободна в миссионерстве, может приглашать беженцев на свои мероприятия или библейские уроки. Вместе с тем церковь активно взаимодействует с организациями «World Relief Atlanta» и «Friends of Refugees» и в этом случае помнит о разделении социального и религиозного, отделении церкви и государства.

Прихожане церкви нередко работают волонтерами этих организаций, а также, не будучи волонтерами, но при посредничестве данных организаций, безвозмездно занимаются с беженцами английским языком, «подтягивают» детей по школьным предметам, наиболее успевающих готовят к поступлению в колледж. Церковь организует сбор мебели и других предметов быта для семей беженцев в Кларкстоне (ПМА 5, 6, наблюдения), участвует в других благотворительных акциях. Церковь помогает Школе международного сообщества [International Community School], основанной в 2000 г. усилиями руководителей и активистов местных протестантских церквей, работников образования и бизнесменов Атланты (фото 11, 12). На создание, а затем и функционирование школы наряду с частными пожертвованиями были получены деньги как от федерального правительства, так и от местных властей (Bounds 2005: 179). В школу на основе лотереи принимают детей трех разных социальных групп: дети беженцев (для этой группы самая большая квота), дети из малообеспеченных социально проблемных семей и дети из благополучных семей, чьи родители захотели, чтобы их дети получили особый межкультурный опыт (ПМА 3, 4, сотрудники Школы международного сообщества).

Обучение в школе бесплатное и строится по особой программе, учитывающей культурное разнообразие беженцев и необходимость их интеграции в американское общество (подробнее об этой школе см.: Казьмина 2017: 3–23). Поскольку большинство учащихся – дети из малоимущих семей, к концу месяца в их семьях часто не остается денег на еду. Поэтому в школе действуют церковные программы помощи нуждающимся семьям. Церковь городского сообщества – активный участник этих программ. В середине месяца церковные волонтеры завозят в школу приобретенные церковью продукты питания и распределяют их

по семьям, а также делают готовые блюда, таким образом не просто оказывая продовольственную помощь, но и приобщая беженцев к американским традициям питания (ПМА 4, сотрудники Школы международного сообщества).

Фото 11, 12. Школа международного сообщества. 2015 г. Фото автора

Церковь городского сообщества тесно сотрудничает с организацией «World Relief Atlanta», направляя туда собственных волонтеров и координируя с этой организацией свои социальные проекты. Для упрочения этих связей и совершенствования навыков социальной работы среди беженцев церковь даже организовала у себя в июле–августе 2017 г. семинары по социальному служению, пригласив директора офиса «World Relief Atlanta» проводить их (ПМА 6, директор офиса «World Relief Atlanta», наблюдения). Помогает церковь городского сообщества и организации «Друзья беженцев», в частности церковные волонтеры готовят к школе детей беженцев дошкольного возраста, а детей, которые приехали в США в более старшем возрасте, обучают основам английского языка и математики и помогают «влиться» в класс (ПМА 6, прихожане церкви городского сообщества).

По мнению одного прихожанина этой церкви, многие годы активно работающего среди беженцев, церковь лучше и успешнее государства в делах социального служения, адресованного беженцам, поскольку государство оказывает лишь обезличенную материальную поддержку, а церковь кроме материальной помощи через своих волонтеров оказывает сочувствие и проявляет человеческое участие, так необходимые людям в трудном положении (ПМА 6).

Мегацерковь. Церковь сообщества Норт Пойнт [North Point Community Church]

Особое явление в американском религиозном ландшафте представляет мегацерковь, некий продукт урбанизации, городской субкультуры и общества потребления (подробнее о мегацеркви см.: Казьмина 2014: 96–101). Мегацеркви – это приобретшие межденоминационный характер церковные гиганты, собирающие на воскресное богослужение не менее 2 тыс. человек (Religion and American Cultures. I 2003: 319). Самые крупные из них привлекают на воскресные службы более 20 тыс. Именно к таким супергигантам относится церковь сообщества Норт Пойнт (фото 13), которую мне довелось посетить и с деятельностью которой познакомиться (ПМА 1, старший пастор церкви, сотрудники и прихожане церкви сообщества Норт Пойнт, наблюдения). Основной кампус и кампусы-сателлиты[2] этой церкви каждое воскресенье собирают 30 тыс. прихожан. Она крупнейшая в Джорджии и третья по численности в США (Kincaid 2017). Основанная в 1995 г. церковь сообщества Норт Пойнт расположена в пригороде Атланты Альфарете. Ее основатель и старший пастор – Энди Стэнли, сын баптистского пастора и сам начинавший как баптистский пастор, религиозный деятель и автор теологических работ.

Фото 13. Церковь сообщества Норт Пойнт. 2011 г. Фото автора

Еще одна характерная особенность мегацеркви – это ее устройство по принципу торгово-развлекательного комплекса. Современный мегацерковный комплекс включает огромные залы для богослужений со сценой, партером, амфитеатром, балконом, в церкви обычно есть кафе, магазины церковной литературы, библиотеки, специально оборудованные помещения для детей, различные службы быта и т.п. Мегацерковь – это церковь для занятых не очень религиозных горожан, привыкших ценить свое время и комфорт. Она стремится быть им понятной и привлекательной.

Поскольку в США принято, чтобы церкви участвовали в социальных проектах (особенно церкви, расположенные в Библейском поясе), мегацеркви также включают социальное служение в свои задачи. Они устраивают в своей округе (реже в более отдаленных районах) благотворительные и культурные мероприятия, помогают социально неблагополучным категориям населения. Но их социальное служение имеет свою специфику. Это могут быть единичные, но очень массовые и яркие проекты, призванные в том числе и привлечь новых прихожан. Часто мегацеркви объединяются с другими, «обычными» церквами в своей социальной деятельности, в этом случае мегацеркви собирают деньги (зачастую немалые) для осуществления проекта, а непосредственной работой с нуждающимися занимаются члены традиционных церквей.

Это относится и к работе с беженцами. Так, церковь сообщества Норт Пойнт координирует с другими церквами свою работу, адресованную беженцам, при посредничестве организации «World Relief Atlanta». В разговоре с директором офиса «World Relief Atlanta» я поинтересовалась, насколько активны в их программах, адресованных беженцам, местные мегацеркви. Он с ходу ответил: «Они жертвуют много денег», – и прежде всего упомянул церковь сообщества Норт Пойнт. На мой вопрос об участии волонтеров, он сказал, что у них подобное менее принято, волонтеров больше из обычных церквей, если не считать социальные программы специально нацеленных на это малых групп церкви сообщества Норт Пойнт (ПМА 6). Это только подтвердило встречающиеся в литературе заключения, что в целом мегацеркви, за исключением их малых групп, которые выбирают для себя такое служение, не активны в непосредственной социальной работе за пределами своего района (Thumma, Travis 2007: 81–82). Они скорее предпочитают вклад в социальное служение в виде денежного эквивалента. Такие финансовые поступления, впрочем, очень нужны религиозным НГО, получающим государственные гранты.

Вместо заключения

После рассмотрения американской модели взаимодействия между государством, религиозными НГО и местными церквами в программах социальной помощи беженцам возникает закономерный вопрос, как все это воспринимается самими беженцами. Беженцы не представляют собой однородную массу, и разные группы беженцев выбирают для себя разные жизненные стратегии. Одни рассматривают Кларкстон как трамплин, стремясь как можно быстрее адаптироваться, встать на ноги и переехать в другое место с тем, чтобы стать обычными самостоятельными гражданами. Другие же привыкают к иждивенчеству и маргинализируются. Впрочем, это тема для другой статьи. Но есть и общее в оценках социальных программ всеми беженцами, с которыми мне удалось пообщаться или чью реакцию мне передавали знакомые церковные волонтеры. Эти общие оценки сводятся к следующему: «Государственные органы, оказывающие помощь, далеко, реальных нужд не знают, помогают мало. Религиозные НГО помогают, но они достаточно формальны, не выходят за пределы отведенного времени. Лучше всех волонтеры из церквей, они знают реальные нужды, с ними складываются дружеские доверительные отношения» (ПМА 2, 3, 5, 6). При этом именно церковные волонтеры наиболее открыто обозначают свою религиозную позицию и иногда получают за это упреки. Миссионерская составляющая, конечно же, присутствует в социальной работе христианских организаций, по крайней мере, миссионерство присутствия, а

иногда и больше, ведь свидетельство о Христе – одно из проявлений религиозного долга христиан, и евангелическим церквам в Библейском поясе это весьма свойственно. Непременно ли в этой миссионерской составляющей есть прозелитизм?

На мой взгляд, нет, хотя занимающиеся социальной работой религиозные организации должны постоянно помнить о недопущении перерастания социального служения и миссионерства в прозелитизм. Это тем более важно, когда получатели помощи – в большинстве своем приверженцы нехристианских религий, а среди участвующих в благотворительности наиболее активны члены христианских организаций. Определение пределов допустимого в миссионерской деятельности, установление грани между присущим христианству миссионерством и порицаемым прозелитизмом – дело очень деликатное и включает не только теологический, но и антропологический, культурологический (и, пожалуй, многие другие) аспекты (подробнее об этом см.: Казьмина 2015а). Обычно одним из маркеров такого разграничения считаются используемые методы. Недопустимы запугивание, давление, выдвижение условий помощи и т.п. Недопустимо обусловливать добрые дела, благотворительность, социальное служение религиозным участием тех, кому оказывается помощь. Именно такой подход заявляют христианские организации, работающие с беженцами в Кларкстоне, и особенно строго следят за соблюдением такого подхода религиозные НГО, получающие государственные гранты. Получается, что государство, сотрудничая с религиозными организациями, выступает определенным гарантом недопущения прозелитизма. Другим важным «тестом на иммунитет к прозелитизму» считаются уважение к нормам и традициям другой конфессии или религии, признание и уважение религиозного выбора и религиозной идентичности другого человека. В данном случае косвенным, но весьма красноречивым ответом на вопрос о наличии прозелитизма среди кларкстонских беженцев может быть динамика религиозной структуры города. До появления здесь беженцев в городе действовали лишь некоторые протестантские церкви. Сейчас, пусть и в помещениях этих церквей, проводятся самостоятельные богослужения различных, причем не только протестантских, христианских конфессий. Более того, в городе появились мечети, индуистские и буддийские общины.

Изученный кларкстонский опыт показывает, что государство и религиозные организации могут успешно сотрудничать в социальных проектах, не нарушая принципа отделения церкви от государства. В результате такого взаимодействия религиозные организации становятся заинтересованными и деятельными партнерами государства в проектах, направленных на адаптацию и интеграцию беженцев. А государство часто выбирает для сотрудничества именно религиозные НГО в расчете на

высокую мотивацию, эмоциональную вовлеченность и неравнодушие церковных людей при осуществлении социальных проектов.

Примечания

[1] Большинство церковных приходов Америки по-прежнему весьма сегрегировано (часто это касается и расы, и этничности, и классовой принадлежности). Как пишут американские социологи религии, «воскресное утро в Америке – самое сегрегированное время в любую отдельно взятую неделю» (Bartkowski 2003: 20).
[2] В мегацеркви свой церковный комплекс принято называть именно кампусом.

Литература

Казьмина О.Е. Объединительные тенденции в протестантизме и мегацерковь как этнокультурное явление городской среды США // Традиционная культура: научный альманах. 2014. № 1. С. 96–101.

Казьмина О.Е. Миссионерство и прозелитизм как категории религиозного дискурса и академического анализа // Вестник антропологии. 2015a. № 2. С. 48–65.

Казьмина О.Е. Самая пестрая квадратная миля: интеграция беженцев и иммигрантов в маленьком американском городе // Сибирские исторические исследования. 2015b. № 2. С. 28–52.

Казьмина О.Е. Государство, школа и церковь: объединение усилий в адаптации и интеграции беженцев и иммигрантов в США // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2017. № 2. С. 3–23.

Bartkowski J.P., Regis H.A. Charitable Choices: Religion, Race, and Poverty in Post-Welfare Era. New York, London: New York University Press, 2003.

Bauman S., Soerens M., Smeir I. Seeking Refuge on the Shores of the Global Refugee Crisis. Chicago: Moody Publishers, 2016.

Bounds E.M., Patterson B. Intercultural Understanding in a Community School // Religion in Global Civil Society / ed. by M. Juergensmeyer. Oxford; New York, a.o.: Oxford University Press, 2005. P. 171–188.

Bretherton L. Christianity and Contemporary Politics: the Conditions and Possibilities of Faithful Witness. Chichister (UK), Malden (USA): John Wiley & Sons Ltd., 2010.

Friends of Refugees. URL: http://friendsofrefugees.com (дата обращения: 17.09.2017).

From Arrival to Incorporation. Migrants to the U.S. in a Global Era / ed. by E.R. Barkan, H. Dinner, A.M. Kraut. New York; London: New York University Press, 2008.

Haines D.W. America and Refugees. Morality, Rationality, and Expedience, 1939-2005 // From Arrival to Incorporation. Migrants to the U.S. in a Global Era / ed. by E.R. Barkan, H. Diner, A.M. Kraut. New York; London: New York University Press, 2008. P. 41–59.

Immigration and Integration in Urban Communities. Renegotiating the City / ed. by L.M. Hanley, B. Ruble, A.M. Garland. Washington, D.C., Baltimore: Woodrow Wilson Center Press, 2008.

Incorporating Diversity: Rethinking Assimilation in a Multicultural Age / ed. by P. Kivisto. Boulder (Colorado): Paradigm, 2005.

Intown Community Church. URL: www.intown.org/about-us (дата обращения: 17.09.2017).

Kincaid A. Take me to Church: Here Are the 5 Largest Megachurches in Georgia // Atlanta Journal Constitution. 2017. January 23, URL: http://www.accessatlanta.com/events/ spirituality/take-church-here-are-the-largest-megachurches-georgia/gMaJpFcT4Oycfc G4rgHIYI/ (дата обращения: 17.09.2017).

Lambert F. Religion in American Politics. A Short History. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2008.

Laycock D. Religious Liberty. Vol. 1. Overviews & History. Grand Rapids (Michigan), Cambridge, UK: William B. Eerdmans Publishing Company, 2010.

Laycock D. Religious Liberty. Vol. 2. The Free Exercise Clause. Grand Rapids (Michigan), Cambridge, UK: William B. Eerdmans Publishing Company, 2011.

Midgley J. Book notes. Charitable Choices: Religion, Race and Poverty in the Post-Welfare Era. John P. Bartkowski and Helen Regis // The Journal of Sociology & Social Welfare. 2015. Vol. 31, is. 3. Article 20. P. 191–193. URL: http://scholarworks.wmich.edu/jssw/vol31/iss3/20 (дата обращения: 17.09.2017).

Religion and American Cultures. An Encyclopedia of Traditions, Diversity, and Popular Expressions / ed. by G. Laderman, L. Leon. Vol. I–III. Santa Barbara (California), Denver (Colorado), Oxford (UK): ABC Clio, 2003.

Religion and Social Justice for Immigrants / ed. by P. Hondagneu-Sotelo. New Brunswick (New Jersey), London: Rutgers University Press, 2007.

Ryden D.K., Polet J. Sanctioning Religion? Politics, Law, and Faith-Based Public Services. Boulder (Colorado): Lynne Rienner Publishers, 2005.

Sacred Places, Civic Purposes. Should Government Help Faith-Based Charity? / ed. by E.J. Dionne, Jr. and Chen Ming Hsu. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2004.

Sider R.J., Olson P.N., Unruh H.R. Churches That Make a Difference. Grand Rapids (Michigan): Baker Books, 2002.

Snyder S. Asylum-Seeking, Migration and Church. Burlington (Vermont): Ashgate, 2012.

St. John Warren. The World Comes to Georgia, and an Old Church Adapts // The New York Times. 2007. September 22. URL: http://www.nytimes.com/2007/09/22/us/22church.html?_r=0 (дата обращения: 17.09.2017).

Timani H.S., Jorgenson A.G., Hwang A.Y. Strangers in This World: Multireligious Reflections on Immigration. Minneapolis (Minnesota): Fortress Press, 2015.

Thumma S., Travis D. Beyond Megachurch Myths. What We Can Learn from America's Largest Churches. San Francisco: John Wiley & Sons, Inc., 2007.

Unruh H.R., Sider R.J. Saving Souls, Serving Society: Understanding the Faith Factor in Church-based Social Ministry. Oxford; New York: Oxford University Press, 2005.

Witte J., Jr., Nichols J.A. Religion and the American Constitutional Experiment. 4th ed. New York: Oxford University Press, 2016.

World Relief. Stand / For the Vulnerable. URL: www.worldrelief.org (дата обращения: 17.09.2017).

World Relief Atlanta. URL: http://worldreliefatlanta.org (дата обращения: 17.09.2017).

ПМА 1 – Полевые материалы автора. Поездка в Атланту и Альфаретту (Джорджия, США). Июль–август 2011 г. (Наблюдения, зафиксированные в дневниковых записях и фотографиях. Неформализованные интервью информантов: старший пастор церкви, сотрудники и прихожане церкви сообщества Норт Пойнт).

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Поездка в Атланту и Кларкстон (Джорджия, США). Июль–август 2014 г. (Наблюдения, зафиксированные в дневниковых записях и фотографиях. Неформализованные интервью информантов: преподаватели и сотрудники Университета Эмори, волонтеры в Кларкстоне; прихожане церкви городского сообщества; сотрудница Центра кларкстонского сообщества [Clarkston Community Center]; сотрудница и волонтеры организации «Friends of Refugees»).

ПМА 3 – Полевые материалы автора. Поездка в Атланту и Кларкстон (Джорджия, США). Июль–август 2015 г. (Наблюдения, зафиксированные в дневниковых записях и фотографиях. Неформализованные интервью информантов: профессор Университета Эмори, участница создания Школы международного сообщества; сотрудница Университета Эмори, мама ученицы Школы международного сообщества, член родительского комитета школы; прихожане церкви городского сообщества, волонтеры в Кларкстоне).

ПМА 4 – Полевые материалы автора. Поездка в Атланту и Декейтур (Джорджия, США). Январь 2016 г. (Наблюдения, зафиксированные в дневниковых записях и фотографиях. Неформализованные интервью информантов: учителя и сотрудники

Школы международного сообщества; ученики Школы международного сообщества, 6–12 лет: подготовительная группа и 3-й класс; сотрудница Университета Эмори, мама ученица Школы международного сообщества, член родительского комитета школы).

ПМА 5 – Полевые материалы автора. Поездка в Атланту, Кларкстон, Стоун-Маунтин (Джорджия, США). Июль–август 2016 г. (Наблюдения, зафиксированные в дневниковых записях и фотографиях. Неформализованные интервью информантов: пастор и прихожане Кларкстонской междунанродной библейской церкви; прихожане церкви городского сообщества, волонтеры в Кларкстоне; волонтеры организации «Friends of Refugees»; члены Кларкстонской районной ассоциации церковного служения в районе Кларкстона; сотрудники и волонтеры организации «World Relief Atlanta»; заместитель директора Библейского учебного центра для пасторов [Bible Training Center for Pastors].

ПМА 6 – Полевые материалы автора. Поездка в Атланту, Кларкстон (Джорджия, США). Июль–август 2017 г. (Наблюдения, зафиксированные в дневниковых записях и фотографиях. Неформализованные интервью информантов: директор офиса World Relief Atlanta; прихожане церкви городского сообщества; семьи беженцев из Афганистана, Сирии, Руанды).

Статья поступила в редакцию 19 сентября 2017 г.

Kazmina Olga E.

SERVING GOD, HELPING A NEIGHBOUR, AND COOPERATING WITH THE STATE. US CHRISTIAN ORGANISATIONS' SOCIAL WORK AMONG REFUGEES

DOI: 10.17223/2312461X/18/10

Abstract. The article drawing on the analysis of the author's field materials collected during her trips to Georgia in 2011, 2014, 2015, 2016, and 2017, as well as of state acts, documents of religious non-state organisations, and scholarly literature, investigates, through the example of the USA, the cooperation between the state and religious organisations in social service projects targeted at refugees. It is an attempt to look into the structure, accepted forms, and parameters of such cooperation and to assess its efficiency in terms of successful adaptation and integration of refugees in the USA. The article concludes that the state and faith-based organisations can successfully cooperate in social projects without violating the principle of separation of the church from the state. For this purpose, churches and affiliated faith-based organisations should strictly keep their religious activity and social service apart, without bringing the confessional component into the latter. This is what the state requires from them when it allocates grants to faith-based organisations to implement their social projects, thus guaranteeing that no proselytism is possible. As a result of such interaction, faith-based organisations become engaged and active partners of the state in such projects aimed at adaptation and integration of refugees. The state, in turn, often prefers cooperation with faith-based organisations expecting to see high motivation, emotional involvement, and participation of religious people in social projects.

Keywords: social service, state, faith-based non-governmental organisations, Christian churches, separation of church from state, missionary work, refugees, USA

References

Kaz'mina O.E. Ob"edinitel'nye tendentsii v protestantizme i megatserkov' kak etnokul'turnoe iavlenie gorodskoi sredy SShA [Unifying tendencies in Protestantism and megachurch as an ethnocultural phenomenon of the US urban life], *Traditsionnaia kul'tura. Nauchnyi al'manakh,* 2014, no. 1, pp. 96–101.

Kaz'mina O.E. Missionerstvo i prozelitizm kak kategorii religioznogo diskursa i akademicheskogo analiza [Missionary work and proselytism as categories of religious discourse and academic analysis], *Vestnik antropologii*, 2015a, no. 2, pp. 48–65.

Kaz'mina O.E. Samaia pestraia kvadratnaia milia: integratsiia bezhentsev i immigrantov v malen'kom amerikanskom gorode [The most patchwork-like square mile: integration of refugees and immigrants in a small American town], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia,* 2015b, no. 2, pp. 28–52.

Kaz'mina O.E. Gosudarstvo, shkola i tserkov': ob"edinenie usilii v adaptatsii i integratsii bezhentsev i immigrantov v SShA [State, school and church: unifying efforts in the adaptation and integration of refugees and immigrants in the USA], *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriia 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo), 2017, no. 2, pp. 3–23.

Bartkowski John P., Regis Helen A. *Charitable Choices: Religion, Race, and Poverty in Post-Welfare Era*. New York, London: New York University Press, 2003.

Bauman Stephan, Soerens Matthew, Smeir Issam. *Seeking Refuge on the Shores of the Global Refugee Crisis*. Chicago: Moody Publishers, 2016.

Bounds Elizabeth M., Patterson Bobbi. Intercultural Understanding in a Community School, In: *Religion in Global Civil Society. Edited by Mark Juergensmeyer*. Oxford, New York, a.o.: Oxford University Press, 2005, pp. 171–188.

Bretherton Luke. *Christianity and Contemporary Politics: the Conditions and Possibilities of Faithful Witness*. Chichister (UK), Malden (USA): John Wiley & Sons Ltd., 2010.

Friends of Refugees. Available at: http://friendsofrefugees.com (Accessed 17 September 2017).

From Arrival to Incorporation. Migrants to the U.S. in a Global Era. Edited by Elliott R. Barkan, Hasia Dinner, and Alan M. Kraut. New York and London: New York University Press, 2008.

Haines, David W. America and Refugees. Morality, Rationality, and Expedience, 1939-2005. In: *From Arrival to Incorporation. Migrants to the U.S. in a Global Era*. Ed. by Elliott R. Barkan, Hasia Diner, and Alan M. Kraut. New York, London: New York University Press, 2008, pp. 41–59.

Immigration and Integration in Urban Communities. Renegotiating the City. Edited. by Lisa M. Hanley, Blair Ruble, and Allison M. Garland. Washington, D.C., Baltimore: Woodrow Wilson Center Press, 2008.

Incorporating Diversity: Rethinking Assimilation in a Multicultural Age. Ed. by Peter Kivisto. Boulder (Colorado): Paradigm, 2005.

Intown Community Church. Available at: www.intown.org/about-us (Accessed 17 September 2017).

Kincaid Adam. Take me to Church: Here Are the 5 Largest Megachurches in Georgia, *Atlanta Journal Constitution*. January 23, 2017. Available at: http://www.accessatlanta.com/events/spirituality/take-church-here-are-the-largest-megachurches-georgia/gMaJpFcT4OycfcG4rgHIYI/ (Accessed 17 September 2017).

Lambert Frank. *Religion in American Politics. A Short History*. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2008.

Laycock Douglas. *Religious Liberty. Volume One. Overviews & History*. Grand Rapids (Michigan), Cambridge, UK: William B. Eerdmans Publishing Company, 2010.

Laycock Douglas. *Religious Liberty. Volume Two. The Free Exercise Clause*. Grand Rapids (Michigan), Cambridge, UK: William B. Eerdmans Publishing Company, 2011.

Midgley James. Book notes. Charitable Choices: Religion, Race and Poverty in the Post-Welfare Era. John P. Bartkowski and Helen Regis, *The Journal of Sociology & Social Welfare*. 2015. Vol. 31, Iss. 3, Article 20. pp. 191–193. Available at: http://scholarworks.wmich.edu/jssw/vol31/iss3/20 (Accessed 17 September 2017).

Religion and American Cultures. An Encyclopedia of Traditions, Diversity, and Popular Expressions. Edited by Gary Laderman and Luis Leon. Vol. I-III. Santa Barbara (California), Denver (Colorado), Oxford (England): ABC Clio, 2003.

Religion and Social Justice for Immigrants. Edited by Pierrette Hondagneu-Sotelo. New Brunswick (New Jersey), London: Rutgers University Press, 2007.

Ryden David K., Polet Jeffrey. *Sanctioning Religion? Politics, Law, and Faith-Based Public Services*. Boulder (Colorado): Lynne Rienner Publishers, 2005.

Sacred Places, Civic Purposes. Should Government Help Faith-Based Charity? Edited by Dionne E.J., Jr. and Chen Ming Hsu. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2004.

Sider Ronald J., Olson Philip N., Unruh Heidi Rolland. *Churches That Make a Difference*. Grand Rapids (Michigan): Baker Books, 2002.

Snyder Susanna. *Asylum-Seeking, Migration and Church*. Burlington (Vermont): Ashgate, 2012.

St. John Warren. The World Comes to Georgia, and an Old Church Adapts, *The New York Times*. September 22, 2007. Available at: http://www.nytimes.com/2007/09/22/us/22church.html?_r=0 (Accessed 17 September 2017).

Timani Hussam S., Jorgenson Allen G., Hwang Alexander Y. *Strangers in This World: Multi-religious Reflections on Immigration*. Minneapolis (Minnesota): Fortress Press, 2015.

Thumma Scott, Travis Dave. *Beyond Megachurch Myths. What We Can Learn from America's Largest Churches*. San Francisco: John Wiley & Sons, Inc., 2007.

Unruh Heidi Rolland, Sider Ronald J. *Saving Souls, Serving Society: Understanding the Faith Factor in Church-based Social Ministry*. Oxford, New York: Oxford University Press, 2005.

Witte John, Jr.; Nichols Joel A. *Religion and the American Constitutional Experiment*. Forth Edition. NY: Oxford University Press, 2016.

World Relief. Stand / For the Vulnerable. Available at: www.worldrelief.org (Accessed 17 September 2017).

World Relief Atlanta. Available at: http://worldreliefatlanta.org (Accessed 17 September 2017).

УДК 614.2
DOI: 10.17223/2312461X/18/11

ИНТЕГРАЦИЯ МЕДИЦИНСКИХ СИСТЕМ – ЖЕЛАЕМОЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ (РОССИЙСКО-БОЛГАРСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ)*

Валентина Ивановна Харитонова,
Илияна Янева-Балабанска

Аннотация. Статья посвящена проблеме интеграции в сферах здравоохранения и – шире – здоровьесбережения. Рассматривается терминологический аспект с попыткой уточнить, что именно включается в понятие интеграции в настоящее время и как в реальности интегрирование медицинских систем, практик и методов представлено в России и Болгарии, а также каким образом видится специалистам интегративный подход к здоровью человека. Авторы отмечают, что законодательная сфера в обеих странах не всегда четко регламентирует деятельность специалистов неконвенциональной медицины и их взаимодействие с представителями конвенциональной медицины, мешая процессам интеграции, на которые давно нацеливает медицину Всемирная организация здравоохранения, а сама реальная «интеграция» часто оказывается вариантом бизнеса – происходящее не соответствует термину в его настоящем значении.

Ключевые слова: интеграция, неконвенциональная медицина, народная медицина, традиционная медицина, традиционная медицинская система, народные целители, лечѝтели, гомеопатия, аюрведа, китайская традиционная медицина, биомедицина, медицинская система, здравоохранение, здоровьесбережение, Всемирная организация здравоохранения

Введение

Проблема интеграции медицинских систем, практик и методов стала актуальной довольно давно. С момента возникновения европейской медицины научного типа было понятно, что у нее есть конкуренты в виде более ранних оздоровительно-лечебных практик. Когда эта медицина стала в разных странах мира преобладать и, тем более, обретать статус официальной – на ее основе формировались государственные *системы здравоохранения*, то одновременно возникли условия для функционирования «системы в системе»: государственно формируемая *система здравоохранения* (*конвенциональная медицина*) оказывалась

* Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ / РФФИ № 17-01-00434-а «Проблемы интеграции медицинских систем, практик и методов в контексте медицинской антропологии».

как бы внутри всеобъемлющей, естественно образовавшейся *системы здоровьесбережения*, куда входили всевозможные методы и способы оздоровления и сохранения здоровья, профилактики, лечения и восстановления (*неконвенциональная медицина*). Сосуществование (даже при официальных запретах) всего того, что не имело отношения к *конвенциональной* (т.е. общепринятой, дозволенной[1]) *медицине* – двух составляющих целостную *систему здоровьесбережения* – неизбежно вело к различным вариантам взаимодействия их частей. Важным в этом процессе было осознание официальной медициной (особенно признанием на уровне Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ)) негативных последствий деятельности биомедицины и нежелательности полного отказа от различных вариантов медицины «донаучной». В документе ВОЗ, используемом в настоящее время, – «Стратегия ВОЗ в области народной медицины 2014–2023 гг.» – в Предисловии генерального директора ВОЗ д-ра Маргарет Чен указывается как одна из трех стратегических задач для достижения важнейших целей в сохранении здоровья человека – «содействие всеобщему охвату населения услугами здравоохранения путем интеграции услуг НиДМ[2] и самопомощи в национальные системы здравоохранения» (Стратегия… 2013: 8, 53–57). В разработке этой стратегии, в рекомендациях и констатациях, не раз обращается внимание на необходимость интеграции: «Содействовать международным связям между профессиональными сообществами по вопросу о моделях интеграции», «Осуществлять сбор и распространение информации об интегрировании НиДМ в национальные системы здравоохранения» (55) и т.д.

Еще в прошлом веке медики озаботились исследованием наиболее интересных методов и средств поддержания здоровья, издавна используемых, например, в восточных странах. ВОЗ актуализировала вопрос о народных и традиционных медицинах, включая идею интеграции, в 1977 г. (была создана рабочая группа содействия и развития традиционной (народной) медицины), но особенно активно стала этим заниматься уже в начале XXI в. В России только в 1993 г. это было возложено на НИИ традиционных методов лечения и 26-ю секцию Ученого совета Министерства здравоохранения и медицинской промышленности (см. подробно: Гальперин 1997: 10–11).

Если до начала политической перестройки и последовавших за ней всевозможных изменений на территории бывшего СССР, а также стран народной демократии, привычным интегрированием в медицинской сфере были случаи частного внедрения каких-то новых методов (скажем, появление рефлексотерапии можно считать таким масштабным примером), то с вступлением в новый этап существования в этих странах (в том числе в России и Болгарии) неожиданно оказались на рынке *здоровьесбережения* всевозможные «древние», «старые», «традиционные», «народные», «восточные» и т.д. методы, практики, а затем уже и

медицинские системы, претендовавшие на то, чтобы «интегрироваться» в начавшие активно разваливаться в результате «перестроек» системы здравоохранения (см. подробно: Янева-Балабанска 2006; Харитонова 2014а; Харитонова, Янева Янева-Балабанска 2014 и др.).

Для сопоставления ситуаций Россия и Болгария выбраны не случайно: в этих странах особенно активно стали восстанавливаться и развиваться с 1980-х гг. различные методы *здоровьесбережения*, формировалось *народное целительство* / *лечи́тельство*, активно распространялись эзотерика и парапсихология и т.д., а в последующие годы политика официального *здравоохранения* в отношении *неконвенциональной медицины* (см. подробно: Харитонова 2010а, 2012б, 2016) была очень схожа.

Очевидно, что основной, глубинной причиной происходившего была смена государственных систем, повлекшая за собой изменения во всем, в том числе в мировоззрении. Политико-экономические и социальные трансформации привели, как известно, к обнищанию большей части населения, а такие социальные сферы, как *здравоохранение* и *образование*, – к практически полному развалу, и в дальнейшем – к началу преобразований в них по западным моделям. На фоне этого на рынке оздоровительно-лечебных услуг стали массово возникать самые разные предложения: а) по обучению и подготовке специалистов *неконвенциональной медицины*; б) по оздоровлению и лечению / исцелению – индивидуальному и массовому; в) по продаже таинственных исцеляющих препаратов; г) по применению в лечебных кабинетах новых чудодейственных приспособлений и приборов и т.д. (см. подробно: Харитонова 1994, 1995, 2000, 2015). Именно в это время идея интеграции начала несколько менять свой смысл.

Об этом поговорим чуть позже; сначала попробуем разобраться с тем, что именно появилось на рынке оздоровительно-лечебных услуг, а также что и почему надо было (и надо ли?) *интегрировать*.

Несколько слов о терминологии

С конца 1980-х гг. стало очевидным, что на обновляющемся геополитическом пространстве рядом с привычной *биомедициной* (сложившейся системой здравоохранения) формируются множественные разновидности оздоровительно-лечебных практик. Они изначально пытались конкурировать с оттесняемой – как многим казалось – с лечебного поля единственно разрешенной медициной, которую принято именовать профессиональной, научной, доказательной и т.д. (каждый из этих терминов имеет свои значимые недостатки), либо, что теперь используется наиболее часто, *биомедициной*.

Обратим внимание на то, что в русском языке, как и в болгарском, изначально *медицина* – это особый термин: слово в варианте термина

рекомендуется словарями к использованию исключительно в единственном числе[3], что не вызывает возражений. Это и понятно – в последней трети XX в. общепринятая и разрешенная (конвенциональная) *медицина* была одна, никакой другой по логике литературного языка того времени быть просто не могло: все остальное – это заблуждения и суеверия. Однако появился данный термин в славянских языках значительно раньше советских времен. Слово происходит из латинского: medicina (ars) – искусство лечения; medicus, medeor – лечу, пользую. В Россию оно попало довольно поздно – во времена Петра Первого. И тогда тоже было вполне естественно, что *медицина* – это нечто, привезенное из Европы вместе с тамошними докторами; а на Руси были до того магия, колдовство и ле́карство. Но если в европейских языках медициной можно называть лека́рство, то у славян именовали так новые способы лечения, саму сферу деятельности такого типа. До сих пор слово *медицины* (если это не родительный падеж единственного числа) воспринимается в лучшем случае как профессиональный жаргон медицинских антропологов.

Медицинские антропологи не только увидели множественность медицин в нашем мире, но и провозгласили своим основным методологическим принципом их равноценность (для исследователя как минимум). И, если отвлечься на некоторое время от описания постсоветской ситуации, то можно указать на имевшие место в любой культуре и дожившие до наших дней (правда, у разных народов в различной степени сохранности) несколько разновидностей медицин, исторически сменявших друг друга. Они классифицируются, по сути дела, по разным основаниям, но эти разграничения чрезвычайно значимы.

Важнейшим является разделение медицин устных и письменных культур, т.е. на *народную медицину* и *традиционную медицину* (не разъясняя подробно их особенности, отошлем читателя к публикациям, где это рассмотрено: Бромлей, Воронов 1976; Харитонова 2014б и др.). Здесь обратим внимание только на то, что *устность* во всех ее проявлениях (возникновении, формировании, бытовании, трансформациях, передаче) не означает, будто *народные медицины* могут существовать исключительно в бесписьменных культурах; как раз хорошо известно, что они прекрасно функционируют даже в современном постиндустриальном обществе. А относительно *традиционных медицин* надо специально заметить, что они вряд ли могут считаться простым порождением и продолжением *народных медицин*, хотя, разумеется, предшествующее знание в определенной степени отобразилось в них и во многом сформировало известные варианты *традиционной медицины*. Наличие письменного канона закономерно вело к формированию системности и избавлению от импровизационного начала на всех уровнях – от усвоения и применения до передачи и совершенствования: создание традиции закладывало идею ее жесткой передачи и тщательного хранения.

Обратим также внимание – в связи с часто встречающейся путаницей в терминологии – на то, что слово *традиционная* может использоваться двояко: как составная часть термина (*традиционная медицина*) и как простой эпитет, определяющий наличие элемента традиционности в чем-то. Лингвистически мы вправе сказать: традиционная *народная медицина*, традиционная *научная медицина*, традиционная *доказательная медицина*, поскольку в каждом из этих феноменов есть свои традиции в силу длительности их существования и преемственности в развитии. К сожалению, ВОЗ на начальном этапе интереса к *неконвенциональной медицине* – совершенно необоснованно, почему позже и отказалась от этого – ввела термин «нетрадиционная медицина», использовав его в отношении именно медицин *традиционных* и *народных*, решив, что *конвенциональную медицину*, как повсеместно официально используемую, надо считать единственно традиционной.

В 2002 г. ВОЗ изменила терминологию, предложив для народных и традиционных медицин «комплексный термин традиционная медицина». Согласно ВОЗ, в настоящее время термины «нетрадиционная медицина», «дополнительная медицина», «альтернативная медицина» используются в странах, где система здравоохранения основана на аллопатической медицине, ее навыки и лечение не являются частью традиций самой страны или в определенном смысле характеризуют специфику интегрирования внутри системы здоровьесбережения (WHO, 2002–2005).

В дополнение к сказанному надо указать на то, что в силу различных исторических обстоятельств на базе *традиционных медицин* Востока в конце XX – начале XXI в. стали формироваться *традиционные медицинские системы* (ТМС). Их отличие от *традиционных медицин* (которые, как было замечено выше, тоже характеризовались стремлением к системности) в том, что они в пределах своей культуры (социума, порой государства) сделали попытку – как правило, достаточно удачно – стать на один уровень с государственным *здравоохранением* (т.е. стать альтернативой ему в системе *здоровьесбережения*, либо, как минимум, согласились со своим комплементарным статусом). Они, переняв некоторые особенности современной *биомедицины*, вышли за пределы своих этнических границ и начали распространяться по всему миру. Такие ТМС могут по-разному именоваться, но суть их будет характеризоваться именно этим. Они могут несколько различаться в разных странах, что обусловливается воздействием таких факторов как местная история, личное отношение, философия и практика (WHO, 2002–2005). В первую очередь как о сформированных ТМС говорят об аюрведе («глобальной аюрведе») и китайской традиционной медицине (КТМ).

Надо отметить, что в тот же период нечто схожее произошло на базе *народных медицин*, во всяком случае в наших странах: благодаря более

свободному отношению к тому, что ранее отрицалось как суеверия и невежество, в 1980–1990-е гг. появились многочисленные, начавшие достаточно открыто практиковать *народные целители* и *народные лекари* (рус.), а в Болгарии (даже чуть раньше) – народные *лечи́тели* (болг.), которых с интересом начали изучать. Одновременно формировались их коммерческий статус и взаимоотношения с государственными структурами (в первую очередь со здравоохранением). Но самое главное – формировалось само это новое сообщество, трансформировавшее под новые реалии традиции *народных медицин*.

Таким образом, в кратчайший исторический период, благодаря не просто грамотности людей, занимавшихся тем, что все по привычке именовали *народной медициной*, а наличию у многих из них высшего образования (разного профиля) и часто творческих способностей и наклонностей, сформировалось нечто такое, что напоминало *традиционную медицину*, которая, как считается, не сложилась и не развилась должным образом у славян в период Средневековья[4]. Продолжатели традиций *народной медицины* стремились систематизировать свое знание, обучаясь при этом самым разным чужеродным практикам, и создавать письменные варианты его хранения и передачи ученикам, формируя собственные школы и направления[5].

Вместе с тем представители биомедицины, интересовавшиеся традициями, стремительно формировали новую среду для бывших одиночек-единоличников, коими всегда считались народные лекари, а уж тем более колдуны, шаманы и чародеи. Появилось множество «школ», «курсов», «университетов», «академий», в которых на все лады обучали тех, кто пытался наследовать народные практики, но им предлагали к этому еще и эзотерику, гипноз, а заодно и основы биомедицины. На постсоветском пространстве в начале 1990-х гг. в результате деятельности группы активистов под руководством к.м.н. Я.Г. Гальперина удалось разработать и юридически узаконить новую профессию – *народный целитель*. В профессиональном стандарте речь шла о *народных лекарях* (практиках-прикладниках типа травников, костоправов и других специалистов) и собственно духовных *народных целителях*, ориентированных на магико-мистические практики с использованием ритуалов, заговоров и заклинаний.

В 1993 г. в первом российском законе об охране здоровья *народное целительство* получило свою прописку в статье 57. Замыслы тех, кто занимался формированием этой сферы оздоровительной деятельности, простирались достаточно далеко – они готовы были развивать на основе целительства *альтернативную медицину*, т.е. фактически создавать своеобразные аналоги ТМС. Но ни в России, ни в Болгарии этого не случилось. Не дающий покоя местным энтузиастам пример Индии с ее самостоятельным департаментом, а позже вторым министерством здра-

воохранения AYUSH[6] так и остается до сих пор далеким маяком. Хотя к настоящему времени целители группируются в свои ассоциации, получают в разных инстанциях документы, в какой-то степени подтверждающие их способности и позволяющие им практиковать; но на государственном уровне и в России, и в Болгарии они не имеют таких прав и степени защищенности, как в Индии, Китае, в том числе Тибете, и некоторых других странах Востока.

Помимо *лечи́телей* и *народных целителей* в наши дни сферу *неконвенциональной медицины* составляют еще множество разных специалистов, в том числе врачей по образованию, имеющих свои особые наименования и предлагающих какие-то конкретные методы оздоровления, на чем мы специально не будет останавливаться и подробно рассматривать это (см. например: Никонов 2017). Укажем только на то, что важнейшей составляющей *неконвенциональной медицины* в разных странах мира остается *гомеопатия* (Зиновьева, Эрик ван Вунсел 2015), отношение к которой со стороны *биомедицины* и здравоохранения в целом, как, собственно, и к другим составляющим *неконвенциональную медицину*, периодически меняется (можно сказать, от нейтрального до негативного)[7].

С конца 1980-х гг. множество людей не только активно занимались «возрождением» всевозможных традиционных методов и практик, не только осваивали то, что предлагали западные эмиссары (см.: Харитонова 2006, Kharitonova 2015), но и стремились к легитимации всей сферы активно пополнявшейся всевозможными методами и практиками *неконвенциональной медицины*. Последнее как раз и было связано с идеями *интеграции*.

Обратим внимание на то, что в самом общем значении это слово понимается обычно как объединение в целое каких-либо частей и элементов. Однако как специальный термин оно имеет множество оттенков толкования, причем часто с какими-либо уточнениями и специфическими характеристиками в пределах конкретной научной сферы. Так, философские словари определяют *интеграцию* как «тип межкультурного взаимодействия, предполагающий равноправный или неравноправный синтез культур-контрагентов». Здесь же специально подчеркивается, что этот «синтез» «включает три основных варианта (по убыванию паритета): конвергенцию, инкорпорацию и ассимиляцию», т.е.: сближение – проникновение – уподобление (Философский…).

Социологические словари рассматривают *социальную интеграцию* как «1. Совокупность процессов, благодаря которым происходит соединение разнородных взаимодействующих элементов в социальную общность, целое, систему. 2. Формы поддержания социальными группами устойчивости и равновесия общественных отношений. 3. Способность социальной системы к самосохранению перед лицом внутренних и внешних напряже-

ний, затруднений, противоречий», уточняя, что термин происходит «(от лат. integer – полный, цельный, ненарушенный) – процесс, или действие, имеющий своим результатом целостность; объединение, соединение, восстановление единства…» (Социологический…).

Очевидно, что наиболее важным в собственно интеграции является некое нарушение существовавших системных взаимоотношений, приводящее к обновленному взаимодействию компонентов и в итоге к трансформациям, слому существовавших структур и последующему образованию – через «конвергенцию, инкорпорацию и ассимиляцию» – новых системных взаимоотношений (систем) с формированием вновь складывающейся структуры. Отдельные авторы – социологи медицины – могут давать несколько иную, «облегченную» трактовку термина, видимо, с опорой на анализ современной ситуации (ср., например: Горбунова 2009).

Надо ли говорить, что в медицинском дискурсе также будут преобладать некие специфические характеристики и акценты? В современном контексте, учитывая происходящие в системе *здравоохранения* – т.е. в *конфессиональной медицине* – трансформации, интеграция там соотносится в первую очередь с попытками наладить внутренние взаимодействия в поликлиническом процессе, например.

Интеграция или противостояние?

Очевидно, что сама идея интеграции должна интересовать в большей степени не *конвенциональную медицину*, а другую составляющую современной системы *здоровьесбережения – неконвенциональную медицину*, точнее, ее организаторов и адептов. Именно так и происходит с самого начала становления и попыток легитимации различных оздоровительно-лечебных систем, практик и методов, пытавшихся разделить с *конвенциональной медициной* ее рынок и поле деятельности. Например, уже в 1990-е гг. радетели за *неконвенциональную медицину* начали не только формировать ее составляющие в осовремененном варианте, но и – при борьбе за рынок – научно осмыслять их, создавая свою терминологию, в том числе издавая специальные словари (иногда довольно неожиданные: Краткий… 2004) и справочники (см., например: Правовые основы… 2000), проводя конференции и конгрессы, публикуя их материалы и иные научные, научно-популярные и околонаучные труды (см., например, многочисленные и многотомные труды международных конгрессов «Народная медицина России – прошлое, настоящее, будущее» (Научно-практические аспекты... 1995), съездов «Элиты традиционной народной медицины и целительства» (Элиты традиционной... 2006), международных форумов «Интегративная медицина» (Материалы Международного... 2006), конгрессов по комплементарной меди-

цине (Материалы объединенного... 2015) и др.). Иногда это выглядело довольно нелепо, но такая литература прекрасно отображала реально происходившее на постсоветском пространстве и соседней территории: в странах ближнего и дальнего зарубежья, по сути дела, отмечались те же процессы, а часто именно появившееся там инициировало новшества на российском оздоровительно-лечебном рынке.

К настоящему времени – с практической позиции – сформировался некий странный *бриколаж* (пользуясь термином К. Леви-Стросса) в системе *здоровьсбережения* и в России, и в Болгарии. С одной стороны, работает, реформируясь на западный манер, *система здравоохранения*, де-юре довольно замкнуто существуя в правовом поле, а с другой стороны, она оказалась де-факто весьма жестко вписанной в *систему здоровьесбережения.* Жестко – поскольку юридические взаимоотношения двух подсистем – *конвенциональной* и *неконвенциональной медицины*, двух образующих не вполне легитимную общую систему, на протяжении трех десятилетий регулируются законами об охране здоровья и многочисленными подзаконными актами, которые сменяют и порой просто отрицают друг друга. Естественно, возникают вопросы: можно ли говорить о какой-либо интеграции и где, в какой области и в какой степени она проявляется, если проявляется? Есть ли в сфере *здоровьесбережения* некий «равноправный и неравноправный синтез» контрагентов, на котором настаивает философское определение понятия «интеграция»? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо изначально дать хотя бы приблизительный абрис существующего рынка *неконвенциональной медицины*, кстати, довольно схожего в разных странах (ср., например: Giarelli 2014).

В ситуации незапрещенности (т.е. де-юре дозволенности) практически всего и вся – это очевидно не только исследователю, но и любому интересовавшемуся оздоровлением или лечением человеку – вырисовывается картина очень пестрая и даже в чем-то противоречивая. Посмотрим, что происходит в России, но при этом не будем забывать, что в Болгарии ситуация практически та же.

Во-первых, и в России, и в Болгарии продолжают существовать, особенно вне «столичных» регионов, этнические *народные медицины* (разнородные, во многих регионах подвергшиеся значительной трансформации вследствие повсеместного влияния СМИ и ТВ, а теперь еще и Интернета, изменившие установку на особую пользу такой медицины для членов своего сообщества и т.д.; см., например: Гончарова 2005; Ермакова 2013, 2014 и др.)

Во-вторых, у нас очень широко распространилось, особенно в крупных городах и прилежащих зонах, созданное в начале 1990-х гг. *народное целительство*[8]. Профессионально определившиеся в связи с этим *народные целители* (духовная или, точнее, магико-мистическая сфера

интересов и ритуальной деятельности) и *народные лекари* (магико-медицинская сфера интересов: практики народной медицины – травники, костоправы и пр.) значимо отличаются от своих предшественников, еще практикующих параллельно с ними (знахарей, колдунов, лекарей – с различными типами специализации), так как они, согласно требованиям законодательства, имеют обычно некое биомедицинское образование и успели получить самые разные сертификаты, дипломы, даже лицензии на право деятельности. Некоторые наиболее «продвинутые» специалисты этого круга сумели уже создать свои особые методы работы, обосновав их теоретически и опубликовав в варианте книг или учебных пособий; есть даже те, кто сформировал, фактически, собственные школы, обучив значительное число последователей (см., например: Ведущие специалисты… 2005; Элита специалистов… 2006).

В-третьих, в некоторых регионах страны есть давно сформировавшаяся *традиционная медицина*, которая распространялась за пределы своего исходного региона на протяжении двух прошлых веков – это *традиционная медицина* в варианте ее тибетско-бурятской ветви (Харитонова 2009б, 2010б; Центр восточной медицины...). Существовавший вариант тибетско-тувинской традиционной медицины у нас практически неизвестен, да и в самой Республике Тыва он теперь мало распространен в результате запретов, существовавших в советское время. О *традиционной медицине* других народов говорить не приходится, так как реально она не сформировалась, хотя, например, известны некоторые письменные произведения (лечебники и т.п.) в восточнославянской традиции, но они не были каноническими источниками широко распространенных медицинских практик и школ, созданных на их основе.

Отечественный рынок, чем дальше – тем больше, наполняется иноземными заимствованиями. И, в-четвертых, мы должны констатировать, что уже с конца XX в. (а теперь это кратно увеличивается с каждым годом) в Россию начали импортироваться *традиционные медицины* Востока: и в этнически специфических вариантах из стран их происхождения, и в опосредованных вариантах через западные страны, куда они попали раньше. Здесь рынок диктует свои условия, но не менее значимым оказывается ментальность клиентов, которые – особенно в крупных городах – настроены на медицинские системы и практики, более понятные современному человеку, т.е. максимально ассоциирующиеся с биомедициной.

Поэтому, в-пятых, крупные города активно насыщаются специалистами (с Востока и Запада), предлагающими в своей практике варианты *традиционных медицинских систем*, которые на их родине уже прошли этап интеграции с биомедициной и вступили с ней во взаимодействие как минимум на уровне конвергенции (сближения), если не инкорпорации (взаимопроникновения): это в первую очередь индийская аюрведа и китайская традиционная медицина. Кстати, многие европейские стра-

ны считают КТМ, например, *дополнительной альтернативной медициной* (ДАМ) (WHO 2002–2005). Надо заметить, что с Востока прибывают и специалисты в области собственно *традиционных медицин*, имеющие соответствующие документы об образовании, полученные в своих странах[9].

Вместе с тем, в-шестых, в России в настоящее время существует целый ряд различных ассоциаций и иных объединений специалистов, которые предлагают варианты обучения традиционным медицинам и иным заимствованным практикам и методам оздоровительно-лечебного профиля. Создаются специальные факультеты и кафедры, куда приглашаются зарубежные практики (например: (Институт восточной медицины при РУДН)), которые готовят, как они считают, специалистов определенных направлений деятельности; тем же начали заниматься различные аффилированные организации, открывающие российские филиалы (например, в Москве / Подмосковье: (Российский филиал Международного института тибетских исследований Шанг Шунг)).

В-седьмых, помимо поливариантно представленных различных *традиционных медицин* и *традиционных медицинских систем*, в стране распространены во многих разновидностях такие сферы *неконвенциональной медицины*, как *фитотерапия* и *гомеопатия*. Первая, будучи правопреемницей народного *траволечения*, сознает себя достаточно далеко ушедшей от истоков и фактически сращенной с фармакологией. Вторая, зародившись как альтернативная системе аллопатической медицины в Европе в XVIII в. (рассматривается сегодня как вариант ДАМ), в настоящее время оказалась к ней максимально приближенной (хотя на деле это все тот же *бриколаж*) в рыночной сфере, да и на практике порой, как считают некоторые специалисты и исследователи, с ней синтезированной, так как аллопаты давно уже параллельно своим препаратам прописывают некие «гомеопатические» составы.

В-восьмых, обратим внимание на то, что в сфере *здоровьесбережения* существует множество самых разных *традиционных методов оздоровления*, известных с глубокой древности, обязанных своим происхождением различным этносам и регионам, но осовремененным и сейчас активно применяемым практически во всем цивилизованном мире: *гирудотерапия* (процедуры с пиявками), *апитерапия* (процедуры с пчелами и продуктами пчеловодства), *акватерапия* (оздоровление водными процедурами – в источниках, термах, банях, холодных бассейнах и т.д.), *литотерапия* (процедуры с камнями, в том числе разогретыми), *аромотерапия* (оздоровление запахами – трав, экстрактов растений, масел), *фунготерапия* (использование грибов и их производных), даже *уринотерапия* (оздоровление мочой) и иные экзотические процедуры, не говоря уже о нашумевшей *биоэнерготерапии*… Отдельные методы могут включаться в практики как *народной меди-*

цины, так и *традиционной медицины* – часто в особых вариантах, приспосабливаемых именно к конкретному виду оздоровления.

В-девятых, мы обошли вопрос о методах и практиках поддержания здоровья, которые коррелируют больше с психотерапией и психологическими методами оздоровления – это собственно магико-мистические практики и более современные варианты оздоровления, примыкающие к ним (см. подробно: Харитонова 2009а, 2012а, 2015 и др.). Не учитывать их невозможно, ведь биомедицина также не мыслит себя без психиатрии и клинической психологии, а также психотерапии. Очевидно, что можно выстроить свою вертикаль в этой сфере, в основе которой будут еще сохраняющиеся в российской глубинке в незначительной степени шаманское и знахарско-колдовское целительство (в пределах *народной медицины*); далее надо учесть современный неошаманизм и неоязыческие практики оздоровления, которые, будучи во многом связанными с Нью Эйджем, обусловленные религиозно-мистическим возрождением, оказались очень широко распространенными в первую очередь в среде современной интеллигенции (ср. с несколько иной ситуацией в странах Латинской Америки, например: Йокич 2014). В этой сфере появляются все новые варианты и разновидности практик, адепты которых стремятся к оздоровлению через воссоздание целостности собственной личности, магико-мистическое восстановление связей со своим родом (живущими и ушедшими предками), единение с природой и т.д. И здесь, естественно, сплетаются новшества с традициями разных народов (обратим внимание, например, на широчайшее распространение, можно сказать, во всем мире ритуалов приема *аяуаски* или разновидностей *Рейки*, с одной стороны, техник холотропного дыхания или трансово-ритуальных поз – с другой) (Харитонова, Ожиганова, Купряшина 2008). Сюда же примыкают многочисленные, порой совершенствуемые каждым новым «учителем / гуру», варианты медитации, йоги (см., например: Кръстев 2016) и т.п.

Болгарская ситуация со *здоровьесбережением* и *здравоохранением* в последние тридцать лет очень схожа с российской. Аутентичная народная медицина существует у болгар до настоящего времени в отдаленных районах страны. Сейчас в стране сосуществуют практики *народной медицины* (травники, костоправы) и специалисты *духовного лечительства* (магико-мистического склада – ведовства, колдовства), но есть и новоявленные специалисты (ср. с российскими *народными целителями*) – биоэнерготерапевты, эниосуггестологи, которые как профессиональная группа зарегистрированы с 1988 г. (Янева-Балабанска 2006, 2012). Уже тогда они объединялись в различные ассоциации. Они могут использовать перечисленные в законе о здоровье *неконвенциональные методы*. Но одновременно (согласно закону) они не имеют права на свою деятельность, так как не прошли обучение, которое они не мо-

гут пройти, поскольку в стране нет соответствующего нормативно-правового акта Министерства здравоохранения (Янева-Балабанска 2011; Янева-Балабанска, Тодорова 2015). В такой ситуации они – незаконно – обучаются и получают сертификаты, дипломы от нелицензированных организаций и практикуют, соответственно, вне закона (Янева-Балабанска 2012).

С начала XX в. в Болгарии, как и в России, наблюдается вторжение восточных традиционных медицин вместе с их практиками; есть и болгарские *лечители*, прошедшие обучение в восточных странах, равно как такие же специалисты из стран Запада. Восточные медицины при этом применяются в своих оригинальных вариантах или преломляются через призму западноевропейских обновленных методик. Отметим, что зарубежные восточные специалисты, предлагающие варианты ТМС, как правило, имеют соответствующие документы об образовании, полученном в своих странах, но, согласно болгарскому законодательству, они не имеют права работать здесь. Любопытно, что клиенты специалистов ТМС пользуются данными системами и практиками, полагая, что это не современные, а аутентичные традиционные медицины.

Помимо этого, на болгарском рынке таких услуг, как и в России, наблюдается вторжение новых практик – йоги, медитации, энерготерапии и т.д., что остается в сфере *здоровьесбережения* (Янева-Балабанска 2006, 2012).

Одним словом, как Болгария и Россия, так и весь цивилизованный мир наполнен такими «традициями» и «новоизобретениями», а некоторые из них претендуют не только на свое место под солнцем в *системе здоровьесбережения*, но и предлагают себя в качестве объекта для «интеграции» с *системой здравоохранения*, хотя, как правило, при этом стремятся сохранить свою целостность и даже независимость, т.е. хотят вписаться не в *комплементарную (дополнительную)* форму сосуществования с биомедициной, а в *альтернативную*, самостоятельно практикующую и противостоящую ей.

Здесь стоит пояснить, что такое КАМ (*комплементарная и альтернативная медицина*) в обновленном варианте ДАМ (*дополнительная альтернативная медицина*) – термины, давно устоявшиеся, например, в европейском словаре и используемые, в том числе, ВОЗ. Они в определенном смысле характеризуют специфику интегрирования внутри *системы здоровьесбережения*. Но мы должны обратить внимание на то, что *комплементарность* (*дополнительность*) и *альтернативность* рассматриваются (и воспринимаются как термины) как минимум в двух вариантах. Можно говорить об использовании терминов в отношении интегрирования *содержательного контента*, когда исследователь учитывает характер взаимодействия и взаимопроникновения / интегрирования элементов различных медицинских систем, практик и методов

(здесь возможно снова обратиться к *рефлексотерапии*, сформированной на основе китайских традиционных методик иглоукалывания или прижигания; можно указать на *мануальную терапию* и *остеопатию*, в основе которых также лежат древние техники костоправства и массажей). Но мы вправе указать и на использование терминов КАМ (ДАМ) как определяющих взаимоотношения различных медицинских систем, практик и методов *по форме их взаимодействия*; такое использование терминов допускается в ситуации юридических рекомендаций о разграничении сфер применения тех или иных форм *неконвенциональной медицины* в общей *системе здоровьесбережения*, характеристики допустимости взаимодействия их с формами *конвенциональной медицины*. И здесь очень важно правильно определить, что по отношению к чему является *комплементарной* (*дополнительной*) формой бытования, а что – *альтернативной*.

Юридическая сторона вопроса интеграции

В новом Федеральном законе РФ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. есть «Статья 50. Народная медицина», которая написана так, что ее можно трактовать, как кому удобно, – и опять же это связано в первую очередь с неопределенностью терминологии. На протяжении нескольких лет в Комитете по охране здоровья Государственной Думы делаются попытки внести в нее поправки, однако сложность заключается в том, что при этом сталкиваются интересы нескольких лоббирующих различные варианты изменений лиц. И здесь важнейшим становится вопрос о терминологии, поскольку используемые термины (о которых шла речь выше) прописываются в различных источниках по-разному, соответственно, по-разному и понимаются. Надо полагать, что они должны быть жестко определены лингвистически (с учетом научного обоснования, а не практики использования в разных источниках) и юридически обоснованы.

В России ситуация выглядела по-иному в 1993 г. – в рамках первого Федерального закона «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан», где была специальная «Статья 57. Право на занятие народной медициной (целительством)», ею разрешались и народная медицина, и народное целительство. Впрочем, статья претерпевала несколько раз различные изменения (в основном, в сторону устрожения). Новое же законодательство 2011 г. ввело важное дополнение (в ст. 50 значится: «К народной медицине не относится оказание услуг оккультно-магического характера, а также совершение религиозных обрядов»), фактически запрещающее *целительство* как таковое, поскольку оно по большей части базируется на магико-мистических практиках, да и собственно *народное ле́карство* тоже – в

народной медицине трудно найти практики и методы без магической составляющей.

В Болгарии сейчас действует Закон о здоровье, который вступил в силу с 1 января 2005 г. (Закон за здравето 2004). Глава 6 этого Закона называется «Неконвенциональные методы для благоприятного воздействия на индивидуальное здоровье». Закон запрещает применение *неконвенциональных методов*, которые не перечислены в нем. Однако отмечается незаконное применение некоторых методов (например, использование биоэнерготерапии). Из Закона следует, что методы *неконвенциональной медицины* медицинскими не являются; то же с вопросом обучения, которое, как отмечалось выше, не включено в программы высших медицинских училищ, а обучение отдельным методам, разрешенным законом, не требуется этим самым законом. Таким образом, вопросы терминологии и необходимости обучения не решены официально, поэтому такое обучение организуется сейчас различными ассоциациями и самими физическими лицами. Уже 6 лет предпринимаются попытки через Министерство здравоохранения внести поправки в действующий закон. Но этого так и не было сделано, поскольку *неконвенциональная медицина*, естественно, не является приоритетом законодательства.

В Болгарии зарегистрированными методами *неконвенциональной медицины* являются: фитотерапия, гомеопатия; традиционные методы оздоровления – апитерапия, ароматерапия; варианты традиционных медицинских систем – например КТМ. Гомеопатия сейчас вышла на рынок оздоровительных услуг в качестве альтернативы *конвенциональной медицине*. Современные гомеопаты – это болгарские врачи, обученные главным образом в странах Запада. Актуальна для рынка услуг и фитотерапия, корни которой уходят в народное траволечение, но она значимо корректируется современной фармакологией. Таким образом, проблем для дискуссий в сфере применения *неконвенциональной медицины* очень много (не только в России и Болгарии). Говорить об интеграции этих систем, методов и практик с биомедициной довольно сложно, хотя можно рассматривать разрешенные законом варианты медицин как комплементарные.

Интеграция: желаемое и действительное

Вопрос об интеграции медицинских систем, практик и методов разрабатывается и дискутируется, можно сказать, во всем мире различными организациями, начиная с ВОЗ. Но насколько это проясняет ситуацию и ведет к действительной интеграции? Какие смыслы вкладываются в термины «интегрирование», «интеграция», «интегративная медицина»? Очень часто интегрирование оказывается простым стремлением

к комплексности в обслуживании пациентов. При отсутствии даже какой бы то ни было системности человеку предлагают попробовать то и это – что-то поможет, ну, а не поможет – еще что-то посоветуют, либо он сам найдет других советчиков. Термин *интегративная медицина* используется разными авторами по собственному усмотрению. Сейчас, например, «4П-медицину» (см. об этом: Михель 2016а, 2016б; Моисеев 2016; Лехциер 2016 и др.) рассматривают как интегративную; она предлагает разные варианты интегрирования диагностики и лечения. Некоторые специалисты считают интегративными собственные методики с использованием разных видов оздоровления… Чаще всего термин определяет набор методов и практик, которые используются в конкретном случае, если они относятся к разным медицинам. А в биомедицине интеграцией, как уже указывалось, можно считать логистику работы с пациентом. Таким образом, пока за «интеграцией» стоит выражение общей идеи сближения и контактов. Попробуем проиллюстрировать это.

На одном из белорусских сайтов, например, можно обнаружить такое определение: «Интегративная медицина (холистическая) – это интегральное название всех направлений современной и древней медицины, в основе которых лежит системный подход» (Ваш выбор…). А далее предлагается классификация, можно сказать, всего и вся сразу, с общей ссылкой на то, что идея интеграции была предложена ВОЗ на одном из форумов еще в 1987 г. Это так, но вряд ли стоит *системный подход* к диагностике и лечению, лежащий в основе любой холистической по типу оздоровительно-лечебной практики (кстати, и 4П-медицины в том числе) объявлять *интегративной медициной*. Либо мы говорим о реально осуществляемой *интеграции*, либо мы – выдавая желаемое за действительное – обсуждаем разные варианты подхода к идее оздоровления и / или лечения человека с использованием удобного для нас набора методов и практик. Интеграция должна быть интеграцией (напомним, она подразумевает, согласно словарям, сближение – взаимопроникновение – уподобление).

В России за последние три десятилетия с использованием модного слова «интеграция» в названии прошло множество конференций и конгрессов, вышло более чем достаточное количество бумажных изданий разного уровня и качества, но на деле – все то же: у нас работают в сфере здравоохранения все те же поликлиники и больницы, которые «интегрируют» несколько учреждений в одно, чтобы пациенту было труднее проникнуть к врачу, особенно к профильнику. Правда, появляются шикарные медцентры для обеспеченных людей, которые, согласно западным установкам и стандартам, стремятся к правильной систематизации деятельности всех тех, кто должен быть задействован в обследовании, диагностике и лечении, а потом и в реабилитации. И в

России, и далеко за ее пределами работают многопрофильные центры, в штате которых есть, как правило, представители *неконвенциональной медицины*, а пациенты то пишут о такой интеграции восторженные отзывы, то честно сообщают, что это «обычное разводилово».

В Болгарии, как и в других странах, на различных сайтах *интегративная медицина* определяется по-разному, но чаще всего как «медицина, которая использует методы научной медицины, совместно с методами НМ / ДАМ» (Медицински Център… и др.). На самом деле это комплексный подход к сохранению здоровья, где одна система дополняет другую; часто эти системы альтернативны, их сложно сделать даже комплементарными. Это сочетание методов и практик по сути все же являет собой упоминавшийся в статье бриколаж, а не интеграцию в полном значении термина.

Напомним, что ВОЗ рассматривает интеграцию как «интегрирование НМ / ДАМ в национальные системы здравоохранения с учетом необходимости и за счет разработки и осуществления национальной политики и программ в области НМ / ДАМ» (WHO 2002–2005), что трактуется повсеместно как: 1) интеграция *неконвенциональной медицины* в национальную *систему здравоохранения* и 2) использование интегративного / системного подхода к здоровью в отношении пациента (Янева-Балабанска 2010).

Что важно в современном стремлении к интеграции? Конечно, нельзя отрицать, что до настоящего момента этим занимаются в основном представители *неконвенциональной медицины* (понятно, что именно они в этом особенно заинтересованы, так как не входят в госсистемы профилактики и сохранения здоровья). Это движение набирает силу. Уже давно его представители работают не только внутри своих стран, но и на международной арене, объединяя специалистов из самых разных стран мира[10]. Важный сдвиг, который произошел в этом процессе с начала 1990-х гг., – появление не только врачей, получающих дополнительные специализации в сфере *народного целительства, традиционной медицины, гомеопатии* или *фитотерапии* (таких примеров много), но и открытие специализированных клиник, в которых работают, наряду со специалистами *неконвенциональной медицины*, профессиональные врачи. Они могут не получать дополнительных специализаций, однако стремятся организовывать рабочий процесс под своим непосредственным руководством в виде *системной интеграции* (примером такой клиники долгое время был Институт традиционной восточной медицины (ИТВМ), директором которого служил д.м.н., проф. В.Н. Потапов, см.: Харитонова, Потапов 2011).

Но чем, собственно, такие клиники отличаются от обычных поликлиник, где точно так же заведующий отделением или главный врач может рекомендовать пациенту обратиться к тому или иному специа-

листу для уточнения диагноза или получения комплексного лечения? Многопрофильность – это еще не интеграция. Наверное, здесь можно говорить о некотором сближении специалистов, исходящих в своих диагностике и лечении из разных подходов, системных самих по себе. Возможно, профессиональный врач в силу своих личных убеждений способен понять диагностику шаманки, а ароматерапевт может ориентироваться на комплексную диагностику и выработанную «дорожную карту» работы с пациентом – на уровне *конвергенции*. Но вряд ли в таких случаях речь может идти об *инкорпорировании* и, тем более, *ассимиляции*. Так не фантазируем ли мы, говоря об *интеграции* в медицине в плане взаимодействия различных медицинских систем, практик и методов? Можно ли интегрировать аллопатию с гомеопатией, если вторая система заведомо формировалась как противоположная первой? Сами гомеопаты не могут выработать единой позиции по этому вопросу в настоящее время. И если раньше говорили о том, что гомеопатия не может «работать» на фоне аллопатического лечения, то теперь «большая фарма», учитывая спрос, допускает предложение многокомпонентных гомеопатических препаратов в аллопатических аптеках. А доктора-аллопаты с удовольствием их прописывают наряду с… антибиотиками, например. Возникает вопрос: это – интеграция или бизнес любой ценой?

В настоящее время в разных странах мира уже есть не только клиники *интегративной медицины*, которые предлагают на выбор различные методы и практики *неконвенциональной медицины* – рефлексотерапию, остеопатию, мануальную терапию, гомеопатию, фитотерапию (см. например: Клиника интегративной…), но и учебные заведения, которые так себя именуют, например «Сибирский институт интегративной медицины “Ли Вест”» (работает в Новосибирске с 2014 г.). Там *интегративная медицина* представляется как «прогрессивное современное направление, сочетающее проверенные тысячелетиями методы традиционной медицины и новейшие разработки в области европейской академической медицины». Реально здесь речь идет о дополнительном профессиональном образовании и повышении квалификации в различных направлениях *неконвенциональной медицины*, которые предлагает Автономная некоммерческая организация дополнительного образования «Ли Вест» (Сибирский…).

И снова возникает вопрос: это интеграция или просто бизнес[11]? Можно ли осуществить «подготовку врачей ТКМ» за короткий период ДПО? Сложно ответить на этот вопрос, если знать, что такое настоящий врач ТКМ в Китае. Однако этот институт работает в компании с Учебным центром «Первой клиники Тяньцзиньского университета», о котором на их сайте сообщается: «...крупнейший в Китае, где действует государственная аттестационная комиссия врачей традиционной китай-

ской медицины. Курс обучения длится 2–3 месяца (от 288 академических часов), содержит теоретическую и практическую части в приблизительно равных объемах. По окончании обучения выдается государственный сертификат “Первой клиники Тяньцзиньского университета традиционной китайской медицины” международного образца» (Сибирский…). А далее – и вот тут уже невозможно разобраться в специальной термилогии[12] – врач и специалист ТКМ, чтобы работать в России, должен стать… *народным целителем*, поскольку никак по-иному он не имеет права практиковать, согласно существующему законодательству. Интеграция? На современный манер, как и обучение китайской медицине, видимо.

Кое-где на постсоветском пространстве есть учебные заведения, которые, базируясь на медицинском образовании, предлагают своеобразную комплексную многопрофильную подготовку по, как они пишут, «интегративной медицине» («интегративная медицина» и «интегративная психология» предлагаются на уровне бакалавриата, магистратуры и докторантуры). Например, факультет интегративной медицины Международного университета естественных наук[13] предлагает двухгодичное обучение по программе курса «магистр натуральной / комплементарной медицины (магистр интегративной медицины)». Выпускники получают документы международного образца. Похожие организации можно встретить по всему постсоветскому пространству; но кое-где преподавание «интегративной медицины» вписано в программы государственных учреждений[14].

В России, например, в упоминавшемся ранее ИТВМ, где несколько лет назад полностью поменялся состав сотрудников, есть кафедра с названием «биоэнергетики интегративной медицины», которой заведует «врач биоэнергетик-экстрасенс», он же гипнолог (на сайте значится также, что он – КМН, что, видимо, должно означать кандидат медицинских наук?); программа обучения в ИТВМ начинается с «основ биоэнергетики и парапсихологии» (Институт традиционной восточной…), но в составе практикующих специалистов есть несколько представителей КТМ, тибетской медицины, различных направлений российской *неконвенциональной медицины* и довольно много профессиональных врачей разных профилей.

Интересно, что в Москве в государственном университете есть специализированная кафедра, в названии которой используется этот термин – кафедра интегративной медицины Первого МГМУ им. И.М. Сеченова, где предусмотрено преподавание гомеопатии, фитотерапии и др.

В Болгарии даже на примере Софии можно видеть похожую картину. Согласно законодательству (см. подробно: Янева-Балабанска 2007, Тодорова, Балабанска 2015 и др.) специалисты, которые применяют *неконвенциональные методы*, должны регистрировать свою деятель-

ность в Региональном центре здравоохранения (по месту работы), но они не имеют права открывать центры *неконвенциональной медицины*. Однако таких центров в Софии довольно много (см.: Център за алтернативна и духовна медицина…; Клиника по Аюрведа…; Център по алтернативна…, За интегративната медицина и др.). В университетах Болгарии в данный момент нет кафедр интегративной медицины, но, видимо, только потому, что законодательство не предусматривает такого обучения.

Заключение

Итак, что же получается? Интеграция как таковая происходит пока в основном в сознании стремящихся к ней? До сих пор наблюдается, можно сказать, в частных случаях кооперирование различных специалистов в клиниках под одной крышей. Кстати, Клиника интегративной медицины в Москве декларирует толкование термина «интеграция» как «включение равного в сообщество», заявляя: «Сегодня уже доказано, что наилучший результат в лечении и профилактике заболеваний достигается при сочетании передовых достижений академической "западной" медицины с тысячелетним опытом целительства. Интегративная медицина представляет собой именно такой подход и справедливо считается медициной будущего во всем мире» (Сибирская…). Очевидно, что развитие таких подходов и объединенных лечебных и учебных заведений возможно при существующем законодательстве в первую очередь в сфере *здоровьесбережения*, но не *здравоохранения*, невзирая на все попытки ВОЗ активизировать процесс интегрирования. Хотя, как известно, кафедра интегративной медицины в Первом МГМУ существует под крышей главного медицинского университета страны уже не один десяток лет, а возглавляет ее академик РАН[15]. Привело ли это к интеграции – вопрос остается вопросом.

Примечания

[1] *Конвенциональная медицина* обычно определяется как строго регулируемая национальными государственными органами, а также международными организациями здравоохранения, путем формирования соответствующей законодательной базы, стандартизации методов, в том числе лицензирования специалистов и организаций, ведущих практику исследования, восстановления, сохранения и укрепления здоровья. *Неконвенциональной медициной* считаются все способы диагностики, предупреждения и лечения болезней человека, которые по тем или иным причинам не получили признания официальной системы здравоохранения и не стали объектом системного государственного регулирования.

[2] НиДМ – «народная и *дополнительная* медицина», аббревиатура адаптированного на русском языке термина: ранее использовался термин «комплементарная».

[3] Например, в Толковом словаре Д.Н. Ушакова отсутствие множественного числа специально подчеркнуто: «Медицина, медицины, мн. нет, ж. (латин. medicina). Цикл наук

о болезнях и их лечении. Экспериментальная медицина. Практическая медицина. Доктор медицины. (В прошлом веке слово медицина употреблялось в более узком смысле, означая лечение внутренних болезней, терапию, и не включало в себя хирургию.)»

[4] Надо заметить, что отдельные письменные памятники с медицинской тематикой были и у славян, в том числе у русских, – различные лечебники, зелейники, травники, врачебники, вертограды и т.д. (см., например: Липинская, Леонтьева 2012).

[5] В настоящее время есть несколько интересных сложившихся систем на основе синтеза различных традиций, но часто их авторы считают, что ядром созданного ими метода работы стала народная медицина. Например, висцеральная терапия А. Огулова (см.: Никонов 2017: 137–157).

[6] Самостоятельное Министерство AYUSH (курирует пять различных медицинских систем и практик: аюрведа, йога и натуропатия, юнани, сиддхи, гомеопатия – Ministry for Ayurveda, Yoga and Naturopathy, Unani, Siddha and Homeopathy) было создано в Индии в 2014 г. на базе существовавшего ранее, с 1995 г., в рамках министерства здравоохранения соответствующего департамента (см.: Министерство AYUSH…) Эти медицины в Индии равноправны европейской научной. Вот что говорит, например, об аюрведе Ашиш Шарма, директор культурного центра им. Дж. Неру: «Сегодня существуют образовательные курсы по аюрведе на получение степеней бакалавра, магистра и доктора наук. Помимо этого, было подписано множество меморандумов с международными партнерами и открыты секции аюрведы при посольствах Индии в разных странах (в том числе и в России). Проводятся исследования аюрведических лекарств, направленные на выявление эффективности их составляющих» (AYURVEDA YOGA).

[7] Вопрос о гомеопатии в настоящее время вновь стал дискуссионным не только в России, но и на Западе. В РФ дискуссия разгорелась с новой силой после опубликования Комиссией по борьбе с лженаукой специального меморандума (Комиссия по борьбе с лженаукой…). Но эта дискуссия – не первая в истории науки (ср.: Головизнин, Исаева, Шепеткова 2015; Зиновьева, Эрик ван Вунсел 2015).

[8] Специально созданный термин был юридически закреплен в Федеральном законе от 22 июля 1993 г. «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан». Далее термин «народный целитель» был узаконен в трудовом законодательстве.

[9] Пока такие документы не считаются действительными в России, но специалисты все равно работают, обходя эту сложность разными путями.

[10] См., например: II конференция по Интегративной медицине, организована Культурной ассоциацией Дзогчен-общины Испании и Школой тибетской медицины Института Шанг-Шунг, в Барселоне в марте 2015 г. http://www.ustinova.info/ii-zasedanie-po-integrativnoj-meditsine/

[11] Для справки: на сайте значится «Корпорация “Ли Вест” – современное, динамично развивающееся предприятие, признанный лидер в сфере продвижения продукции и методов традиционной восточной медицины»; на сайте института представлены программы и направления деятельности, литература на русском языка по КТМ, судите сами: http://institute.liwest.ru/fakultety/; http://institute.liwest.ru/literatura/

[12] «**Что даст новое образование?** Лицо, получившие диплом по программе “Основы традиционной китайской медицины и их современные трактовки”, имеет право на занятие народной медициной (Федеральный закон № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»). Гражданин, желающий получить диплом целителя, представляет в Комиссию следующие документы:

– заявление о выдаче диплома целителя;

– представление профессиональной медицинской ассоциации либо совместное представление профессиональной медицинской ассоциации и учреждения, имеющего лицензию на медицинскую деятельность;

– копии документов, подтверждающих медицинское образование (диплом о высшем или среднем медицинским образованием, *сертификат специалиста*);

– копию лицензии на медицинскую деятельность.

Решение о выдаче диплома целителя, либо об отказе в выдаче диплома целителя принимается министерством здравоохранения Новосибирской области на основании заключения Комиссии и оформляется в виде приказа. В дипломе целителя указываются разрешенные виды (методы) народной медицины (целительства). Диплом целителя выдается на 3 года. Занятие народной медициной (целительством) без диплома целителя на территории Новосибирской области запрещается. Незаконное занятие народной медициной (целительством) влечет за собой административную ответственность, а в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, – уголовную ответственность».

[13] Контакты университета указаны в Ганновере, но мероприятия проводятся в Киеве; набор преподавателей – Россия, Украина, ЕС; консультации предлагаются на русском языке. На разных страницах сайта даются различные наименования этого заведения; он, видимо, аффилирован с Европейским институтом междисциплинарных исследований и образования, но здесь речь идет уже о дистанционном обучении, центр которого базируется в Ганновере (Европейский институт…).

[14] Например, в Восточно-Казахстанском государственном университете читается курс лекций по направлению интегративной медицины для изучающих валеологию (Восточно-Казахстанский…).

[15] Заведующий кафедрой акад. В.Г. Зилов на протяжении нескольких десятилетий занимается продвижением идей медицинской интеграции (см. например: Зилов 2007).

Литература

«Ваш выбор – жизнь!». URL: http://formatzdorovia.com/integrativnaya_holisticheskaya_medicina.html (дата обращения: 12.11.2017).

AYURVEDA YOGA. URL: http://ayurveda.media/ayurveda/ayurveda-v-rossii-i-mire/ayurveda-dvigaetsya-po-traektorii-vverh/ (дата обращения: 12.11.2017).

Giarelli G. The ambivalent integration. The role of non-conventional medicines in the Italianns // Медицинская антропология и биоэтика (далее МАиБ). 2014. № 1 (7). URL: http://www.medanthro.ru/?page id=1855&lang=en (дата обращения: 15.09.2017).

Kharitonova V. Revived shamanism in the social life of Russia // Folklore. 2015. Vol. 62. P. 37–54.

WHO Traditional Medicine Strategy (2002–2005). URL: http://www.wpro.who.int/health_technology/book_who_traditional_medicine_strategy_2002_2005.pdf (дата обращения: 12.11.2017).

Бромлей Ю.В., Воронов А.А. Народная медицина как предмет этнографических исследований // Советская этнография. 1976. № 5. С. 3–18.

Ведущие специалисты традиционной народной медицины России и стран содружества: энциклопедический справочник. М.: Отечество, 2005. 1-й вып. 272 с.

Восточно-Казахстанский государственный университет. URL: http://gigabaza.ru/doc/85992.html (дата обращения: 12.11.2017).

Гальперин Я.Г. В поиске гармонии и здоровья: сборник статей. М.: ВНИЦТНМ «ЭНИОМ», 1997. 140 с.

Головизнин М.В., Исаева Ю.А., Щепеткова Г.С. Гомеопатия «pro et contra»: дискуссии о гомеопатии в российской печати конца XIX века // МАиБ. 2015. № 2 (10). URL: http://www.medanthro.ru/?page_id=2312 (дата обращения: 07.09.2017).

Гончарова О.А. Народная медицина Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2005. 120 с.

Горбунова Л.А. Интеграция сельского здравоохранения в национальные стратегии сельской медицины: автореф. дис. … канд. социол. наук. Саратов, 2009. URL: http://www.dslib.net/soc-medicina/integracija-selskogo-zdravoohranenija-v-nacionalnye-strategii-rossijskoj-mediciny.html (дата обращения: 12.11.2017).

Европейский институт междисциплинарных исследований и образования URL: http://naturmed.org/ (дата обращения: 12.11.2017).

Ермакова Е.Е. Магико-медицинская практика коми Омской области (вторая половина XX – начало XXI вв.) // МАиБ. 2013. № 1 (5). URL: http://www.medanthro.ru/?page_id=1196 (дата обращения: 12.11.2017)

Ермакова Е.Е. Народная медицина глазами медицинских работников: отношение, знание, практика // МАиБ. 2014. № 1 (7). URL:http://www.medanthro.ru/?page_id=1964 (дата обращения: 12.11.2017).

За интегративната медицина. URL: https://doktorzoia.com/integrativna/ (дата обращения: 04.10.2017).

Закон за здравето: ДВ. № 70 от 10 августа 2004 г. // Министерство на Здравеопазването. URL: https://www.mh.government.bg/media/filer_public/2016/12/08/zakon_za_zdraveto.pdf (дата обращения: 04.10.2017).

Зилов В.Г. Нелекарственные методы лечения как составная часть интегративной медицины // Из прошлого – в будущее: избранные труды / под ред Я.Г. Гальперина. М.: ВНИЦТНМ «ЭНИОМ», 2007. С. 11–13.

Зиновьева И.В., ван Вунсел Э. Гомеопатия или биомедицина – выбор за пациентом // МАиБ. 2015. № 2 (10). URL: http://www.medanthro.ru/?page_id=2341 (дата обращения: 15.10.2017).

Институт восточной медицины при РУДН. URL: http://ivmrudn.com/ (дата обращения: 12.11.2017).

Йокич Ж. Два пути к исцелению: биомедицина и шаманизм в жизни индейцев яномами // МАиБ. 2014. № 1 (7). URL: http://www.medanthro.ru/?page_id=1885 (дата обращения: 21.10.2017).

Институт традиционной восточной медицины (ИТВМ). URL: http://itvm.ru/obuchenie/kafedra-bioenergetiki-i-integrativnoj-mediciny/ (дата обращения: 12.11.2017).

Клиника интегративной медицины. URL: http://cimed.pro/ (дата обращения: 16.11.2017).

Клиника по Аюрведа. URL: https://ayurvedasofia.bg/ (дата обращения: 16.11.2017).

Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. URL: http://klnran.ru/2017/02/memorandum02-homeopathy/ (дата обращения: 04.11.2017).

Краткий энциклопедический словарь терминов, используемых в проскопии / сост. Я.Г. Гальперин. М.: ВНИЦТНМ «ЭНИОМ», 2004. 216 с.

Кръстев Д. Танцът на спиралата-2: Йога на безкрая. София: Виделина, 2016. 2011 с.

Лехциер В.Л. Медицина 4П как феномен надежды // Философские проблемы биологии и медицины: материалы 10-й научно-практической конференции. Вып. 10: Многообразие биомедицинского опыта и знания. Саратов, 2016. С. 7–9.

Липинская В.А., Леонтьева Г.А. Действующий травник и с лечебником. Памятник старообрядческой письменности и народной культуры сибиряков. М.: ИЭА РАН, 2012. 315 с.

Интегративная медицина: «Современные технологии развития сознания в традиционных медицинских системах народов мира»: материалы Международного форума М., 2006. 134 с.

Первый конгресс по традиционной медицине стран ШОС/БРИКС/ЕАЭС и Третий Российский конгресс по комплементарной медицине: материалы объединенного конгресса. М., 2015. 335 с.

Медицински Център «Интегративна медицина». URL: http://www.integramed.org/ (дата обращения: 15.10.2017).

Министерство AYUSH. URL: https://www.facebook.com/moayush/ (дата обращения: 03.07.2017).

Михель Д.В. Влияние идеологии персонализированной медицины на практику принятия медицинских решений // Философские проблемы биологии и медицины: материалы 10-й научно-практической конференции. Вып. 10: Многообразие биомедицинского опыта и знания. Саратов, 2016а. С. 9–12.

Михель И.В. Философские очерки о 4П медицине, биоэтике и будущем человека. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2016б. 208 с.

Моисеев В.И. О базовой модели человека в интегративной медицине // Философские проблемы биологии и медицины: материалы 10-й научно-практической конференции. Вып. 10: Многообразие биомедицинского опыта и знания. Саратов, 2016. С. 4–7.

Научно-практические аспекты народной медицины: по материалам II Международного конгресса «Народная медицина России – прошлое, настоящее, будущее». М.: ВНИЦТНМ «ЭНИОМ», 1995. Ч. I–II. 212 с.

Никонов А.П. Как вылечить все. Параллельная медицина. Научный подход. М.: Изд-во АСТ, 2017. 304 с.

Правовые основы народной медицины и целительства в Российской Федерации: сб. материалов / под ред. Я.Г. Гальперина. М.: ПМАНЦР, 2000. 156 с.

Российский филиал Международного института тибетских исследований Шанг Шунг. URL: http://shangshunginstitute.ru/ (дата обращения: 21.10.2017).

Сибирский институт интегративной медицины «Ли Вест». URL: http://liwest.ru/articles/obuchenie_v_siimed/main_obuchenie_v_siimed/; http://institute. liwest.ru/; http://institute.liwest.ru/obuchenie-v-kitae/ (дата обращения: 21.10.2017).

Социологический словарь // ВСловаре.ру. URL: http://vslovare.ru/slovo/sotziologicheskiij-slovar/integratzija/43326 (дата обращения: 12.11.2017).

Стратегия ВОЗ в области народной медицины 2014–2023 гг. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2013. 75 с.

Тодорова Н., Янева-Балабанска И. Проучване на публичните областни регистри на лицата, упражняващи неконвенционални методи за благоприятно въздействие върху индивидуалното здраве // Българско списание за обществено здраве. 2015. Кн. 2. С. 74–82.

Философский словарь // ВСловаре.ру. URL: http://vslovare.ru/slovo/filosofskiij-slovar/integratzija (дата обращения: 12.11.2017).

Харитонова В.И. Портреты народных целителей России. М.: ВНИЦТНМ «ЭНИОМ», 1994. 233 с.

Харитонова В.И. Традиционная магико-медицинская практика и современное народное целительство. Статьи и материалы. М.: ИЭА РАН, 1995. 204 с. (Российский этнограф. Вып. 23.)

Харитонова В.И. «Весна Средневековья» накануне III тысячелетия (Магико-мистическая практика и «народное целительство» в Московском регионе) // Московский регион: этноконфессиональная ситуация. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 262–282.

Харитонова В.И. Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М.: Наука, 2006. 372 с.

Харитонова В.И. Адаптационные механизмы в сфере магико-медицинской практики // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М.: Наука, 2009а. С. 353–361.

Харитонова В.И. Интеграция медицинских систем: идея, практика, человеческий фактор // Проблемы сохранения здоровья в условиях Севера и Сибири: труды по медицинской антропологии / отв. ред. В.И. Харитонова. М.: Новости, 2009б. С. 275–286.

Харитонова В.И. Идеи комплементарной и интегративной медицины в современной России // Философские проблемы биологии и медицины. Вып. 4: Фундаментальное и прикладное: сб. материалов 4-й ежегодной науч.-практ. конф. М.: Принтберри, 2010а. С. 217–220.

Харитонова В.И. Интеграция медицин в России: идеи и воплощение // Развитие традиционной медицины в России. Опыт, научные исследования, перспективы: материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием. 20–21 августа 2010 г. Улан-Удэ: Изд-во ГУЗ РЦМП МЗ РБ, 2010б. С. 97–102.

Харитонова В.И. Неконвенциональная медицина в РФ и современные шаманские практики // Эпическое наследие и духовные практики в прошлом и настоящем. Памяти

В.Н. Басилова: сб. ст. / отв. ред. В.И. Харитонова. М.: ИЭА РАН, 2012а. Кн. 2. С. 256–272.

Харитонова В.И. От народно-медицинских традиций к интегративной медицине // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2012б. Вып. № 1 (74): Российский Север и северяне: среда–экология–здоровье. С. 40–45.

Харитонова В.И. Этническая медицина современности и ее вклад в здоровьесбережение // Второй Российский конгресс по комплементарной медицине: материалы конгресса. Москва, 11–14 декабря 2014 г. / под ред. В.Г. Зилова, В.В. Егорова, М.С. Томкевич, К.В. Сухова. М.: РАНМ, 2014а. С. 206–208.

Харитонова В.И. Неконвенциональная медицина в современной России // МАиБ. 2014б. № 1 (7). URL: http://www.medanthro.ru/?p=2017 (дата обращения: 04.09.2017).

Харитонова В.И. Неконвенциональная медицина в современной России // Здоровьесбережение в фокусе медицинской антропологии: сб. ст. / отв. ред. В.И. Харитонова. М.: Публисити, 2015. С. 103–115.

Харитонова В.И. Идея интегративной медицины с позиции медицинского антрополога // Московский международный форум по костно-суставной патологии: сб. науч. тр. М.: КСТ Интерфорум, 2016. С. 238–242.

Харитонова В.И., Ожиганова А.А., Купряшина Н.А. В поисках духовности и здоровья (новые религиозные движения, неошаманизм, городской шаманизм). М.: ИЭА РАН, 2008. 47 с. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 207).

Харитонова В.И., Потапов В.Н. «Интегративная медицина – это медицина будущего» // МАиБ. 2011. № 1 (1). URL: http://www.medanthro.ru/?page_id=747 (дата обращения: 12.10.2017).

Харитонова В.И., Янева-Балабанска И. Практика неконвенциональной медицины в России и Болгарии и ее научное исследование // МАиБ. 2014. № 1 (7). URL: http://www.medanthro.ru/?page_id=1868 (дата обращения: 12.11.2017).

Центр восточной медицины. URL: http://cvmed.ru/ (дата обращения: 17.11.2017).

Център за алтернативна и духовна медицина Атина. URL: http://www.obiavi1.com/tsentyr_za_alternativna_i_duhovna_meditsina_atina_23839/ (дата обращения: 17.11.2017).

Център по алтернативна медицина. URL: http://eloginova.net/index_bg.html(дата обращения: 17.11.2017).

Элита специалистов традиционной народной медицины и целительства: каталог. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ВНИЦТНМ «ЭНИОМ», ОО «Элита», 2006. 172 с.

Янева-Балабанска И. Неконвенционални методи за диагностика и лечение в България (изследване на екстрасензорна диагностика и лечебна практика на лечители в България). София, 2006. 268 с.

Янева-Балабанска И. Законодательство в Болгарии относительно неконвенциональных медицинских методов // Из прошлого – в будущее: избранные труды / под ред. Я.Г. Гальперина. М.: ВНИЦТНМ «ЭНИОМ», 2007. С. 46–50.

Янева-Балабанска И. Интегриране на неконвенционалните методи в медицината в националните здравни системи – мястото на България // Българско списание за обществено здраве. 2010. Т. II, кн. 1. С. 49–55.

Янева-Балабанска И. Съвременно състояние на неконвенционалните методи в медицината у нас // Българско списание за обществено здраве. 2011. Кн. 1–2. С. 73–93.

Янева-Балабанска И. Неконвенционални медицински методи, упражнявани в България, в нарушение на Закона за здравето // Българско списание за обществено здраве. 2012. Кн. 2, т. 4. С. 17–29.

Янева-Балабанска И., Тодорова Н. Съвременното българско неконвенционално здравеопазване // Социална медицина. 2015. XXIII, кн. 1. С. 21–23.

Статья поступила в редакцию 17 ноября 2017 г.

Kharitonova Valentina I., Ianeva-Balabanska Iliiana

INTEGRATING MEDICAL SYSTEMS – THE DESIRED AND THE ACTUAL (DRAWING PARALLELS BETWEEN RUSSIA AND BULGARIA)*

DOI: 10.17223/2312461X/18/11

Abstract. The article considers the issue of integration in the field of healthcare and, more broadly, health preservation. It deals with related terminology in an attempt to clarify what exactly is included in the notion of integration at present and how, in reality, integrating medical systems, practices and methods is represented in Russia and Bulgaria, as well as how specialists see the integration approach to human health. The authors note that legislation in these two countries does not always regulate the activity of specialists in non-conventional medicine and their interaction with the ones in conventional medicine, thus restraining such integration the World Health Organisation is seeking to enhance, while the real 'integration' often turns out to be a business. All this indicates that what is taking place does not correspond to the meaning of the term as it is currently understood.
Keywords: integration, non-conventional medicine, folk medicine, traditional medicine, traditional medical system, traditional healers, healers, homeopathy, Ayurveda, Chinese traditional medicine, biomedicine, medical systems, healthcare, health preservation, World Health Organisation

* The research was supported by the Russian Science Foundation for the Humanities / Russian Foundation for Fundamental Research № 17-01-00434-a, titled 'Problems of integrating medical systems, practices and methods in the context of medical anthropology'

References

«Vash vybor – zhizn'!» ['Your choice is life!'] Available at: http://formatzdorovia.com/integrativnaya_holisticheskaya_medicina.html (Accessed 12 November 2017).

AYURVEDA YOGA Available at: http://ayurveda.media/ayurveda/ayurveda-v-rossii-i-mire/ayurveda-dvigaetsya-po-traektorii-vverh/ (Accessed 12 November 2017).

Giarelli G. The ambivalent integration. The role of non-conventional medicines in the Italians, *Meditsinskaia antropologiia i bioetika* (further: MAiB), 2014, no. 1 (7) Available at: http://www.medanthro.ru/?page_id=1855&lang=en (Accessed 15 September 2017).

Kharitonova V. Revived shamanism in the social life of Russia, *Folklore*, 2015, Vol. 62, pp. 37–54.

WHO Traditional Medicine Strategy (2002-2005). Available at: http://www.wpro.who.int/health_technology/book_who_traditional_medicine_strategy_2002_2005.pdf (Accessed 12 November 2017).

Bromlei Iu.V., Voronov A.A. Narodnaia meditsina kak predmet etnograficheskikh issledovanii [Folk medicine as an ethnographic research focus], *Sovetskaia etnografiia,* 1976, no. 5, pp. 3–18.

Vedushchie spetsialisty traditsionnoi narodnoi meditsiny Rossii i stran sodruzhestva: entsiklopedicheskii spravochnik. 1-i vyp. [Leading specialists in traditional folk medicine of Russia and CIS countries: an encyclopedic reference book, volume 1]. Moscow: ID «Otechestvo», 2005. 272 p.

Vostochno-Kazakhstanskii gosudarstvennyi universitet [East Kazakhstan State University]. Available at: http://gigabaza.ru/doc/85992.html (Accessed 12 November 2017)

Gal'perin Ia.G. *V poiske garmonii i zdorov'ia. Sbornik statei* [In search of harmony and health – a collection of articles]. Moscow: VNITsTNM «ENIOM», 1997. 140 p.

Goloviznin M.V., Isaeva Iu.A., Shchepetkova G.S. Gomeopatiia «pro et contra»: diskussii o gomeopatii v rossiiskoi pechati kontsa XIX veka [Homeopathy 'pro et contra': discussions of homeopathy in the Russian press of the late XIX century], *MAiB*, 2015, no. 2(10) Available at: http://www.medanthro.ru/?page_id=2312 (Accessed 7 September 2017)

Goncharova O.A. *Narodnaia meditsina Gornogo Altaia* [Popular medicine in Gornyy Altai]. Gorno-Altaisk, 2005. 120 p.

Gorbunova L.A. *Integratsiia sel'skogo zdravookhraneniia v natsional'nye strategii sel'skoi meditsiny. Avtoreferat diss. ... kand. sotsiol. nauk* [The integration of rural healthcare into national strategies of rural medicine. A summary of a dissertation for the degree of 'Candidate of Sciences (Sociology)']. Saratov, 2009. URL: http://www.dslib.net/soc-medicina/integracija-selskogo-zdravoohranenija-v-nacionalnye-strategii-rossijskoj-mediciny.html (Accessed 12 November 2017).

Evropeiskii institut mezhdistsiplinarnykh issledovanii i obrazovaniia [European Institute for Interdisciplinary Research and Education] Available at: http://naturmed.org (Accessed 12 November 2017).

Ermakova E.E. Magiko-meditsinskaia praktika komi Omskoi oblasti (vtoraia polovina XX – nachalo XXI vv.) [The magic-and-medical practice of the Komi in the Omsk region (the second half of the XX to the early XXI centuries], *MAiB*, 2013, no. 1 (5). Available at: http://www.medanthro.ru/?page_id=1196 (Accessed 12 November 2017).

Ermakova E.E. Narodnaia meditsina glazami meditsinskikh rabotnikov: otnoshenie, znanie, praktika [Folk medicine through the eyes of medical workers: attitudes, knowledge, and practice], *MAiB*, 2014, no. 1 (7). Available at: http://www.medanthro.ru/?page_id=1964 (Accessed 12 November 2017)

Za integrativnata meditsina. Available at: https://doktorzoia.com/integrativna/ (Accessed 4 October 2017)

Zakon za zdraveto, DV no. 70, 10 August 2004. Available at: https://www.mh.government.bg/media/filer_public/2016/12/08/zakon_za_zdraveto.pdf (Accessed 4 October 2017)

Zilov V.G. Nelekarstvennye metody lecheniia kak sostavnaia chast' integrativnoi meditsiny [Non-drug therapies as an integral part of integrative medicine], *Iz proshlogo – v budushchee. Izbrannye trudy* [From the past into the future. Selected works]. Ed. by Ia.G. Gal'perin. Moscow: VNITsTNM «ENIOM», 2007, pp. 11–13.

Zinov'eva I.V., Erik van Vunsel. Gomeopatiia ili biomeditsina – vybor za patsientom [Homeopathy or biomedicine – a patient's choice], *MAiB*, 2015, no. 2 (10). Available at: http://www.medanthro.ru/?page_id=2341 (Accessed 15 October 2017)

Institut vostochnoi meditsiny pri RUDN [Institute of Oriental medicine]. Available at: http://ivmrudn.com/ (Accessed 12 November 2017)

Iokich Zh. Dva puti k istseleniiu: biomeditsina i shamanizm v zhizni indeitsev ianomami [Two roads to cure: biomedicine and shamanism in the life of the Yanomami Indians], *MAiB*, 2014, no. 1 (7). Available at: http://www.medanthro.ru/?page_id=1885 (Accessed 21 October 2017)

Institut traditsionnoi vostochnoi meditsiny (ITVM) [Institute of Traditional Eastern Medicine]. Available at: http://itvm.ru/obuchenie/kafedra-bioenergetiki-i-integrativnoj-mediciny/ (Accessed 12 November 2017)

Klinika integrativnoi meditsiny [The Clinics of integrative medicine]. Available at: http://cimed.pro/ (Accessed 16 November 2017).

Klinika po Aiurveda [The Clinics for Ayurveda]. Available at: https://ayurvedasofia.bg/ (Accessed 16 November 2017).

Komissiia po bor'be s lzhenaukoi i fal'sifikatsiei nauchnykh issledovanii [Commission for countering pseudo-science and falsification of scientific research]. Available at: http://klnran.ru/2017/02/memorandum02-homeopathy/ (Accessed 4 November 2017).

Kratkii entsiklopedicheskii slovar' terminov, ispol'zuemykh v proskopii. Sost. Ia.G. Gal'perin [A brief encyclopedic glossary of terms used in prososcopy]. Moscow: VNITsTNM «ENIOM», 2004. 216 s.

Kr"stev, Doncho. *Tants"t na spiralata-2: Ioga na bezkraia.* Sofiia: I.K. «Videlina», 2016. 2011 p.

Lekhtsier V.L. Meditsina 4P kak fenomen nadezhdy [Medicine 4P as a phenomenon of hope], *Filosofskie problemy biologii i meditsiny. Materialy 10-i nauchno-prakticheskoi konferentsii. Vyp. 10. Mnogoobrazie biomeditsinskogo opyta i znaniia* [Philosophical issues in biology and medicine. Proceedings of the 10th research and practice-oriented conference. Issue 10. The diversity of biomedical experience and knowledge]. Saratov, 2016, pp. 7–9.

Lipinskaia V.A., Leont'eva G.A. *Deistvuiushchii travnik i s lechebnikom. Pamiatnik staroobriadcheskoi pis'mennosti i narodnoi kul'tury sibiriakov* [An herbalist and healer's book. A rare sample of Old Believers' writing and folk culture of the Siberians]. Moscow: IEA RAN, 2012. 315 p.

Materialy Mezhdunarodnogo foruma «Integrativnaia meditsina: «Sovremennye tekhnologii razvitiia soznaniia v traditsionnykh meditsinskikh sistemakh narodov mira» [Proceedings of the International Forum 'Integrative Medicine': 'Modern Technologies of Consciousness Development in Traditional Medical Systems of the Peoples of the World']. Moscow, 2006. 134 p.

Materialy ob"edinennogo kongressa: Pervyi kongress po traditsionnoi meditsine stran ShOS/BRIKS/EAES i Tretii Rossiiskii kongress po komplementarnoi meditsine [Proceedings of a united congress: the 1st Congress on traditional medicine of the SCO/BRICS/EAES countries and the 3rd Russian congress on complementary medicine]. Moscow, 2015, 335 p.

Meditsinski Tsent"r „Integrativna meditsina" [Medical centre 'Integrative medicine']. Available at: http://www.integramed.org/ (Accessed 15 October 2017)

Ministerstvo AYUSH [The Ministry of AYUSH]. Available at: https://www.facebook.com/moayush/ (Accessed 3 July 2017)

Mikhel' D.V. Vliianie ideologii personalizirovannoi meditsiny na praktiku priniatiia meditsinskikh reshenii [The impact of personalised medicine ideology on the practice of taking medical decisions], *Filosofskie problemy biologii i meditsiny. Materialy 10-i nauchno-prakticheskoi konferentsii. Vyp. 10. Mnogoobrazie biomeditsinskogo opyta i znaniia* [Philosophical issues in biology and medicine. Proceedings of the 10th research and practice-oriented conference. Issue 10. The diversity of biomedical experience and knowledge]. Saratov, 2016, pp. 9–12.

Mikhel' I.V. *Filosofskie ocherki o 4P meditsine, bioetike i budushchem cheloveka* [Philosophical essays on 4P medicine, bioethics and human future]. Saratov: Izd-vo Sarat. Un-ta, 2016. 208 p.

Moiseev V.I. O bazovoi modeli cheloveka v integrativnoi meditsine [On the fundamental model of a human being in integrative medicine], *Filosofskie problemy biologii i meditsiny. Materialy 10-i nauchno-prakticheskoi konferentsii. Vyp. 10. Mnogoobrazie biomeditsinskogo opyta i znaniia* [Philosophical issues in biology and medicine. Proceedings of the 10th research and practice-oriented conference. Issue 10. The diversity of biomedical experience and knowledge]. Saratov, 2016, pp. 4–7.

Nauchno-prakticheskie aspekty narodnoi meditsiny: po materialam II Mezhdunarodnogo kongressa «Narodnaia meditsina Rossii – proshloe, nastoiashchee, budushchee». Ch. I–II [The research and practical aspects of folk medicine: based on the proceedings of the II International congress 'Folk medicine of Russia – past, present, future'. Parts I–II]. Moscow: VNITsTNM «ENIOM», 1995. 212 p.

Nikonov A.P. *Kak vylechit' vse. Parallel'naia meditsina. Nauchnyi podkhod* [How to cure everything. Parallel medicine. A scientific approach]. Moscow: Izd-vo AST, 2017. 304 p.

Pravovye osnovy narodnoi meditsiny i tselitel'stva v Rossiiskoi Federatsii (sbornik materialov). pod red. professora Ia.G. Gal'perina [The legal foundations of folk medicine and folk healing practices in the Russian Federation (a collection of materials)]. Moscow: PMANTsR, 2000. 156 p.

Rossiiskii filial Mezhdunarodnogo instituta tibetskikh issledovanii Shang Shung [The Russian branch of International Shang Shung Institute of Tibetan Research]. Available at: http://shangshunginstitute.ru/ (Accessed 21 October 2017).

Sibirskii institut integrativnoi meditsiny «Li vest» [Siberian Institute of Integrative Medicine 'Li vest']. Available at: http://liwest.ru/articles/obuchenie_v_siimed/main_obuchenie_v_siimed/; http://institute.liwest.ru/; http://institute.liwest.ru/obuchenie-v-kitae/ (Accessed 21 October 2017).

Sotsiologicheskii slovar' [Sociological dictionary], *VSlovare.ru*. Available at: http://vslovare.ru/slovo/sotziologicheskiij-slovar/integratzija/43326 (Accessed 12 November 2017).

Strategiia VOZ v oblasti narodnoi meditsiny 2014-2023 gg. [The WHO strategy in the field of folk medicine 2014-2023] Zheneva: Vsemirnaia organizatsiia zdravookhraneniia, 2013. 75 p.

Todorova N., Ianeva-Balabanska I. Prouchvane na publichnite oblastni registri na litsata, uprazhniavashchi nekonventsionalni metodi za blagopriiatno v"zdeistvie v"rkhu individualnoto zdrave. In: *B"lgarsko spisanie za obshchestveno zdrave*, 2015, book 2, pp. 74-82.

Filosofskii slovar' [Philosophical dictionary], *VSlovare.ru* Available at: http://vslovare.ru/slovo/filosofskiij-slovar/integratzija (Accessed 12 November 2017)

Kharitonova V.I. *Portrety narodnykh tselitelei Rossii* [Portraits of traditional healers of Russia]. Moscow: VNITsTNM «ENIOM», 1994. 233 p.

Kharitonova V.I. *Traditsionnaia magiko-meditsinskaia praktika i sovremennoe narodnoe tselitel'stvo. Stat'i i materialy* [Traditional magic-medical practice and modern healing. Articles and materials]. Moscow: IEA RAN, 1995. 204 p.

Kharitonova V.I. «Vesna Srednevekov'ia» nakanune III tysiacheletiia (Magiko-misticheskaia praktika i „narodnoe tselitel'stvo" v Moskovskom regione) ['The Medieval Spring' on the eve of the III millennium (the magic-and-mystical practices and 'folk healing' in the Moscow region)], *Moskovskii region: etnokonfessional'naia situatsiia* [The Moscow region: the ethno-confessional situation]. Moscow: IEA RAN, 2000. pp. 262–282.

Kharitonova V.I. Feniks iz pepla? Sibirskii shamanizm na rubezhe tysiacheletii [Phoenix from the ashes? Siberian shamanism at the turn of millennia]. Moscow: Nauka, 2006. 372 p.

Kharitonova V.I. Adaptatsionnye mekhanizmy v sfere magiko-meditsinskoi praktiki [Adaptation mechanisms in the magic-and-medical practice], *Adaptatsiia narodov i kul'tur k izmeneniiam prirodnoi sredy, sotsial'nym i tekhnogennym transformatsiiam* [The adaptation of peoples and cultures to the changing natural environment and social and technogenic transformations]. Moscow: Nauka, 2009a, pp. 353–361.

Kharitonova V.I. Integratsiia meditsinskikh sistem: ideia, praktika, chelovecheskii faktor [The integration of medical systems: the idea, practice, and human factor], *Problemy sokhraneniia zdorov'ia v usloviiakh Severa i Sibiri: Trudy po meditsinskoi antropologii* [Problems of health preservation in the North and Siberia: the works on medical anthropology]. Ed. by V.I. Kharitonova; In-t etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaia RAN; NII meditsinskikh problem Severa SO RAMN. Moscow: OAO «Tipografiia "Novosti"», 2009b, pp. 275–286.

Kharitonova V.I. Idei komplementarnoi i integrativnoi meditsiny v sovremennoi Rossii [Ideas of complementary and integrative medicine in today's Russia], *Filosofskie problemy biologii i meditsiny: Vypusk 4. Fundamental'noe i prikladnoe: sbornik materialov 4-i ezhegodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Philosophical issues in biology and medicine: Issue 4. The fundamental and the applied: a collection of materials of the 4th annual research and practice-oriented conference]. Moscow: izd-vo «Printberri», 2010a, pp. 217–220.

Kharitonova V.I. Integratsiia meditsin v Rossii: idei i voploshchenie [The integration of medicine in Russia: ideas and their implementation], *Razvitie traditsionnoi meditsiny v Rossii. Opyt, nauchnye issledovaniia, perspektivy: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem 20–21 avgusta 2010 g.* [The development of traditional medicine in Russia. Experience, scientific research, and prospects: proceedings of a research and practice-oriented conference with international participation, 20-21 August, 2010]. Ulan-Ude: Izd-vo GUZ RTsMP MZ RB, 2010b, pp. 97–102.

Kharitonova V.I. Nekonventsional'naia meditsina v RF i sovremennye shamanskie praktiki [Non-conventional medicine in the Russian Federation and the current shamanic practices], *Epicheskoe nasledie i dukhovnye praktiki v proshlom i nastoiashchem. Pamiati V.N. Basilova Sbornik statei* [The epic legacy and spiritual practices: past and present. In memory of V.N. Basilov. A collection of articles]. Ed. by V.I. Kharitonova. Book 2. Moscow: IEA RAN, 2012a, pp. 256–272.

Kharitonova V.I. Ot narodno-meditsinskikh traditsii k integrativnoi meditsine [From folk medical traditions to integrative medicine], *Nauchnyi vestnik Iamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga*, 2012b, Vol. 1 (74): «Rossiiskii Sever i severiane: sreda-ekologiia-zdorov'e», pp. 40–45.

Kharitonova V.I. Etnicheskaia meditsina sovremennosti i ee vklad v zdorov'esberezhenie [Current ethnic medicine and its contribution to health preservation], *Vtoroi Rossiiskii kongress po komplementarnoi meditsine: Materialy kongressa*. Moskva, 11–14 dekabria 2014 g. Pod red. V.G. Zilova, V.V. Egorova, M.S. Tomkevich, K.V. Sukhova [II Russian Congress on Complementary Medicine: Proceedings. Moscow, 11–14 December 2014. Ed. by V.G. Zilov, V.V. Egorov, M.S. Tomkevich, K.V. Sukhov]. Moscow: RANM, 2014a, pp. 206–208.

Kharitonova V.I. Nekonventsional'naia meditsina v sovremennoi Rossii [Non-conventional medicine in today's Russia], *MAiB*, 2014b, no. 1 (7). Available at: http://www.medanthro.ru/?p=2017 (Accessed 4 September 2017).

Kharitonova V.I. Nekonventsional'naia meditsina v sovremennoi Rossii [Non-conventional medicine in today's Russia], *Zdorov'esberezhenie v fokuse meditsinskoi antropologii. Sb. statei* [Health preservation in the focus of medical anthropology. A collection of articles]. Ed. by V.I. Kharitonova; In-t etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaia RAN; Assotsiatsiia meditsinskikh antropologov. Moscow: OOO «Publisiti», 2015, pp. 103–115.

Kharitonova V.I. Ideia integrativnoi meditsiny s pozitsii meditsinskogo antropologa [The ideas of integrative medicine from the medical anthropologist's perspective], *Sbornik nauchnykh trudov «Moskovskii mezhdunarodnyi forum po kostno-sustavnoi patologii»* [A collection of scientific works 'Moscow International Forum on Osteoarticular Pathology']. Moscow: KST Interforum, 2016, pp. 238–242.

Kharitonova V.I., Ozhiganova A.A., Kupriashina N.A. *V poiskakh dukhovnosti i zdorov'ia (novye religioznye dvizheniia, neoshamanizm, gorodskoi shamanizm)* [In search of spirituality and health (new religious movements, no-shamanism, and urban shamanism)]. Moscow: IEA RAN, 2008. 47 p. (seriia: Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii. Vyp. 207).

Kharitonova V.I., Potapov V.N. «Integrativnaia meditsina – eto meditsina budushchego» ['Integrative medicine is the future's medicine'], *MAiB*, 2011, no. 1(1). Available at: http://www.medanthro.ru/?page_id=747 (Accessed 12 October 2017).

Kharitonova V.I., Ianeva-Balabanska I. Praktika nekonventsional'noi meditsiny v Rossii i Bolgarii i ee nauchnoe issledovanie [The practice of non-conventional medicine in Russia and Bulgaria and scientific research into it], *MAiB*, 2014, no. 1(7). Available at: http://www.medanthro.ru/?page_id=1868 (Accessed 12 November 2017).

Tsentr vostochnoi meditsiny [The Centre of Eastern Medicine] Available at: http://cvmed.ru/ (Accessed 17 November 2017).

Tsent"r za alternativna i dukhovna meditsina Atina. Available at: http://www.obiavi1.com/, tsentyr_za_alternativna_i_duhovna_meditsina_atina_23839/ (Accessed 17 November 2017).

Tsent"r po alternativna meditsina. Available at: http://eloginova.net/index_bg.html (Accessed 17 November 2017).

Elita spetsialistov traditsionnoi narodnoi meditsiny i tselitel'stva: Katalog. Izd-e 3-e, pererab. i dop. [The elite of traditional folk medicine and healing: a catalogue. 3rd edition, revised and complemented] Moscow: VNITsTNM «ENIOM», OO «Elita», 2006. 172 p.

Ianeva-Balabanska I. *Nekonventsionalni metodi za diagnostika i lechenie v B"lgariia (izsledvane na ekstrasenzorna diagnostika i lechebna praktika na lechiteli v B"lgariia)*. Sofia, 2006. 268 p.

Ianeva-Balabanska I. Zakonodatel'stvo v Bolgarii otnositel'no nekonventsional'nykh meditsinskikh metodov [Bulgarian legislation on non-conventional medical methods], *Iz proshlogo – v budushchee. Izbrannye Trudy. pod red. Ia.G. Gal'perina* [From the past into the future. Selected works edited by Ya.G. Galperin]. Moscow: VNITsTNM «ENIOM», 2007, pp. 46–50.

Ianeva-Balabanska I. Integrirane na nekonventsionalnite metodi v meditsinata v natsionalnite zdravni sistemi – miastoto na B"lgariia. In: *B"lgarsko spisanie za obshchestveno zdrave*, 2010, vol. II, book 1, pp. 49–55.

Ianeva-Balabanska I. S"vremenno s"stoianie na nekonventsionalnite metodi v meditsinata u nas. In: *B"lgarsko spisanie za obshchestveno zdrave*, 2011, book 1-2, pp. 73–93.

Ianeva-Balabanska I. Nekonventsionalni meditsinski metodi, uprazhniavani v B"lgariia, v narushenie na Zakona za zraveto. In: *B"lgarsko spisanie za obshchestveno zdrave*, 2012, vol. 4, book 2, pp. 17–29.

Ianeva-Balabanska I., Todorova N. S"vremennoto b"lgarsko nekonventsionalno zdraveopazvane, *Sotsialna meditsina*, 2015, XXIII, book 1, pp. 21–23.

УДК 572
DOI: 10.17223/2312461X/18/12

МНОГООБРАЗИЕ УПРАВЛЯЕМОСТИ ПРИРОДНЫМИ РЕСУРСАМИ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ

Айталина Афанасьевна Иванова,
Флориан Маркус Штаммлер

Аннотация. У многих коренных народов Арктики есть более длительный опыт взаимодействия с местными природными ресурсами, чем у русских или других государственных народов. Какие именно подходы к управлению ресурсами и территорией существуют у коренных народов? В чем эти подходы отличаются друг от друга? В статье дается анализ отношений двух народов к управлению природными ресурсами на своей земле в условиях наличия общего регулирования российским государством, которое принимает законы, основанные на экстрактивизме. На материале полевых исследований показана ценность изучения традиций лидерства и того, что мы называем «тягой к государственности» у якутов-саха и ненцев. Мы анализируем, почему народ саха старается обеспечить свое участие в освоении Арктики через принятие региональных законов, в то время как ненцы, наоборот, сосредоточены прежде всего на решении проблем в отношениях с промышленностью, которые непосредственно касаются ведения их оленеводческого и рыболовного образа жизни. Это становится понятным, когда мы учитываем историю специфического социального строя каждого народа и его традиционные институты руководства. В ходе сравнения раскрывается неожиданно богатое разнообразие практик управления природными ресурсами в «этнической» Российской Арктике, сосуществующих в общих рамках единого правового пространства, созданного законами о деятельности добывающей промышленности в Российской Федерации.

Ключевые слова: правовые традиции коренных народов, управление природными ресурсами, Арктическая добывающая промышленность, экстрактивизм, саха (якуты), ненцы

Введение: подходы к эксплуатации ресурсов

Можно ли добывать нефть, газ, уголь, золото или алмазы на оленьих пастбищах, охотничьих и рыболовных угодьях? Или наоборот, можно ли пасти оленей и охотиться на крупнейших в мире залежах нефти, газа и полезных ископаемых? Как и большинство других государств, Россия создала законодательство, основанное на экстрактивизме. Эта модель отношения человека с природой в последние годы описывалась на примере латиноамериканских стран, где критики наблюдали варварское отношение к природе со стороны компаний и государств, которые

продолжают колониальные отношения эксплуатации (Acosta 2013). Однако идея доминирования человека над природой прослеживается и в идеологии раннего Советского Союза (Bolotova 2012): природа не имеет ни ценности, ни смысла сама по себе, ее ценность раскрывается только тогда, когда человек использует природные ресурсы для своего существования на этой земле.

Мы можем наблюдать такую модель доминирования в Арктике в целом и в Сибири в частности. Здесь экстрактивизм в своем постсоветском выражении оказал влияние и на ценности коренных и местных жителей (Stammler, Ivanova 2016). Но как эти ценности сочетаются с плюрализмом использования ресурсов на землях коренных народов? Одновременное существование нескольких видов землепользования на одной территории становится все больше нормой, чем исключением. Сравнение различных регулятивных режимов помогает нам понять направленность процесса доминирования, которую С. Рейна и А. Берендс (Reyna, Behrends 2011) определяют как ключевой фактор, обусловливающий наличие или отсутствие конфликтов в процессе извлечения ресурсов.

В России государство на федеральном уровне осуществляет так называемое грубое доминирование (crude domination) в процессе извлечения ресурсов (Behrends, Reyna, Schlee 2011), потому что контролирует все недра, используя федеральное законодательство, которое должно одинаково работать во всех уголках огромной территории. Система российского законодательства определяет верховенство федеральных законов, тем самым представляя Россию как единое правовое пространство. Тем не менее в каждом регионе социальная жизнь закона осуществляется иначе. Мы считаем, что это лучше всего можно объяснить, используя антропологический анализ правовых традиций и мировоззрения коренных народов.

В экстремальных условиях, таких как пустыня или Арктика, физическое выживание и использование любого ресурса требуют больших человеческих усилий, ресурсы здесь обладают иной «телесностью» (corporeality), чем в условиях умеренного климата. Общества в таких условиях не используют революционные достижения неолита – не переходят к ведению сельского хозяйства производящего типа. Окружающая среда Арктики предполагает кочевой образ жизни, поскольку люди должны полагаться на ресурсы, находящиеся на поверхности с очень малой плотностью. То есть особенность арктической телесности заключается в том, что поверхностные ресурсы редки, разбросаны в пространстве и непредсказуемы (Behnke et al. 2011), в то время как ресурсы подземных ископаемых многочисленны и сконцентрированы (Добрецов, Похиленко 2010). Конечные подземные ресурсы (углеводороды, полезные ископаемые) в основном регулируются с позиции оседлого управленческого мировоззрения человеческого превосходства над

природой, в котором единственная ценность окружающей среды связывается со скрытыми ресурсами, ожидающими своей добычи (Nadasdy 2007: 223). Одновременно на той же земле люди сталкиваются с очень рассеянной телесностью поверхностных ресурсов, таких как пастбища, дикоросы, рыба. На протяжении веков человеческие сообщества разработали достаточно разумную систему использования этих ресурсов с помощью постоянного перемещения, например путем повторения кочевых сезонных циклов на северном олене. Хотя эта система, как любая жизнь на нашей планете, зависит от использования природных ресурсов, она основывается не на экстрактивизме, т.е. доминировании над природой и ее эксплуатации, а наоборот, на партнерстве с окружающей средой, равноправной частью которой чувствует себя такой человек-пользователь, как оленевод (Stammler 2005a: 213–217).

Как разные народы в Арктике, у которых есть более длительный опыт взаимодействия с ее ресурсами, чем у русских или других государственных народов, подходят к управлению ресурсами и их территориями, и в чем эти подходы отличаются друг от друга? Полевые исследования на двух примерах показывают ценность изучения традиции лидерства у таких народов для лучшего понимания их амбиций и отношения к участию в процессе промышленного освоения Арктики.

Коренные народы в рамках государственного управления ресурсами

Поскольку коренные народы были включены в территориальные национальные государства, многие из них стали оседлыми и сами приняли управленческое мировоззрение, опирающееся на экстрактивизм (Nadasdy 2007). Их отношения с промышленностью разворачиваются в рамках правового поля, основанного на платформе национального государства, что стало определяющей моделью управления после Вестфальского мирного договора 1648 г. (Shadian 2014). Этот договор защищает право национального государства на эксклюзивный доступ к земле и ресурсам на своей территории, а также право на оборону от вторжений других претендентов на использование данных ресурсов. Это существенно отличается от мировоззрения коренных жителей, основанного на партнерстве с землей и сотрудничестве с другими пользователями на взаимовыгодных условиях.

Ниже мы показываем, как два коренных народа Российской Арктики внутри поствестфальского национального государства, действующего в логике экстрактивизма, выбирают подход к управлению своими ресурсами, отражающий их традиции. Подчеркиваем, что это происходит не против, не вопреки государственному регулированию на уровне федерального законодательства, а в том пространстве, которое федеральные

законы оставляют свободным, поскольку они должны быть достаточно общими для всех субъектов, вместо того чтобы учитывать традиции и специфику отдельных этнических групп или территорий.

Читатели могут помнить энтузиазм в некоторых регионах РСФСР, когда Б. Ельцин произносил значимые для 1990 г. слова: «…берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить»[1]. На примере народов саха и ненцев, живущих на территории богатых субъектов России, мы можем объяснить, почему разные группы могли проглотить разный «объем суверенитета». Оба народа являются коренными согласно международному пониманию (Международная организация труда (МОТ), резолюция 169, ст. 1b). В России же существует иная классификация, одним из основных критериев которой является малочисленность народа (Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30 апреля 1999 г., № 82-ФЗ), почему такие народы Российской Арктики, как карелы, коми, буряты, саха (якуты) и не считаются коренными малочисленными народами РФ. Не отрицая важности количественных аспектов, мы предлагаем особое внимание уделить связи традиции титульных народов с их практикой управления своей территорией.

Якуты / Саха

В Якутии, в Восточной Сибири, тюркоязычные саха – полукочевые скотоводы (agropastoralists) – контролируют территорию размером с Индию. Народ саха, не малочисленный согласно законам РФ (по данным 2010 г. – 466 492 чел.), является титульной нацией на территории со статусом республики. Саха пытаются активно участвовать в управлении регионом, в процессах добычи алмазов, золота, угля, в нефтегазовой промышленности, что подчеркивает их тягу к контролю над землей. В эпоху перестройки, в 1990 г., была принята Декларация о суверенитете, по которой все недра были объявлены собственностью региона и его жителей (Декларация о суверенитете, Якутск, 27 сентября 1990 г. 226-XII). Больше суверенитета «проглотила» в РФ только Татарская республика, объявив себя суверенным государством на уровне РСФСР и даже СССР (Декларация о суверенитете ТССР 30 августа 1990 г. № 334-XII). В Декларации о суверенитете Республики Саха (Якутия) степень независимости от России была выражена немного меньше. В ней речь идет о первенстве Верховного совета региона, который имеет право приостанавливать действующие законы федерального уровня (ст. 2), но при этом Якутия остается частью РСФСР (ст. 1).

Отношения Якутии с федеральным центром в этой новой ситуации регулировались соглашением «О взаимоотношениях между Правительствами Российской Федерации и Республики Саха (Якутия) по эконо-

мическим вопросам» (31.03.1992)[2]. Наиболее значимым предметом этого соглашения было распределение прибыли от деятельности добывающей промышленности на территории Якутии. Стороны согласились на квоту республики от добытого золота в размере 11,5% и от ювелирных алмазов в размере 20%, которые выкупались Правительством Республики Саха (Якутия). Поскольку алмазы и золото – самые важные полезные ископаемые республики, бюджет региона стал почти полностью формироваться за счет поступлений от алмазов и золота, согласно соглашению от 31 марта 1992 г. (Иванова 2002).

Важнейшим этапом в становлении государственности народа саха стало подписание Федеративного договора[3]. Он закрепил статус республик в составе РФ и разграничил полномочия между федеральным центром и республиками. Так называемый суверенитет Республики Саха (Якутия) определялся рамками Договора. На этой основе Якутия сформировала свою систему органов законодательной, исполнительной и судебной власти с достаточно широкими полномочиями. Высший орган законодательной власти, Государственное Собрание Ил (Тумэн), имел право ратификации законов и актов РФ, относящихся к совместному ведению. Т.С. Иванова в своей работе (2002) обращает внимание на то, что ратификация предусматривала утверждение парламентом Якутии федеральных законов, и только после этого они вступали в силу на территории республики. Кроме того, Конституция республики предусматривала приостановление парламентом республики законов и иных нормативных актов Российской Федерации, если они противоречили Федеративному договору, Конституции и законам Республики Саха (Якутия) и ограничивали суверенитет республики, ущемляли права ее народа (Конституция Республики Саха (Якутия) от 4 апреля 1992 г., ч. 1 ст. 581). То есть сохранялось первенство органов власти региона в праве приостанавливать федеральные акты, как это было провозглашено в Декларации о суверенитете (Декларация о суверенитете, Якутск, 27 сентября 1990 г. № 226-XII, ст. 2).

Надо отметить, что такой вариант развития республики стал результатом общего восприятия идей перестройки в РФ и во многом соответствовал общему характеру взаимоотношений между основными государственно-политическими объединениями СССР–РСФСР. Однако, в отличие от Татарстана, Якутия никогда не воспринимала себя отдельно от России. Парадокс заключался в том, что, объявляя себя суверенной, Якутская республика оставалась частью России.

Последующие реформы, направленные на укрепление федеральной вертикали власти, привели к необходимости приведения Конституции Республики Саха (Якутия) в соответствие с федеральной (Мандзяк 2012). Изменения в первую очередь коснулись экономических основ, а также всех элементов государственно-политической независимости

республики. При этом в Якутии сохранилась тяга к законодательному регулированию отношений человека с природой на своей территории.

В дальнейшем якутские региональные законодатели приняли – первыми из всех субъектов России – ряд законов, касающихся коренных малочисленных народов Севера (КМНС) и промышленного освоения, которые даже предшествовали законам Российской Федерации. Как правило, эти региональные законы дорабатывались федеральными законодателями, а затем принимались на уровне России. Так это случилось при принятии:

– Конституции Республики Саха (Якутия) (принята 4 апреля 1992 г., приведена в соответствие с федеральной 17 октября 2002 г. 54-З № 445-II);

– Закона о родовых общинах (принят 23 декабря 1992 г. № 1279-XII1992, приведен в соответствие 20.12.2000 г. З № 237-II);

– Закона о кочевой школе (принят 22 июля 2008 г. 591-З № 73-IV, еще нет федерального закона);

– Закона о кочевом жилье для работников традиционных отраслей севера Республики Саха (Якутия) (принят 20 февраля 2004 г. З № 245-III, еще нет федерального закона);

– Закона об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) (принят 14 апреля 2010 г. 820-З № 537-IV, еще нет федерального закона).

Также в Якутии разработан проект закона о корпоративной социальной ответственности[4]. Таким образом, в республике сформирована достаточно развитая система регионального законодательства, регулирующая процесс отношений местного населения с промышленными компаниями.

Все эти факты говорят о том, что у якутов присутствует ярко выраженное стремление к самоорганизации, официальному оформлению определенной системы взаимоотношений.

Такая позиция обусловлена и историческим прошлым. Еще до появления русских в XVII в. у саха существовала довольно четкая система самоуправления, которая опиралась на собственную систему социальных иерархий. До своего присоединения к Российской империи территория саха была организована по улусам, населенным несколькими кланами (*аймах*), каждым улусом управлял «уважаемый голова» (*кулуба*, *бахылык*).

Просвещенческие идеи XVIII в. имели определенный резонанс среди якутской национальной аристократии. Был составлен «Наказ якутов»[5], который представил русской императрице Екатерине II один из лидеров якутского самоуправления Алексей Аржаков. Документ состоял из двух частей. В первой рассматривалось сложное положение якутов, обремененных выплатой ясака (пушной повинности в пользу России). Во второй части содержались предложения по закреплению зе-

мель за представителями тойонатства (тойон – якутский князь), расширению их административных и судебных функций, а также прошение о повышении их статуса до положения русских дворян. Надо учесть, что именно эта категория русского населения в XVIII в. в результате реформ Екатерины II стала свободной и обладала всеми личными, экономическими и даже прообразом политических прав (право созыва Дворянского собрания). Таким образом, своего рода равенства с русскими дворянами народ саха требовал еще в XVIII в. Но и тогда, как и в XX в., понимали, что центральная власть распространяется на них – иначе не потребовалось бы спрашивать разрешения на свободу у царских, советских или российских властей.

В XIX в., по реформе Сперанского, коренные народы были поделены на категории, принадлежность к которым определяла уровень прав и обязанностей народа. Несмотря на то что якуты были отнесены к разряду кочевых инородцев, им разрешили создать собственный парламент (Степная дума) – представительный, выборный орган, аккредитованный Российской империей. Такое право получили только некоторые кочевые народы Сибири, среди них якуты, эвенки, буряты, хакасы, сагайцы, где власти считали, что феодальные отношения были наиболее развиты. Однако это право – вести собственную политику самостоятельно через свою думу – у якутов существовало недолго. Дума была закрыта уже в 1838 г. По мнению А.А. Борисова, Л.М. Дамешека (2011), это произошло, потому что деятельность Якутской Степной думы вышла за рамки, предусмотренные Уставом Сперанского. Дума пыталась добиться больших прав и свобод для якутского населения и противодействовала вмешательству царской областной администрации и полиции во внутренний уклад жизни якутов.

В начале XX в. якутская национальная интеллигенция признала советскую власть с надеждой на получение государственного статуса и прав Якутской республики. Однако уже к концу 1920-х гг. пришло осознание, что декларированные большевиками принципы предоставления определенной доли государственной и политической самостоятельности не имеют реального воплощения. В ответ в Якутии предпринимались попытки повысить статус республики с автономной до союзной (программа конфедералистов). Земля должна была быть закреплена за Якутской республикой. В этой программе уже тогда определялось, что республика должна получать процент от добычи полезных ископаемых. Органы власти в такой республике в своих полномочиях должны были быть доведены до союзных (Иванова 2014). Если сравнить программу конфедералистов с Конституцией Республики Саха (Якутия) 1992 г., очевидным становится то, что последняя во многом переняла идеи интеллигенции 1920-х гг.

Ненцы

Ненцы Ямала и Европейского Севера России кочуют с многочисленными стадами домашних оленей по территории крупнейших в мире газовых месторождений. В отличие от народа саха, ненцы не инициировали самоуправление своими природными ресурсами на государственном уровне, не заявляли о собственном суверенитете и не требовали от российских властей права собственности и контроля в отношении своих территорий. Их взаимодействие с промышленностью интенсивно развивается в повседневных отношениях с газовиками. Для поддержания собственного образа жизни в условиях повседневного сосуществования разных видов землепользования ненцы прилагали настолько существенные усилия, что стали всемирно известным примером того, как можно успешно продолжать кочевой образ жизни в окружении крупных газовых промыслов. Ни на территории Ямбургского, Заполярного, Бованенковского, Тамбейского месторождений газа, ни на Варандейском, Южно-Хылы-Юском или других месторождениях нефти ненцы не переставали кочевать со своими многочисленными стадами домашних оленей, и поэтому стали известными как самые успешные и устойчивые оленеводы мира (Forbes et al. 2009; Stammler 2011).

В то время как ненцы имеют названные в их честь административные округа (Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа, а ранее также и Долгано-Ненецкий автономный округ), они образуют там абсолютное меньшинство, а районные парламенты состоят из русских или иных славяноязычных граждан РФ. В 2005 г. коренные малочисленные народы Севера потеряли гарантированную квоту, составлявшую трех членов парламента Ямала (Гордиенко 2005), но депутаты коренных народов были избраны даже без такой квоты. Они сосредоточились в своей работе на решении проблем на уровне подзаконных актов и программ исполнительной власти. Так, они добились утверждения в окружных правительствах обоих округов постов в ранге заместителя губернатора по КМНС и учреждения департаментов по КМНС, которые стараются принимать участие в регулировании процессов сосуществования промышленности и кочевого образа жизни. Дополнительно в ненецких округах есть право «вето» ассоциации КМНС на определенные промышленные проекты, что также указывает на ориентацию на решение именно конкретных ситуаций, а не определение общих принципов и положений прав народа в добыче и управлении природных ресурсов, как это наблюдается в Республике Саха (Якутия). Таким образом, у ненцев оленеводческий кочевой образ жизни в промышленных районах регулируется программами исполнительной власти, а не отдельными региональными законами.

До присоединения к России ненцы делились на две экзогамные группы (фратрия Харючи и фратрия Вануйто) и жили как ацефальное общество с плоской лидерской структурой. Каждый род (по-ненецки *еркар*) относится к одной из этих фратрий, или «половин», как ненцы их называют на русском языке. Однако ни фратрии, ни роды не были политическими единицами, как это было у народа саха. У ненцев «уважаемый человек» именуется словом *ерв*, что прежде всего означает «хозяин». Это может быть хозяин земли в смысле духов, но также хозяин стойбища кочевников. Однако его также могли называть *серм`пэртя*, что указывает на решение конкретных задач: *серм`пэртя* можно перевести как «ведущий дела». Соответственно, такой человек выполнял ту же функцию, которую в советском (и современном) оленеводстве выполняет бригадир: определял кто, когда и с кем выходит на дежурство со стадом, принимал решения по маршрутам, сезонному графику кочевья и т.д. (Stammler 2005a: 91). То же самое наблюдается у ненцев в рыболовстве и на охоте, когда временное лидерство и организацию берет на себя тот из равных членов группы, кто считается самым умелым. При этом он не получает особых льгот и сразу же возвращается на место рядового рыбака или охотника, как только находится кто-то еще более умелый. Функции руководителя определялись и определяются до сих пор только по личному умению и авторитету человека (192), что даже важнее, чем возраст. А.В. Головнёв называл такой тип лидерства демократичным (Golovnev 1997: 149). Мы полагаем, что такое лидерство невозможно называть политическим институтом.

Вне рамок непосредственных потребностей выживания и процветания лидеры не появлялись, пока не появлялась особая потребность в поиске выхода из конкретной ситуации (Golovnev 1997). В таких случаях лица, обладающие лучшим навыком для решения этой конкретной задачи, становились временными лидерами до ее решения, после чего занимали свое предыдущее место в оленеводческом хозяйстве и кочевали наравне с остальными. Это же наблюдается и при организации отношений с нефтегазовыми компаниями. Например, при освоении газового месторождения Бованенково на полуострове Ямал такое временное лидерство брали на себя два брата, Сергей и Александр Сэротэтто. Как состоятельные оленеводы с маршрутом кочевья через Бованенково, они сами непосредственно были заинтересованы в решении проблем промышленного освоения и прежде всего в том, чтобы оленеводы могли и дальше пользоваться своими летними пастбищами в районе месторождения, хотя со стороны «Газпрома» было предложено закрыть им доступ (Штаммлер 2008). В переговорах с компанией и муниципалитетом братья Сэротэтто добились подписания соглашений для решения конкретных задач, например организации переходов через трубопроводы, железную дорогу, автодорогу, реки, сохранения свя-

щенных мест и стойбищ (*мядырма*). В этой работе братьям помогали их формальные позиции лидерства в «русских учреждениях» – бригадир самой большой оленеводческой бригады РФ (восьмая бригада Яр Салинского совхоза) и депутат районной Думы. После того как были решены указанные проблемы с «Газпромом», братья опять сосредоточились на своем хозяйстве. Сергей, как пенсионер, отдал восьмую бригаду и стал частным оленеводом, Александр – председателем оленеводческой общины «Харп».

Приведенные выше данные полевых исследований и исторические примеры подтверждают, что ранее установленные принципы власти и лидерства у ненцев почти исключительно полагаются на личные качества, умения и уважение к определенному человеку, который на время становится лидером для выполнения конкретной задачи (Головнёв и др. 2016). Во всех остальных случаях хозяин стойбища остается самым высоким управленческим постом в ненецком обществе (Хомич 1995; Попов 2007).

Единственная ситуация, в которой можно наблюдать традицию формального лидерства у ненцев, выходящую за рамки конкретного человека, – это ситуация наследования оленеводческого хозяйства следующим поколением. Как правило, у ненцев до сих пор практикуется минорат, т.е. хозяйство отца, все права и ответственность, связанная с ними, передаются младшему сыну. В случае богатых хозяйств, собственники которых могли временно стать лидерами в решении конкретных задач, такая общая ответственность может перейти и к наследнику хозяйства. Однако если младший сын – новый хозяин – уступает по личным качествам другим, то он теряет эту функцию. Например, в Се-Яхинском сельсовете на северо-востоке Ямальского полуострова председателем сельсовета был на протяжении многих десятилетий уважаемый Николай Лачевич Окотэтто. При его руководстве трое из его четверых сыновей стали занимать ключевые позиции в сельсовете. Один, Михаил Николаевич, возглавил самую крупную оленеводческую общину Ямала «Илэбц» в начале XXI в. (Stammler 2005b), другой, Игорь Николаевич, наследовал руководство сельсоветом от отца, третий, Станислав Николаевич, возглавил пожарную часть поселка и фактически обеспечивает общественный порядок и является неформальным лидером благодаря своему авторитету. Младший сын Николая Лачевича не стал преемником отца на посту председателя сельсовета, так как личные его качества не считались подходящими, чтобы сохранить место в соперничестве с представителями другого конкурирующего большого рода на северо-востоке Ямала – Вануйто. Этот пример отражает два принципа:

1. Даже когда руководство хозяйством выглядит наследуемым, тем не менее личные качества человека играют решающую роль в ненецкой практике лидерства (Stammler 2005a: 191–192). Например, когда руко-

водство сельсовета назначалось компартией, Николай Лачевич Окотэтто удерживал это место через свой личный авторитет, так же как и после распада Советского Союза, когда этот пост уже определялся через выборы. Потом руководящие места в сельсовете передавались сыновьям не только потому, что они наследники, а потому, что они зарекомендовали себя как отличные специалисты. Безусловно, мы не отрицаем, что отец определенным образом готовил их на эти должности своим примером, позицией, связями, они получили определенные выгодные условия, чтобы проявить себя на данных постах.

2. В руководящих ролях ненцы в более крупных объединениях, таких как сельсовет, родовая община, оленеводческий совхоз или оленеводческая бригада, тем не менее воспринимают себя как *ерв*, как хозяина стойбища или хозяйства, который отвечает за благополучие своих стад и своих семей. Все эти позиции в учреждениях, которые больше, чем стойбище оленеводов, вплоть до государства, воспринимаются ненцами как такие же по структуре и задачам. Это, по сути, русские структуры, в которые ненцы входят, чтобы обеспечить перспективы, стабильность и безопасность своих хозяйств. Это наблюдается даже в участии ненцев в международных организациях, например в Союзе оленеводов мира. Там ненецкие президенты (как Д.О. Хороля) или члены правления (как А.С. Сэротэтто) по цели и задачам могли напрямую сосредоточиться на развитии, сохранении оленеводства и распространении их успешного опыта по ведению оленеводческого хозяйства на другие народы.

На любых уровнях власти и на любых постах лидера у ненцев никогда не наблюдается тяга к увеличению власти и институциализации власти или более принципиальному признанию федеральной властью ненецкой структуры власти или государственности. Насколько мы можем судить по собственным материалам, ненецкие амбиции к увеличению контроля над своими территориями, да и то в шутку, звучали лишь однажды, когда писатель и журналист Хабэча Яунгад на встрече Союза оленеводов России в 2002 г. предлагал три автономных округа ненцев объединить в один общий – Ненецкий край.

Обсуждение результатов

В России Ямал и Якутия считаются успешными регионами в управлении добывающей промышленностью, однако различие подходов в этих регионах удивляет, если учесть, что существует единый централизованный правовой режим. Анализ указанных различий может быть продуктивным при использовании антропологических сведений о традициях социальной организации, структурах родства и управления в сообществах, с которыми взаимодействует промышленность в Россий-

ской Арктике. Для якутов-саха более важны формальные законы, поскольку они имеют давнюю историю интереса и амбиций в создании собственной государственности. Традиционные структуры лидерства – иерархические, и клан является основной социальной единицей коллективного политического лоббирования, как и в соседней Центральной Азии, откуда народ саха первоначально мигрировал в Арктику. Клан саха превосходит профессиональные или другие группы интересов. Вот почему основная юридическая единица землепользования коренного населения в Республике Саха (Якутия) называется «родовая и родоплеменная кочевая община», в то время как на Ямале это объединения по «территориально-соседскому принципу», хотя Федеральный закон позволяет использовать оба термина (Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ).

Таким образом, хотя оба народа имеют в своих субъектах федерации статус «титульная нация», у ненцев меньше политической власти, чем у саха. При этом в ненецких округах присутствует более прочная поддержка образа жизни КМНС по сравнению с саха. Ненцы менее инициативны в законотворчестве, поскольку они никогда не имели иерархического руководства, интересов и амбиций в создании собственной государственности. Однако в отдельных случаях и конкретных обстоятельствах, а не в принципе, они успешно ведут переговоры по управлению ресурсами в отношении их непосредственных стад оленей, рыболовных и охотничьих угодий. Этот успех лежит в нахождении рациональной «ниши» для своего вида хозяйствования в конкретной практике, в существующей российской государственной рамке, например через отдельные статьи расходов в бюджетах и госпрограммах округов. Саха склонны к более принципиальному решению вопроса не конкретного, только одного случая или ситуации, а к установлению общих правил, прав и законов по участию и контролю в управлении своими территориями.

Это показывает, как изучение систем регулирования, иерархии и управления у определенных народов помогает нам понять разнообразие социальных контекстов, в которых разворачивается деятельность добывающей промышленности в Российской Арктике, несмотря на единое всероссийское централизованное правовое пространство, которое должно быть одинаковым даже в самых отдаленных уголках страны.

Примечания

[1] Борис Ельцин: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». URL: http://yeltsin.ru/news/boris-elcin-berite-stolko-suverineteta-skolko-smozhete-proglotit

[2] Пресс-служба Ил Тумэна: «Рабочая группа обсудила проект закона о социальной и экологической ответственности компаний-природопользователей на территории Якутии». URL: http://lawru.info/dok/1992/03/31/n480158.htm

[3] Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации. Москва, 31 марта 1992 г. URL: http://constitution.garant.ru/act/federative/170280/

[4] «О социальной и экологической ответственности компаний-природопользователей на территории Республики Саха (Якутия)». URL: http://iltumen.ru/content/rabochaya-gruppa-obsudila-proekt-zakona-o-sotsialnoi-i-ekologicheskoi-otvetstvennosti-kompan

[5] Полное название документа: «План о якутах с показанием казенной пользы и выгоднейших положениев для них» (подробнее см. Гоголев 2005, гл. 2).

Литература

Acosta A. Extractivism and neoextractism: two sides of the same curse // Beyond Development. Alternative Visions from Latin America / eds. by M. Lang, D. Mokrani. Amsterdam: Transnational Institute, 2013.

Bolotova A. Loving and Conquering Nature: Shifting Perceptions of the Environment in the Industrialised Russian North // Europe-Asia Studies. 2012. № 64 (4). P. 645–671.

Behnke R.H., Fernandez-Gimenez M.E., Turner M.D., Stammler F. Pastoral migration: mobile systems of livestock husbandry // Animal Migration / eds E.J. Milner-Gulland, J.M. Fryxell, A.R.E. Sinclair. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 144–171.

Behrends A., Reyna S., Schlee G. (eds.) Crude Domination: an Anthropology of Oil. New York; Oxford: Berghahn Books, 2011.

Forbes B.C., Stammler F., Kumpula T., Meschtyb N., Pajunen A., Kaarlejärvi E. High resilience in the Yamal-Nenets social-ecological system, West Siberian Arctic, Russia // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2009. Vol. 106, № 52. P. 22041–22048 + 9 supplementary information.

Golovnev A. Indigenous Leadership in Northwestern Siberia: Traditional Patterns and Their Contemporary Manifestiations // Arctic Anthropology. 1997. № 34 (1). P. 149–166.

Nadasdy P. Adaptive co-management and the gospel of resilience // Adaptive co-management: collaboration, learning and multi-level governance / eds. by D. Armitage, F. Berkes, N. Doubleday. Vancouver, B.C.: UBC Press, 2007. P. 208–227.

Reyna S., Behrends A. The Crazy Curse and Crude Domination: Towards an Anthropology of Oil // Crude Domination: an Anthropology of Oil / eds. by A. Behrends, S. Reyna, G. Schlee. New York; Oxford: Berghahn Books, 2011. P. 1–15.

Shadian J.M. The Politics of Arctic Sovereignty: Oil, Ice, and Inuit Governance. London: Routledge, 2014.

Stammler F. Reindeer Nomads Meet the Market: Culture, Property and Globalisation at the End of the Land. Münster: Lit Verlag, 2005a.

Stammler F. The Obshchina Movement in Yamal: Defending Territories to Build Identities? // Rebuilding Identities: Pathways to Reform in Postsoviet Siberia / ed. by E. Kasten, Siberian Studies. Berlin: Reimer, 2005b. P. 109–134.

Stammler F. Oil Without Conflict? The Anthropology of Industrialisation in Northern Russia // Crude Domination: an Anthropology of Oil / eds. by A. Behrends, S. Reyna, G. Schlee. New York; Oxford: Berghahn Books, 2011. P. 243–269.

Stammler F., Ivanova A. Confrontation, coexistence or co-ignorance? Negotiating human-resource relations in two Russian regions // The Extractive Industries and Society. 2016. Vol. 3, № 1. P. 60–72.

Борисов А.А., Дамешек Л.М. Степные думы Сибири: исторический опыт самоуправления в имперской системе власти // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2011. № 1 (6). С. 123–135.

Гоголев А.И. История Якутии. Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 2005.

Головнёв А.В., Перевалова Е.В., Белоруссова С.Ю. Киссер Т.С. Этнопроект, или Персонализация этничности // Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (35). С. 142–148.

Гордиенко Л. Аборигенов лишили квот в парламентах Ямала. 2005. URL: http://www.vsluh.ru/news/politics/52993.html

Добрецов Н.Л., Похиленко Н.П. Минеральные ресурсы Российской Арктики, проблемы и технологии их освоения // Геология и геофизика. 2010. Т. 51, № 1. С. 126–141.

Иванова Т.С. Государственность Республики Саха (Якутия): истоки, пути развития, проблемы. Якутск: Якут. филиал Изд-ва СО РАН, 2002.

Иванова А.А. К проблеме выбора альтернативы государственно-политического развития Якутии в начале XX века // Проблемы и перспективы современного права. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. С. 10–12.

Мандзяк Р. За двадцать лет Конституция Якутии изменилась до неузнаваемости. 12.06.2012. URL: http://www.vsesmi.ru/news/6161899/

Попов С.Н. Самоуправление в догосударственных обществах // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 17. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/samoupravlenie-v-dogosudarstvennyh-obschestvah.

Хомич Л.В. Ненцы: Очерки традиционной культуры. СПб.: Русский Двор, 1995.

Штаммлер Ф.М. Кочевой образ жизни оленеводов в прибрежной зоне Западной Сибири (Ямал): возможности и ограничения в свете недавних перемен // Экологическое планирование и управление. 2008. № 3–4 (8–9). С. 78–91.

Статья поступила в редакцию 11 октября 2017 г.

Ivanova Aytalina A., Stammler Florian M.

THE DIVERSITY OF NATURAL RESOURCE GOVERNANCE IN THE RUSSIAN ARCTIC

DOI: 10.17223/2312461X/18/12

Abstract. Many indigenous peoples in the Arctic have a longer experience of engaging with its resources than Russians or other peoples who have their own states. What are the governance approaches of these people to the natural resources and their territories, and in what ways do these approaches differ from each other? In this article, we analyse the relationship of two Arctic Russian peoples to natural resources governance on their ancestral lands and to regulative practice by the Federal Russian State, which adopted laws based on the idea of extractivism. We demonstrate the value of studying the tradition of leadership and what we call the 'craving for statehood' using two examples, the Sakha and the Nenets people. We explain why the Sakha people try to ensure their participation in the natural resource governance through the adoption of regional laws, while the Nenets concentrate on solving specific problems affecting directly their reindeer herding and fishing lifestyle. This understanding becomes possible by taking into account in detail the history of the culturally specific social structure of a society of a certain people and its own leadership institutions. With this comparison in the article, we demonstrate an unexpectedly rich diversity of natural resource governance and non-Russian legal traditions in the 'ethnic' Russian Arctic. It is worth nothing that all this diversity unfolds within the general framework of a single legal space under the umbrella of the constitution of the Russian Federation as a post-Westphalian nation state.

Keywords: indigenous legal traditions, natural resources governance, Arctic extractive industries, extractivism, Sakha (Yakuts), Nenets

References

Acosta A. Extractivism and neoextractism: two sides of the same curse. In: Lang M. and Mokrani D. (eds). *Beyond Development. Alternative Visions from Latin America*. Amsterdam: Transnational Institute, 2013.

Bolotova A. Loving and Conquering Nature: Shifting Perceptions of the Environment in the Industrialised Russian North, *Europe-Asia Studies*, 2012, no. 64(4), pp. 645–671.

Behnke R.H., Fernandez-Gimenez M.E., Turner M.D., Stammler F. Pastoral migration: mobile systems of livestock husbandry. In: *Animal Migration*, eds E.J. Milner-Gulland, John M. Fryxell, Anthony R.E. Sinclair. Oxford: Oxford University Press, 2011, pp. 144–171.

Behrends A., Reyna S., Schlee G. (eds.) *Crude Domination: An Anthropology of Oil*. New York & Oxford: Berghahn Books, 2011.

Forbes B.C., Stammler F., Kumpula T., Meschtyb N., Pajunen A., Kaarlejärvi E. High resilience in the Yamal-Nenets social-ecological system, West Siberian Arctic, Russia, *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2009, Vol. 106, no. 52, pp. 22041–22048 +9 supplementary information.

Golovnev A. Indigenous Leadership in Northwestern Siberia: Traditional Patterns and Their Contemporary Manifestiations, *Arctic Anthropology*, 1997, no. 34(1), pp. 149–166.

Nadasdy P. Adaptive co-management and the gospel of resilience. In: *Adaptive co-management: collaboration, learning and multi-level governance*. Eds D. Armitage, F. Berkes, N. Doubleday. Vancouver, B.C.: UBC Press, 2007, pp. 208–227.

Reyna S., Behrends A. The Crazy Curse and Crude Domination: Towards an Anthropology of Oil. In: Behrends A., Reyna S., Schlee G. (eds.) *Crude Domination: An Anthropology of Oil*. New York & Oxford: Berghahn Books, 2011, pp. 1–15.

Shadian J.M. *The Politics of Arctic Sovereignty: Oil, Ice, and Inuit Governance*. London: Routledge, 2014.

Stammler F. *Reindeer Nomads Meet the Market: Culture, Property and Globalisation at the End of the Land*. Münster: Lit Verlag, 2005a.

Stammler F. The Obshchina Movement in Yamal: Defending Territories to Build Identities? In: *Rebuilding Identities: Pathways to Reform in Postsoviet Siberia*. Edited by E. Kasten, Siberian Studies. Berlin: Reimer, 2005b, pp. 109–134.

Stammler F. Oil Without Conflict? The Anthropology of Industrialisation in Northern Russia. In: Behrends A., Reyna S., Schlee G. (eds.) *Crude Domination: An Anthropology of Oil*. New York & Oxford: Berghahn Books, 2011, pp. 243–269.

Stammler F., Ivanova A. Confrontation, coexistence or co-ignorance? Negotiating human-resource relations in two Russian regions, *The Extractive Industries and Society,* 2016, Vol. 3, no. 1, pp. 60–72.

Borisov A.A., Dameshek L.M. Stepnye dumy Sibiri: istoricheskii opyt samoupravleniia v imperskoi sisteme vlasti [Siberian Steppes Dumas: Historical Experience in Self-Administration within the Empire Government System], *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta.* Seriia: Politologiia. Religiovedenie, 2011, no. 1(6), pp. 123–135.

Gogolev A.I. *Istoriia Iakutii* [The history of Yakutia]. Iakutsk: Izd-vo IaGU, 2005.

Golovnev A.V., Perevalova E.V., Belorussova S.Iu. Kisser T.S. Etnoproekt, ili personalizatsiia etnichnosti [Ethnoproject, or Ethnicity personalization], *Ural'skii Istoricheskii Vestnik,* 2016, no. 4 (35), pp. 142–148.

Gordienko L. *Aborigenov lishili kvot v parlamentakh Iamala* [The aboriginals were deprived of their seats in the parliaments of Yamal]. 2005. Available at: http://www.vsluh.ru/news/politics/52993.html

Dobretsov N.L., Pokhilenko N.P. Mineral'nye resursy rossiiskoi arktiki, problemy i tekhnologii ikh osvoeniia [Mineral resources and development in the Russian Arctic], *Geologiia i geofizika*, 2010, Vol. 51, no. 1, pp. 126–141.

Ivanova T.S. *Gosudarstvennost' Respubliki Sakha (Iakutiia): istoki, puti razvitiia, problemy* [The statehood of the Republic of Sakha (Yakutia): the origins, development paths, and problems]. Iakutsk: Iakutskii filial Izdatel'stva SO RAN, 2002.

Ivanova A.A. K probleme vybora al'ternativy gosudarstvenno-politicheskogo razvitiia Iakutii v nachale XX veka [Toward the issue of choosing alternative state and political

development of Yakutia in the early XX century], *Problemy i perspektivy sovremennogo prava* [Problems and prospects of contemporary law]. Ufa: RITs BashGU, 2014, pp. 10–12.

Mandziak R. *Za dvadtsat' let konstitutsiia Iakutii izmenilas' do neuznavaemosti* [Over the 20 years, the Constitution of Yakutia has changed beyond recogntion]. 12.06.2012 Available at: http://www.vsesmi.ru/news/6161899/.

Popov S.N. Samoupravlenie v dogosudarstvennykh obshchestvakh [Self-governance in pre-state societies], *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, no. 17. Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/samoupravlenie-v-dogosudarstvennyh-obschestvah.

Khomich L.V. *Nentsy: Ocherki traditsionnoi kul'tury* [The Nenets: essays on traditional culture]. St. Petersburg: Russkii Dvor, 1995.

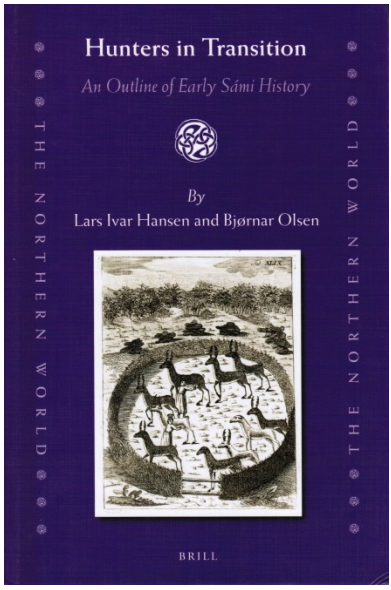
Stammler F.M. Kochevoi obraz zhizni olenevodov v pribrezhnoi zone Zapadnoi Sibiri (Iamal): vozmozhnosti i ogranicheniia v svete nedavnikh peremen [The nomadic way of life of reindeer herders in the coastal area of Western Siberia (Yamal): opportunities and limitations in light of recent changes], *Ekologicheskoe planirovanie i upravlenie*, 2008, no. 3–4 (8–9), pp. 78–91.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 316.7
DOI: 10.17223/2312461X/18/13

СААМЫ: КОНТЕКСТЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Hansen Lars Ivar, Olsen Bjørnar. *Hunters in Transition. An Outline of Early Sámi History*. Leiden & Boston: Brill, 2014. 402 p. ISBN 978-90-04-25254-7.



«Народ без истории?» Не случайно это широко известное определение коренных народов (indigenous peoples) Э. Вольфом, стяжавшее коннотации «застывшей» в своих категориальных признаках этнографической культуры, для Л.И. Хансена – норвежского историка и Б. Ольсена – археолога становится ключевым вопросом (знак вопроса в данном случае добавлен авторами рецензируемой работы) и преамбулой исследования. Предлагая всеобъемлющий очерк двухтысячелетней истории саамов – от периода железного века и до середины XVIII в., авторы ставят своей задачей обсуждение вопросов саамского прошлого не в традиционной области этнографии или лаппонистики как перспективы осмысления саамской культуры и общества с позиций холизма, а в дисциплинарных рамках истории. Подобная постановка вопроса становится актуальной с 1970-х гг. и находится в русле переосмысления

фундаментальных эпистемологических оснований и методологических подходов, подразумевающих дихотомизацию народов и культур как своих / чужих, современных / традиционных (примитивных). Именно в этой перспективе, по мнению авторов, Völkerkunde, или этнография, сформировалась как «академическая альтернатива для коренных народов, меньшинств и многих незападных народов» (p. 4) (в том числе и для саамов), в то время как историческая репрезентация «примитивных народов» осуществлялась преимущественно через призму истории других народов.

Тем не менее перевод фокуса саамских исследований в дисциплинарные рамки истории сопровождается обращением авторов к теоретическим концепциям и инструментам исследования, сформированным в рамках социальной антропологии и социологии, таким как процессуальный подход к этничности Ф. Барта, концепт «habitus» П. Бурдье и теория структурации Э. Гидденса. Основные сюжеты рецензируемой книги, такие как паттерны поселений, культурный репертуар саамов, сопрягаемый в различные исторические периоды с артикуляцией этничности, модели экономического существования, а также переход от охоты к оленеводству как одна из наиболее значимых социальных трансформаций, которую претерпело саамское общество, традиционно и весьма органично включаются в проблемное поле истории. Однако Хансен и Ольсен анализируют не только изменения саамского образа жизни и общества, но и изменяющиеся способы концептуализации культуры, этничности, социальных изменений в социальных и гуманитарных науках. В этом плане первые главы книги – «Введение» и «Изменение представлений о происхождении саамов», определяющие концептуальную схему исследования социальной и культурной истории саамов Северной Фенноскандии, содержат ряд теоретических положений, стимулирующих переосмысление привычных точек зрения на судьбу коренных народов и их культурного наследия в различных контекстах – историческом, социальном, национальном и глобальном.

Так, Хансен и Ольсен предлагают пересмотреть еще достаточно распространенные представления о саамской культуре как об «аутентичной, гомогенной и статичной» (p. 7), справедливо утверждая, что саамы всегда были в той или иной степени частью социальных и экономических сетей, включающих взаимодействия с «другими народами и вещами» (p. 6). При этом научный дискурс происхождения саамов и саамской этничности сопрягается авторами с политическими, экономическими и социальными процессами в Северной Европе, такими как формирование национальных государств и национальной идентичности, в контексте которых в последней четверти XX в. разворачиваются острые дискуссии о правах саамов как коренного народа (p. 31). «Саамская этничность» понимается не как «готовая» (ready-made), всегда су-

ществовавшая (т.е. примордиальная) или же, напротив, возникшая в результате миграции категория (p. 100), а как результат длительного взаимодействия охотников и собирателей Северной Фенноскандии, с одной стороны, и земледельческого населения – с другой. Вопросы возникновения саамской этничности, формирования «пан-саамского репертуара символов» (p. 125), «этнической консолидации» (p. 133), релевантности и локализации этнических категорий (например, саамской идентичности) в различных пространственных, временных (железный век, эпоха викингов) и социальных контекстах обсуждаются в парадигме этничности Фредерика Барта. В этой связи чрезвычайно интересной представляется также постановка вопроса о факторах, определяющих «видимость» и «невидимость» саамской культуры в археологическом материале и исторических текстах.

Фокусируя свое внимание на развитии норвежско-саамских контактов, авторы, тем не менее, включают в поле своего зрения также русско-саамские и финско-саамские взаимодействия. При этом межэтнические контакты и конфликты обретают свою форму и анализируются ими в контексте колонизации, интеграции в «экономические и политические сети» и христианизации (p. 141) населения Северной Фенноскандии. Разграничение колонизации, которая была вызвана в основном экономическими стимулами, и колонизации, обусловленной главным образом политическими мотивами (p. 155), представляется весьма перспективным для понимания значимых тенденций конституирования новых рамок и условий взаимодействий, в которые вовлекаются коренные народы в границах государства. Авторы подвергают критическому анализу весьма распространенную точку зрения, согласно которой столкновения саамов с другими культурами, государственными образованиями, рыночной экономикой и современностью понимаются как ведущие к упадку, разрушению и потере культуры. Именно в этой перспективе изменения в индигенных контекстах, по мнению авторов, могут приобретать негативные, односторонние коннотации. Хансен и Ольсен справедливо подчеркивают, что «процессы изменений не всегда приводили к одинаково негативным последствиям и не имели один и тот же эффект на всей территории расселения саамов» (p. 231). Преодоление дискурсов виктимизации «другого» – коренных народов, саамов – становится одной из важнейших задач авторов рецензируемой книги. Очевидно, поэтому репрезентация комплементарных межэтнических взаимодействий, развивающихся в логике взаимного признания акторами экономических интересов, социальных притязаний и культурных различий, а также паттернов социальных и культурных взаимодействий в границах саамских сообществ и между ними, постоянно находятся в фокусе внимания авторов. Социальные и культурные изме-

нения, таким образом, получают импульсы развития и находят поддержку, в том числе и внутри саамских контекстов.

Хансен и Ольсен предлагают двухуровневую структуру текста, сопровождая свой анализ чрезвычайно интересными и информативно насыщенными вставками дескриптивного характера, такими как «Саамский язык», «Охота на медведя и обряды», «Саамский бубен». Это позволяет не только расширить перспективу исследования, но и сфокусировать внимание на тех аспектах саамской культуры, которые давно и устойчиво привлекают к себе внимание и исследователей, и широкой общественности. Но одновременно такой способ организации пространства научного текста приводит также и к частичному совмещению ранее разъединенных форматов репрезентации саамской культуры – дескриптивного, преимущественно этнографического, с одной стороны, и многомерной исторической ретроспективы социальный и культурных изменений – с другой.

При этом «Hunters in Transition. An Outline of Early Sámi History», будучи версией книги, ранее изданной на норвежском языке (Hansen, Olsen 2004) и пересмотренной в соответствии с результатами новейших исследований в этой области, в свою очередь, также способствует смещению дискурса саамской истории и культуры в более широкий социальный и научный контекст.

Литература

Hansen L.I., Olsen B. Samenes historie fram til 1750. Oslo: Cappelen Akademisk Forlag, 2004.

А.И. Куропятник, М.С. Куропятник

Санкт-Петербургский государственный университет

Рецензия поступила в редакцию 20 июня 2017 г.

Kuropjatnik Alexander I., Kuropjatnik Marina S., Saint Petersburg State University

THE SAAMI: CONTEXTS AND INTERPRETATIONS OF SOCIAL AND CULTURAL CHANGES

Review of Hansen Lars Ivar, Olsen Bjørnar. *Hunters in Transition. An Outline of Early Sámi History*. Leiden & Boston: Brill, 2014. 402 p. ISBN 978-90-04-25254-7.

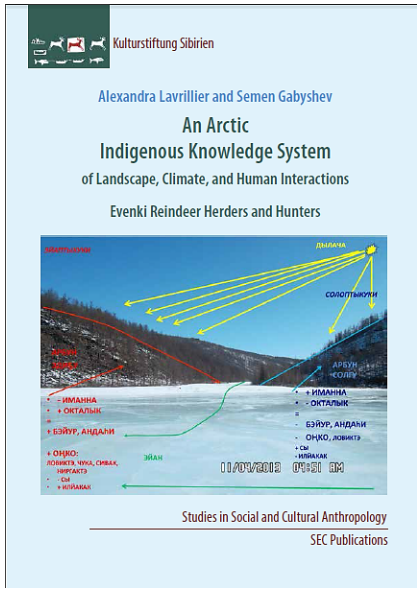
References

Hansen L.I., Olsen B. *Samenes historie fram til 1750*. Oslo: Cappelen Akademisk Forlag, 2004.

УДК 397.4
DOI: 10.17223/2312461X/18/14

СНЕЖНЫЙ ЛАНДШАФТ ЭВЕНКИЙСКОЙ ТАЙГИ: ТРАДИЦИОННЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ VS НАУЧНЫЙ ДИСКУРС*

Lavrillier A., Gabyshev S. *An Arctic Indigenous Knowledge System of Landscape, Climate, and Human Interactions: Evenki Reindeer Herders and Hunters*. Fürstenberg/Havel: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2017. 467 p. ISBN: 978-3-942883-31-3. (http://www.siberian-studies.org/ publications/PDF/lavgab.pdf)



Авторы рецензируемой монографии – социальный антрополог Александра Лаврилье из Университета Версаль-Сен-Кантен-ан-Ивелин и эвенк из Якутии Семён Габышев. Объемный труд, более 450 страниц, посвящен «традиционным экологическим знаниям» (ТЭЗ) эвенков и представляет собой результат длительной полевой работы, проводимой Лаврилье в Якутии и Амурской области с 1990-х гг. и по сей день. Александра Лаврилье хорошо известна в сибириведении не только как автор фундаментальных исследований, посвященных различным аспектам культуры эвенков (Lavrillier 2011, 2013a, 2016 и др.), но и как учре-

* Рецензия написана в рамках проекта «“*Ресурсное проклятие*” на циркумполярных территориях: российский и международный опыт анализа и урегулирования конфликтов из-за невозобновляемых ресурсов в местах традиционного проживания аборигенных этнических групп», грант РНФ № 15-18-00112, рук. Д.А. Функ.

дитель кочевого детского сада в якутской тайге, призванного возродить эвенкийский язык (Lavrillier 2013b). Ее соавтором является эвенкийский охотник и оленевод Семён Габышев, участник проекта BRISK (Linking the Scientific Knowledge on Arctic Change to That of Aboriginal Peoples: Vulnerability and Adaptation of Societies and the Environment), который реализуется на базе вышеназванного университета (http://www.cearc.fr/content/brisk).

Рецензируемая монография затрагивает многие аспекты традиционных экологических знаний эвенков, остававшиеся практически неизученными из-за сложности проведения столь масштабных и длительных коллективных исследований, и, безусловно, является важным вкладом в этноэкологические и антропологические исследования коренных народов Сибири. Из-за отсутствия подобных работ этот факт сам по себе заслуживает внимания, особенно учитывая, что часть монографии написана на эвенкийском языке, находящемся под угрозой исчезновения. Отмечу, что для меня эта монография представляет особый интерес в свете моих профессиональных занятий. Последние десять лет я занимаюсь различными аспектами языка и культуры эвенков, живущих преимущественно в Эвенкийском муниципальном районе и на Дальнем Востоке. По причине того, что данная работа во многом новаторская, рецензировать ее довольно сложно, поэтому я позволила себе отойти от классического формата рецензии и написать скорее эссе на основе мыслей и критических замечаний, которые у меня появились во время чтения текста. Можно считать эту рецензию заметками на полях рецензируемой книги.

Прежде чем я перейду к содержанию работы, хотелось бы сказать несколько слов о ТЭЗ и этноэкологии в целом, так как отечественные исследования в этой области применительно к Сибири остаются малоизвестными как в российской социальной антропологии, так и за рубежом, несмотря на наличие работ сотрудников сектора этноэкологии Института этнологии и антропологии РАН (см. обзор: Yamskov 2006; Ямсков 2013). Исключение составляют, пожалуй, исследования И.И. Крупника (Крупник 1989; Krupnik 1993 и др.), которые хорошо известны широкому кругу специалистов, занимающихся Арктикой. Об этом пишут и авторы (pp. 14–15), указывая на почти полное отсутствие работ на русском языке. Действительно, зачастую то, что понимается под этноэкологией или этнической экологией, на практике оборачивается лишь документацией «традиционных» знаний и типов природопользования в форме интервью и полевых наблюдений: в той или иной степени этим занимаются все полевые антропологи. Тем не менее существуют хотя и немногочисленные, но важные исследования по ТЭЗ, проведенные среди коренных народов Сибири и опубликованные за последнее десятилетие, которые в монографии Лаврилье и Габышева, к

сожалению, не упомянуты (см., например, масштабное исследование ТЭЗ коренных народов Таймыра в: (Клоков и др. 2012; Klokov 2011; Богословская и Крупник 2013; Макеев и др. 2014). Напротив, в западной социальной антропологии эта область знаний довольно развита. Существуют не только множество подходов к изучению традиционных экологических знаний, в том числе коренных народов, но также и их критика (см. обзор в Kim et al. 2017). Говоря о ТЭЗ, ученые обычно подразумевают комплекс «знания–практики–верования». Иными словами, ТЭЗ коренных народов представляют собой совокупность знаний, практик и верований о взаимоотношениях живых организмов, включая людей, друг с другом и окружающей средой, которая обнаруживает себя в ходе адаптации и передается из одного поколения в другое посредством культурных практик (Berkes, Cololing, Folke 2000: 1252). В целом авторы монографии придерживаются именно такого подхода.

В продолжение вышесказанного об источниках, использованных в монографии, следует отметить, что немалое удивление вызывает тот факт, что в рецензируемой монографии нет ссылок на работы по ТЭЗ эвенков из других регионов, которые имеют непосредственное отношение к теме рецензируемой работы. Из основных исследований можно назвать статью Леонор Гренобль (Grenoble 2011) про классификацию и терминологию видов снега, работу М.Х. Белянской (2004), посвященную адаптации эвенков и эвенов, статьи Донатаса Брандишаускаса (Brandišauskas 2007, 2011), автора недавно вышедшей монографии (2017) об охотничьих и оленеводческих занятиях ороченов и их космологии, а также отдельные работы Д. Андерсона, В.В. Симоновой, В.Н. Давыдова, о которых я буду говорить далее. В тексте временами появляются ссылки на объемную монографию А.А. Сириной (2012), в которой на широком сравнительном материале, собранном в различных эвенкийских сообществах, автор рассматривает традиционные подходы эвенков к природопользованию и окружающей среде. Однако в списке литературы название этой работы указано неполно. Не включена и работа эвенкийской ученой А.Н. Мыреевой (2001), которая посвящена специальной лексике в эвенкийском языке, относящейся к традиционным экологическим знаниям эвенков. Безусловно, все перечисленные работы должны быть хорошо известны авторам. Предположу, что отсутствие ссылок отчасти связано с их подходом к исследованию ТЭЗ, который призван уравнять научные знания со знаниями представителей коренных народов. В этой связи авторы предпочли не обращаться к существующим научным текстам о климатологии, снеге, типологии растений, а также не смотрели переводы некоторых эвенкийских терминов до окончания исследования (p. 33).

Мне хотелось бы остановиться на этом подходе к ТЭЗ подробнее и обсудить его в свете того, как сами авторы понимают взаимодействие

между исследователями и представителями коренных народов, так как именно данная тема является центральной в монографии.

Во введении (pp. 34–36) Лаврилье и Габышев пишут о том, что в антропологических исследованиях представители коренных народов зачастую упомянуты лишь в разделе благодарностей, но редко становятся полноценными соавторами. Ученые не считают нужным уравнивать последних в правах на обладание научным знанием, которое рассматривается как противоположенное традиционному знанию (см. дискуссию в (Berkes et al. 2000)). В данной монографии предпринимается попытка пересмотреть такой по сути «колониальный» подход, сделав границу между двумя видами знаний более прозрачной. Действительно, указанная проблема заслуживает особого внимания; она неоднократно обсуждалась в литературе про ТЭЗ, особенно среди исследователей, пишущих про внедрение традиционных знаний и подходов в образование (Kimmerer 2002; Reid, Teamcy, Dillon 2004). Однако в подобном сравнении, на мой взгляд, уже заложено противопоставление «научного» и «традиционного», которое лишь усиливается используемыми в работе сравнениями. Так, коллективные собрания в палатке, когда охотники и оленеводы обсуждают вопросы, связанные с традиционными видами деятельности, авторы называют «научным семинаром», обучение в тайге – «кочевым университетом», а самих эвенков – «номадами-лекторами». Показательна в этом отношении таблица (p. 20), в которой авторы сопоставляют научные и традиционные способы исследования, доказывая их близость друг другу по ряду критериев: моделирование, использование специальной терминологии, тестирование и некоторые другие (ср. с таблицей «индигенные знания» vs «современные знания» в Studley 1998). Однако производство знаний действительно имеет много общего, так как эта деятельность относится к познавательной сфере, вне зависимости от того, идет ли речь о науке или знаниях кочевников. Основной вопрос заключается в том, для чего нам нужно утверждение, что устные знания коренных народов ничем не уступают статьям кабинетных ученых? Если авторы считают, что подобное сравнение правомерно и важно, то почему бы тогда не рассматривать академическую науку так, как если бы речь шла о традиционном знании? Иначе при чтении теста возникает ощущение, что авторы пытаются «оправдать» традиционные знания коренных народов, показывая, что они ничем не хуже научных и могут быть даже полезны. Иными словами, именно последние признаются в качестве эталона для подражания. Антрополог в таком случае перестает быть хоть и вовлеченным, но наблюдателем, и становится на позицию эксперта и активиста, продвигающего знания коренных народов, а иногда и создающего их по образцу официальной науки.

Во многом неясным остается разграничение коллективных и индивидуальных прав на знания (p. 18), которое понимается в работе, ско-

рее, как перечисление имен эвенков, принявших участие в проекте, а также тот факт, что соавтором монографии выступает представитель коренного народа. То есть под правами подразумевается скорее авторство конкретных текстов (глав), а не анализ того, кому принадлежат знания коренных народов и существует ли в этой области авторское право наподобие того, что мы видим в научных изданиях (Battiste, Henderson 2000). Эта проблема поднимается во введении, но практически не исследуется в тексте монографии. Эвенки в работе представлены единой группой без каких-либо различий внутри нее. Например, из текста так и не удалось выяснить, в каких поселках Лаврилье и Габышев проводили исследования и какое количество человек приняло участие в этом проекте. Указано также, что все тексты на эвенкийском языке написаны на диалектах, но не говорится, на каких и сколько носителей языка владеет этими диалектами. Хотелось бы также узнать, работали ли авторы монографии с членами сообщества, которые недостаточно хорошо владеют эвенкийским языком, а также с теми, кто не вовлечен в традиционные занятия. Последнее важно в свете языкового сдвига, так как традиционные знания отчасти связаны с функционированием языка. Этот факт как раз и затрагивает проблему коллективных и индивидуальных прав, когда отдельные носители языка используют свои знания, выступая экспертами в области культуры, что не всегда находит поддержку у других членов сообщества, которые чувствуют себя исключенными из процесса принятия решений, что может усиливаться на фоне других конфликтов, например вокруг ресурсов (May 2005; Мамонтова 2013).

Рассмотрим структуру монографии. Она состоит их двух объемных глав: 1. Система и типология традиционных экологических знаний эвенков (The system of Evenki ecological knowledge and its typologies, pp. 41–367) и 2. Наблюдение и прогнозирование норм, аномалий и трансформаций (Observing and predicting norms, anomalies, and transformations, pp. 369–449). В первой главе речь идет о традиционном календаре, рассматриваются типологии ландшафтов, облаков, ветров, снега, растительности, а также обсуждается эвенкийская климатология. Раздел про ландшафтную терминологию является для меня наиболее интересным, так как мое последнее исследование посвящено именно этой теме. Я рассмотрю его подробнее, тем более что все остальные разделы написаны в том же стиле. В данном разделе собраны географические термины на эвенкийском языке, перечисленные в свободном порядке. К каждому термину прилагаются фотография или рисунок, а также пояснительный текст на эвенкийском языке с переводами на русский и английский языки. Отмечу, что в настоящий момент кросс-культурные исследования ландшафтной терминологии представляют собой развивающуюся область знаний в рамках этнофизиогеографии (ethnophysiog-

raphy), изучающей широкий круг вопросов, связанных с употреблением и классификацией «экотопов» или наименьших единиц ландшафта (Mark, Smith, Trersky 1999; Mark, Turk 2003; Mark, Turk, Stea 2010). Эвенкийские материалы особенно важны в связи с широким расселением эвенков в Евразии, многочисленными языковыми контактами и большим диалектным разнообразием данной этнической группы. Тему ландшафта можно считать одной из ключевых в публикациях об эвенках за последнее десятилетие (см.: Anderson 2011, 2013; Давыдов и др. 2006; Davydov 2011 и др.). Однако в большинстве работ связи между языком и ландшафтом не рассматриваются. В этом отношении работа Лаврилье и Габышева значительно расширяет рамки исследования. Все термины в монографии даны в контексте, в котором объясняется, как конкретный географический объект встроен в структуру хозяйственного календаря и используется в жизни кочевников. Тем не менее я вынуждена отметить несоответствия между изначальным эвенкийским текстом и переводами. Зачастую тексты на русском и английском языках являются скорее расширенным переводом или комментарием к тому, что сказано по-эвенкийски. Таким образом, их нельзя считать подстрочными переводами. Впрочем, это обстоятельство, конечно, не умаляет значимости эвенкийских текстов.

Другое важное замечание относится к самим терминам: многие из них не являются существительными, а представляют собой качественные прилагательные, причастия и временами даже глаголы. Но в ряде случаев эти термины переведены в монографии так, как если бы они были классификационными терминами, маркирующими тот или иной географический объект или природное явление. Для специалистов, не владеющих эвенкийским языком, указанное обстоятельство может стать препятствием к пониманию эвенкийской терминологии. Показательна в этом отношении классификация температур (p. 175). Например, слово *дуллэн* / *дулча* переведено как весеннее тепло, «когда солнце начинает греть сильнее, из-за тепла тает снег». Это слово является производным от глагола *дӯл-ми* 'пригревать' (о солнце) (Василевич 1958: 124). Однако *дӯллэн* (глагол третьего лица в прошедшем времени) и *дӯлчā* (причастие прошедшего времени) следует перевести как «солнце пригрело». Этот термин употребляется не только когда речь идет о весеннем тепле, но в самых разнообразных контекстах. То же самое можно сказать и в отношении некоторых других терминов. Так, *оку* или *экӯ* 'теплый', 'горячий', 'жаркий' применим не только к летним температурам, но и к предметам. *Иӈинйэ* или *иӈинē* является междометием, означающим «холодно!», а *иӈинā*, действительно, как пишут авторы, 'холодная погода'. Более того, нужно иметь в виду, что ряд терминов будет характерен только для эвенков Якутии, но отличаться в других диалектах. По этой причине говорить о какой-либо общей для эвенков классификации или типологии затруднительно.

В следующем разделе, посвященном эвенкийской климатологии, авторы рассматривают, каким образом эвенки связывают изменения окружающей среды и климата с погодой и как умение прогнозировать погоду влияет на охотничьи и оленеводческие занятия. Отчасти эта тема раскрывается и в последующих разделах о типологии облаков, осадков и ветров. Однако, на мой взгляд, неверно называть эти разделы типологиями, так как собственно типы в них не представлены. Так, в разделе «типологии облаков» облака представлены всего одним эвенкийским словом *туксу* 'туча', 'облако' и его вариациями, обозначающими размер облака. Далее в этом разделе про облака больше не говорится, но рассматриваются такие понятия, как «радуга», «дым от пожара», «туман» и некоторые другие. В разделе про осадки наряду с дождем и градом почему-то фигурируют молния и гром. Если данная «типология» отражает то, как опрошенные эвенки классифицируют явления природы, то это требует объяснений.

Мне хотелось бы подробнее остановиться на типологии снега, которая завершает первую главу. Авторы справедливо пишут о том, что в эвенкийском языке слова для снега и льда сложно разграничить в связи с наличием переходных типов между снегом и льдом. Представлена (p. 245) классификация снега и льда, которая отчасти пересекается с классификацией снега, рассмотренной в работе Л. Гренобль (Grenoble 2011). Но, в отличие от последней, в ней присутствуют такие интересные пункты как, например, виды снега «по типу трансформации», «по продуцируемому звуку», «по изменению, вызванному деятельностью оленей». Авторы отмечают, что понимание эвенкийской типологии снега невозможно без знания эвенкийского языка. Они предлагают искать незнакомые слова, связанные со снегом, в эвенкийских нарративах, например в фольклорных текстах, а также изучать эту лексику через непосредственные наблюдения в тайге. При этом авторы подчеркивают такой феномен, как темпоральность терминологии: эвенки могут помнить термины в зависимости от сезона, поэтому исследование терминологии и классификации видов снега следует проводить с осени до начала тепла, когда снег начинает таять. Важно наблюдение о том, что для кочевников снежный покров – открытая книга, по которой можно «читать» следы зверей. В этой связи авторы предлагают рассматривать снег в качестве культурного ландшафта. Об этом феномене пишет и Клаудио Апорта на примере инуитов (Aporta 2004, 2005, 2010). В целом Лаврилье и Габышев зафиксировали 25 терминов для снега в эвенкийском языке. Однако, как и в случае со словами, характеризующими температуру, рассмотренными выше, бóльшая часть из них является не специальными терминами, а сочетанием эвенкийского слова *иманна* 'снег' с прилагательным. Тем не менее, как и в предыдущих разделах, авторы не останавливаются лишь на перечислении видов снега, но по-

казывают, каким образом эвенки используют знания о снеге в хозяйственной деятельности, например при прокладке дорог и поиске места для стойбища.

Посвящена снегу во многом и вторая глава книги. Она полностью состоит из графиков и диаграмм (более 30), а также фотографий, показывающих, как трансформируется снежный покров под влиянием изменения климата. Все графики нарисованы так, как если бы их рисовали сами охотники и оленеводы, что было отмечено авторами во введении. Я не являюсь сторонницей тенденции заменять таблицами и схемами «плотное описание», поэтому, несмотря на короткие объяснения к каждому рисунку, мне не хватило анализа графического материала в виде этнографического текста. При чтении работы я подумала, что графики, выполненные на бумаге самими эвенками, смотрелись бы гармоничнее. Оказалось, что изначально они и были нарисованы от руки, а лишь затем перерисованы на компьютере (pp. 451–452), но эта важная, на мой взгляд, деталь раскрывается только в заключении. Тем не менее я понимаю замысел авторов: они хотели показать, что знания кочевниками окружающей среды и происходящих аномалий ничем не уступают научным работам и их тоже можно изобразить в понятном «западному» исследователю виде. Продолжая мысль, высказанную в начале этой рецензии, отмечу, что и здесь хотелось бы видеть больше рефлексии авторов на тему противопоставления «научного» и «традиционного» подходов к осмыслению одного и того же материала. Так, во введении они пишут, что кочевникам не нужно рисовать диаграммы, чтобы передать друг другу знания об окружающей среде (p. 17). Однако в рамках проекта они были обучены этому в целях «перевода» эвенкийских концепций и понятий на язык западной науки. На мой взгляд, этот факт заслуживает глубокого анализа в связи с проблемой привнесения сторонних форм и способов продуцирования и репрезентации знаний в среду кочевников. Подчеркну, что я не считаю такой подход невозможным или неэтичным, а скорее вижу проблему скрытой иерархии видов знания, о чем следует говорить подробнее. Ведь именно эвенки были вынуждены учиться транслировать свои знания в приемлемой и понятной для ученых форме, а не наоборот. Несомненно, чтобы провести такого рода исследование, Александре Лаврилье, будучи как раз внешним ученым, пришлось адаптироваться к образу жизни эвенков и многому научиться, включая овладение эвенкийским языком, но в данной монографии этот опыт остается во многом за кадром. Здесь она выступает скорее связующим звеном или переводчиком между мирами науки и тайги, и было бы важно узнать о ее отношении к этой роли и реакции исследуемого сообщества в более широком смысле, а не только непосредственных участников проекта.

Несмотря на ряд критических замечаний, высказанных в этой рецензии, повторю, что данная монография во многих отношениях уникальна

не только по охвату представленного материала, но и по его репрезентации. Как отмечают авторы в заключительной части работы, основной целью книги было показать традиционные знания эвенков так, как если бы читатель был сам кочевником. На мой взгляд, во многом им это удалось. За счет большого количества фотографий и разного рода иллюстративных материалов во время чтения текста действительно возникает ощущение нахождения в зимней тайге. Разнообразные ландшафты, изображенные на фотографиях с подписанными на них географическими объектами, позволяют подробнее узнать эвенкийскую терминологию и ее применение «на месте», т.е. в визуальном контексте. В этой связи можно сказать, что авторы создали поистине своеобразный и во многом новый язык описания. Контекстуализация этнографического материала – одна из сильных сторон рецензируемой монографии. Это усиливается и с помощью эвенкийского языка. Данная работа – одно из немногих научных исследований, где эвенкийский служит рабочим языком, а не только подспорьем в объяснении терминологии (см. также Пикунова, Пикунова 2004, 2008). Следует отметить, что при текущем языковом сдвиге собрать и обработать столь разнообразный материал на эвенкийском языке является чрезвычайно сложной задачей.

В данной монографии также поднимается актуальная проблема изменения климата и его влияния на жизнь кочевников. Аномалиям в значительной степени посвящена вторая глава монографии. Несмотря на значительное количество англоязычных публикаций по этой теме и растущее число научных центров, непосредственно занимающихся вопросами изменения климата, Сибирь в данном отношении остается terra incognita. Понимание и изучение изменений климата и окружающей среды, конечно, невозможны без совместных исследований с представителями коренных народов, для многих из которых тайга является обычной средой для жизни. В этой связи подобные исследования, показывающие традиционные знания коренных народов как системы взаимосвязанных элементов, необходимы для лучшего понимания текущих трансформаций. Надеюсь, что последующие работы полнее раскроют все поднятые в данной монографии темы, включая проблему изменения климата.

Литература

Anderson D.G. Shamanistic revival in a Post-Socialist landscape: Luck and ritual among Zabaikal'e Orochen-Evenkis // Landscape and culture in Northern Eurasia / ed. by P. Jordan. Walnut Creek, California: Lift Coast Press, 2011. P. 71–96.

Anderson D.G. Local healing landscapes // The healing landscapes of Central and Southeastern Siberia. Patterns of northern traditional healing series 1 / ed. by D.G. Anderson, R.P. Wishart, V. Vaté. Edmonton: CCI Press, 2013. P. 1–12.

Aporta C. Routes, trails and tracks: Trail breaking among the Inuit of Igloolik // Etudes / Inuit Studies. 2004. № 28 (2). P. 9–38.

Aporta C. From map to horizon; From trail to journey: Documenting Inuit geographic knowledge // Etudes / Inuit Studies. 2005. № 29 (1-2). P. 221–231.

Aporta C. Life on the ice. Understanding the codes of a changing environment // Landscape ethnoecology. Concepts of biotic and physical space / eds. by L.M. Johnson, E.S. Hunn. New York; Oxford: Berghahn Books, 2010. P. 175–199.

Battiste M., Henderson J.Y. Protecting indigenous knowledge and heritage: a global challenge. Saskatoon, SK: Purich Press Publishing, 2000.

Berkes F., Colding J., Folke C. Rediscovery of traditional ecological knowledge as adaptive management // Ecological Applications. 2000. № 10 (5). P. 1251–1262.

Brandišauskas D. Symbolism and ecological uses of fire among Orochen-Evenki // Sibirica. 2007. № 6 (1). P. 95–119.

Brandišauskas D. Leaving footprints in the taiga: enacted and emplaced power and luck among Orochen-Evenki of the Zabaikal region in Eastern Siberia // Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines. 2011. № 42. P. 2–7.

Brandisauskas D. Leaving Footprints in the Taiga. Luck, Spirits and Ambivalence among the Siberian Orochen Reindeer Herders and Hunters. New York; Oxford: Berghahn, 2017.

Davydov V. People on the Move: Development Projects and the Use of Space by Northern Baikal Reindeer Herders, Hunters and Fishermen: PhD Thesis in Social Anthropology. Aberdeen: University of Aberdeen, 2011.

Grenoble L. On thin ice: Language, culture and environment in the Arctic // Language Documentation and Description 9 / ed. J. Sallabank. London: SOAS, 2011. P. 14–34.

Kim E.-J.A., Asghar A., Jordan S. A Critical review of traditional ecological knowledge (TEK) in science education // Canadian Journal of Science, Mathematics and Technology Education. 2017. URL: http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/14926156.2017.1380866 (дата обращения: 20.09.2017).

Kimmerer R.W. Weaving traditional ecological knowledge into biological education: A call to action // BioScience. 2002. № 52 (5). P. 432–438.

Klokov K. Diversity of adaptive strategies of endangered herders' communities in tundra and taiga areas in Russia // Histories from the North. Environment, movement, and narratives / ed. by J.P. Ziker, F. Stammler. Rovaniemi: Boise State University and Arctic Centre, University of Lapland, 2011. P. 60–63.

Krupnik I. Arctic adaptations. Native whalers and reindeer herders of Northern Eurasia. Hanover; London: University Press of New England, 1993.

Lavrillier A. The creation and persistence of cultural landscapes among the Siberian Evenkis: Two conceptions of 'sacred' space // Landscape and Culture in Northern Eurasia / ed. by P. Jordan. Walnut Creek, California: Lift Coast Press, 2011. P. 215–231.

Lavrillier A. Climate change among nomadic and settled Tungus of Siberia: continuity and changes in economic and ritual relationships with the natural environment // Polar Record. 2013a. № 49 (3). P. 260–271.

Lavrillier A. Anthropology and applied anthropology in Siberia: Questions and solutions concerning a nomadic school among Evenk reindeer herders // Sustaining indigenous knowledge: Learning tools and community initiatives for preserving endangered languages and local cultural heritage / ed. E. Kasten, T. de. Graaf. Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2013b. P. 105–127.

Lavrillier A., Rojo M., Gabyshev S. The sable for Evenk reindeer herders in southeastern Siberia: Interplaying drivers of changes on biodiversity and ecosystem Services – climate change, worldwide market economy, and extractive industries // Indigenous and local knowledge of biodiversity and ecosystem services in Europe and Central Asia, Intergovernmental Platform on Biodiversity and Ecosystem Services / eds. by M. Roué, Z. Molnár. Knowledges of Nature 9. Paris: UNESCO, 2016. P. 111–128.

Mark D.M., Smith B., Tversky B. Ontology and geographic objects: An empirical study of cognitive categorization appeared // Spatial information theory. Cognitive and computational foundations of geographic information science (lecture notes in computer science

1661). 1999 / eds. by C. Freksa, D.M. Mark. URL: http://ontology.buffalo.edu/smith/articles/COSIT99(MST).html (дата обращения: 20.09.2017).

Mark D.M., Turk A.G. Landscape categories in Yindjibarndi: Ontology, environment, and language // Spatial Information Theory: Foundations of Geographic Information Science COSIT 2003 / eds. by W. Kuhn, M. Worboys, S. Timpf. Kartause Ittingen, Switzerland, September 24–28, 2003. Berlin: Springer-Verlag, 2003. P. 28–45.

Mark D.M., Turk A.G., Stea D. Ethnophysiography of arid land: Categories for landscape features // Landscape ethnoecology: Concepts of biotic and physical space / ed. L.M. Johnson, E.S. Hunn. New York, Oxford: Berghahn Books, 2010. P. 27–45.

May S. Language rights*:* Moving *the* debate forward // Journal of Sociolinguistics. 2005. № 9 (3). P. 319–347.

Reid A., Teamey K., Dillon J. Valuing and utilizing traditional ecological knowledge: tensions in the context of education and the environment // Environmental Education Research. 2004. № 10 (2). P. 237–254.

Studley J. Dominant knowledge systems and local knowledge, 1998. URL: http://lib.icimod.org/record/10216/files/126.pdf (дата обращения: 20.09.2017).

Yamskov A.N. Practicing ethnology in contemporary Russia // The Globalization of Anthropology. NAPA Bulletin No 25 / eds. by C.E. Hill, M.L. Baba. Berkeley (CA): University of California Press, 2006. P. 82–103.

Белянская М.Х. Традиция и современность*:* культура выживания северных тунгусов в Северо-Восточной Азии (историко-этнографический очерк). СПб.: Бельведер, 2004.

Богословская Л.С., Крупник И.И. (ред.). Наши льды, снега и ветры: народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки. Москва; Вашингтон: Ин-т наследия, 2013.

Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.

Давыдов В., Карбаинова Н., Симонова В., Целищева В. Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. Хабаровск: Хабар. науч. центр ДВО РАН; Хабар. краевед. музей им. Н.И. Гродекова, 2006.

Клоков К.Б., Кривоногов В.П., Бахтин С.А., Семенов И.В., Нечушкина Е.Н. Традиционные экологические знания коренных малочисленных народов Таймыра. М.: Капитал Пресс, 2012.

Крупник И.И. Арктическая этноэкология: модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989.

Макеев В.М., Клоков К.Б., Колпащиков Л.А, Михайлов В.В. Северный олень в условиях изменяющегося климата. СПб.: Лемма, 2014.

Мамонтова Н.А. На каком языке говорят настоящие эвенки? Дискуссии вокруг кочевого детского сада // Этнографическое обозрение. 2013. № 2. С. 70–91.

Мыреева А.Н. Лексика эвенкийского языка. Растительный и животный мир. Новосибирск: Наука, 2001.

Пикунова З.Н., Пикунова И.Р. Буга дярин энциклопедия: флора. СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2004.

Пикунова З.Н., Пикунова И.Р. Буга дярин энциклопедия: фауна. Новосибирск: Наука, 2008.

Сирина А.А. Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М.: Вост. лит., 2012.

Ямсков А.Н. История становления и развития отечественной этноэкологии // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 49–64.

Н.А. Мамонтова
Оксфордский университет

Рецензия поступила в редакцию 23 октября 2017 г.

Mamontova Nadezhda A.

THE SNOW LANDSCAPE OF EVENKI TAIGA: TRADITIONAL ENVIRONMENTAL KNOWLEDGE VERSUS SCIENTIFIC DISCOURSE[*]

Review of Lavrillier A., Gabyshev S. *An Arctic indigenous knowledge system of landscape, climate, and human interactions: Evenki reindeer herders and hunters.* Fürstenberg/Havel: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2017. 467 p. ISBN: 978-3-942883-31-3.

[*] The review is written under the project 'The 'resource curse' in the circumpolar areas: Russian and international experience in the field of analysis and resolution of conflicts over non-renewable resources in areas traditionally inhabited by indigenous ethnic groups' (supported by the Russian Science Foundation, project № 15-18-00112, principal investigator – Dmitriy Funk.

References

Anderson D.G. Shamanistic revival in a Post-Socialist landscape: Luck and ritual among Zabaikal'e Orochen-Evenkis. In: *Landscape and culture in Northern Eurasia*, ed. Jordan P. Walnut Creek. California: Lift Coast Press, 2011. pp. 71–96.

Anderson D.G. Local healing landscapes.In: *The healing landscapes of Central and Southeastern Siberia. Patterns of northern traditional healing*. series 1, ed. Anderson D.G., Wishart R.P., Vaté V. Edmonton: CCI Press, 2013. pp. 1–12.

Aporta C. Routes, trails and tracks: Trail breaking among the Inuit of Igloolik, *Etudes/Inuit Studies*, 2004, no. 28(2), pp. 9–38.

Aporta C. From map to horizon; From trail to journey: Documenting Inuit geographic knowledge, *Etudes/Inuit Studies*, 2005, no. 29(1-2), pp. 221–231.

Aporta C. Life on the ice. Understanding the codes of a changing environment. In: *Landscape ethnoecology. Concepts of biotic and physical space*, eds. Johnson L.M., Hunn E.S. New York, Oxford: Berghahn Books, 2010. pp. 175–199.

Battiste M., Henderson J.Y. *Protecting indigenous knowledge and heritage: A global challenge*. Saskatoon, SK: Purich Press Publishing, 2000.

Berkes F., Colding J., Folke C. Rediscovery of traditional ecological knowledge as adaptive management, *Ecological Applications*, 2000, no. 10(5), pp. 1251–1262.

Brandišauskas D. Symbolism and ecological uses of fire among Orochen-Evenki, *Sibirica*, 2007, no. 6(1), pp. 95–119.

Brandišauskas D. Leaving footprints in the taiga: enacted and emplaced power and luck among Orochen-Evenki of the Zabaikal region in Eastern Siberia, *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*, 2011, no. 42, pp. 2–7.

Brandisauskas D. *Leaving Footprints in the Taiga. Luck, Spirits and Ambivalence among the Siberian Orochen Reindeer Herders and Hunters*. New York, Oxford: Berghahn, 2017.

Davydov V. *People on the Move: Development Projects and the Use of Space by Northern Baikal Reindeer Herders, Hunters and Fishermen*. PhD Thesis in Social Anthropology. Aberdeen: University of Aberdeen, 2011.

Grenoble L. On thin ice: Language, culture and environment in the Arctic. In: *Language Documentation and Description 9*, ed. J. Sallabank. London: SOAS. pp. 14–34.

Kim E.-J. A., Asghar, A., Jordan, S. A Critical review of traditional ecological knowledge (TEK) in science education, *Canadian Journal of Science, Mathematics and Technology Education.* 2017. Available at: http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/14926156.2017.1380866 (Accessed 20 September 2017).

Kimmerer R.W. Weaving traditional ecological knowledge into biological education: A call to action, *BioScience*, 2002, no. 52(5), pp. 432–438.

Klokov K. Diversity of adaptive strategies of endangered herders' communities in tundra and taiga areas in Russia. In: *Histories from the North. Environment, movement, and narra-*

tives. Ed. Ziker J.P. and Stammler, F. Rovaniemi: Boise State University and Arctic Centre, University of Lapland, 2011. pp. 60–63.

Krupnik I. *Arctic adaptations. Native whalers and reindeer herders of Northern Eurasia*. Hanover and London: University Press of New England, 1993.

Lavrillier A. The creation and persistence of cultural landscapes among the Siberian Evenkis: Two conceptions of 'sacred' space. In: *Landscape and Culture in Northern Eurasia*, ed. P. Jordan. Walnut Creek, California: Lift Coast Press, 2011. pp. 215–231.

Lavrillier A. *Climate change among* nomadic and settled *Tungus* of Siberia: continuity and changes in economic and ritual relationships with the natural environment, *Polar Record*, 2013a, no. 49(3), pp. 260–271.

Lavrillier A. Anthropology and applied anthropology in Siberia: Questions and solutions concerning a nomadic school among Evenk reindeer herders. In: *Sustaining indigenous knowledge: Learning tools and community initiatives for preserving endangered languages and local cultural heritage*, ed. Kasten E. and Graaf T. de. Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2013b. pp. 105–127.

Lavrillier A., Rojo M., Gabyshev S. The sable for Evenk reindeer herders in southeastern Siberia: Interplaying drivers of changes on biodiversity and ecosystem Services – climate change, worldwide market economy, and extractive industries. In: *Indigenous and local knowledge of biodiversity and ecosystem services in Europe and Central Asia, Intergovernmental Platform on Biodiversity and Ecosystem Services*, Eds. Roué M, Molnár Z. Knowledges of Nature 9. UNESCO: Paris, 2016. pp. 111–128.

Mark D.M., Smith B., Tversky B. Ontology and geographic objects: An empirical study of cognitive categorization appeared. In: *Spatial information theory. Cognitive and computational foundations of geographic information science (lecture notes in computer science 1661)*, 1999, eds. Freksa C., Mark D.M. Available at: http://ontology.buffalo.edu/smith/articles/COSIT99(MST).html (Accessed 20 September 2017).

Mark D.M., Turk A.G. Landscape categories in Yindjibarndi: Ontology, environment, and language. In: *Spatial Information Theory: Foundations of Geographic Information Science COSIT 2003*, eds. Kuhn W., Worboys M., Timpf S., Kartause Ittingen, Switzerland, September 24-28, 2003. Berlin: Springer-Verlag, 2003. pp. 28–45.

Mark D.M., Turk A.G., Stea D. Ethnophysiography of arid land: Categories for landscape features. In: *Landscape ethnoecology: Concepts of biotic and physical space*, ed. Johnson L.M., Hunn E.S. New York, Oxford: Berghahn Books, 2010. pp. 27–45.

May S. Language rights: *Moving* the *debate forward*, *Journal of Sociolinguistics*, 2005, no. 9(3), pp. 319–347.

Reid A., Teamey K. Dillon J. Valuing and utilizing traditional ecological knowledge: tensions in the context of education and the environment, *Environmental Education Research*, 2004, no. 10(2), pp. 237–254.

Studley J. *Dominant knowledge systems and local knowledge*, 1998. Available at: http://lib.icimod.org/record/10216/files/126.pdf (Accessed 20 September 2017).

Yamskov A.N. Practicing ethnology in contemporary Russia. In: *The Globalization of Anthropology*. NAPA Bulletin No 25. Eds. Hill C.E., Baba M.L. Berkeley (CA): University of California Press, 2006. pp. 82–103.

Belianskaia M.Kh. *Traditsiia i sovremennost': kul'tura vyzhivaniia severnykh tungusov v Severo-Vostochnoi Azii (istoriko-etnograficheskii ocherk)* [Tradition and the now: the culture of the Northern Tungus's survival in North-Eastern Asia (a historical-and-ethnographic essay)]. St. Petersburg: Bel'veder, 2004.

Bogoslovskaia L.S., Krupnik I.I (eds.). *Nashi l'dy, snega i vetry: narodnye i nauchnye znaniia o ledovykh landshaftakh i klimate Vostochnoi Chukotki* [Our ice, snow, and winds: people's and scientific knowledge of icy landscapes in the climate of East Chukotka]. Moscow, Washington: In-t naslediia, 2013.

Vasilevich G.M. *Evenkiisko-russkii slovar'* [The Evenky-Russian dictionary]. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1958.

Davydov V., Karbainova N., Simonova V., Tselishcheva V. *Aginskaia street, tanets s ognem i aliuminievye strely: prisvoenie kul'turnykh landshaftov* [Aginskaia street, dance with fire, and aluminum arrows: the appropriation of cultural landscapes]. Khabarovsk: Khabar. nauch. tsentr DVO RAN; Khabar. kraeved. muzei im. N.I. Grodekova, 2006.

Klokov K.B., Krivonogov V.P., Bakhtin S.A., Semenov I.V., Nechushkina E.N. *Traditsionnye ekologicheskie znaniia korennykh malochislennykh narodov Taimyra* [Traditional ecological knowledge of the small-numbered indigenous peoples of Taimyr]. Moscow: Kapital Press, 2012.

Krupnik I.I. *Arkticheskaia etnoekologiia: Modeli traditsionnogo prirodopol'zovaniia morskikh okhotnikov i olenevodov Severnoi Evrazii* [Arctic ethno-ecology: North Eurasian sea hunters and reindeer herders' models of traditional use of natural resources]. Moscow: Nauka, 1989.

Makeev V.M., Klokov K.B., Kolpashchikov L.A, Mikhailov V.V. *Severnyi olen' v usloviiakh izmeniaiushchegosia klimata* [The reindeer and the changing climate]. St. Petersburg: Lemma, 2014.

Mamontova N.A. Na kakom iazyke govoriat nastoiashchie evenki? Diskussii vokrug kochevogo detskogo sada [What language do the real Evenks speak? Discussions on nomadic kindergarten], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2013, no. 2, pp. 70–91.

Myreeva A.N. *Leksika evenkiiskogo iazyka. Rastitel'nyi i zhivotnyi mir* [Lexis of the Evenki language. Flora and fauna]. Novosibirsk: Nauka, 2001.

Pikunova Z.N., Pikunova I.R. *Buga diarin entsiklopediia: flora* [Buga diarin encyclopedia: flora]. St. Petersburg: Filial izdatel'stva «Prosveshchenie», 2004.

Pikunova Z.N., Pikunova I.R. *Buga diarin entsiklopediia: fauna* [Buga diarin encyclopedia: fauna]. Novosibirsk: Nauka, 2008.

Sirina A.A. *Evenki i eveny v sovremennom mire: samosoznanie, prirodopol'zovanie, mirovozzrenie* [The Evenks and the Evens in today's world: self-identification, use of natural resources, and worldview]. Moscow: Vost. lit., 2012.

Iamskov A.N. Istoriia stanovleniia i razvitiia otechestvennoi etnoekologii [The history of development of Russian ethno-ecology], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2013, no. 4, pp. 49–64.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВОРОНКОВ Алексей Викторович – магистрант, факультет социальных наук, Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия
E-mail: alexeyvoronkov62@gmail.com

БОЧАРОВА Екатерина Николаевна – младший научный сотрудник, Лаборатория «Мультидисциплинарные исследования первобытного искусства Евразии», Гуманитарный институт, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия
E-mail: bocharova.e@gmail.com

ГОСЬО Жан-Франсуа – профессор, Высшая школа социальных исследований, Париж, Франция
E-mail: gossiaux@msh-paris.fr

ЕСИПОВА Валерия Анатольевна – д-р ист. наук, заведующая сектором, отдел рукописей и книжных памятников, Научная библиотека Томского государственного университета, Томск, Россия
E-mail: esipova_val@mail.ru

ЗОТКИНА Лидия Викторовна – канд. ист. наук, старший преподаватель, кафедра археологии и этнографии, Гуманитарный институт; научный сотрудник, Лаборатория «Мультидисциплинарные исследования первобытного искусства Евразии», Гуманитарный институт, Новосибирский государственный университет; научный сотрудник, Отдел археологии палеометалла, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия
E-mail: lidiazotkina@gmail.com

ИВАНОВА Айталина Афанасьевна – канд. ист. наук, доцент-исследователь, Северо-Восточный федеральный университет, Якутск, Россия, Тромсе, Норвегия
E-mail: ivanovaaytalina@mail.ru

КАЗЬМИНА Ольга Евгеньевна – д-р ист. наук, профессор, кафедра этнологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
E-mail: okazmina@inbox.ru

КУРОПЯТНИК Александр Иванович – д-р соц. наук, профессор, заведующий кафедрой культурной антропологии и этнической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: alkuropjatnik@mail.ru

КУРОПЯТНИК Марина Степановна – д-р соц. наук, профессор, кафедра культурной антропологии и этнической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: kuropjatnik@bk.ru

МАКИЕНКО Ольга Вадимовна – студентка исторического факультета, лаборант, Лаборатория социально-антропологических исследований, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
E-mail: olgmakioia@gmail.com

МАМОНТОВА Надежда Александровна – канд. ист. наук, PhD студент, Институт исследований экологических изменений, Школа географии и окружающей среды, Оксфордский университет, Оксфорд, Великобритания
E-mail: nadezhda.mamontova@chch.ox.ac.uk

ПОПРАВКО Ирина Геннадьевна – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Лаборатория социально-антропологических исследований, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
E-mail: popravkoirina@yandex.ru

РАХМАНОВА Лидия Яковлевна – канд. соц. наук, социолог, Сектор социологических исследований, Государственный Эрмитаж; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия
E-mail: muza-spb@yandex.ru, rakhmanova@hermitage.ru

СОЛОВЬЕВА Анна Андреевна – магистрант, Европейский университет Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: anaa_sol@mail.ru

СОЛОДКИН Янкель Гутманович – д-р ист. наук, профессор кафедры истории России, заведующий Лабораторией региональных исторических исследований Нижневартовского государственного университета, Нижневартовск, Россия
E-mail: hist2@yandex.ru

ФИЛИППОВА Елена Ивановна – д-р ист. наук, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия
E-mail: elena_filippova89@yahoo.fr

ХАРИТОНОВА Валентина Ивановна – д-р ист. наук, руководитель Центра медицинской антропологии Института этнологии и антропологии РАН; президент Ассоциации медицинских антропологов, Москва, Россия
E-mail: medanthro@mail.ru; Valkharit@iea.ras.ru

ЧАЛАКОВ Иван Христов – старший научный сотрудник, НОЦ PAST-Центр, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия; доцент, кафедра институциональной и прикладной социологии, Пловдивский университет; старший научный сотрудник, Институт изучения общества и знаний, Болгарская академия наук, Пловдив, Болгария
E-mail: tchalakov@sociology.bas.bg, tchalakov@gmail.com

ШТАММЛЕР Флориан Маркус – PhD, профессор-исследователь арктической антропологии, Центр арктических исследований, Университет Лапландии, Рованиеми, Финляндия
E-mail: fstammle@ulapland.fi

ЯНЕВА-БАЛАБАНСКА Илияна – MD, PhD, Национальный центр общественного здоровья, София, Болгария.
E-mail: iianeva2402@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

BOCHAROVA Ekaterina Nikolaevna – Junior Research Fellow, Laboratory 'Multidisciplinary Research on Eurasian Primitive Art', Humanities Institute, Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia)
E-mail: bocharova.e@gmail.com

ESIPOVA Valeriya Anatolievna – Dr.Sc. (History), Head of Sector, Department of Manuscripts and Rare Books, Research Library, National Research Tomsk State University, Tomsk (Russia)
E-mail: esipova_val@mail.ru

FILIPPOVA Elena Ivanovna – Dr.Sc. (History), Chief Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)
E-mail: e-mail: elena_filippova89@yahoo.fr

GOSSIAUX Jean-François – Professor, School for Advanced Studies in the Social Sciences, Paris (France)
E-mail: gossiaux@msh-paris.fr

IVANOVA Aytalina Afanasievna – Cand.Sc. (History), Postdoctoral Research Fellow UiT the Arctic University of Norway, Tromsø (Norway)
E-mail: ivanovaaytalina@mail.ru

KAZMINA Olga Evgenievna – Dr.Sc. (History), Professor, Department of Ethnology, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia)
E-mail: okazmina@inbox.ru

KHARITONOVA Valentina Ivanovna – Dr.Sc. (History), Head of the Medical Anthropology Centre, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow; President of Association of Medical Anthropologists, Moscow (Russia)
E-mail: medanthro@mail.ru, Valkharit@iea.ras.ru

KUROPJATNIK Aleksandr Ivanovich – Dr.Sc. (Sociology), Professor, Chair at Department of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg (Russia)
E-mail: alkuropjatnik@mail.ru

KUROPJATNIK Marina Stepanovna – Dr.Sc. (Sociology), Professor, Department of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg (Russia)
E-mail: kuropjatnik@bk.ru

MAKIENKO Olga Vadimovna – Student, Department of History; Assistant, Laboratory for Social and Anthropological Research, National Research Tomsk State University, Tomsk (Russia)
E-mail: olgmakioia@gmail.com

MAMONTOVA Nadezhda Aleksandrovna – Cand.Sc. (History); PhD student, Environmental Change Institute, School of Geography and the Environment, University of Oxford, Oxford (the UK)
E-mail: nadezhda.mamontova@chch.ox.ac.uk

POPRAVKO Irina Gennadievna – Cand.Sc. (History), Leading Research Fellow, Laboratory for Social and Anthropological Research, National Research Tomsk State University, Tomsk (Russia)
E-mail: popravkoirina@yandex.ru

RAKHMANOVA Lidiya Yakovlevna – Cand.Sc. (Sociology), Sociologist at Department of Sociological Research, the State Hermitage Museum; Associate Research Fellow at Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)
E-mail: muza-spb@yandex.ru, rakhmanova@hermitage.ru

SOLODKIN Yankel Gutmanovich – Dr.Sc. (History), Professor, Department of Russian History, Head of Laboratory for Regional Historical Research, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk (Russia)
E-mail: hist2@yandex.ru

SOLOVYOVA Anna Andreevna – Master Student, European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg (Russia)
E-mail: anaa_sol@mail.ru

STAMMLER Florian Markus – PhD, Research Professor, Arctic Anthropology, Arctic Centre, University of Lapland, Rovaniemi (Finland)
E-mail: fstammle@ulapland.fi

TCHALAKOV Ivan Khristov – Research Fellow, REC PAST-Centre, National Research Tomsk State University, Tomsk (Russia); Associate Professor at Department of Institutional and Applied Sociology, University of Plovdiv, and Senior Research Fellow at Technology Studies Group, Institute of Studying Societies and Knowledge, Bulgarian Academy of Sciences (Bulgaria)
E-mail: tchalakov@sociology.bas.bg, tchalakov@gmail.com

VORONKOV Aleksey Viktorovich – Master Student, Department of Social Sciences, Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, Moscow (Russia)
E-mail: alexeyvoronkov62@gmail.com

YANEVA-BALABANSKA Iliyana – MD, PhD, National Centre of Public Health, Sofia (Bulgaria)
E-mail: iianeva2402@gmail.com

ZOTKINA Lidiya Viktorovna – Cand.Sc. (History), Senior Lecturer, Department of Archaeology and Ethnography, Humanities Institute; Research Fellow, Laboratory 'Multidisciplinary Research on Eurasian Primitive Art', Humanities Institute, Novosibirsk State University; Research Fellow, Department of Palaeometallic Archeology, Institute of Archaeology and Ethnography (Russian Academy of Sciences, Siberian Branch), Novosibirsk (Russia)
E-mail: lidiazotkina@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Общая информация. Предлагая рукопись для публикации в «Сибирских исторических исследованиях», Вы гарантируете, что:

а) статья до сих пор нигде не была опубликована, не предлагается и не будет предложена другому изданию, пока не решится вопрос о ее публикации в «Сибирских исторических исследованиях»;

б) именно Вы являетесь автором статьи, и в ней **не** использованы фрагменты из ранее публиковавшихся статей других авторов без указания на эти источники.

Объем публикации: до 50 000 знаков (с пробелами), или около 7 000 слов, – для научных статей и 800–1 500 слов – для информационных материалов, в том числе обзоров и рецензий.

Рецезирование. В журнале применяется система двойного анонимного рецензирования (double blind peer review). Все поступившие в редакцию тексты без указания фамилии автора отправляются независимым анонимным рецензентам, к печати по решению редколлегии допускаются только тексты, получившие два положительных отзыва. К рецензированию будут привлекаться ведущие ученые российских вузов и институтов РАН, а также зарубежные специалисты, имеющие труды в области истории, этнологии, археологии, международных отношений.

Правила оформления статей

Статьи принимаются в электронном виде.

Текст набирается в редакторе MS Word (*.doc или *.rtf) с использованием шрифта **Times New Roman**, размер шрифта – 12 кеглей, межстрочный интервал – 1, поля (все) – 2 см, абзацный отступ – 0,5 см.

На титульной странице указывается номер по Универсальной десятичной классификации **(УДК)** и приводятся (каждый раз с новой строки):

Данные об авторе (приводятся на отдельном листе)

- фамилия, имя, отчество (на русском и английском языке) (обратите внимание: ***фамилия автора указывается ЛИШЬ на титульной странице.*** *На первой странице статьи указывается название работы, но не фамилия автора, не какие-либо иные сведения о нем!*)
- ученая степень, ученое звание;
- должность и место работы / учебы; просьба указать также официальное название организации на английском языке,
- e-mail;
- почтовый адрес;

• телефон (служебный и, если можно, сотовый для ускорения связи).

Данные о статье

• название статьи на русском и в переводе на английский язык,

• резюме статьи на русском и английском языке (объемом до 250 слов каждое),

• список ключевых слов на русском и английском языке.

При написании резюме статей мы убедительно просим авторов уделять особое внимание доступности изложения, лаконичности, четкости формулировок и при этом отражению в тексте таких пунктов, как постановка проблемы, представление академического дискурса по данной проблеме, характеристика источников и методов исследования, представление полученных Вами результатов, показывающих, что именно Вы смогли внести данной работой в существующий научный дискурс, и заключение. Ориентируйтесь, пожалуйста, на эту структуру: это облегчит решение данной задачи и Вам, и редакционной коллегии.

Нумерация страниц текста статьи сплошная, начиная с 1-й страницы, внизу по центру.

Структурирование текстов статей. Для удобства организации материала и облегчения работы читателей с Вашими текстами мы просим Вас делить текст на осмысленные отрывки, каждый из которых должен иметь собственный подзаголовок, как стандартный типа «Введение» и «Заключение» или «Выводы», так и любые иные сообразно Вашему в***и***дению текста.

Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно представляются в отдельных файлах. Рисунки выполняются в черно-белой гамме, *полноцветные иллюстрации пока принимаются лишь для статей по этнологической и археологической тематике*. Формат файлов с иллюстрациями – tiff или jpeg, разрешение не менее 400 dpi. В текст иллюстрации просьба не вставлять. Достаточно в промежутке между абзацами текста указать Рис. 1, Рис. 2 и т.д. и название самого рисунка.

Иллюстративный материал, присланный без письменного разрешения его владельца или держателя копирайта, принят к публикации не будет.

При использовании при наборе статьи дополнительных **шрифтов** такие шрифты должны быть представлены отдельным файлом.

Ссылки на использованные источники и литературу

1. В целях более адекватного соблюдения требований слепого анонимного рецензирования при первой отправке рукописи в редакцию, пожалуйста, избегайте самоцитирования или оставляйте ссылки на свои работы «пустыми». После извещения о принятии рукописи к печати авторы смогут вернуть на место данные ссылки.

2. В случае ссылки на иностранного автора в тексте приводится русская транскрипция его фамилии, а ее написание латиницей – в скобках.

3. В целях экономии места, если имя автора уже упоминается в тексте, то в скобках после фамилии, в ссылке на его работу, указывается только год публикации: «В своей работе В.Я. Пропп (1955) анализирует…»

4. Во всех остальных случаях фамилия и год публикации указываются в скобках без запятой: (Balzer 2011); при наличии двух авторов приводятся обе фамилии, а если авторов трое, то три фамилии указываются лишь при первом упоминании работы (Иванов, Петров, Сидоров 1980), а в дальнейшем используется сокращение «и др.» (Иванов и др. 1980). В ссылках на работы, написанные более чем тремя авторами, используйте «и др.» либо «et al.» при первом же упоминании.

5. При ссылке на работы нескольких авторов они указываются через точку с запятой: (Анохин 1924; Potapow 1963). При ссылке на несколько публикаций одного и того же автора годы публикации разделяются запятой с последующим пробелом: (Батьянова 1987, 2005).

6. В ссылках на коллективные труды достаточно в скобках указать первое или несколько первых слов заголовка и год публикации. Например, ссылка на книгу «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» будет выглядеть следующим образом: (Wege zum Norden… 2013).

7. Если дата публикации неизвестна, следует указывать «б.д.», а для принятых к печати текстов – «в печати»: (Иванов, б.д.) и (Петров, в печати).

8. Номера страниц указываются через двоеточие после года публикации: (Bellah et al. 2008: viii).

9. Если Вы приводите подряд несколько цитат из одного и того же текста в границах одного параграфа, то после второй и дальнейших цитат достаточно указывать номер страницы, например: (Schiller 2011: 192) – в первой ссылке и (193–194) – во второй и т.п.

10. Диапазоны страниц и дат указываются через короткое тире: 99–102, 1985–1990.

11. Номера в диапазонах страниц указываются в полном виде: 124–128, а не 124–28.

12. В ссылках на архивные документы указываются сокращенное наименование архива, год, которым датировано дело, и через двоеточие номера листов: (ГАТО 1899: 15). Если в статье используются материалы нескольких дел из одного архива, датированных одним и тем же годом, необходимо в списке источников использовать дополнительные буквенные обозначения (например, 1899а, б и т.д.), которые следует указывать и при оформлении ссылок (например: ГАОО 1909а: 13–14).

13. В ссылках на материалы периодической печати указывается название издания, год и дата публикации (например: Сибирская жизнь 1917: 20 авг.)

К статье прилагается библиография в алфавитном порядке. Образцы оформления

для монографий:

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.

для статей:

Шаховцов К.Г. Льгота ли быть селькупом? // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири: Сб. статей / Отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпяя. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 157–172.

Дьекофф А., Филиппова Е.И. Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху // Этнографическое обозрение онлайн. 2014. № 1. С. 193–199 (URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

для архивных источников (с указанием названия дела и года):

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 135. Статистические сведения об инородцах Томской губернии за 1889 г.

для периодических изданий:

Восточное обозрение. Иркутск, 1906.

Примечания оформляются в виде концевых сносок с использованием арабских цифр. Нумерация последовательная, начиная с цифры 1.

При наличии в статье сокращений / аббревиатур, пожалуйста, приложите их список.

При пересылке файлов просьба все материалы (титульный лист, саму статью, дополнительные шрифты, файлы-иллюстрации, список иллюстраций, список сокращений и т.п.), имеющие отношение к статье, объединять в одну папку с использованием архиваторов WinZip или WinRar (например: Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторские права

Соглашаясь на публикацию своей работы в журнале, авторы (при безусловном сохранении за собой авторских прав) предоставляют журналу право первой публикации работы на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в этом журнале.

Этические вопросы

В своей издательской деятельности редколлегия руководствуется Кодом поведения COPE (Committee on Publication Ethics) http://publicationethics.org /resources/code-conduct

Статьи и материалы просим высылать по адресу:

shrjournal@gmail.com с копией на адрес d_funk@iea.ras.ru Дмитрию Анатольевичу Функу, главному редактору журнала.

INFORMATION FOR AUTHORS

General. Submitting your manuscript to be published in the «Siberian Historical Research» journal you confirm that:

a) your paper has never been published elsewhere before and will not be submitted for publication elsewhere until the decision to publish it (or not to) in the «Siberian Historical Research» journal is made;

b) you yourself are the author of the submitted paper and you have not used any parts of other authors' works without reference to those.

Papers **shall not** exceed 50,000 characters including spaces or about 7,000 words – for research papers, or 800 to 1,500 words – for information materials, including overviews and reviews.

Reviewing process. All papers submitted to the journal are subject to double blind peer review. All papers without the author's name are sent to independent anonymous reviewers. The Editorial Board will decide on publishing only those papers that have received two positive reviews. Among reviewers are leading scholars of Russian universities and institutes of the Russian Academy of Sciences as well as international experts in history, ethnology, archaeology, and international relations.

Formatting Guidelines

Papers are to be submitted in an electronic format.

Text shall be typed in MS Word (*.docor *.rtf), **Times New Roman**, 12 pt, single line spacing, all margins 2 cm, indention 0,5 cm.

The title page shall contain the Universal Decimall Classification number (**UDC**) and all of the following is to be indented:

Author details (to be provided on a separate / title sheet)

- Author's full name (last name, firstname, patronym), in both Russian and English (please note that ***theauthor's last name is to be givenon the title page only****. The first page shall contain the title of paper and not the author's name or any other details of his / hers!)*
- Academic degree, academic title;
- Place of work / study and position; please provide official name of your organization in English as well;
- E-mail;
- Postal address;
- Telephone (office and, if possible, cell phone number to facilitate communication);

Paper details:

- Title of paper in both Russian and English;
- Summary of paper in both Russian and English (up to 250 words each);
- Key words in both Russian and English.

When writing a summary, we kindly ask authors to keep it clear,simple and concise. The summary shall contain the statement of a problem, how it has been dealt with and discussed in academia, as well as sources and methods for research, research results showing your contribution to the existing knowledge, and conclusions. Please stick to the proposed paper structure so as to facilitate your work and that of the Editorial Board.

Page numbering is consecutive, starting from the first page, at the bottom, centered.

Structuring the text. To better structure and present your paper, please divide the text into separate parts, each with its own subheading like «Introduction», «Conclusions» and any other which you might find necessary or useful to have.

Illustrations (drawings, tables, graphics, diagrams, etc.) are to be submitted in separate files. Drawings / pictures shall be presented in black-and-white, *fullcolour illustrations are so far accepted only for papers on ethnological or archaeological topics.* Illustrations should be in TIFF or JPEG format, at least 400 dpi. Please do not insert illustrations in the text, instead indicate Fig. 1, Fig. 2 etc. in between paragraphs, and providetitles of pictures.

Illustrative material submitted without a written permission ofits author or copyright holder will not be accepted for publication.

If using additional **fonts**, please submit themin a separate file, too.

References

1. To ensure better meeting the requirements of blind anonymous peer-review,when submitting your manuscript to the Editorial Board for the first time, please avoid self-citation and leave footnotes referring to your works blank. Once your manuscript is accepted for publication, you will be able to put those back in your paper.

2. When citing a foreign paper, Russian transcription of its author's last name withtheLatin spelling in brackets are to be provided in the text.

3. To save space, if the author's name has already been mentioned in the text, please indicate only the year of publication put in brackets after the author's name, when referring to his / her paper: «In his paper V.Ya. Propp (1955) analyzes…»

4. In all other cases the author's last name and year of publication shall be given in brackets without a comma: (Balzer 2011); if there are two authors, last names of both are to be given, in case there are three authors, last names of all the three are to be given only if mentioned in the text for the first time (Ivanov, Petrov, Sidorov 1980), and afterwards onlythe "et al" is to be put (Ivanov et al. 1980). When referring to a paper by more than three authors, please put the "et al" even if it is the first mentioningof it in the text.

5. When referring to works by several authors, indicate their names separated by a semicolon: (Anokhin 1924; Potapow 1963). When referringto several papers by the same author, years of publication shall be separeted by a comma followed by a space: (Batyanova 1987, 2005).

6. When citing collective works, it is sufficient to indicate the title's first word or a few words and the year of publication. For example, a reference to the book «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» may be put like this: (Wege zum Norden… 2013).

7. If the date of publication is unknown, please indicate «s.d.» (sine data) and if the publication is currently in press, put «in press»: (Ivanov, s.d.) and (Petrov, in press).

8. Page numbers shall be providedafter the year of publication separated by a colon: (Bellah et al. 2008: viii).

9. If you are placing several references to the same paper within a paragraph, it is sufficient to only indicate relevant page numbers of that paper when mentioning it for the second, third time and so on, e.g. (Schiller 2011: 192) – when referring for the first time and (193–194) – in case of second mentioning etc.

10. Range of pages and dates are to be indicated by an en dash: 99–102, 1985–1990.

11. Numbers in a rangeof pages shall be given in full: 124–128, and not 124–28.

12. References to archival documents should contain abbreviated name of the archive, year of document / file and numbers of pages separated by a colon: (GATO 1899: 15). When citing a number of documents / files of the same archive and of the same year, it is necessary to indicate this using letters (e.g. 1899a, b, etc.) in the reference list and in references alike (e.g. GAOO 1909a: 13–14).

13. When citing periodicals, you should indicate the name of a periodical, year and date of publication (e.g. Siberian life 1917: 20 Aug.)

Reference list is to be provided at the end of the paper. Samples:

For monographs:

Putilov B.N. Folklore and people's culture. SPb.: Nauka, 1994.

For papers:

Shakhovtsov K.G. Is it a privilege to be Selkup? // The practice of post-Sovietadaptation of peoples of Siberia: Collection of papers / Editor-in-Chief D. Funk, H. Beach, L. Sillanpyaya. M.: IEARAS, 2006. pp. 157–172.

Diekof f A., Phillipova E.I. Rethinking nations in the "post-national" era // Ethnographical Review online. 2014. № 1. pp. 193–199 (http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

For archive sources (with an indication of archive file number and year):

State Archive of the Tomsk region (GATO). F. 234. Op. 1. D. 135. Statistics on Tomsk province *inorodtsy* for the year 1889.

For periodicals:

Vostochnoe obozrenie. Irkutsk, 1906.

Notes are to be given as endnotes using Arabic numerals. Numbering is consecutive, starting from number 1.

If using acronyms / abbreviations in the text, please provide a list of them separately.

When sending your files, please put them all (including the title page, the text itself, additional fonts, illustrations, list of illustrations, list of acronyms / abbreviations and other related files) in one archive folder using WiZip or WinRar (Ivanov.zip or Ivanov.rar).

Copyright

Once having agreed to publish his / her paper in the journal, the author (unconditionally reserving the copyright) grantsto the journal the right to the first publication based on the Creative Commons Attribution License which allows others to usehis / her paperprovided there is a reference made to the author of the original textand to the original journal publication.

Ethics

In its publishing activity, the Editorial Board relies on the Code of Conduct COPE (CommitteeonPublicationEthics) http://publicationethics.org/resources/code-conduct

Address for the submission of papers and materials

Please send your materials and papers to the following address:

shrjournal@gmail.com, having copied the email to d_funk@iea.ras.ru – Dmitri Funk, Editor-in-Chief.

Научный журнал

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

2017. № 4

Редактор Ю.П. Готфрид
Корректор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик Е.М. Карагеоргий

Подписано в печать 26.12.2017 г.
Формат 70x108 1/16. Усл. печ. л. 22,5. Гарнитура Times.
Тираж 100 экз. Заказ № 2956. Цена свободная.

Дата выхода в свет 12.01.2018 г.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru